

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ТАГИЛЬЦАМ
- ЖЕРТВАМ
РЕПРЕССИЙ
1917-1980 ГГ.

КНИГА ПАМЯТИ

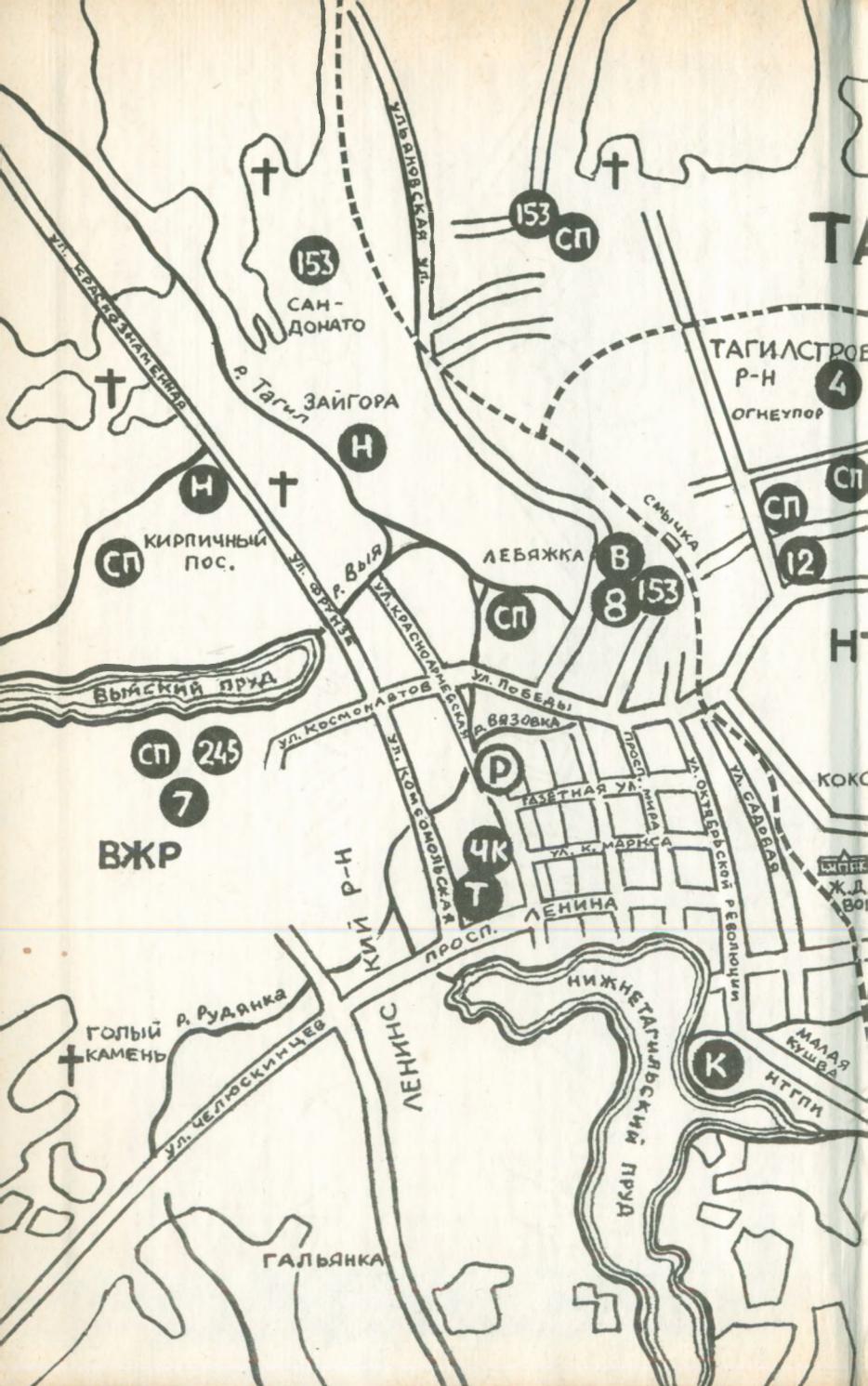
КНИГА ПАМ'ЯТИ

ПОСВЯЩАЄТЬСЯ
ТАГИМЪЦЯНАМ
— ЖЕРТВАМ
РЕПРЕСІЙ
1917 — 1980 РР.

КНИГА ПАМ'ЯТИ

Т

153 СП

153
САН-
ДОНАТО

ТАГИЛСТРОЕ
Р-Н 4
ОГНЕУПОР

ЗАЙГОРА
Н

СП
КИРПИЧНЫЙ
ПОС.

ЛЕБЯЖКА
СП
В
8
153

СП
12

ВЫЙСКИЙ ПРУД

СП 245
7

ВЖР

УЛ. ПОБЕДЫ
УЛ. ВЯЗОВКА
УЛ. КАСЕТНАЯ
УЛ. К. МАРКСА
ЛЕНИНА
ПРОСП.

Р

ЧК
Т

КОКС
Ж.Д.
ВОИ

УЛ. САДОВАЯ

К
ИТГПИ

ГОЛЫЙ
КАМЕНЬ
р. Рудянка

НИЖНЕТАГОВСКИЙ ПРУД
МАЛАЯ
КУША

УЛ. КОСМОДРОМСКАЯ
УЛ. КОСМОДРОМСКАЯ
УЛ. КУЙВИ

ГАЛЬЯНКА

СЕВЕРНЫЙ

АГИЛЛАГ

ЗАВЯЗОВСКАЯ

ОЕВСКИЙ

12

сп ← ТЕХПОСЕЛОК

у

153 5 6

пос. ТЭЦ

НТМК

сп

сп

сп

УВЗ

с

3

ю

в

р. Ватиха

КСОХИМ

сп 3

р. МАЛАЯ КУШВА

УЛ. МИЧУРИНА

УЛ. ЮНОСТИ

ПРОСП. ВАГОНОСТРОИТЕЛЕЙ

245

245

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПРОСП.

ПРОСП. З АРЬ

Д. ВОКЗАЛ

пт

2

АЗЕРЖИНСКИЙ Р-Н

+

п

1

НОВАЯ КУШВА

АЛТАЙСКАЯ

сп

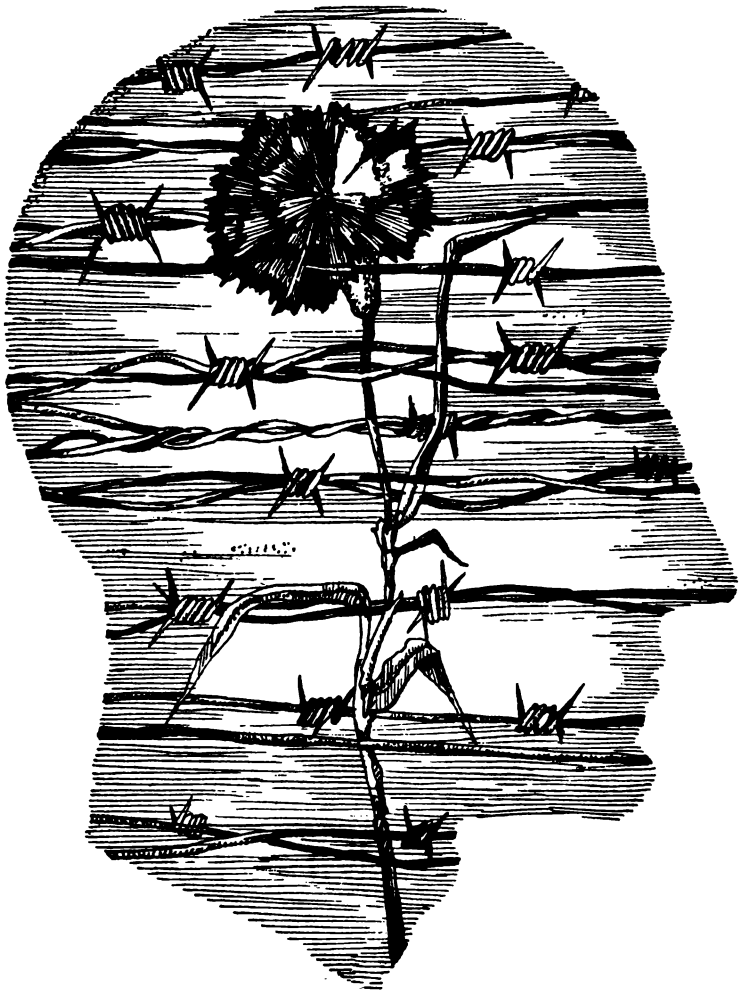
ПИХТОВАЯ ГОРА

р. БОЛЬШАЯ КУШВА

КНИГА ПАМЯТИ

НИЖНЕТАГИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТАГИЛЬЧАНАМ —
ЖЕРТВАМ РЕПРЕССИЙ
1917—1980-х ГОДОВ

КНИГА ПАМЯТИ

ЕКАТЕРИНБУРГ
УИФ «НАУКА»
1994

К 532 Книга памяти/Сост. и вступ. ст. В. М. Кириллова.
Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994.

Рассмотрено становление и развитие репрессивной системы в Нижнем Тагиле в период с 1917 по 1980-е годы. В первой части книги показан процесс формирования системы репрессий начиная с террора времен гражданской войны и кончая борьбой с инакомыслием в 50—80-е годы. Вторая часть посвящена судьбам 167 тагильчан — жертв ГУЛАГа. Впервые публикуются мемуары узников Тагиллага и серия рисунков члена Союза художников РФ М. В. Дистергефта «В те годы». Завершается книга документальным приложением, которое содержит уникальные фотографии и копии архивных материалов по истории репрессий в Нижнем Тагиле и округе.

«Книга Памяти» — научно-публицистическое издание, основанное на богатом краеведческом материале. Оно адресовано преподавателям отечественной истории и массовому читателю.

Составление, подготовка текста,
вступительная статья **В. М. Кириллова**

Авторы разделов: **М. В. Дистергефт** — член Союза художников РФ, **И. В. Злобина** — директор Нижнетагильского филиала государственного архива Свердловской области; **В. М. Кириллов** — зав. кафедрой всеобщей истории Нижнетагильского государственного педагогического института; **Д. Н. Кирилов** — историк-краевед; **И. Т. Коверда** — краевед; **В. В. Чевардин** — историк-краевед. Автор-составитель карты Тагиллага **В. М. Кириллов**.

Художник **Н. П. Бортинова**

Фото **И. Т. Коверда**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Становление и упрочение советской социалистической системы с первых дней ее существования было связано с комплексом насильственных, репрессивных мер воздействия на различные слои населения. Это оказало существенное влияние на социально-демографическую ситуацию в стране, нарушило веками складывавшиеся морально-этические традиции народа, подорвало основу хозяйствования и предпринимательства, привело к отчуждению собственника от средств производства и результатов его труда. Вместе с тем до сих пор многие факты, связанные с механизмом осуществления репрессий и их социальными и экономическими последствиями, остаются неизвестными широкому кругу читателей. Настало время рассказать и о тех нечеловеческих условиях, в которые попали миллионы людей, ставших безвинными жертвами репрессивной системы.

Авторский коллектив предлагаемой книги поставил перед собой благородную цель — на основе многочисленных фактов, чаще всего впервые публикуемых в печати, показать процесс становления и развития репрессивной системы в условиях Нижнего Тагила, а также познакомить с судьбами многих жертв репрессий — тагильчан и узников Тагиллага.

Большой интерес представляют разделы книги, посвященные террору в годы гражданской войны и рассказывающие о лишении значительной части населения избирательных прав в 1920—30-е годы. В категорию лишенцев попали лица духовного сана — монахи и служители различных религиозных культов; граждане, занимавшиеся торговлей в период нэпа; крестьяне из числа раскулаченных; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранный отделения; все лица, прямо или косвенно руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов, а также участвовавшие в контрреволюционной деятельности против советской власти; осужденные, в том числе репресси-

рованные по политическим мотивам. Не менее драматичны сюжеты, связанные с лагерями смерти, а также репрессиями военного и послевоенного периода. Несомненное достоинство книги — публикация многочисленных фактов, относящихся к конкретным персоналиям.

Материал, собранный в процессе подготовки книги, разнообразен и обширен. Думается, публикация вызовет очень много откликов, особенно среди тех людей, которые непосредственно были жертвами насилия и произвола.

Доктор исторических наук *Т. И. Славко*

В том, что книга написана и увидела свет, заслуга многих. Авторы выражают благодарность за помощь в сборе материала коллективу сотрудников Музея боевой и трудовой славы УВЗ во главе с Е. З. Щелгачевой, кандидату философских наук, доценту НТГПИ И. И. Кроневальду, руководителю культурного центра немцев России «Возрождение» И. И. Брауну, составителю рукописного варианта «Книги Памяти» члену общества «Мемориал» Э. П. Дистергефт, сопредседателю общества «Мемориал» Л. А. Халтуриной, фотографам АО Уралхимпласт Т. Н. Дубинину и В. М. Сонину и всем тем, кто принимал участие в работе над книгой. Особая наша признательность — Н. Н. Диденко — главе городской администрации Нижнего Тагила — за помощь в издании «Книги Памяти».

Спонсоры издания:

администрация г. Нижнего Тагила, АО Нижнетагильский металлургический комбинат, рудник им. III Интернационала, инвестиционная компания «Грин», хладокомбинат г. Нижнего Тагила, нижнетагильский филиал Уралкомбанка, АО Уралхимпласт, политехническая гимназия.

ВВЕДЕНИЕ

По данным областного центра реабилитации жертв политических репрессий, по Свердловской области подлежат реабилитации 2 971 945 человек, пострадавших с 1917 по 1992 г. Значительная часть репрессированных — тагильчане. Нижний Тагил до сих пор является центром лагерей и спецкомендатур, его население более чем на треть состоит из бывших спецпереселенцев и их потомков. Сегодня в Нижнем Тагиле значительно больше репрессированных, чем в нескольких городах области вместе взятых; их число он выделяется и в масштабах России. В областных архивах только по узникам Тагиллага (существовавшего с 1941 по 1953 г.), осужденным по 58-й статье, насчитывается 187 057 дел, и в каждом из них — судьбы от одного до 15 человек.

При написании «Книги Памяти» мы ставили двойную цель: во-первых, на строго документированном материале проследить основные этапы становления и упрочения репрессивной системы; во-вторых, восстановить память о тагильчанах — жертвах репрессий. Мы сделали попытку ликвидировать пробел в историческом самосознании жителей Нижнего Тагила, вспомнив тех, кто создал индустриальную мощь нашего города, его культурные и духовные ценности и был безжалостно вычеркнут из официальной истории Отечества.

Мы обращаемся к судьбам разных людей, затрагивая существо многих проблем: государственно-правовой, национальной, религиозной, социально-экономической и культурной. Анализируя воздействие репрессивной системы на население Нижнего Тагила, мы в максимальном приближении видим историю тех людей, которые дали нам жизнь и заложили в нас потенциал возможностей, реализуемый сегодня.

Террор и репрессии наложили неизгладимый отпечаток на тагильчан, причем отпечаток этот двоякого свойства. С одной стороны, Нижний Тагил — мрачный город тюрем, лагерей и спецкомендатур с повышенной криминогенной

опасностью, перегруженный индустрией, поставившей людей в положение заложников экологической катастрофы, город с аурой грязно-серого цвета, пронизываемой всполохами зла и ненависти. Причина этого в том, что советский Тагил построен руками людей, униженных и раздавленных тоталитарным государством. С другой стороны, Нижний Тагил — город с огромным творческим потенциалом, активной духовной и культурной жизнью, многими тысячами высококвалифицированных рабочих и специалистов, людей науки и искусства, которые способны решать самые сложные задачи. Сюда в 1920—1940-х годах этапированы лучшие люди со всех концов страны, и именно их рукам и творческой мысли мы обязаны всем лучшим в истории города.

«Книга Памяти» написана на основе солидной документальной базы. Основными источниками при ее подготовке послужили: материалы бывшего партархива Свердловской области, фондов Государственного архива Свердловской области, его Нижнетагильского филиала (НТФ ГАСО), архивов городского общества «Мемориал» и культурного центра немцев «Возрождение», рукописного журнала «Тагильский краевед», мемуары и устные свидетельства репрессированных тагильчан, публикации в местных и центральных газетах и журналах.

При разработке темы внимательно изучена краеведческая литература по истории Нижнего Тагила в советский период. В результате ее прочтения сделан ряд выводов. Во-первых, во всех книгах, за единственным исключением¹, процесс развития города после 1917 г. изображен как непрерывный прогресс в экономике, политике, идеологии и уровне жизни тагильчан. Во-вторых, фактически не анализируются объективно социальный состав и географическое «происхождение» кадров на стройках-гигантах первых пятилеток; скрывается тот факт, что промышленные объекты в большинстве своем возведены руками репрессированных. В-третьих, совершенно обойдена тема репрессий 1930-х годов. Только в последнее время делаются первые шаги в изучении этого трагического периода².

Анализируя воздействие режима большевистской диктатуры на социальное и правовое положение населения

---

¹ «Тагильский краевед». Альманах. Нижний Тагил, 1992.

² См. воспоминания репрессированных в журнале «Тагильский краевед» и в указанном альманахе

Нижнего Тагила, мы выявили ряд закономерностей и особенностей. В городе, по данным на 3 марта 1926 г., проживали 30 908 человек, а в Нижнетагильском округе — 437 760 человек³. Из всех жителей города на промышленных предприятиях работали около 14 тыс. человек⁴. Численность населения и его социальная структура соответствовали уровню социально-экономического развития города и округа. Однако следует отметить, что Тагил, как и вся страна, испытывал явную нехватку квалифицированных кадров всех профессий. Это было вызвано политикой истребления так называемых эксплуататорских классов в годы гражданской войны. Суммарные потери на фронтах первой мировой и гражданской войн серьезно изменили социальную и профессиональную структуру Нижнетагильского округа.

Правовое положение населения определялось основными большевистскими декретами. Постановление о красном терроре породило серию соответствующих актов советской власти. С 1918 г. началось создание концлагерей, в 1919 г. сформировалось Главное управление мест заключения; к 1921 г. в стране насчитывалось около 130 лагерей. В 1920—1922 годах в Нижнем Тагиле действовал концлагерь № 2. Политика террора нашла закрепление в Уголовном кодексе 1922 г.

Большевистская диктатура зорко следила за своими врагами и после окончания гражданской войны. ОГПУ создало систему контроля за настроениями населения и быстро пресекало инакомыслие, не останавливаясь перед физической расправой. В советских учреждениях, на предприятиях организовывались «бюро содействия органам ГПУ на местах», действовавшие конспиративно в условиях мирного времени. Вот некоторые пункты из положения ГПУ о «Бюро содействия по Нижнетагильскому уезду» от 1922 г.: «...Члены "Бюро содействия" занимаются собиранием сведений о всякого рода явлениях анти-советского характера, выявлением контрреволюционного элемента... при выявлении сообщают Уполномоченному Губотдела ГПУ для взятия таковых на учет, а по мере надобности для привлечения к ответственности... члены "Бюро содействия" не должны себя выдавать... членам "Бюро содействия" надлежит подписываться фиктивными

---

³ НТФ ГАСО Ф 70. Оп. 2. Д. 23. Л. 149; Там же. Ф 22. Оп. 1 Д. 140.

⁴ «Рабочий» 1930. 24 окт

фамилиями, каковые назначаются председателем
"Бюро..."»⁵

Органы ОГПУ стояли выше закона и не подчинялись конституции. Кроме многих других документов, это подтверждает, например, циркуляр отдела охраны труда ЦКТ СССР от 8 августа 1924 г. «О нераспространении законодательства о труде на некоторые категории сотрудников ГПУ». В нем говорилось: «...Учреждений ГПУ надзор инспекции по труду не должен совершенно касаться». В циркуляре предлагалось дать соответствующие указания инспекторам труда⁶.

С началом нэпа масштабы террора в стране значительно сократились, однако это было лишь временным затишьем. Общество находилось под пятой государства, контролировалось тайными и явными агентами ОГПУ, на всех инакомыслящих и инакодействующих составлялись черные досье, средства массовой информации постоянно напоминали «врагам народа» о висящем над ними дамокловом мече революционной бдительности. Многие граждане страны были лишены избирательных прав.

Во второй половине 1920-х годов в стране наблюдались признаки «великого перелома». Нужно было срочно решить ряд социалистических задач: преодолеть наследие прошлого — «частнособственнические инстинкты» (а следовательно, свернуть нэп), провести форсированную индустриализацию и завершить культурную революцию. После недолгих дискуссий были выбраны методы и средства — уничтожение крестьянства ради городской индустрии, формирование системы принудительного труда для решения кадровой проблемы на великих стройках.

Вот следы воздействия «великого перелома» в Нижнем Тагиле. В 1928 г. в городе был составлен новый список лишенных избирательных прав. Он включал 817 человек, или 2 % населения. Исходя из анализа списка приходим к выводу, что основной удар государство направило против торговцев, промышленников, предпринимателей и их родственников. Лишение избирательных прав носило ярко выраженный политический характер.

В 1929—1936 годах прошла следующая волна лишений избирательных прав. Комплектование новых списков лишенцев происходило теперь в основном за счет крестьян-

---

⁵ НТФ ГАСО. Ф.56. Оп.1. Д.15. Л.36.

⁶ Там же.

ского, «кулацкого» элемента. В город с этого времени направлялся многочисленный и регулярный поток спецпереселенцев для обеспечения строительства вагонного и металлургического заводов. Рабочие и инженерные кадры Нижнего Тагила в начале 1930-х годов были укомплектованы за счет спецпереселенцев (вербованных партийными, комсомольскими, государственными и полицейскими органами), иностранцев-добровольцев и иностранцев-специалистов, работавших по контракту. Население города и района быстро увеличивалось. По данным городской статистики, в 1933 г. в Нижнем Тагиле проживали 115 085 человек, в районе (который заменил округ в 1931 г.) — около 18 000. Основная часть рабочей силы — спецпереселенцы — жила в рабочих поселках, обнесенных колючей проволокой и охраняемых по периметру.

На рубеже 1920—30-х годов в городе и районе, как и по всей стране, началось преследование церкви и священнослужителей. За время с 1928 по 1936 г. за веру пострадало 150 человек, большая часть из них (87) — священнослужители⁷. Шло массовое закрытие и разрушение церквей. Если в 1926 г. в Нижнем Тагиле их насчитывалось восемь, то к концу 1930 г. почти все церкви были разрушены. Одновременно с середины 1930-х годов разворачивалась и кампания массовых репрессий.

В 1936—1938 годах масштабы репрессий в городе и районе резко расширились. В 1937 г. арест для половины жертв заканчивался высшей мерой наказания. Лавина репрессий стремительно нарастала и достигла пика в январе 1938 г. Репрессии середины 1930-х годов замкнули для многих тагильчан адом круг насилия: лишение гражданских прав в 1920-е годы, раскулачивание и ссылки на рубеже 1920—30-х годов, аресты и расстрелы в 1937—1938 годах. Еще до войны Нижний Тагил стал городом репрессированных.

В конце 1930-х — начале 1940-х годов тоталитарный режим усилился, что сказалось и на положении тагильчан. В годы войны город перешел на казарменное положение. Индустриальные гиганты начинали буквально задыхаться от недостатка рабочих. Для ликвидации дефицита рабочей силы и был создан такой монстр, как Тагилстрой-Тагиллаг НКВД. На основных стройках

---

⁷ Подсчет произведен по спискам лишенных избирательных прав в городе и районе с 1928 по 1936 г. Понятно, что эта цифра минимальна и показывает лишь «верхушку айсберга».

и производствах 1940-х годов преобладал труд заключенных. Судя по некоторым данным, в 1940-е годы в Нижнем Тагиле проживали более 500 тыс. человек, город стал поистине интернациональным. Миграционные процессы протекали весьма бурно: в 1942 г. прибыли около 6000 советских немцев; сформировалась рабочая колонна из сотен поляков; сюда были заброшены и обречены на умирание жители Средней Азии (узбеки). С 1943 г. в Нижний Тагил начали завозить военнопленных: немцев, итальянцев, австрийцев, венгров, японцев; после войны — интернированных из Восточной Пруссии.

Через Тагиллаг с 1941 по 1953 г. прошли более 140 тысяч узников. И хотя он прекратил свое существование, но не ушел из города, оставив после себя около десятка ИТЛ и множество спецкомендатур. Нижний Тагил стал мрачным символом тоталитарного режима — городом лагерей, населенным людьми с раздавленным прошлым, духовно и физически больными, лишенными будущего.

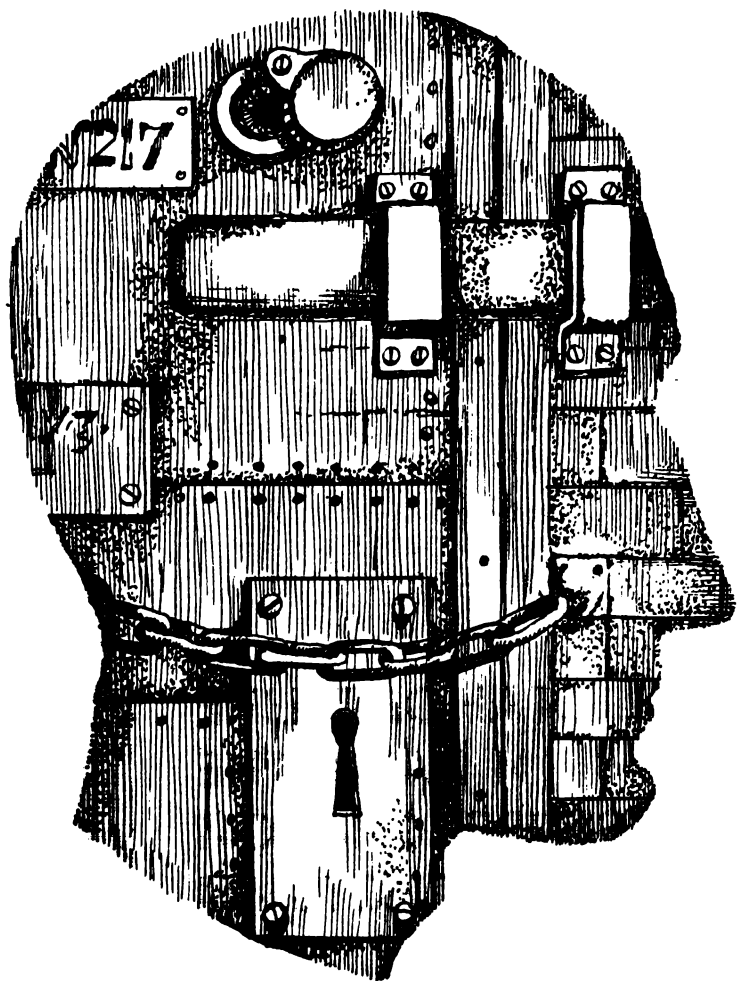
Вместе с тем в потоке репрессированных было множество талантливых людей с высокой квалификацией. В 1920-х годах инженер Александров умело решал энергетические проблемы Тагила, в годы первых пятилеток Давыдов, Павлоцкий, Марьясин и другие специалисты занимались сложнейшими вопросами развития Высокогорского железного рудника (ВЖР), строительства Уральского вагоностроительного завода (УВЗ) и Нижнетагильского металлургического завода (НТМЗ). В годы войны заключенные в тагильских «шарашках» делали уникальные открытия и изобретения, приближая победу над фашизмом. Среди сосланных в Тагил советских немцев оказались люди, известные ныне всей стране, — академик Б. В. Раушенбах, профессор О. Н. Бадер, хирург Т. А. Грасмик и многие другие. Культура города в конце 1940-х — начале 1950-х годов расцвела благодаря творчеству людей, униженных в своем Отечестве, но не потерявших высоких духовных устремлений. Индустриализация и война сформировали Нижний Тагил, его население примерно в том виде, какой мы наблюдаем сегодня.

Давление репрессивной системы продолжало ощущаться в городе и в 1960—1980-х годах. Свидетельства тому — дело тагильских баптистов (1967 г.), судьба В. Ф. Морозова, арестованного по политическим мотивам и скончавшегося в психиатрической больнице в 1989 г.

**СТАНОВЛЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ
РЕПРЕССИВНОЙ
СИСТЕМЫ
ЧАСТЬ**

§ 1. ТЕРРОР В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

«Но твердо зная правду класса,
Они, не зная правд иных,
Давали сами нюхать мясо
Тем псам, что после рвали их»

НАУМ КОРЖАВИН

Объективные обстоятельства российской истории вызвали три кровавых взрыва — три революции. Цена человеческой жизни в годы первой мировой, а затем гражданской войны упала необычайно низко. Тонкий слой культуры был моментально сметен в массовой звериной драке за власть: Бывшие правители России не смогли решить острые проблемы народной жизни и в состоянии полной растерянности лишились государственных кресел.

Трагизм истории страны ярче всего проявился в расколе ее народа по так называемому классовому принципу. Нужно признать, что догматическое толкование классовой теории марксизма сыграло в судьбе России зловещую роль. Уже к осени 1917 г. буржуазная демократия в нашем отечестве оказалась в состоянии глубочайшего кризиса и ее символ — Временное правительство потеряло доверие народных масс. С этого момента страна была обречена на диктатуру. После октября 1917 г. стало ясно, что эта диктатура станет однопартийной, опирающейся на меньшинство населения — малоквалифицированный пролетариат, люмпенов и беднейшее крестьянство. Такая форма власти неизбежно связана

с открытыми формами террора. Дух насилия пропитал всю общественно-политическую атмосферу революционной России. Белое и красное движения почти в равной степени создавали благоприятную почву для установления жестокой военной диктатуры. Призывы к гражданской войне раздавались с обеих сторон, террор не отрицался ни большевиками, ни контрреволюцией¹

Однако особенно широко террор развернулся после убийства Володарского, Урицкого и покушения 30 августа 1918 г. на жизнь Ленина. 5 сентября 1918 г. Совет народных комиссаров принял постановление № 710 «О красном терроре». В нем ставились задачи изоляции классовых врагов в концлагерях и расстрела всех, кто имел отношение «к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»² Весьма характерно понимание этого постановления как в центре, так и на местах. Лацис, член коллегии ВЧК, советовал: «Не ищите в деле обвинительных улик: восстал ли он против Совета с оружием или на словах. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны разрешить судьбу обвиняемого»³.

Уже 10 сентября 1918 г. в «Известиях Пермгубисполкома» (№174) был напечатан приказ наркомвнудела Петровского о применении мер массового террора к контрреволюционерам и о необходимости взятия на местах заложников из буржуазии и бывших офицеров. В связи с этим приказом и военным положением в Нижнем Тагиле были взяты под арест заложники из местной «буржуазии». В ночь с 15 на 16 сентября 1918 г. расстреляли 15 нижнетагильских инженеров и техников, в основном представителей партии «Народная свобода», и сбросили их тела в отработанную шахту горы Высо-

---

¹ «6 мая 1918 г. кулацкий съезд в Новоузенске постановил расстрелять всех большевиков. 9 мая в Александров-Гае казаки убили всех сдавшихся в плен красноармейцев (96 человек), раненых засыпали землей в общей яме. Всего белые расстреляли в селе 675 человек. Ужасы белого террора сопровождали 16-дневный мятеж, поднятый главарями «Союза защиты родины и свободы» в Ярославле... В июле 1918 г. в Екатеринбурге были расстреляны Николай II и члены царской семьи...» Широко применялся красный террор в январе 1918 г. в боях большевиков за Украину (Жарова Л. Н., Мишина И. А. История Отечества. М., 1992. С. 178, 204)

² Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1918. 10 сент. № 195.

³ Красный террор (Казань) 1918 1 нояб

кая. В журнале «Уральский техник» сообщалось о том, что советской властью убиты: А. Ф. Башкиров, Е. С. Бурдаков, А. А. Белоусов, Дячков и др.⁴

Развертывание гражданской войны, активизация контрреволюционной деятельности вызвали формирование системы различных чрезвычайных органов — ревкомов, военно-революционных судов, следственных комиссий. Как известно, 27 мая 1918 г. начался чехословацкий мятеж, послуживший сигналом для подъема контрреволюционных сил. В июне 1918 г. в Невьянске вспыхнул антисоветский мятеж, основной силой которого были крестьяне. В ответ на это большевики объявили в Верхотурском уезде (в состав которого входил Нижний Тагил) военное положение, в городах и поселках создавались Чрезвычайные следственные комиссии по борьбе с контрреволюцией. 4 июня 1918 г. была организована уездная ЧК, в которую вошли Постников, Бессонов, Гасилов; создан военно-революционный суд из Верхотурского уездного штаба, Нижнетагильского районного и областного штабов.⁵ В состав этого суда вошли Ершов, Крайзе, Бабулин, Полуэктов, Шулепов.⁶

Репрессивные функции выполняли и органы советской власти. Так, в «Известиях Уральского областного Совета рабочих и армейских депутатов» (№ 135) от 19 июля 1918 г. была опубликована резолюция съезда Советов Тагильского района: «Районный съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов постановил: 1. организовать беспощадную борьбу с малейшими проявлениями контрреволюции в округе; 2. поручить военному комиссару организовать обучение военному делу..., дабы в любой момент на местах выступить с оружием в руках на защиту Советов...» В решении волостного Совета рабочих и красноармейских депутатов от 16 июля 1918 г. говорилось: «...Лиц, не имеющих определенных занятий.. буржуа, лавочников и пользующихся наемным трудом, уклоняющихся от военной службы, как тунеядцев, лю-

---

⁴ Урал. техник. 1919. № 3—4. В результате кровавой вакханалии красного террора, по подсчетам следственной комиссии генерала Деникина, в 1918 г. было убито более 1 млн 170 тыс. человек. Списки планируемых расстрелов составлялись большевиками по всем губерниям. Десятки тысяч россиян попали в качестве заложников в лагеря.

⁵ НТФ ГАСО. Ф.93. Оп.1. Д.3. Л.21-об.

⁶ Там же Ф.9 Оп.1 Д.28. Л.56

дей вредных для общества заставить принудительно и немедленно работать»⁷.

В Нижнем Тагиле в здании бывшего банка (ныне ул. К. Маркса, 21) расположилась советская ЧК, а с октября 1918 г. и по 1919 г. здесь находилась колчаковская «чрезвычайка». В подвалах этого здания и напротив него проводились пытки и расстрелы. Недалеко располагалась Нижнетагильская тюрьма (за гостиницей «Северный Урал»), в застенках которой при колчаковцах сидели тагильчане, жители Верхней и Нижней Салды. Белые, занявшие Тагил 4 октября 1918 г., не ставили своей задачей подавление или уничтожение какого-то класса. Они пытались восстановить прежний строй. Основаниями для привлечения к судебной ответственности при них были принадлежность к большевистской партии, участие в работе советских органов, профсоюзов, сотрудничество с ними или даже сочувствие им, служба в Красной Армии на командных или политических должностях.

Материалы, сохранившиеся в архиве, создают картину законности власти Верховного правителя⁸. Однако нельзя забывать, что документы военных карательно-репрессивных органов практически не сохранились и действия этих органов далеко не всегда оформлялись документально. Известно, что в Нижнем Тагиле жертвами белогвардейского террора стали первый комиссар народного просвещения Н. В. Попов, 15-летний рабочий депо А. К. Паклин и многие другие. В документах сельских комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан имеются сведения о расстрелянных белыми красноармейцах: Н. И. Коновалове, В. И. Ефременкове, С. В. Климцеве⁹.

Очевидцы вспоминают, что с приходом белых в центре Нижнего Тагила была раскопана могила красноармейцев, погибших при подавлении контрреволюционного мятежа в июне 1918 г. Останки из захоронения вывезли на кладбище за Петровой горой. На этом кладбище рыли могилы для приговоренных к расстрелу. Предположительно, от рук колчаковцев в Тагильском и Надеждинском районах пострадало около 10 000 человек¹⁰. В Верхотурском же районе было расстреляно 138 чело-

⁷ Боташев Н. Тагил в годы гражданской войны // Тагил. рабочий 1959. № 135.

⁸ НТФ ГАСО. Ф.195. Оп.1. Д.2.

⁹ Там же. Ф.189. Оп.1 Д.894 Л1 — 1 об., 5.

¹⁰ Агеева А. Конец колчаковщины // Тагил. рабочий 1957 № 139

век¹¹. Испытали ужасы колчаковского застенка член участкового железнодорожного комитета, большевик, «красный комиссар телеграфа» Н. Е. Караваев, автор памятника «Павшим борцам за свободу» Н. А. Банников, а также Д. А. Крылов, В. Г. Копылов, Волгин, Шмаков, Леомов. В воспоминаниях участников гражданской войны указывается на жестокое обращение с заключенными тагильской тюрьмы юнкера Шабурова, поручика Шелагина, подпоручика Колышева¹². Члены Нижнетагильского ревкома Н. И. Бабин, В. Я. Котлашевский, И. Р. Носов свидетельствовали, что уходящими колчаковцами были отравлены несколько бочек спирта, в результате чего погибли 120 человек¹³.

После освобождения Нижнего Тагила и района от колчаковцев вновь были созданы волостные ревкомы. В городе появился Временный ревком — особый орган, наделенный военной и политической властью. Он выполнял функции административно-хозяйственного управления городом и просуществовал до 31 августа 1919 г. Теперь террор обрушился на тех, кто сотрудничал с Колчаком. Так, попал в концентрационный лагерь будущий директор краеведческого музея А. Н. Словцов за то, что его избирали в следственную комиссию при белых. Пострадали и многие другие тагильчане, о чем будет сказано ниже.

Сегодня мы располагаем чрезвычайно скупой информацией о терроре времен гражданской войны в Нижнем Тагиле. В ранее опубликованных работах, как правило, приводятся сообщения о зверствах колчаковцев, не подтвержденные фактами. В архивах сохранились только распорядительные документы органов власти и воспоминания участников гражданской войны, которые следует воспринимать весьма критически.

---

¹¹ НТФ ГАСО. Ф.189. Оп.1. Д.894. Л.16.

¹² Агеева А. Указ. соч.

¹³ НТФ ГАСО. Ф.21. Оп.1. Д.70. Л.341—341 об

§ 2. ИСТОРИЯ КОНЦЛАГЕРЯ НА МАЛОЙ КУШВЕ

В годы гражданской войны начали закладываться основы советской репрессивной системы. Репрессии не прекратились и после окончания войны. В. И. Ленин сделал решительный поворот в поисках верной линии развития революции — началась новая экономическая политика. Однако от террора большевики не отказались. При формировании первого советского Уголовного кодекса 1922 г. Ленин писал министру юстиции Курскому «... т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса... Основная мысль, надеюсь, ясна... открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор: обещать это было бы самообманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас...»¹⁴ Были, правда, попытки отменить смертную казнь в 1920 г., но вскоре она была восстановлена. Круг замыкался: внесудебное преследование сохранялось и было подтверждено статьями Уголовного кодекса¹⁵.

Система репрессивных мер государства расширялась, причем меры принудительного воздействия распространялись не только на тех, кто стоял в оппозиции к существующему строю. 2 сентября 1918 г. было принято постановление ВЦИК «О превращении Советской Республики в военный лагерь». Вводилась всеобщая трудовая повинность. Все граждане должны были беспрекословно выполнять любую работу по обороне страны, порученную им советской властью¹⁶. Лица, не подчинявшиеся политике военного коммунизма, подвергались беспощадным репрессиям. Декретом СНК от 5 февраля 1920 г. трудовым дезертирством признавались: уклонение от учета или регистрации органами, вводящими трудовую повинность, сокрытие своей специальности; уклонение от явки для назначения на работу лиц, призванных в по-

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 189

¹⁵ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917—1952. М., 1953

¹⁶ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 3

рядке трудовой мобилизации; самовольное оставление службы; неявка на работу без уважительных причин; всякое уклонение от исполнения трудовой повинности (подлог документов, занятие фиктивных должностей, симуляция болезни); неявка в органы учета и распределения рабочей силы¹⁷ Таким образом, любое уклонение от трудовой повинности признавалось трудовым дезертиством и преследовалось законом вплоть до заключения в концентрационный лагерь и отправки в штрафную роту.

Постановление «О красном терроре» положило начало созданию концентрационных лагерей. В 1919 г. было создано Главное управление мест заключения (ГУМЗ). В мае того же года ВЦИК издал постановление «О лагерях принудительных работ», в котором говорилось, что во всех губернских городах должны быть открыты лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 человек¹⁸. Всего на 25 ноября 1919 г. в стране были 21 лагерь и 16000 заключенных; к ноябрю 1920 г. число лагерей возросло до 84, а заключенных в них — до 59000. Уже к маю 1921 г. концлагерей насчитывалось 128, заключенных — примерно 100 000. В Екатеринбургской губернии было создано три концлагеря¹⁹.

На основании постановления губисполкома от 17 ноября 1920 г. в Нижнем Тагиле организовали Екатеринбургский концентрационный лагерь № 2²⁰. 21 ноября 1920 г. из Екатеринбургского концлагеря № 1 доставили в Тагил 420 заключенных. Всего же лагерь был рассчитан на содержание 500 человек. В соответствии с «Инструкцией о лагерях принудительных работ» в концлагере содержались «лица, совершившие различные преступления и проступки (обвиняемые в спекуляции, саботаже, преступлениях по должности и пр.), заведомые угнетатели, эксплуататоры труда и приверженцы... буржуазного и царского дворянского строя»²¹.

Циркуляр Наркомюста от 4 мая 1921 г. расширил категории заключенных: «К лагерью принудительных ра-

¹⁷ См.: Серп и молот. 1920. № 15—16.

¹⁸ Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. Вып. 20. С. 235.

¹⁹ Степанов В. Красный террор//Радуга. 1991. № 2. С.65; Телеграмма начальнику губернской милиции. Приказ по милиции республики № 90. 17 мая 1921 г. НТФ ГАСО. Ф.301. Оп.1 Д.6. Л.125—126.

²⁰ НТФ ГАСО. Ф.301. Оп.1. Д.1. Л.1

²¹ Там же. Д.6. Л.167

бот могут быть приговоряемы: а) ...уклоняющиеся от общественно-полезного труда.., б) лица, виновные в саботаже, в) мелкие спекулянты, г) контрреволюционеры, не представляющие явной опасности для Республики, д) незлостные дезертиры, не прибегающие в целях уклонения от воинской службы к подложным документам, е) труддезертиры, ж) лица, совершившие должностные преступления некорыстного характера». Все остальные подлежали отбыванию наказания в местах заключения, подведомственных Наркомюсту²².

В Екатеринбургском концлагере № 2 в Нижнем Тагиле отбывали наказание: осужденные в Тамбовской губернии — вероятно, участники крестьянского восстания под руководством А. С. Антонова (66 %), в центральных губерниях России — Московской, Смоленской и др. (9 %), Екатеринбургской, Пермской, Вятской и других губерниях Урала (12 %). Большинство заключенных были осуждены за дезертирство и бандитизм (около 75 %), значительно меньше — за контрреволюционные выступления и агитацию (6 %), остальные — за политическую неблагонадежность и службу у белых (по 2 %); были заложники-поляки (на время советско-польской войны) и некоторые другие категории заключенных²³.

Заключенные работали на внешних работах в различных организациях и на предприятиях города, а также в лагерных мастерских: портняжной, сапожной, кузнечно-столярно-слесарной. Кроме того, в лагере были своя прачечная и хлебопекарня. Лагерь располагался, по всей видимости, на территории закрытого в 1920 г. Скорбященского монастыря на Малой Кушве²⁴.

Для заключенных был установлен 8-часовой рабочий день. На каждого заводился лицевой счет, из общего заработка заключенного вычитались затраты на его содержание, расходы на содержание администрации лагеря, караула (но не более 3/4 зарплаты)²⁵. Скучное питание и антисанитарные условия приводили к высокой смертности в лагере. Только за две недели марта 1922 г. в лагере умерли 29 человек из 246 отбывавших наказание²⁶.

---

²² НТФ ГАСО. Ф.301. Оп.1. Д.6. Л.144—144 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л.51.

²⁵ Там же. Л.198 об.

²⁶ Там же. Д.11. Л.57

В целях исключения возможностей побега заключенных приказом Екатеринбургского губисполкома, губчека и губотдела принудительных работ от 27 мая 1921 г. была введена круговая порука. По этому приказу за каждого сбежавшего арестованного должны были быть расстреляны пять человек²⁷. Поводом для издания этого приказа, вероятно, послужил случай побега шести заключенных одного из екатеринбургских лагерей. В ответ руководством лагеря были расстреляны 25 заключенных офицеров в назидание другим²⁸.

Концлагерь № 2 подчинялся губернскому подотделу принудительных работ, а с 15 марта 1922 г. он стал филиалом Екатеринбургского концлагеря № 1. С 1 июля 1922 г. лагерь закрыли. Через него успели пройти 932 человека²⁹.

Однако сеть лагерей по стране не уменьшалась. Как мы хорошо знаем, в это же время создавался Соловецкий лагерь особого назначения. По некоторым данным, к сентябрю 1923 г. в 355 учреждениях ГУМЗ содержались 79947 заключенных³⁰.

С 1924—1925 годов в ОГПУ начало функционировать «Особое совещание» с правом внесудебного преследования и вынесения окончательного приговора. Около миллиона бывших членов оппозиции, специалистов промышленности и других репрессированных было брошено в тюрьмы, политизоляторы, отправлено в ссылку. В 1926 г. появился второй Уголовный кодекс РСФСР с печально знаменитой статьей 58, имевшей 14 подпунктов, и почти каждый из них грозил высшей мерой наказания. Эта статья формировала образ «врага народа»³¹. В 1931 г. было создано Главное управление лагерей (ГУЛАГ). За период с 1927 по 1936 г. приблизительно 1,5—2 млн человек погибли в концлагерях.

В Нижнем Тагиле с установлением авторитарного режима произошло весьма символическое событие — памятник Свободе, заменивший после революции монумент царю-освободителю Александру II, был разрушен и заменен на фигуру диктатора — И. В. Сталина.

---

²⁷ НТФ ГАСО. Ф.301. Оп.1. Д.6. Л.27, 326

²⁸ Степанов В. Указ. соч.

²⁹ НТФ ГАСО. Ф.301. Оп.1. Д.9. Л.17.

³⁰ Комсомольская правда. 1989. 29 сент

³¹ Уголовный кодекс. М., 1929.

§ 3. ЛИШЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Установка на борьбу с «врагами народа» возникла одновременно с Октябрьской революцией. Все мы, воспитанные на учебниках истории, комментировавших «Краткий курс истории ВКП(б)», знаем, что до принятия Конституции 1936 г. представители бывших эксплуататорских классов были лишены права голоса. Законность такого положения ранее не вызывала сомнений. И только сегодня за абстрактной категорией «эксплуататоры» мы увидели живых людей.

В июле 1918 г. пятый съезд Советов принял первую Конституцию, лишавшую (согласно ст. 65) избирательных прав значительную часть населения России (по современным подсчетам, около 20 %). Лишенными гражданских прав провозглашались выходцы из эксплуататоров, жандармы, полицейские, офицеры белой армии, попы, монахи, а по мере усиления сопротивления со стороны представителей небольшевистских партий, в том числе социалистической направленности, и их внесли в кадастр контрреволюционеров и классово чуждых элементов. После окончания гражданской войны продолжалась тактика массового лишения избирательных прав тех, кто стоял в открытой оппозиции или проявлял скрытое недовольство мероприятиями советской власти.

Политика лишения гражданских прав в те годы развивалась на основе логики революционной «законности» — наказывали тех, на кого указывала стрелка компаса пролетарской бдительности. Дело вершилось быстро, решительно, без «мелкобуржуазных колебаний». Например, под действие декрета «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей», принятого в 1921 г., попадали и «лица, выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения советской власти»³². Если учесть, что советская власть установилась не сразу на всех просторах России и то, что многие оказались за границей не по своей воле, можно понять полную абсурдность такого законоположения.

По инструкции 1921 г. избирательным правом не могли пользоваться: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие

---

³² Сборник документов по истории уголовного законодательства С.114

на нетрудовой доход, как-то: процент с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церковных и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, карательных отрядов, белогвардейской милиции, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными и умалишенными, а равно состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором; з) лица, возвратившиеся от белых и не приобретшие права гражданства»³³. В УК РСФСР 1922 г. (ст. 40) разъясняется, в чем может заключаться поражение гражданских прав: «в лишении на срок не свыше 5 лет активного и пассивного избирательного права; активного и пассивного избирательного права в профессиональные и другие организации; права занимать ответственную должность, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем и опекуном»³⁴. В этом же году декрет ВЦИК призвал к высылке «деятелей антисоветских политических партий»³⁵. Законодательство Российской республики угрожало верующим и церкви, карая принудительными работами, ликвидацией и конфискацией имущества те религиозные и церковные организации, которые рискнули присвоить себе права «юридических лиц»³⁶. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. в перечень поражения прав были внесены дополнения: «право носить почетные звания» и «родительские права»³⁷. Наиболее полным такой кадастр стал в 1930 г., когда в него добавилось положение о лишении «права на пенсии, выдаваемые в порядке социального страхования и государственного обеспечения, и на пособие по безработице, выдаваемое в порядке социального страхования»³⁸. Стоит ли говорить о том, что даже это отнюдь не гуманное законода-

---

³³ НТФ ГАСО. Ф.99. Оп.1. Д.174. Л.1

³⁴ Сборник документов по истории уголовного законодательства С.121.

³⁵ Там же. С.149

³⁶ Там же С.131

³⁷ Там же С.245

³⁸ Там же

тельство повсеместно нарушалось в сторону ужесточения мер против любого проявления инакомыслия.

Почти все эти ограничения в правах, относящиеся к сфере уголовного законодательства, имели прямую связь с политикой. Десятки тысяч граждан России, а затем СССР лишались гражданских прав на многие годы отнюдь не за то, что представляли угрозу своему Отечеству.

В инструкции Нижнетагильской избирательной комиссии по перевыборам в сельские, волостные, городские, фабрично-заводские и приисковые Советы указывалось, что «сельские избирательные комиссии при выборах должны строго руководствоваться Советской Конституцией... наблюдая за тем, чтобы голосовали только те, кто имеет на это право... и не допуская к выборам кулаков, торговцев, контрреволюционеров и др.»³⁹ Круг лишенных избирательных прав постепенно расширялся. При проведении перевыборов Тагильского горсовета в 1928—1929 годах количество лиц, лишенных избирательных прав, по сравнению с 1926—1927 годами увеличилось на 69,4 %. Всего во время перевыборной кампании был дополнительно выявлен и лишен избирательных прав 81 человек⁴⁰.

В Нижнетагильском филиале ГАСО сохранился обширный комплекс документов о лишении граждан избирательных прав. Обратимся к их анализу.

Рассмотрим социальный состав лиц, лишенных избирательных прав по Нижнему Тагилу, человек⁴¹:

Социальные категории лишенцев	Годы лишения прав	
	1928	1929—1936
Бывшие белые офицеры и члены следственных комиссий	13	93
Административно-ссылные	24	38
Полиция, жандармерия, стражники	33	35
Служители религиозного культа	37	71
Лишенные избирательных прав по суду	49	60
Промышленники и предприниматели, использовавшие наемный труд	62	49
Торговцы и их иждивенцы	594	648
Кулаки и члены их семей	1	651
Спецпереселенцы	—	8
Кустари, ремесленники и старатели	—	99

³⁹ НТФ ГАСО. Ф.99. Оп.1. Д.4. Л.16.

⁴⁰ Там же. Ф.70. Оп.1. Д.1826. Л.99

⁴¹ Там же. Ф.70. Оп.1; Ф.21 (предметный указатель)

Умаленные	1	—
Ошибочно внесенные в списки	3	70
Итого	817	1714

Лишенных избирательных прав по списку 1928 г. в городе насчитывалось 817 человек. Из приведенных данных видно, что основной удар государство диктатуры пролетариата направляло против торговцев и их иждивенцев, промышленников и предпринимателей (83 % от всего списка). Принимая во внимание тот факт, что еще 108 человек также представлено политическими оппонентами советского строя, можно сказать, что лишение избирательных прав носило ярко выраженный политический характер.

Накануне 1929 г. подводилась черта в борьбе против нэпа и намечались жертвы-лишенцы в соответствии со стратегией индустриализации, коллективизации, культурной революции. В 1929—1936 годах прошла новая волна лишения избирательных прав. Рассмотрим динамику лишения и возвращения избирательных прав по Нижнему Тагилу в 1928—1936 годах, человек:

	1928	1929	1930	1931	Годы 1932	1933	1934	1935	1936 (до 5.XII)
Права отняты	817	9	515	55	71	7	714	29	93
возвращены	—	5	79	60	35	3	77	65	83

Из общего списка в 1821 человек к 5 декабря 1936 г. права были возвращены 407 (22,4 %).

Комплектование новых списков «лишенцев» происходило теперь в основном за счет крестьянского, кулацкого «элемента», увеличилось число внесенных в списки торговцев, появилась новая и весьма значительная категория «кустари, ремесленники и старатели». Неуклонно возрастало число лишенцев из «служителей религиозного культа» — свидетельство политики воинствующего безбожия и культурной революции. Тактика «текущего момента» решала сразу несколько задач: выкачивание у населения средств для финансирования индустриализации (за счет ограбления крестьян, конфискации имущества торговцев, предпринимателей, кустарей, ремесленников, выбивания золота у старателей); обеспечение возводимых объектов рабочей силой за счет кулаков-спецпереселенцев; подавление любого протеста в деревне.

Лишенцев, используемых в качестве дешевой рабочей силы на промышленных объектах Нижнего Тагила, привозили сюда в эшелонах. Среди них были: раскулаченные, мобилизованные в трудовую армию (тыловое ополчение), вербованные под угрозой раскулачивания ОГПУ — НКВД, административно-ссылные и др. По материалам областного архива, в Свердловской области насчитывалось около 30000 лишенных избирательных прав, в Тагиле — 1821 человек. Однако, на наш взгляд, это не полные данные. Основная масса вновь образующегося населения города была представлена жителями сел и деревень Уралобласти. В целом же география происхождения лишенцев весьма обширна. Рассмотрим выборку из 514 человек. Из различных районов Урала прибыли 365 человек; из Сибири — 28; европейской части СССР — 47; из Казахстана и с Алтая — пять; из Башкирии и Татарии — 18; Удмуртии и Чувашии — шесть; из Москвы и Московской области — четыре; с Украины — девять; из Белоруссии — три; с Дальнего Востока, из Латвии, с Кавказа и других мест — 29 человек⁴².

В 1920-х годах по губерниям и крупным городам выпускались «списки лишенных избирательных прав» — своего рода проскрипционные списки «врагов народа». Люди, попавшие в них, подлежали вечному позорению и преследованию. Понятно, что истинные противники советской власти на что-либо иное не могли рассчитывать. Но после разгрома белого движения таких было ничтожно мало. Обратимся для примера к категории «бывших белых офицеров и членов следственных комиссий». Один из отнесенных к ней — инженер Сергей Николаевич Александров⁴³. В свое время он был насильно мобилизован в армию белых в качестве заведующего механическим отделом подвижных артиллерийских мастерских. После разгрома Колчака его арестовали в Монголии. В феврале 1925 г. С. Н. Александров был досрочно освобожден. За время своей последующей службы в тресте «Уралмет» он зарекомендовал себя как выдающийся специалист в области энергетики: по его инициативе было осуществлено расширение Нижнетагильской и Кушвинской электростанций. Однако, несмотря на огромный личный вклад инженера в развитие советской про-

---

⁴² НТФ ГАСО. Ф.70. Оп.1

⁴³ О судьбе семьи Александровых рассказано в настоящей книге, в разделе «Судьбы жертв репрессий»

мышленности, ему систематически отказывали в восстановлении избирательных прав, а в 1930-х годах репрессировали.

Афанасий Трофимович Кузнецов был членом эсеровской партии. В годы гражданской войны по просьбе жителей Черноисточинска его избрали членом следственной комиссии при армии Колчака. Во время работы в ней он спас более ста человек, сочувствующих красным, и двух большевиков — Ивана Цыпушкина и Александра Косачева. За это его выгнали из комиссии и посадили в тюрьму. Красные освободили в 1919 г., но потом, узнав, что он эсер, вновь посадили. Потом его освобождали, отправляли в ссылку, он был вынужден менять работу подобно всем лишенцам. В 1937 г. арестован и погиб в лагерях⁴⁴.

Сотни жителей Нижнего Тагила лишились гражданских прав за занятия мелкой розничной торговлей или за то, что их родители были торговцами, предпринимателями. Характерный пример — судьба Герасима Никоновича Фомичева, мясоторговца и скотопромышленника, которого в годы гражданской войны преследовали и белые, и красные. Он с большими трудностями, неоднократно подвергаясь разорению, занимался мясной торговлей в годы нэпа. В 1930 г. его осудили на два года лагерей. Затем он работал сторожем на Тагилстрое, а в 1936 г. его уволили как «классово чуждый элемент»⁴⁵.

С началом коллективизации массовым явлением стало лишение избирательных прав крестьян. Предполагалось, что наказанию подвергаются кулаки, ненавидящие советскую власть и колхозы. Что же это были за кулаки? Перед нами сотни примеров официальной лжи по этому поводу. Один из них — судьба Г. С. Пилецкого, с 27 октября 1934 г. работавшего на Уралвагонстрое и сокращенного по политическим мотивам. Уроженец села Николо-Павловское представил справку от 1926 г., подтверждающую, что он середняк и наемного труда не применял. Следующая справка Николо-Павловского сельсовета, выданная Г. С. Пилецкому, подтверждает, что «в 1930 г. он имел: ржи — 0,63 га, пшеницы — 0,33 га, овса — 2,13 га, сенокоса — 3,5 га, корова — 1, лошадь — 1». Тут же приводится копия другого документа: «Пилец-

⁴⁴ Чевардин В. В. И ничего не докажешь // Тагил рабочий 1991 13 авг

⁴⁵ Он же Ни белым, ни красным не угодил Герасим // Лотос 1992 г 1—7 июня

кий Г. С. имел кулацкое хозяйство: домов — 2, до революции имел торговлю с оборотом 5000 рублей в месяц. Крупный старатель с наемной силой до 150 чел. После революции хозяйство без изменения. Старатель с наймом 18 чел., 2 больших дома, пашни 8 га, покос — 16 га, лошадей — 2, коров — 3, мелкого скота — 16 голов, молотилка — 1, сеялка — 1, веялка — 1, сортировка — 1, жатка — 1». В 1930 г. его обложили индивидуальным налогом и раскулачили. Г. С. Пилецкого обязали сдать в трехдневный срок: 100 кг ржи, 400 кг овса, 400 кг пшеницы — на хлебозаготовки; 32 кг ржи, 50 кг овса — в страховой семенной фонд; 200 кг картофеля, 2400 кг сена, 2000 кг соломы, а также коров, телят, овец, свиней, кожу и шерсть. Налог и сроки его выплаты оказались непосильными для хозяина, и тогда его имущество описали и продали. Причем недоимки составили 1500 рублей, а все имущество крестьянина стоило лишь 1240 руб. 10 коп. Вот опись всего, чем он владел: «Дом — 1, сарай — 1, лошадь кобыла — 1, жеребенок — 1, теленок — 1, овца и два ягненок, ходик — 1, хомут — 1, узда — 1, сани новые — 1, самовар — 1, женское пальто — 2, муж. пиджак — 1, плуг — 1, борона — 1, кур — 6, овса — 25 пудов, сено — 40 пудов, семенного — 20 пудов, соломы — 10 пудов»⁴⁶. Таким образом, фальшь состряпанного обвинения в кулачестве очевидна. Ходатайство Г. С. Пилецкого о возвращении избирательных прав Президиумом ВЦИКа Советов 4 мая 1936 г. было отклонено⁴⁷.

Есть еще более выразительный в своей лаконичности документ, связанный с судьбой крестьянина Л. И. Грачева: «Справка. Дана гр-ну Грачеву Леонтию Ивановичу в том, что таковой является жителем с. Шайтанки Тагильского района Свердловской области. По социальному положению середняк. Права голоса лишен, что и удостоверяется. Подписи... 1935 г.»⁴⁸ О каких же эксплуататорах тут идет речь?

Лишенные таким образом гражданских прав люди становились париями общества. Они едва поддерживали свое существование, перебиваясь с хлеба на воду. В личных делах лишенцев встречаются буквально кричащие от безысходности прошения, где люди умоляют дать им любую работу, чтобы они не умерли с голода. Однако

⁴⁶ НТФ ГАСО Ф 70. Оп 1 Д.1187

⁴⁷ См.: Там же

⁴⁸ Там же

«лишенцы» не могли иметь постоянной работы, а зачастую и постоянного места жительства. Круг замыкался. Такие люди всегда были на подозрении. Вот почему они первыми стали жертвами репрессий 1934—1938 годов.

Анализ материалов дел лишенцев позволяет сделать вывод, что перед нами — проявления репрессивной политики, а точнее, правового беспредела большевистской диктатуры.

Глава 2

АПОФЕОЗ ТЕРРОРА

---

§ 1. РАСКУЛАЧИВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА УРАЛЕ

«...мужики — народ бессловесный, бесписьменный, ни жалоб не писали, ни мемуаров. С ними и следователи по ночам не корпели, на них и протоколов не тратили — довольно и сельсоветского постановления. Пролился этот поток, всосался в вечную мерзлоту, и даже самые горячие умы о нем почти не вспоминают. Как если бы русскую совесть он даже и не поранил. А между тем не было у Сталина (и у нас с вами) преступления тяжелей»

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН *«Архипелаг ГУЛАГ»*

Вспоминая о трагедии нашего народа в период сталинской диктатуры, мы привычно считаем, что наибольшее количество репрессированных приходится на 1936—1938 годы. Однако на самом деле больше всего жертв на алтарь коммунистической идеи принесло крестьянство в конце 1920 — начале 1930-х годов. Об уничтожении крестьян в масштабах страны мы узнали из многих работ последнего времени. Наша задача — исследовать этот процесс на примере северных районов Уральской области и Нижнего Тагила.

С началом политики ускоренной индустриализации на крестьянство было возложено непосильное налоговое бремя. Уже в 1927 г. власти ввели новый сельхозналог и финансовые кары за его невыполнение, что мгновенно

привело к появлению недоимок среди крестьян. Поэтому 28 декабря 1927 г. вышел совместный циркуляр Уральского областного суда и областной прокуратуры, в котором подчеркивалась необходимость взыскания налога с неплательщиков податей. В результате целого ряда драконовских мер в жертву индустриализации была принесена основная хозяйственная ячейка российской деревни — единоличное крестьянское хозяйство. В инструкции областного суда особо подчеркивалась необходимость применения статей 60 и 62 УК РСФСР, в которых в отношении кулаков предусматривалось длительное лишение свободы с конфискацией имущества. В Тагильском районе нашла широкое применение и статья 61, которая предписывала репрессии за «отказ от выполнения повинности или производства работ, имеющих общегосударственное значение»¹.

7 января 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о налоге-самообложении, который вначале составлял 35 % от суммы сельхозналога, а затем, по произволу местных властей, был повсеместно увеличен. По подсчетам курганского исследователя-экономиста А. Базарова, «в течение 1927/28 сельскохозяйственного года из крестьянства Уральской области было выкачано по различным видам финансовых платежей без товарного эквивалента 56,7 млн рублей»².

В связи с кризисом хлебозаготовок в 1927 и 1928 годах власти стали активно применять статью 107 о спекуляции. Это выразилось в массовых репрессиях против представителей бедняцко-средняцких слоев деревни, наказываемых за отказ сдавать «излишки» продовольствия весной. 18 июня 1928 г. окружным прокурором и председателем окрсуда Курганского округа был подписан документ, гласивший: «...При рассмотрении дел по 107-й статье УК по каждому району округа применять по одному выселению из пределов Уральской области из слоя злостных укрывателей зажиточного и кулацкого элемента деревни...»³ И на север потянулись первые крестьянские семьи. Когда хлебозаготовительная кампания 1927/28 г. закончилась и начался частичный пересмотр дел пострадавших по статье 107, жертвы исчислялись по Уралу тысячами.

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952 гг. М., 1953. С.296.

² Базаров А. Кулак и Агроулаг. Челябинск, 1991. С.21.

³ Там же. С.97

С новой кампанией хлебозаготовок следующего 1928/29 г. добавились новые налоги, усилилась репрессивная политика. В 1929 г. сельхозналог увеличился в два раза, было введено и дополнительное самообложение в размере 25% от основной суммы налога. За сопротивление властям при хлебозаготовках по статье 61 УК предусматривался срок два года лишения свободы с конфискацией имущества. Штраф за невыполнение в срок государственных платежей к 1930 г. составлял 300 рублей в год при максимуме 1600 рублей, что в переводе на сельскохозяйственную продукцию означало сдачу 32 тонн хлеба или 6,5 тонн мяса. Фактически это обрекало наказуемых на осуждение с конфискацией имущества и высылку.

Террор «диктатуры пролетариата» в отношении крестьянства вызывал сопротивление на местах. Однако циркуляр Наркомюста от 5 сентября 1929 г. не оставлял никаких иллюзий: «...Усилить меры репрессий вплоть до расстрелов в отношении кулаков и контрреволюционеров, ведущих борьбу против мероприятий Советской власти». А 29 ноября 1929 г. вышло постановление СНК РСФСР о заключении осужденных в концлагеря⁴.

В 1929 г. Сталин провозгласил лозунг «сплошной коллективизации» и призвал к ликвидации класса кулачества. К октябрю 1929 г. уровень коллективизации крестьянства Уральской области составлял всего 6—10%, а к 25 февраля 1930 г. он резко подскочил — до 72% в Свердловском округе и 62% — в Тагильском⁵. Результаты насильственных мер очевидны. Когда же «лопнули» созданные таким образом колхозы, то уровень коллективизации в 1931 г. по Тагильскому району упал до 12%⁶. Еще до начала массовой коллективизации по Уральской области органами ОГПУ было арестовано около тысячи крестьян. Наряду с другими заработала статья 58 — по ней осудили 380 человек⁷.

С началом 1930 г. комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с Молотовым разрабатывает общегосударственную карательную акцию против крестьян-«кулаков». Акция предусматривала выселение сотен тысяч семей в районы Крайнего Севера, Северного Урала. Про-

---

⁴ Базаров А. Указ. соч. С. 129.

⁵ Там же. С.161.

⁶ Рабочий (газ.). 1931. 4 февр.

⁷ Базаров А. Указ. соч. С.163.

ведение операции спланировали на самую холодную пору — вторую половину зимы 1930 г., что свидетельствовало о главной цели — физическом уничтожении выселяемых. Явочным порядком раскулачивание на Урале начали осуществлять с декабря 1929 г. Первоначально происходили конфискация и распродажа кулацкого имущества, а семьи кулаков либо получали так называемые «волчьи билеты», либо выселялись в северные районы Уральской области. Законодательную основу политика массового выселения получила с 5 февраля 1930 г., когда бюро Уралобкома ВКП(б) приняло постановление «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией». Согласно этому постановлению, все кулацкие хозяйства делились на три категории: кулаки I категории (контрреволюционный актив, участники повстанческих организаций) подлежали немедленному аресту с последующим оформлением их дел во внесудебном порядке органами ОГПУ; кулаки II категории (наиболее зажиточные и влиятельные кулаки и полупомещики) подлежали принудительной высылке в малонаселенные районы северных округов области; III — расселялись в пределах района на худших или окраинных землях. Постановлением предусматривались ликвидация 5000 хозяйств первой категории и выселение из округов Урала 15,2 тыс. кулацких хозяйств второй категории⁸. Учитывая среднюю численность крестьянских семей, можно определить общее число выселенных по Уральской области — 100 тыс. человек.

В основной массе раскулачивались не кулаки, а середняки. Ни в одном из округов Урала не было четкой градации крестьянских хозяйств. Отсутствовала она и в Тагильском округе, образованном в 1923 г. в результате слияния Верхотурского и Тагильского уездов. К началу 1930 г. он включал 16 районов, 15 сельсоветов, 25 рабочих поселков и города: Нижний Тагил, Алапаевск, Кушву, Верхотурье и Надеждинск. Сельское хозяйство в округе носило подсобный характер и давало около 10 % всей производимой продукции. Поэтому число крестьян, выселенных из пределов округа весной 1930 г., было значительно меньше, чем в других округах. На закрытом заседании президиума Тагильского исполкома 14 февраля 1930 г. установленную контрольную цифру в 300 кулацких хозяйств, подлежащих выселению из пределов окру-

⁸ НТФ ГАСО Ф.21 Оп.1 Д.1221 Л.19—21

га, распределили по основным сельхозрайонам в следующем порядке: Верхотурский — 100, Алапаевский — 75, Петрокаменский — 60, Махнёвский — 50, Нижне-салдинский — 25⁹. Главными мотивами раскулачивания были: систематический наем рабочей силы (даже если это происходило до революции), сдача, а также наем рабочего скота и техники, наличие к моменту коллективизации механических машин и двигателей, занятия торговлей и ростовщичеством. В любом случае раскулачивались и выселялись крестьяне, считавшиеся неблагонадежными, либо те, с кем деревенский актив сводил личные счёты. Раскулачивание сопровождалось массовыми нарушениями даже тех драконовских законов. На местах конфисковывали имущество и выселяли из домов, не дожидаясь окончательного оформления дел Тагильским окрисполкомом. В результате «не обеспеченное даже самым необходимым продовольствием и одеждой кулачество и их семьи по Верхотурскому району нищенствовали». В Гаринском районе было принято весьма незатейливое решение: выселяемым предложили выйти из домов и поселиться в лесу; аналогичные случаи происходили и в Алапаевском районе¹⁰.

Несмотря на строгие директивы о нераспространении политики сплошной коллективизации на промышленные районы, по инициативе местных жителей с особой жестокостью раскулачивание проводили и здесь. В списки попали бывшие торговцы, подрядчики, кустари, жены и дети бывших торговцев, старатели, священнослужители.

Вместе с масштабом репрессий рос и аппарат окружного отдела ОГПУ, постепенно подминавший под себя местные власти. ОГПУ разработало план гигантской операции по выселению крестьянства и строго контролировало ее ход. Райисполкомы должны были безоговорочно выполнять все распоряжения окружного отдела ОГПУ по доставке кулацких семей на сборные пункты, конвоированию, охране и транспортировке людей на север. Окрисполком подготовил инструкцию, где определялся порядок выселения, разработал календарный план выселения и маршруты следования выселяемых. Внутри районов создали сборные пункты, где выселяемых еще раз индивидуально проверяли и формировали

---

⁹ НТФ ГАСО. Ф.21. Оп.1. Д. 1221 Л. 19—21

¹⁰ Там же. Ф.88 Оп.1 Д.57 Л 16

большие обозы, которые затем направлялись этапом к местам назначения. Расписание выселения включало четыре этапа. Предполагалось, что последний этап, состоящий из выселяемых Нижнесалдинского и Петрокаменского районов, будет сформирован вечером 9 марта 1930 г. в с. Гаево. Для сопровождения выселяемых выделялся вооруженный конвой из 15 человек, который следовал от районного сборного пункта до ближайшего райцентра. Основную роль в движении этапов и размещении людей играли назначаемые окротделом ОГПУ коменданты¹¹.

Начиная со второй половины февраля 1930 г. по заснеженным просторам Урала потянулись печальные обозы выселяемых. Властям казалось, что тщательно спланированная карательная операция не вызовет протеста и завершится в кратчайшие сроки. Однако инициаторы выселения просчитались. Насилие вызвало сопротивление. Главные события разыгрались 7—8 марта 1930 г. в д. Северной (40 км от Тагила) Нижнесалдинского района. Попытки доставить на сборный пункт в Салду три кулацкие семьи, главы которых были ранее арестованы, вызвали мощный протест всей деревни. Толпа крестьян встретила милиционеров криками: «Приехали грабители, забирают честных людей, не дадим своих в обиду!» и не дала увести выселяемых. Второй наряд милиции был встречен толпой в 300 человек. Раздавались возгласы: «Нет у нас кулаков, они нас кормили, не дадим выселять, уходите, пока живы!». С той и другой стороны раздались выстрелы, и представители власти едва унесли ноги. Крестьяне выставили вооруженные посты и патрули, сельсовет был окружен; сидящих там партийцев и милиционеров не выпускали. В третий раз насильников выгнала толпа крестьян из 400 человек, собранная по звону колокола. Затем от райкома ВКП(б) и райисполкома к крестьянам д. Северной было послано обращение, где их действия расценивались как восстание против властей. Это смутило крестьян, и они прекратили организованное сопротивление, после чего более полусотни сотрудников ОГПУ и коммунистов прибыли на место происшествия, арестовали 20 зачинщиков и вывезли семьи раскулаченных¹². Волна крестьянских восстаний в начале 1930 г. прокатилась по всей стране.

¹¹ См.: НТФ ГАСО. Ф.21. Оп.1. Д.1221.Л.3 об.

¹² Там же. Д.1219. Л.65—67

2 марта 1930 г. Сталин выступил в «Правде» со статьей «Головокружение от успехов». В ней вся вина за «перегибы» была возложена на местное руководство. После этого темпы коллективизации несколько снизились.

25 января 1930 г. на закрытом заседании Уралоблисполкома принимается постановление, определившее порядок расселения, первоначальный план и использование выселяемого кулачества на территории северных районов Уральской области. Постановление предписывало сосредоточить кулацкую массу «в таких районах, в которых она не могла бы явиться влияющей силой на местное население и не могла бы материально обрастать», и создать ей «такие материальные условия, при которых она была бы в полной зависимости от государственных промышленных организаций, дающих ей заработок...»¹³ Ссылных должны были расселять в лесных районах поселками или колониями, чтобы превратить переселенцев в постоянных лесозаготовительных рабочих. Предусматривалось создание при Тагильском и других окружках чрезвычайных троек в составе начальника окружного отдела ОГПУ, начальника административного отдела, представителей заинтересованных лесозаготовительных организаций.

Из постановлений вырисовывается общая картина расселения кулаков по округам: Тагильский округ — 10000 семей, Ирбитский — 1000, Коми-Пермяцкий — 3000, Верхнекамский — 10000, Тобольский — 6000. На север Уральской области шли переполненные железнодорожные вагоны, по рекам плыли баржи, дороги были забиты толпами людей, лишенных гражданских прав и своего крова. Выселение сопровождалось произволом, насилием над бесправным крестьянством. Во многих местах директива об оставлении части вещей у выселяемых не выполнялась — изымалось все, вплоть до деревянных ложек. Были случаи отправки в кулацкую ссылку женщин накануне и вскоре после родов¹⁴. Никакие доводы человеческого разума не могут оправдать того, что за сотни, тысячи километров в ссылку отправлялись кормящие матери с грудными младенцами на руках, дети, старики, инвалиды. Согласно информационному докладу Уральской областной прокуратуры от 2 апреля 1930 г., среди выселенных насчитывалось до 75 % нетру-

¹³ НТФ ГАСО. Ф.21. Оп.1. Д.1221. Л.3—3 об.

¹⁴ См.: Там же. Ф.88. Оп.1. Д.57. Л.16—17. •

деспособных, много стариков в возрасте 80—85 лет, которые не могли идти и оказались брошены на произвол судьбы. Среди конвоируемых на север суровой зимой 1930 г. дети составляли около 40 %¹⁵.

О масштабах депортации уральского крестьянства свидетельствует ряд документов, характеризующих деятельность органов ОГПУ по приему ссыльных. Так, согласно сообщению начальника окружного отдела ОГПУ председателю Тагильского окрисполкома А. Кабакову, в одни только северные районы Тагильского округа на 10 марта 1930 г. принято для вселения 10 эшелонов кулаков с Северного Кавказа и Курганского округа. К этому моменту расселили около 4000 семейств (более 20 тыс. человек); кроме того, пришло распоряжение о принятии двух эшелонов сверх нормы (7800 семей): в одном — 350 семейств, во втором — 260¹⁶. На 12 марта на станции Надеждинск были приняты и отправлены с нее в места расселения 15 эшелонов — 25405 человек (в том числе: 7820 мужчин, 7431 женщина и 10154 детей). Из этого числа 13 эшелонов пришли с Северного Кавказа и два — уральских. На станции Верхотурье и Лобва прибыло шесть эшелонов: два — издалека и четыре — уральских. Средний состав выселяемой семьи оказался равным 4,8 человек, т. е. значительно меньше, чем было в полных семьях до начала коллективизации. Это объясняется изъятием из кулацких семей взрослых мужчин, арестованных органами ОГПУ до высылки и отправленных в лагерь, тюрьмы и на лесозаготовки. В пути следования эшелонов до Надеждинска отмечались высокая детская заболеваемость и смертность.

Все прибывающие в Надеждинский узел поселенцы снабжались горячей пищей и продовольствием на пять дней и отправлялись по железным дорогам Надеждинского комбината, а затем развозились подводами или шли пешком в глухую уральскую тайгу. Власти на местах оказались не готовы к приему ссыльных и не способны их трудоустроить. По данным рабочей сводки Тагильского окротдела ОГПУ, составленной на 28 марта 1930 г., никаких мер к выявлению трудоспособных лиц со стороны сельских советов не принималось, а если небольшую часть спецпереселенцев и посылали на работы по лесозаготовкам, то райлеспромхоз отказывался их

¹⁵ НТФ ГАСО. Ф.88. Оп.1. Д.57. Л.40; Б а з а р о в А. Указ. соч. С. 221.

¹⁶ НТФ ГАСО. Ф.21. Оп.1. Д.1221. Л.80.

принимать, мотивируя отказ тем, что у них «и так народу много». Вместе с тем были случаи неправильного трудоустройства выселенных. Например, в марте 1930 г. 150 человек спецпереселенцев устроили на работу в Богословские каменноугольные копи¹⁷. В связи с этим, чтобы «впредь не допустить распространение вредных кулацких настроений», на заседании Надеждинского РК ВКП(б) решили категорически запретить прием кулаков-переселенцев на разные работы, в учреждения и организации, а использовать их исключительно на лесозаготовках¹⁸.

С самого начала выселения на уральский север судьба спецпереселенцев, возможность их выживания в местах, для жизни не пригодных, были поставлены в жесткую зависимость от выполнения Камураллесом и Уралметом взятых на себя обязательств по жилищному строительству, трудоустройству и снабжению кулацких семейств. Однако, как свидетельствуют архивные документы, ни одно из этих обязательств названные организации не выполнили. Уделом крестьян, выселенных в северные районы Тагильского округа в весенне-летний период 1930 г., стали голод и мор в спецпоселках, болезни, невыносимые условия труда и быта. Тяжелейшее положение с продовольственным снабжением сложилось в Надеждинском районе. В марте 1930 г. угрожающая ситуация наблюдалась и в Ивдельском районе. Прибывшие сюда и кое-как размещенные на лесозаготовках 5108 переселенцев оказались в безнадежной ситуации. Безысходностью проникнуты слова ссыльного И. Петракова, сказанные 5 марта 1930 г. и зафиксированные осведомителем ОГПУ: «Ну что мы здесь будем делать, лес рубить не умеем, земли здесь нет, придется здесь положить конец своей жизни»¹⁹. А вот еще одно характерное высказывание спецпереселенцев: «Загнали в лес, где бараки без крыш, нары из жердей, пил и топоров нет, и лежим, как звери, ничего не делаем»²⁰.

Положение в спецпоселках обострилось в связи с отказом Камураллеса и других лесозаготовительных организаций снабжать нетрудоспособную часть кулацкой спецссылки (больных, инвалидов, стариков и детей)

---

¹⁷ НТФ ГАСО. Ф.21.Оп.1.Д.1221 Л.82—87, Д.1219 Л.96.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л.86; Д. 1219. Л.93, 51

²⁰ Там же. Д.1219. Л.95—96.

продуктами питания. Дневные нормы снабжения работающих (320 г хлеба, 100 г капусты, 6 г сахара, 3 г чая, 9 г растительного масла) вообще не выдавались. Ссылные крестьяне говорили: «Не видать нам больше своей страны, не видать широких полей, пропадем мы здесь голодной смертью и замерзнем... С этим начинается наша тяжелая жизнь на севере. Продали мы уже все подушки, платки и другое барахло, у нас теперь не осталось ничего..., жизнь наша плохая, пропадем мы здесь с голода и холода. Живем мы в переполненных бараках, которые каждую ночь загораются. Когда съедим свои припасы, то будем умирать»²¹. Летом 1930 г. в районах выселения начался страшный голод.

Вместо оказания реальной помощи продовольствием и спасения жизни выселенных, по решению специальной комиссии СНК, партийных и советских органов весной 1930 г. на север стали отправлять эшелоны с сельхозинвентарем. В районах, практически не пригодных для земледелия, были намечены совершенно авантюристические планы запашки земли и посева. Только в одном Тагильском округе предполагалось освоить 5000 га, что без предварительной раскорчевки леса было абсолютно невозможно. Вместо медикаментов и продовольствия в районы дислокации кулацкой спецссылки пытались забросить 14000 плугов, 12650 борон, 10000 ц семян зерновых культур и 4101 кг — огородных. Только на станцию Верхотурье пришли девять вагонов плугов, 15 вагонов борон — и это в то время, когда округ был до отказа насыщен сельскохозяйственными орудиями. Весенняя распутица и бездорожье не позволяли доставить в назначенные места никому не нужный инвентарь²²

Архивные документы весьма скупо свидетельствуют о трагедии, разыгравшейся летом 1930 г. в северных районах Тагильского округа. По данным на 20 апреля 1930 г., на территории тагильского севера находились 54537 выселенцев²³. В спецпоселках, отрезанных от внешнего мира бездорожьем, свирепствовали голод, цинга и смерть. Работники здравоохранительных учреждений добраться туда не могли. На территории Туринского врачебного участка, например в спецпоселке Бая-

²¹ НТФ ГАСО Ф.21 Оп.1.Д.1221 Л.173—180.

²² Сидоров В. А. Мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков // Вопр. истории. 1964. № 1 С.57, НТФ ГАСО Ф.21 Оп.1 Д.1221 Л.122; Д.11—64 Л.24 об.

²³ НТФ ГАСО Ф.21 Оп.1 Д.1221 Л.122.

новка, из 300 поселенцев на 29 июля 1930 г. болели цингой 93. Все мероприятия по борьбе с болезнью свелись к выдаче больным справок о том, что они нуждаются в усиленном питании, да один раз было роздано несколько лимонов²⁴. Из-за невозможности на месте оказать медицинскую помощь больных спецпереселенцев отправляли за сотни километров и буквально бросали у порога городских больниц, переполненных до предела. Многие больные ходили в лечебные пункты за 15—20 км и скоро превращались в инвалидов. По данным органов ОГПУ, в Тагильском, Тобольском, Ирбитском и Пермском округах Уральской области с 20 апреля по 1 июля заболели 26000 высланных, умерли 639; сведений по другим округам нет. За этот период в северных районах Тагильского округа заболели 1151 спецпереселенец, посетили амбулатории — 2755²⁵.

К голоду и болезням добавлялись преступно-издевательское отношение со стороны местных советских органов, аппарата леспромхозов. Бараки строили самого низкого качества, места для спецпоселков выбирали самые худшие, зарплату выдавать не торопились, установили невыполнимые нормы выработки, не выдавали продукты и одежду, отказывали в медпомощи, избивали, гоняли на тяжелые работы беременных женщин²⁶.

Кампания массовых выселений кипела до конца 1933 г. На этот год была установлена уже пониженная квота выселений — 12000 крестьянских семей по стране. По подсчетам экономиста А. Базарова, в 1931 г волна спецсылки вынесла на север Уральской области более 250 тыс. человек, а к лету 1933 г. на Урале находилось более миллиона спецпереселенцев и принудительно мобилизованных. Уже в первую весну выселений (1930 г.) от голода и тифа вымерли целые поселки «кулаков». Беспредел государственной жестокости вынуждал крестьян бунтовать. В районах кулацкой ссылки появились тысячи банд. Формировались повстанческие ячейки, «при которых существовали боевые бандгруппы из беглых кулаков» и других репрессированных. Действовали они на территории Пермского и других округов. Выступали под лозунгами: «За новый строй без коммунистов!», «За свободную торговлю!», «За вольный ры-

²⁴ НТФ ГАСО. Ф.21. Оп.1. Д.351. Л.50—51, 62, 69.

²⁵ ГАСО. Ф.88. Оп.1а. Д.51. Л.40, 60.

²⁶ Там же. Д.66. Л.74—77.

нок!», «За неспадчу хлеба гасударству и оставление его на местах!»²⁷ В сентябре 1930 г. ликвидировали повстанческие организации численностью около 100 человек в районах Ирбитского, Нижнетагильского и Тюменского округов. Они состояли преимущественно из бежавших спецпереселенцев²⁸. Яркое свидетельство борьбы раскулаченного крестьянства — события на Туринских рудниках весной 1930 г. Более 600 чел. выступили против попытки ОГПУ отправить временно размещенных на Туринских рудниках спецпереселенцев дальше в тайгу. Они добились освобождения арестованных и разгрузки эшелона, предъявив требования: «Дайте нам землю, хлеб. Живыми в лес не увезете!»²⁹.

В 1931 г. отношение к спецпереселенцам несколько изменилось. Теперь уже отбирали только сильных и здоровых, отсекая маломощных и убогих. Однако о жизни и здоровье «заботу» проявляли ту же, что и ранее, зная, что на смену умершим пришлют других. Надеждинский райком информировал Уралобком, что «за 1932 г. было десять тысяч смертей и шесть с половиной тысяч дезертирств»; здесь насчитывалось 2380 беспризорных детей, оставшихся от умерших и сбежавших родителей³⁰. Особенно драматическое положение с продовольствием сложилось летом 1933 г. Известно, что голод тогда свирепствовал на Украине. Однако не в лучшем положении оказался и Урал. Известны факты каннибализма, причем не единичные. А масштабы использования рабов на лесозаготовках росли, умирали одни, на их место вставали другие. В 1933 г. этими работами по Уралу были заняты более 100 тыс. человек.

Ссылные крестьяне стали основной рабочей силой и на строительстве индустриальных гигантов первых пятилеток. По подсчетам А. Базарова, «с 1929 по 1933 год число занятых в промышленности Урала возросло более чем в три раза. Менее 20 % прироста было обеспечено свободным наймом коренного городского населения. Остальные — спецпереселенцы и принудительно мобилизованная деревенщина... Демидовский основательный быт уральских городков оживили Кулацкие, Ссылные,

---

²⁷ Базаров А. Указ. соч. С.268.

²⁸ Там же. С.269.

²⁹ НТФ ГАСО. Ф.21 Оп.1 Д.1219. Л.178.

³⁰ Базаров А. Указ. соч. С.271

Казарменные поселки с барачно-социалистической застройкой и гарнизонным распорядком жизни»³¹.

Во всех изданиях, посвященных истории создания тагильских индустриальных гигантов, подчеркивается героизм первых строителей, самоотверженность партийного руководства. В книгах «Гордость моя — Вагонка» Г. Кузьминой и В. Костромина (1986 г.) и «Хранители «старого соболя» В. Васютинского (1990 г.) говорится, что стройка велась добровольцами, героями-комсомольцами. На 800 страницах обеих книг ни разу не встречается слово «спецпереселенец», а ведь именно за счет рабского труда спецпереселенцев были выполнены самые тяжелые работы на строительстве; кости многих тысяч этих «добровольцев» лежат в тагильской земле, и нет ни одного памятника на их безвестных могилах.

К сожалению, до сих пор архивные материалы по спецпереселенцам малодоступны. Собирая факты об их жизни приходится по крупицам, а немногие ссыльные, оставшиеся в живых, сейчас более чем преклонного возраста. Находясь десятки лет под надзором спецкомендатур, под страхом новых наказаний, они вынуждены были молчать. Не имея возможности дать полную картину их жизни, попытаемся представить хотя бы некоторые эпизоды с помощью документов, хранящихся в фонде обычного гражданского архива Нижнего Тагила.

Первые спецпереселенцы поступили на стройки Тагила, вероятно, в 1931 г. Это подтверждает совершенно секретное (как обычно) сообщение санврача новостроек города Скалкина от 3 августа 1931 г.: «1 августа на Тагилстрой принят эшелон спецпереселенцев (1260 человек приблизительно). Спецпереселенцы прибыли завшивленными на 70 % и, несмотря на это, размещены без всякой санобработки в двух бараках площадью 1630 кв. метров в обоих. Большая часть разместилась в бараках прямо на полу, так как топчанами бараки не обеспечены. Санобработку не представилось возможности провести в силу не окончания вошебойки и бани на 2-й площадке... Бараки остаются не отепленными, засыпка стен произведена небрежно или совсем отсутствует, крыши текут почти повсюду, и с наступлением холодов... бараки окажутся не годными для жилья. На 2-й площадке наблюдается полное игнорирование предложений саннадзора, начальник участка Луценко заявил, что наши тре-

---

³¹ Базаров А. Указ. соч. С.258, 261

бования для него не обязательны и их выполнять он не будет...»³²

Вторая площадка Тагилстроя находилась в 5 км от центра города. В августе 1931 г. на ней проживали уже сотни семей, а к 1 января 1932 г. планировалось размещение 15000 спецпереселенцев³³. Нижний Тагил рос быстрыми темпами: в 1926 г. в нем проживало около 31 тыс. человек, в марте 1931-го — 59500, к январю 1932-го — 117700. В основном этот прирост обеспечивался за счет поступления все новых этапов раскулаченных. Многие спецпереселенцы насильно перемещались вторично — сначала их сослали на север Урала, в тайгу, на лесоповал, затем уцелевших среди смертей и болезней — наиболее здоровых и трудоспособных — гнали в Нижний Тагил. Были и совершенно новые этапы, в которые собирали раскулаченных III категории из различных районов страны. Вспоминает Мария Корнеевна Буряк: «Везли нас из Полтавской области почти месяца, летом 1931 г. Из вагонов не выпускали. Приехали в Тагил, остановились возле какого-то прудка, разрешили помыться. Когда мы мылись в пруду и мыли детей (мыла не было), возле нас был верховой, молодой мужчина. Он сказал, что он наш комендант, фамилия его, кажется, Елисеев. Сказал, что мы будем жить в Тагиле до самой смерти. Все заплакали, потому, что раньше нам говорили, что везут нас на полгода, построим завод и вернемся».

Поселки для спецпереселенцев строились в разных местах Тагила, в разное время. Первая и Вторая площадки на Тагилстрое³⁴ возникли в 1931 г. и стали самыми крупными спецпоселениями. В 1931 г. возник Переселенческий поселок Уральской области на ВЖР, в 1932 г. — спецпоселки на Лебяжинском руднике, руднике III Интернационала и при кирпичном заводе, а также Евстюнихинский трудпоселок. В 1934 г. появилась Третья площадка Уралвагонстроя, спецпереселенцы размещались в Шайтанке (сюда отправляли в дом старчества нетрудоспособных стариков) и в Балакино. Кроме того, возникли спецпоселения на Коксохимстрое, ТЭЦ, в Лае. Ска-

---

³² НТФ ГАСО Ф 70. Оп 3. Д.23. Л.5

³³ Там же. Л.56

³⁴ На месте поселка Вторая площадка Тагилстроя ныне находится цех широкополочных балок НТМК. Между второй площадкой и Уралвагонстроем располагалось еще несколько поселков спецпереселенцев — Спецпоселок, Старый поселок и др.

зять, сколько раскулаченных размещалось в них, трудно; известно только, что это были десятки тысяч людей. По распоряжению ОГПУ от августа 1931 г. «спецпереселенцев из числа совершенно нетрудоспособных стариков, имеющих родственников, которые их содержат», на учет не принимали. А тех, у кого родственников не было, отправляли в инвалидные дома, обрекая на скорую смерть. В Тагиле появилось множество беспризорных в возрасте от 4 до 11 лет. Это были дети умерших ссыльных крестьян, в детдом их брали только с 11 лет³⁵.

О том, как велся учет спецпереселенцев, говорит докладная записка местных властей от 21 марта 1933 г.: «Как общее правило, учет спецпереселенцев поставлен плохо... Бегство среди с/п. достигло громадных размеров... На Тагилстрое, УВС и ВЖР нет учета смертности. Нередко можно услышать от спецпереселенца, чем умирать, лучше попытаться бежать, хуже не будет... Чрезвычайно большое число нищенствующих, дети и старики ходят по помойным ямам и выбирают отбросы»³⁶.

В спецпоселках были исключительно тяжелые материально-бытовые условия. Вот как они описываются в одном из «совершенно секретных» донесений 1932 года: «Материалы обследования жилищно-бытовых условий рабочих показывают, что по состоянию на 1 мая 1932 г. приходится по 2—3 кв. метра на человека, но на самом же деле в большинстве комнат с площадью в 22 кв. метра живут от 14 до 22 чел. Ввиду недостаточного количества коек или топчанов живущие во многих случаях спят на полу... В большинстве квартир наблюдается грязь, пыль, клопы, вши, духота. Здесь же находятся маленькие дети. Из-за отсутствия столов общего пользования большинство живущих вынуждены есть на своих койках. Вступившие в эксплуатацию бараки сразу же становятся негодными для жилья... Крыши в бараках крыты толью, но ввиду скверного качества крытья и ввиду того, что потолки забраны лишь в один ряд, сквозь потолок ночами рабочие наблюдают свечение звезд... А когда идет дождь, рабочие вынуждены прятаться под стол, так как крыши протекают. На полу скопляются огромные лужи, образуется толстый слой грязи. В некоторых бараках живут семейные, но перегородок не имеется. Санитарный надзор в поселке отсутствует... До сего времени ни

³⁵ НТФ ГАСО Ф.70. Оп.3 Д.20 Л.68, 76.

³⁶ Там же. Д.66 Л.81—83

один рабочий не прошел медицинского обследования...»³⁷

Спецпереселенцы систематически недоедали, часто умирали от истощения. Перед нами фрагмент секретной записки, посланной из Нижнего Тагила в Уралснаб: «Систематически, из месяца в месяц, недодается муки 70 % при полном отсутствии других продуктов. Хлеб выдавался только утвержденному контингенту. Другим же рабочим не давали в течение 3—4 месяцев ни одного килограмма хлеба»³⁸. Такая же картина предстает перед нами в воспоминаниях ссыльного Т. А. Борисенко: «У столовой, где питались иностранцы (на стройке работали иностранные рабочие и специалисты), стояли голодные рабочие-спецпереселенцы. И как только те заканчивали есть, мы наперегонки бросались собирать объедки...»³⁹

Весной 1932 г. в некоторых спецпоселках разрешили завести огороды. Однако осенью и без того низкий урожай овощей оттуда был взят продснабами в свое распоряжение, а переселенцы фактически за свой труд ничего не получили. В 1933 г. «информация о голоде поступила в Уралобком из двухсот с лишним районов огромной Уральской области. Как и на Украине, многие уральцы были доведены до каннибализма»⁴⁰. В то же время партийным, советским работникам и сотрудникам ОГПУ голод не грозил. Вовсю действовала широкая сеть закрытых распределителей для номенклатуры разных рангов⁴¹.

Где голод — там и болезни. Судя по актам о смерти спецпереселенцев, хранящимся в Тагильском горзагсе, самыми типичными причинами смертей были: диспепсия,

³⁷ НТФ ГАСО Ф.70. Оп.3. Д.49. Л.30, 31, Д.48. Л.162, 163.

³⁸ Там же.

³⁹ Т. А. Борисенко (1899—1984) — житель Второй площадки в 1931—1964 гг. Воспоминания записаны И. Т. Ковердой.

⁴⁰ Урал. рабочий. 1992. 16 сент.

⁴¹ В Тагиле для работников ОГПУ полагалось следующее питание на одного человека в месяц (по заявке 4.05.32 г), кг: мяса — 7,5, рыбы — 5, хлеба печеного — 15,7, муки сортовой — 3, крупы манной — 1, риса — 2, гречи — 0,5, макарон — 1, вермишели — 1, сахара — 2,7, масла животного — 0,8, сала, жиров — 0,4, масла растительного — 0,45, яблок свежих — 3, винограда — 3, сухофруктов — 0,8, сметаны — 1, творогу — 1, яиц — 16 (шт.), картофеля — 21, капусты — 20, моркови — 2,5, свеклы — 2,5, лука репки — 2,5, лука зеленого — 1,5, салата — 2,5, редиски — 1,5, огурцов — 30 (шт.), капусты цветной — 16, гороха, бобов, грибов, помидор — по 0,75, тыквы — 7,5, хрена — 1, шавеля — 0,25, клюквы, брусники — по 0,5, чая байхового — 60 (г) а также укроп, перец, лавровый лист, уксус.

корь, оспа, дифтерит, дизентерия, скарлатина, туберкулез, истощение. В случае смерти пожилых людей диагноз ставили «по-научному» просто: «Умер от старости». Болезни в спецпоселках приобретали эпидемический характер. Однако власти заботились не о здоровье людей. Отмечая в докладных записках массовые заболевания заразными болезнями, их авторы делали вывод: «Это ведет к большой смертности и инвалидности спецпереселенцев, обуславливает потери рабсилы и влечет большие затраты средств государства на борьбу с заболеваниями, содержание сирот и нетрудоспособных...»⁴² На совещании в горздравотделе 14 июля 1933 г постановили: «...В целях немедленного снижения заболеваемости до минимума предложить доктору Аристовскому: организовать проверку правильности выдачи больничных листов и всех симулянтов и врачей, выдавших больничные листы симулянтам, привлечь к ответственности, заменить их классово выдержанными товарищами, добиться снижения себестоимости больничной койки»⁴³.

Информация об эпидемиях передавалась только в секретном порядке, причем наименование «брюшной тиф» заменялось на шифрованное «номер один», а «сыпной тиф» — «номер два». Состояние больниц в спецпоселках соответствовало общей картине. Вот свидетельство о положении на площадке Уралвагонстроя (УВС): «В здании больницы невыносимый холод, больные замерзают. До сего времени топливом больницу не обеспечили. Баня не работает из-за отсутствия воды. Командированные врачи в количестве 9 чел. поставлены в отвратительно-безобразные бытовые условия, в течение ряда месяцев не получают абсолютно дров и воды, таким образом, проработав в амбулатории по 10—15 часов в сутки, возвращаются в совершенно холодные помещения... не имея возможности отдохнуть...»⁴⁴ Тех врачей, которые проявляли сочувствие к спецпереселенцам, преследовали. Один из сексотов доносил в оперсектор ОГПУ: «На Первой площадке Коксостроя работает врач Богорадовская. Со спецвысланными она обращается особенно хорошо. Есть слухи, что она классово-чуждый элемент»⁴⁵.

⁴² НТФ ГАСО. Ф.70. Оп.3. Д.45. Л.33—33 об

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Д.59. Л.52.

⁴⁵ Там же. Д.46. Л.32.

Жизнь спецпереселенцев предстает перед нами в истинно трагическом свете. Особо следует выделить из этой картины положение детей. Спецпоселки создавали человека для «коммунистического будущего». Если старое поколение переделать было уже невозможно и родители умирали, так и оставшись «классово-чуждым элементом», то детей усиленно перековывали.

Понятно, что именно дети становились первыми жертвами голода, холода и болезней, царящих в спецпоселках. Судя по актам регистрации смертей, детская смертность и в 1931, и в 1932, и в 1933 годах стояла на первом месте. Из тех, кто родился в начале 1930-х годов, выжили немногие. Только в поселке Вторая площадка Тагилстроя в сентябре 1931 г. умерли 164 ребенка и 17 взрослых, в октябре — 207 и 21 соответственно.

Смертность превышала рождаемость. Тысячи детей потеряли своих родителей, стали беспризорниками и попали в уголовный мир. Весной 1933 г., когда старики и дети, исключенные из разрядок на получение питания как иждивенцы, перешли на подножный корм и началась их массовая гибель, сверху пришло послабление. Комendantам спецпоселков разрешили закрывать глаза на нарушение инструкций о запрете покидать территорию спецпоселков. В высочайшей резолюции говорилось: «Не нужно препятствовать уходу детей в лес в поисках продовольствия». Целыми толпами дети начали уходить в тайгу, «чтобы, заблудившись, умереть от истощения или стать жертвами хищников. Комendantские уголья вскоре почти полностью очистились от детской нищеты...»⁴⁶

Дети спецпереселенцев учились в школе. На 1 сентября 1931 г. общий контингент учащихся-спецпереселенцев составил 2505 человек. «Из них русских — 1548, украинцев — 502, татар — 37, эстонцев — двое, болгар — один, марийцев — 91, чувашей — 210, мордвы — двое, немцев — 52.»⁴⁷ Школьники ходили в лаптях и рваной одежде. В школах не было ни парт, ни классных досок, с перебоями доставлялись вода и дрова, печи едва теплились. Направленные из Уралоно учителя сбегали с работы. А те педагоги, которые оставались, должны были свято выполнять директивы Уралоно и ОГПУ. Инструкции гласили: «Задача школы — оторвать детей от идео-

⁴⁶ Урал. рабочий. 1992. 16 сент.

⁴⁷ НТФ ГАСО. Ф.70. Оп.3. Д.20. Л.66.

логического влияния семьи, разложить семью, воспитать ребенка в коммунистическом духе и развить в детях классовую ненависть к врагам советской власти (кулакам и т. д.)». Учителей обязывали разоблачать родителей в глазах детей, показывая им «в ярких образах всю сущность исторически злейшего врага крестьянства (т. е. кулака), трудящихся масс, обнажить перед ними клыки этого матерого хищного волка-эксплуататора...» Тех же «воспитателей душ», которые не подчинялись инструкциям, предупреждали: «За обнаруженное дальнейшее оппортунистическое отношение к развертыванию этой работы лица будут немедленно привлекаться к строжайшей ответственности».

В итоге условия жизни и воспитания в школе действительно создали «нового человека». Грубость, склонность к уголовщине и насилию, похабно-матерный лексикон, ненависть к труду, отсутствие уважения к родителям и в то же время покорность, забитость, безгласность — вот характеристики советского гражданина, рожденного в условиях «нового социалистического быта» под отеческим надзором спецкомендатур. Подневольным трудом спецпереселенцев, выжатых до смертельного предела темпами первых пятилеток, возведены индустриальные гиганты Нижнего Тагила. Но великие свершения в деле индустриализации ничем не дали бывшим крестьянам и их детям, кроме унижения, моральной и физической деградации. Только 26 марта 1947 г. приказом МВД СССР (№ 00353) спецпереселенцы были освобождены из спецпоселков, им разрешили получить паспорта. К этому времени их (уже трудно было назвать людьми). К ним не относятся слова знаменитого классика социалистического реализма «Человек — это звучит гордо!» Сознание раба смогут выдавить из себя разве что внуки бывших раскулаченных. И это — самая оптимистическая перспектива.

1

●

§ 2. ЦЕРКОВЬ И СОВЕТСКИЙ АТЕИЗМ

«Одна безнравственность влечет за собой другую. Мы постепенно подошли к духовному кризису. Мы сначала плюнули в икону, потом в отца с матерью»

*П ВЕЛЬЯМИНОВ*⁴⁸

Любая победившая революция пытается откреститься от идеологии свергнутого строя, разжигая тотальную войну против его устоев. Пролетарская революция взяла за основу новой идеологии вульгарный атеизм — отрицание бога, духовной первоосновы жизни человека как буржуазных пережитков. Ломка сложившихся традиций и мировоззрения происходила без учета человеческой психологии и сопровождалась безудержной пропагандой, агитацией и насилием.

Ленин считал религию одной из самых гнусных вещей, какие только есть на земле. С первых дней существования советской власти он повел решительную и жестокую борьбу против православной церкви с целью разрушить ее «до основания». Ленин стал прямым инициатором четырех массовых кампаний против православия. Первая проходила с ноября 1917 до 1919 г. и ознаменовалась началом закрытия монастырей, некоторых церквей, реквизицией их имущества, лишением церкви прав юридического лица. С осени 1918 г. по всей стране начались массовые аресты православных священников. В декрете об отделении церкви от государства, правленном ленинской рукой, пункт 12-й гласил: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют».

Вторая «ленинская» кампания прокатилась в 1919—1920 годах, и главным ее действием стали кощунственные акты вскрытия святых мощей. В апреле 1919 г. были вскрыты мощи Сергия Радонежского, а в апреле 1920 г. Наркомюст постановил, что «служители культа как имею-

⁴⁸ Петр Вельяминов — народный артист РФ. В 16 лет был осужден Особым совещанием на 10 лет лагерей и отбывал их на Урале (Сов. культура 1989. 17 окт.)

щие «нетрудовой заработок» и занимающиеся «непроизводительным трудом» не могут пользоваться полными гражданскими правами.

Третья кампания развернулась в период с конца 1920 до начала 1922 г. и была направлена на раскол церкви, ее разложение изнутри. Луначарский в письме Ленину 30 ноября 1922 г сформулировал поистине революционную идею этой кампании, заявив, что противники «тихоновцев» должны признать «богоустановленность советской власти». За это сторонникам обновленной православной церкви обещалась поддержка государства. С начала 1922 г. Ленин развернул последнюю при своей жизни антицерковную кампанию, поставив ее задачей ограбление всех «богатых» церквей и расстрел при этом максимального числа православных священнослужителей. Ленин рекомендовал: «...Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». В духе таких рекомендаций был подвергнут жестоким пыткам и убит пермский архиепископ Андроник, расстрелян черниговский архиепископ Василий, приехавший в Пермь для расследования убийства Андроника; тобольский архиепископ Гермоген живым был привязан к колесу парохода и растерзан его лопастями. В марте 1922 г в Шуе верующие оказали сопротивление изъятию церковных ценностей, и Ленин в секретном письме Молотову развернул целую программу разгрома православной церкви. В этом послании зловеще выделялась фраза: «...И расстреливать, расстреливать, расстреливать». В первом полугодии 1922 г произошло 1400 кровавых столкновений верующих с властями. Более 700 священников были привлечены к уголовной ответственности. А всего с 1917 по 1922 г около 8000 православных священников пали жертвами большевистского террора⁴⁹

Однако при всем упорстве и жестокости, проявленных в антирелигиозной борьбе, Ленину пришлось признать, что государство от церкви отделить удалось, а вот

---

⁴⁹ Материал о борьбе Ленина с православной церковью взят из статьи А. Латышева «Без креста» (Рос. газета 1992 24 окт)

народ отделить от церкви — нет. Рыков, сменив Ленина на посту главы правительства, несколько ослабил давление на церковь — уменьшились налоги, были освобождены из тюрем и ссылок некоторые иерархи. Тем не менее борьба продолжалась, а после ухода Рыкова со своего поста в конце 1920-х годов началась сталинская эпоха «воинствующего безбожия».

Все описанные антицерковные кампании, хотя и с коротким запозданием, прокатились и по Нижнему Тагилу. В 1920 г. закрыли Скорбященский женский монастырь и в нем устроили концлагерь № 2. В 1929 г были вывезены святые мощи Симеона Верхотурского и помещены в музей атеизма, устроенном во Вхото-Иерусалимском соборе. Священнослужителей лишали избирательных прав и преследовали.

Резкое ограничение свободы духовенства путем лишения его гражданских прав было одним из первых шагов советского государства по искоренению влияния церкви. Эта политика проводилась как в годы гражданской войны, так и после нее. В 1926 г. по инициативе ОГПУ в Нижнем Тагиле начали составлять «черные списки», в которые заносили адреса духовных пастырей, данные о членах их семей⁵⁰. Большой перечень священнослужителей-лишенцев содержится в «Именном списке лиц, лишенных избирательных прав по городу Н. Тагилу Уральской области за 1928 г.»⁵¹ Всего в списке перечислены 26 священнослужителей и 11 членов их семей. «Черные списки» пополнялись фамилиями лиц из числа церковнослужителей, высланных в Нижний Тагил в качестве ссыльнопоселенцев для возведения объектов индустрии. К сбору компрометирующих материалов привлекалась широкая общественность. Например, статья в газете «Рабочий» (органе Нижнетагильского окружкома ВКП(б) и окрисполкома) за 1930 г. сообщала, что «административный отдел горисполкома создал 23 бригады по выявлению лиц, подлежащих лишению избирательных прав. В бригады входят члены горисполкома, осодмильцы и милиция. С четвертого ноября бригады приступили к практической работе. Все организации и граждане должны помочь работе бригад. Только при помощи общественности возможно выявить всех лиц, подлежащих лишению избирательных прав»⁵².

⁵⁰ НТФ ГАСО. Ф.70. Оп.1. Д.1824. Л.28.

⁵¹ Там же. Д.1826. Л.1.

⁵² Выявим чужаков///Рабочий. 1930. 13 нояб

Ряды лишенцев росли. Если в 1928 г их насчитывалось 817 человек, то к 1936 г. — уже 1822, в том числе лишенных прав по религиозному принципу — 83. Среди них священников — 34, монашек — 13, церковной администрации из мира (старосты, члены церковного совета и т. д.) — 16, попечителей и благотворителей — один, приверженцев церкви — пять, иждивенцев — членов семей духовников — 14 человек⁵³. В сельсоветах тоже составлялись подобные списки (в Висимо-Шайтанске — шесть человек, в Черносточинске — восемь, Висимо-Уткинске — двое)⁵⁴.

Из уже упоминавшегося списка лиц (83 человека) лишенных гражданских прав по религиозному принципу, попали в ссылку 16, в тюрьму — четверо. Из них трое умерли в тюрьме и концлагере; под массивным давлением властей отказались от церкви 10 священнослужителей, от отца-священнослужителя — один, не отреклись — 14⁵⁵.

Особенно модными в 1930-х годах были шумные кампании (организуемые НКВД через печать) публичного отречения служителей религиозного культа от своего сана. Один из наиболее громких примеров этого — статья в газете «Рабочий», где продемонстрирован массовый публичный отказ ряда священнослужителей от своих взглядов⁵⁶.

Судя по всем спискам лишенцев, находящимся в Нижнетагильском архиве, за веру пострадали около 150 человек. Из них только священнослужителей — 87, иждивенцев служителей культа — 34, церковной администрации — 16, попечителей — один, остальные — приверженцы церкви.

Наряду с преследованием верующих и священнослужителей советская власть вела планомерную «осаду» зданий религиозного культа. В 1926 г в Тагиле насчитывалось восемь церквей, четыре часовни, мусульманская мечеть, несколько молитвенных домов старообрядцев, евангелистов-христиан и один — еврейский.

В конце 1920 — начале 30-х годов по всей стране происходило массовое закрытие, а затем и разрушение церквей. В это время уничтожили и церкви Тагила. Для этого использовались различные предлоги: Свято-Троицкую

⁵³ НТФ ГАСО. Ф 70. Оп.1. Д.1824. Л.28.

⁵⁴ Там же. Д.19

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Рабочий. 1931. 21 марта.

церковь закрывали в связи с образованием трещин, якобы угрожающих жизням верующих, церковь в Лае — из-за малой посещаемости. Наступление на веру велось как в городе, так и в деревне. Например, о том, как закрывалась церковь в Горбуново, рассказывается в статье «Клуб назвать «Семь лет без Ленина». «Это постановление было выполнено 22 января. Все колхозники, весь деревенский актив приняли участие в субботнике, сделали необходимый ремонт — покрасили иконы, устроили сидения. Вечером привезли кинопередвижку и устроили кино. Новый клуб был переполнен. Горбуновский сельсовет призывает последовать его примеру все сельсоветы»⁵⁷. А вот как обосновывалась необходимость закрытия Выйско-Никольской церкви (декабрь 1929 г.): «В связи с быстрым ростом промышленности в Тагиле предвидится большой рост населения. Рост населения требует развертывания школьного строительства. Не имея финансовой возможности обеспечить население новыми школьными зданиями, Горсовет, уступая требованиям трудящегося населения⁵⁸, ходатайствует перед Обладмотделом об изъятии Выйско-Никольской церкви от группы верующих и использовании таковой для школы»⁵⁹. Месяцем раньше (в ноябре 1929 г.) Нижнетагильский окрисполком решил изъять подвальное помещение Выйско-Никольской церкви, где размещалась усыпальница Демидовых, «...для хранения продуктов снабжения для рабочих завода... сохранения от порчи картофеля». Что касается всей церкви, то Тагильский окрисполком потребовал в недельный срок представить проработку и проект переоборудования церкви «под культурное учреждение», отклонив ходатайство церковно-приходского совета Выйско-Никольской общины.

Заявление церковно-приходского совета — весьма интересный документ. Столько достоинства, гордости, смелости в более поздних документах нам встречать уже не приходилось. В нем, например, говорится: «Мы — не «ничтожная кучка верующих», как хотят представить дело лица, заинтересованные в отобрании храма и заявляющие об этом в газете... а весьма значительная и мощная религиозная община, насчитывающая в своих рядах несколько тысяч верующих... Храм для школы явно не соответствует по своей архитектуре и конструкции как внеш-

⁵⁷ Рабочий. 1931. 4 февр.

⁵⁸ В документе имеется ссылка на 10451 подпись, но самих этих подписей в архиве не обнаружено.

⁵⁹ Рабочий. 1929. 6 дек.

ней, так и внутренней. Приспособление его под школу потребует таких громадных средств, которые могут обеспечить постройку совершенно нового здания... Мы, верующие граждане СССР, не малолетние дети и не безвольные рабы, которые неспособны сознательно и самостоятельно разбираться в вопросах и решать свои нужды без посторонней помощи... Храм нам необходим, и мы от него не отказываемся...»⁶⁰

Неужели эти люди, защищавшие свой храм, ничего не слышали о церковных процессах начала 20-х годов, когда вся православная церковь объявлялась контрреволюционной организацией? Да и самой Конституцией РСФСР священники лишались избирательных прав, поскольку признавались «тунеядцами, наживающимися на эксплуатации религиозных предрассудков отсталых трудящихся»⁶¹. Или поверили словам Сталина, сказанным два года назад, о том, что каждый гражданин имеет право исповедовать любую религию?⁶² А может быть, они считали, что все происходящее — лишь самоуправство местного начальства, и надеялись своей гордой позицией убедить, устыдить его?

Сопrotивление такого рода — не единичный факт Народ не был равнодушен к попранию веры и ее символов. Примером может служить случай ареста С. К. Семина, который, выразив протест против закрытия церкви, был осужден по статье 58-10 УК РСФСР. Арестованный якобы за сопротивление властям, он был досрочно освобожден из лагерей за хорошую работу и препровожден в Нижний Тагил, оставаясь лишенцем до 1936 г. Следует отметить демонстрацию женщин в с. Балакино в связи с арестом дьякона Чернова. Особенно выделялась из толпы Орина Финодеева 55 лет (вдова, беднячка), которая кричала: «Дьякон нам нужен, церковь от государства отделили, и вы брать его не имеете права!»⁶³

Однако такое сопротивление не давало особых результатов и, как правило, было обреченным на поражение 11 декабря 1929 г. президиум горсовета вновь заслушал доклад предгорсовета Истомина о Выйско-Никольской церкви и решил отнять ее у «незначительной группы верующих» и переоборудовать в школу. Когда же приход-

⁶⁰ НТФ ГАСО. Ф.70. Оп.2. Д.116. Л.541—543.

⁶¹ Большая Советская Энциклопедия. 1934. 1 изд. Т. VI С.185.

⁶² См.: Сталин И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 г. // Вопросы ленинизма. М., 1933.

⁶³ НТФ ГАСО Ф.70. Оп.1 Д.1351, Д.22. Л.56.

ский совет попросил разрешения на проведение собрания членов общины для регистрации и ознакомления с последними постановлениями ВЦИК, СНК и НКВД относительно церкви, в просьбе было отказано. В январе 1930 г изъяли татаро-башкирскую мечеть⁶⁴ «для использования ее под нацменклуб». В документе об изъятии указано, что «взрослого татаро-башкирского населения, имеющего право голоса, насчитывается не более 280 человек, за отобрание мечети голосовали и дали подписи 269 человек, таким образом, от голосования и дачи подписи отказалось 21 человек... это количество составляют члены мечетского совета и члены их семей и лица, чуждые рабочему классу (лишенцы)»⁶⁵.

В начале февраля 1930 г. в Нижнем Тагиле запретили колокольный звон, а вскоре колокола сбросили с колоколен.

В феврале 1930 г. президиум горсовета по докладу члена совета Яковлева постановил: «Учитывая массовые требования трудящихся города о закрытии Входа-Иерусалимского собора и Введенской церкви, обоснованное на необходимости использования этих зданий под учебные мастерские по поднятию и выковыванию квалифицированной рабочей силы... требование трудящихся г. Тагила о закрытии Входа-Иерусалимского собора и Введенской церкви удовлетворить»⁶⁶. Одновременно были закрыты и церкви в селениях Нижнетагильского округа.

Схема закрытия обычно была предельно проста: арест священника; обезглавливание церковного совета, распад общины, закрытие церкви. От общины оставалось только несколько неграмотных пожилых женщин, чьи ходатайства никто всерьез не воспринимал. Именно так закрывалась церковь в Шиловке.

Были и другие проверенные способы. Например, взамен арестованного священника назначить другого, но пьющего, от которого сами прихожане открещиваются, просят убрать. «Вам не нравится этот? Тогда не будет никакого!» — и постепенно пустеет храм, и старикам некуда идти со своими молитвами. Или — согнать в одну церковь, в невообразимую тесноту, приверженцев разных верований (к примеру, старообрядцев и обновленцев),

---

⁶⁴ Она находилась в Татарской слободе, на правом берегу р Тагил, недалеко от Маральского моста.

⁶⁵ НТФ ГАСО Ф 70 Оп.2. Д.116. Л 748

⁶⁶ Там же

вызывая их раздражение, душевную и физическую усталость». Очень эффективно действовал многолюдный гвалт перед церковью во время молебна — с карнавалом, с факелами, с песнями, оркестром, криками «ура», сжиганием изображений «богов». Называлось это антирелигиозным праздником «Торжество правды». Иногда священнику давали разрешение проводить службы на один месяц, которое каждый месяц необходимо было продлять на тот же срок. И так — не один год! Священник каждый раз был вынужден являться на регистрацию к секретарю исполкома, отмечаясь у него, как отмечаются сейчас условно осужденные в спецкомендатуре. Все эти методы назывались «массовой атеистической работой среди населения».

В ходе ожесточенной антирелигиозной борьбы составлялись «боевые сводки». Вот строки из документа такого рода, где дается политико-экономическая характеристика района по состоянию на 31.12.1931 г.: «По числу классово-чуждого и антисоветского элемента Тагильский район занимает первое место по округу, или 5,2 % к общему числу всего населения района. Лишенцев — 900 человек, закоренелых обывателей и церковников — 100 человек, нэпманов и кулаков до 900 человек». Налицо боевые победы: «Из 12 существующих в районе церквей закрыто 6 церквей самой массой. Имеется секта лучинковцев в 24 человека с активом в 6 человек, но никакого влияния на окружающее население она не имеет»⁶⁷.

К концу 30-х годов «чуждые рабочему классу элементы» были основательно «прополоты». Смельчаков, подобных авторам заявления церковно-приходского совета Выйско-Никольской общины, открыто обвинявшим представителей власти в преступных действиях против верующих, уже не было. Уровень, на котором принимались решения о закрытии культовых зданий, снизился. Например, в январе 1938 г. в президиум Нижнетагильского горсовета поступило заявление от церковного совета старообрядческой общины с жалобой на действия агента горкомхоза Огаркова, который закрыл старообрядческую часовню по улице В. Черепанова. Подписано заявление людьми явно преклонного возраста, а сам текст написан детской рукой, очевидно, под диктовку. Чувствуется стремление написать предельно аккуратно — а вдруг это поможет, убедит? Не помогло — часовню закрыли, даже без сбора подписей. На этом переписка закончилась.

---

⁶⁷ НТФ ГАСО. Ф.70. Оп.3. Д.2:

Подошла очередь и Александро-Невской церкви. Конечно, она и раньше не была обойдена вниманием НКВД. В начале 1930-х годов ее настоятелем был отец Всеволод Черепанов, перешедший сюда из Введенской церкви. Здесь же служил регентом его сын Леонид, судьба которого трагична. До революции Леонид окончил Пермскую духовную семинарию, был назначен в Скорбященский монастырь священником. В 1918 г его посвятили в сан епископа под именем Льва. В 1925 г Льва арестовали, и он отбывал срок на севере. Вернулся в 1932 г., но служить ему не разрешили, поэтому он был вынужден согласиться на место регента церковного хора Александро-Невской церкви. В 1937 г. снова был арестован и погиб.

В борьбе за закрытие Александро-Невской церкви сыграли свою роль противоречия в православной церкви. В 1920—30-х годах в ней существовало два течения. Одно из них представляли приверженцы патриарха Тихона, арестованного и судимого в начале 20-х годов за сопротивление насильственному изъятию церковных ценностей («тихоновцы»). К другому течению относились сторонники модернизации церковного культа, приспособления церковной деятельности к изменившимся условиям. Приспособление это заключалось в том, что «обновленцы» слишком легко и охотно соглашались с любыми действиями властей, в том числе и такими, которые проводились прямо против церкви. А такие пункты программы «обновленцев», как ликвидация патриаршества и монашества, ношение духовенством гражданской одежды, критическое отношение к культу мощей, были совершенно неприемлемы для приверженцев традиционного культа. История обоих течений изобилует многими неясностями, однако материалы, опубликованные в последнее время, говорят о том, что обновленчество часто использовалось как подрывная сила внутри православной церкви. Как и во всей стране, между тагильскими «тихоновцами» и «обновленцами» велась непрерывная глухая борьба за приверженцев, за захват церковных зданий.

Сохранилось анонимное заявление-донос в адрес секретаря культурной комиссии горисполкома (май 1938 г.) В нем «прихожанин Гальянского прихода» обвиняет одного из активистов церкви М. Ф. Лазарева сразу в нескольких грехах, каждого из которых вполне хватало для «оргвыводов». Это и «бывший кулак», и «отец арестованных сыновей», и «тихоновец», а еще и «пособник не-

порядочного священника». «Прихожанин» просит «выяснить правду и ликвидировать гнездо». Однако для проведения операции по «ликвидации гнезда», то есть закрытия церкви, анонимного доноса было недостаточно. Надо было «подработать» состав церковного совета. Туда включили и «обновленцев». Священника выдворили. А в мае 1939 г. появилась докладная записка председателя Ленинского райсовета Н. Куликова. В ней говорилось, что на 35 тыс. человек, проживающих на Гальянке, Ключах и Вые, не имеется ни одного театра и клуба, кроме красного уголка ВЖР, вследствие чего «трудящиеся Ленинского райсовета (так в тексте) в количестве 4975 человек⁶⁸ просят своими постановлениями райсовет о закрытии Александро-Невской церкви и передаче ее под пионерский клуб»⁶⁹.

Интересно, что в своем отчете горкому ВКП(б) ответственный секретарь горисполкома Яковлев 16 ноября 1940 г. писал: «Посещаемость Казанской церкви очень большая, я был в 1938 г. и в конце 1939 г., оба раза с трудом можно было пройти. Народу как сельдей в бочке» И это несмотря на несовместимость староверов и «обновленцев»! Из того же отчета следовало, что и Александро-Невская церковь посещалась тоже весьма активно⁷⁰.

20 мая 1939 г. президиум горсовета принял постановление о закрытии Александро-Невской церкви, «учитывая ходатайство граждан Ленинского райсовета в количестве 6000 человек» (президиум изрядно округлил цифру), и передаче ее под кинотеатр⁷¹.

Однако требовалось еще утверждение вышеупомянутого постановления облисполкомом. Такое решение последовало только в марте 1940 г. Документ этот был получен в Тагиле одновременно с «не подлежащим оглашению» указанием облфинотдела об изъятии всего церковного имущества⁷². В документе учтено, казалось бы, все: куда — колокола и языки от них, куда — золочан-

---

⁶⁸ Цифра в печатный текст вписана Н. Куликовым, самих заявлений трудящихся в деле нет. Н. Куликов жил здесь же, на Гальянке, недалеко от школы. Слыл большим активистом, церковь преследовал давно и упорно, и его как главного разорителя старожилы помнят до сих пор. Вскоре после закрытия церкви он заболел скоротечной чахоткой и умер, что дало пищу для разговоров о «божьей каре» (НТФ ГАСО. Ф.70. Оп.2. Д.116. Л.361).

⁶⁹ НТФ ГАСО. Ф.70. Оп.2. Д.116. Л.187

⁷⁰ Там же. Л.244.

⁷¹ Там же. Л.182.

⁷² Там же. Л.174.

ку и серебрянку, ризы с икон и чаши, медные монеты ковры и дорожки, салфетки и столы, стулья и чехлы от них — все на учет. Впрочем, ни слова не было сказано об иконах и книгах. Они никакой цены не имели, поэтому не учитывались. По воспоминаниям старожиллов, иконы, с которых были содраны оклады, рубили топором на дрова и кое-кто из плачущих старух утаскивал эти «дрова» по домам. Кому-то удалось унести и недорубленные иконы⁷³ Директор находившейся рядом школы № 41 М. Г. Корякова посылала учащихся носить эти «дрова», чтобы топить школьные печи.

Точно так же поступали с книгами. Если крышки переплета были покрыты металлом, его сдирали для сдачи во вторцветмет, книгу рубили топором — и в печь. Макулатуру тогда школьники не собирали.

То, что своими действиями облфинотдел нарушал закон, никого не беспокоило. А ведь в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК и СНК РСФСР, принятым еще в 1929 г., к фактическому изъятию церковного имущества и ликвидации церкви можно было приступить только по истечении 15-дневного срока после объявления решения облсовета. Это время давалось верующим для обжалования решения в Президиуме ВЦИК. По-видимому, такая жалоба в Москву была послана, так как окончательный ответ о судьбе церкви пришел уже из Москвы Президиум Верховного Совета РСФСР 6 июля 1940 г утвердил решение облисполкома о закрытии Александроневской церкви и передал здание исполкому Нижнетагильского горсовета для переоборудования его под кинотеатр⁷⁴.

Конечно, никакого кинотеатра в церкви не устроили. Да никто и не собирался этого делать. А разговоры о клубе или кинотеатре были очередным обманом. Очередным — еще с тех времен, когда в одном из храмов Скорбященского монастыря устроили баню, а другой, прекраснейший по архитектуре и предназначавшийся для клуба стал кладовой. Очередным — после «школы» в Выйско-Никольской церкви, «филиала музея» или «мастерских по выковыванию квалифицированной рабочей силы»

---

⁷³ Так дожила до наших дней и вернулась в церковь икона «Покров пресвятыя Богородицы». Почти пятьдесят лет она служила в качестве столешницы ликом вниз, на ней сохранились следы от прикручиваемой мясорубки.

⁷⁴ НТФ ГАСО Ф.70 Оп.2 Д.116 Л.219

во Входо-Иерусалимском соборе, «общежития» или «типографии» во Введенской церкви, «нацменклуба» в здании мечети. Но если при изъятии у верующих Выйско-Никольского храма в 1929 г. создавалась видимость дела (составлялась смета переделки церкви), то теперь, спустя десять лет, никаких объяснений с верующими не было. А Совет по делам русской православной церкви, созданный для контроля за соблюдением советского законодательства по вопросам религии и церкви, рассылал по всей стране директиву о том, что духовенство и верующие не имеют права «быть ознакомлены с инструкциями Совета по делам церкви и с подробными мотивами решений об отклонении тех или иных ходатайств»⁷⁵.

18 декабря 1943 г. секретарь исполкома Нижнетагильского горсовета М. Губанов в отчете исполкому облсовета дал сведения о недействующих церквях в подотчетном периоде: «Секретно... Александровская церковь в Тагиле — пустует...» Нельзя сказать, что не было попыток использовать здание. Так, в начале 40-х годов возникла идея устроить там гараж. Сломали паперть, разобрали пол, чтобы ничто не мешало въезду автомашин. Однако гараж уже был — в Троицкой церкви, и второй оказался не нужен. Несколько лет там бродили коровы, спасаясь в церкви от летнего зноя. Жители постепенно разобрали кирпичную ограду на фундаменты домов, а в начале 50-х годов здесь устроили склад дуста.

Главным делом революции в России стало осквернение и разрушение святых, опустошение людских душ, лишившихся веры в святые идеалы. Издавна на Руси было широко распространено паломничество к святым мощам Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Дмитрия Салунского. На Урале поклонялись святым мощам Симеона Верхотурского, помещенным в раке, хранившейся в Верхотурском храме. С началом антирелигиозной борьбы святые мощи вывезли из Верхотурья в Тагил. Здесь их выставили, якобы для развенчания магической силы, в устроенном во Входо-Иерусалимском соборе музее атеизма. Затем, когда эта церковь была взорвана и алтарь поразительной красоты (дело рук итальянских мастеров) уничтожен, местные власти забыли о мощах. Они попали в фонды Нижнетагильского краеведческого музея, а затем вывезены в церковь с Елиза-

⁷⁵ НТФ ГАСО Ф 70. Оп. 2 Д. 116. Л. 21

ветинское под Екатеринбургом, где хранились до осени 1992 г. 27 сентября 1992 г. мощи торжественно провезли через Нижний Тагил в знак уважения к городу, который, несмотря на все перипетии, сохранил святыню, и возвратили в Верхотурский храм. Возрождается святыня — возрождается душа человеческая. Надеемся, что так оно и есть на самом деле.

§ 3. МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ 1930-х ГОДОВ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ

« Враги и обманщики партии разоблачены, и партийные группы исключили их из партии. Но можем ли мы на этом успокоиться? Нет. Наоборот, эти факты еще и еще раз заставляют нас настроиться, повысить революционную классовую бдительность, усилить большевистское чутье, уметь распознать врага в новой личине, какими бы масками он ни прикрывался, ибо «революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам»

Из статьи «Враги» многотиражной газеты завода им. В. В. Куйбышева «Динамная сталь» (1935. 23 сент.)

Этапы репрессий в Нижнем Тагиле соответствовали этапам «большого пути» всей страны. В конце 1920-х годов начался слом механизма нэпа. Жертвой политики ускоренной индустриализации стало, с одной стороны, крестьянство, с другой — оппозиция в партии и старые кадры руководителей промышленности, «спецы». Началось массовое раскулачивание, прошел процесс Промпартии, нанесены удары по «левой» оппозиции во главе с Л. Д. Троцким, затем по «правой» — во главе с Н. И. Бухарным.

Эхом этих событий стала «битва» большевиков Высокотурского железного рудника с «кулацкой агентурой» в 1927—1929 гг.⁷⁶ В год «великого перелома» (1929)

⁷⁶ См.: Были горы Высокой. М., 1935. С.270—272

на ВЖР прошла партийная чистка — появились первые жертвы нового этапа «ожесточенной классовой борьбы». Однако чистка не принесла желаемых результатов как в масштабах страны, так и в Тагиле. Первая пятилетка оказалась под угрозой срыва, сдвигов в производительности труда не происходило. Дело заключалось не во «вредителях», а в системе хозяйствования. На Урале развитию промышленности мешала система округов. Началась реконструкция. Наряду с приказными методами использовали материальные стимулы к труду, возобновилось движение хозрасчетных бригад. Но стоило производству войти в нормальное русло, как снова «закручивались гайки», вздымались волны кампаний по выявлению «вредителей». В 1930 г. партийно-хозяйственное руководство рудника было полностью заменено, директором назначили А. А. Давыдова. Он увидел корень бед в отсутствии механизации рудничных работ и с энтузиазмом взялся за преобразования: перешел к открытой добыче руды, пустил канатную дорогу в Граневой выработке. Результаты не замедлили сказаться: повысилась производительность труда, и в 1933 г. (впервые с 1930 г.) был выполнен план работ.

Однако партия не дремала, а Сталин в 1932—1936 годах предпринимал все возможные меры, чтобы уничтожить тех, кого он считал своими партийными врагами. 12 января 1933 г. пленум ЦК вынес резолюцию о всеобщей чистке партии. В том же году было «вычищено» 800 000 бывших коммунистов, а в следующем 1934 г. — еще 340 000⁷⁷.

Коснулись эти чистки и Нижнего Тагила. В книге «Были горы Высокой» по этому поводу говорится: «Чистка 1933 г. — большой итог в жизни рудника. Почти все, что происходило у Высокой в последние полвека, получило свое отражение в чистке»⁷⁸. Всего на ВЖР прошло 38 собраний, посвященных «чистке»; в них участвовали около 7000 чел. Причем группа горняков-коммунистов посещала собрания всех цехов изо дня в день. Естественно, что о работе на это время пришлось забыть. Однако итоги оказались поразительны: по мнению авторов упомянутой книги, именно чистка повысила производительность труда до 128 %, а рудник выполнил программу 1933 г. и попал на всеуральскую доску почета имени XVII парт-

⁷⁷ Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991 Т.1 С.51

⁷⁸ Были горы Высокой. 1935. С.382.

съезда. В то время как энтузиасты-коммунисты, презрев свои должностные обязанности, пылко разоблачали «кулацкую агентуру... — оппортунистов, двурушников, мошенников»⁷⁹, директор рудника Давыдов предпринимал отчаянные усилия по сохранению квалифицированных кадров рабочих. Именно его талант руководителя позволил добиться высоких показателей в работе и вывести рудник из кризиса.

Такая же ситуация сложилась и на Уралвагонстрое. Невыполнение планов строительства объясняли в духе теории классово́й борьбы и с упоением чистили ряды партии, рассчитывая таким образом решить хозяйственные проблемы. После 1933 г. численность партийной организации УВС резко сократилась. Однако из тупика строительство вывело совсем не это, а механизация работ, внедрение новых технологий строительства, умелое руководство Г. З. Павлоцкого и Л. М. Марьясина.

В 1934 г. Сталин предпринял решающий шаг в расправе с политической оппозицией, организовав убийство С. М. Кирова. В январе 1935 г. прошел процесс над «убийцами» во главе с Зиновьевым и Каменевым. На местах разразилась новая волна арестов, захватившая десятки тысяч бывших участников оппозиции и всех других подозреваемых. Однако жертв оказалось больше в центре, чем на периферии. В Нижнем Тагиле последствия этого процесса проявились мало. Город принял ссыльных, заклеянных аббревиатурой «КР» — Кировский расстрел. Это были члены семей, родственники и близкие знакомые тех, кого расстреляли за организацию убийства Кирова.

Тем не менее в Нижнем Тагиле были свои основания оттачивать оружие классово́й борьбы, свидетельством чему два процесса: суд над «враждебной группировкой» во главе с А. Н. Словоцким и суд над убийцами осодмильца Д. Кедуна и рабкора-коммуниста Г. Быкова. В обоих делах политические мотивы тесно переплетены с уголовными. В июле 1934 г. были арестованы работники краеведческого музея Т. К. Боташева, М. А. Зылева, О. А. Кротова и ее брат, техник-металлург А. А. Кротов. Их обвинили в краже музейных ценностей, что и подтвердило следствие. Директор краеведческого музея А. Н. Словоцков в краже замешан не был, ничего о ней не знал, и его вина заключалась лишь в слабом контроле

---

⁷⁹ Были горы Высокой. 1935. С.383—384.

за деятельностью своих сотрудников. Однако Словцов давно уже считался «бельмом на глазу» социалистического Тагила. Грехов за ним водилось немало: член следственной комиссии при Колчаке (установившей факты красного террора), защитник церкви (фактически он помог спасти мощи Симеона Верхотурского, защищал от разрушения Входа-Иерусалимский собор и т. п.) и вообще — «гнилой интеллигент». Поэтому при соответствующем давлении музейные воры обвинили А. Н. Словцова в «антисоветском влиянии». В октябре 1934 г. он был арестован за антисоветское искажение экспозиции музея, а 3 января 1935 г. состоялся суд над «враждебной группировкой» во главе со Словцовым, протаскивавшей «антисоветские настроения в экспозиции музея». В результате А. Н. Словцов получил три года тюрьмы, а истинных уголовных преступников осудили на меньшие сроки наказания⁸⁰

Архивные изыскания тагильского краеведа С. Ганжи прояснили суть «дела Словцова». Иначе выглядит ситуация по делу «Кедуна — Быкова», которое еще ждет своего исследователя. Однако и то, что известно, наталкивает на размышления. 13 февраля 1935 г. был убит работник группы содействия прокуратуре Д. Кедун, а в ночь на 13 апреля — рабкор Г. Быков. В апреле по этим убийствам арестовали 15 человек и судили их на выездном заседании военной коллегии Верховного суда. В числе обвиняемых оказались: убийца Кедуна — П. Криворучкин, убийца Быкова — П. Мокров и их «пособники-вдохновители» — Я. Мокров, И. Сеченев, В. Чернышев, В. Чернышева, И. Перепелкин, П. Пестов, А. Криворучкина и еще семь человек. Приговор суда гласил: «Мокрова П. и Мокрова Я., Сеченева И. и Криворучкина П., Перепелкина И и Пестова П. ...подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять с конфискацией всего имущества»⁸¹. Остальных приговорили к разным срокам лишения свободы. Заместитель заведующего орготделом горсовета П. О. Пестов самим Г. Быковым именовался не иначе как «осведомитель шайки бандитов, их идейный вдохновитель и враг рабочего класса, пролезший в аппарат горсовета». Эта формулировка популярного рабкора «Тагильского рабочего» почти ни у кого тогда не вызвала сомнений. Однако в 1992 г. Павел Осеевич Пестов был реабили-

⁸⁰ См.: Тагил. рабочий. 1992. 11 дек.

⁸¹ Были горы Высокой Свердловск, 1960 С.414

рован как репрессированный по политическим мотивам. Этот факт многое меняет в оценке происшедшего в те годы. Рабкор Быков работал в финансовой секции горсовета. Вместе с Д. Кедуном они «выявляли спекулянтов, торговцев, бывших белогвардейцев-эксплуататоров, добивались конфискации их имущества за злостную неплату налогов и лишения их избирательных прав»⁸². Статьи Быкова в газете для многих «врагов» стали фактически судебным приговором. В пылу ожесточенной классово-вой борьбы это казалось праведным делом, и Быков стал героем. Однако с точки зрения демократических норм права его статьи вполне можно рассматривать как доносы, зачастую приводившие к наказанию невиновных людей⁸³. Одной из таких жертв и стал Павел Пестов. Этим мы ни в коей мере не пытаемся оправдать убийц Д. Кедуну и Г. Быкова. Очевидно, однако, что так называемое «классовое чутье» и «революционная бдительность» при решении судеб живых людей все чаще становились в 1930-е годы орудием преступлений.

В августе 1936 г. открылся московский процесс по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра». В результате этого судилища Сталину удалось добиться перелома в своей борьбе с оппозицией — получить санкцию на ее физическое устранение. В 1936 г. были расстреляны 16 лидеров оппозиции, заочно приговорен к смертной казни Л. Троцкий. Незамедлительно по всем лагерям прошли массовые расстрелы троцкистов⁸⁴. В 1937 г. состоялся второй московский процесс по делу «параллельного троцкистского центра» и были приговорены к расстрелу Г. Пятаков, Л. Серебряков и другие, обвиненные в антисоветской деятельности и шпионаже. В 1938 г. прошел третий московский процесс по делу «антисоветского троцкистского блока», решивший судьбу Рыкова и Бухарина. Штамп «врага народа» ставился на своих и «чужих», знакомых и родственников, негра-

---

⁸² Были горы Высокой. 1960. С.409.

⁸³ Более того, есть основания говорить о Г. Быкове как о секретном осведомителе ОГПУ. Вот отрывок из его повествования о себе: «Выучился я читать и писать. Теперь вечерком сидишь, корреспонденции пишешь. Кого-нибудь да прохватываешь... Написал я секретную корреспонденцию в «Тагильский рабочий» и для областных и районных органов ОГПУ, прокуратуры и угрозыска...» (Были горы Высокой. 1935. С.447).

⁸⁴ Жарова Л. Н., Мишина И. А. История Отечества. М., 1992. С.300—301.

мотных мужиках и академиках⁸⁵. К началу весны 1937 г. террористическая машина уже была хорошо отлажена. Февральско-мартовский пленум ВКП(б) дал на места команду о расправе. И террор начался.

В апреле 1937 г. был пущен в ход механизм пере-выборов местного партийного руководства. Шумная кампания в печати сопровождалась массовыми доносами на «врагов народа».

На XX съезде партии Хрушев рассказал, как отдел НКВД по Свердловской области «открыл» так называемый «Уральский штаб восстания — орган блока троцкистов, правых уклонистов, эсеров и священников». Его руководителем был назван секретарь Свердловского обкома, член ЦК ВКП(б) Кабаков. По словам Хрущева, «число арестов по обвинению в контрреволюционных преступлениях возросло в 1937 г., по сравнению с 1936 годом, больше, чем в 10 раз»⁸⁶.

Набирала силу волна репрессий и в Нижнем Тагиле. 23 декабря 1936 г. на отдыхе в Сочи был арестован руководитель Уралвагонстроя Л. М. Марьясин. Его обвинили во вредительстве и организации покушения на Орджоникидзе. 4—6 января 1937 г. в Тагиле состоялась XIV партконференция, где И. Д. Кабаков и Ш. С. Окуджава (1-й секретарь горкома ВКП(б)) выступили с разоблачениями «троцкистской банды Марьясина». А 9—10 февраля на собрании городского партактива сам Окуджава признавался в троцкистских ошибках⁸⁷. В Тагил прибыла комиссия во главе с начальником Главстройпрома Гинзбургом и кандидатом в члены ЦК ВКП(б) Павлуновским для проверки вредительских дел на УВС. Однако комиссия, вопреки велению свыше, сделала вывод: «Ознакомление с Уралвагонзаводом привело нас к твердому убеждению, что вредительская работа Пятакова и Марьясина на стройке не получила большого развития»⁸⁸. Такие выводы никак не удовлетворяли центр. 28 февраля 1937 г. раздался грозный оклик Молотова на пленуме ЦК ВКП(б), где он обвинил комиссию в политической близорукости и назвал Окуджаву вместе с Марьясиным вредителями-троцкистами. Окуджава еще

⁸⁵ Жарова Л. Н., Мишина И. А. Указ. соч. С.301.

⁸⁶ Цит. по: Конквест Р. Указ соч. Т.1. С.367—368; Т.2. С.11.

⁸⁷ См.: Тагил. рабочий. 1990. 9 окт.; 14 дек.; 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С.135.

⁸⁸ Молотов В. М. Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов. М., 1937. С.42.

16 февраля был освобожден от должности и арестован как «троцкист-двурушник». 14 марта 1937 г. XIV пленум Свердловского обкома исключил его из своего состава как «врага народа»⁸⁹. В этом же году арестовали управляющего трестом «Востокруда», директора ВЖР А. А. Давыдова. Окуджава, Марьясин и Давыдов по приговору НКВД расстреляны. В мае 1937 г. арестовали и Кабакова, которого также приговорили к высшей мере наказания.

Кампания уничтожения «врагов народа» охватила массы людей. По публикациям «Тагильского рабочего» можно проследить степень безумия этого самоистребления. Например, в январе 1937 г. с митинга рабочих завода Куйбышева было направлено письмо наркому Ежову с просьбой приговорить к расстрелу «фашистских ядовитых змей Иуды Троцкого» — Пятакова, Радека, Турока⁹⁰ и Марьясина⁹¹. Затем пострадали многие из этих митинговавших. Очень многих исключали из партии. В июне 1937 г. на второй Свердловской конференции ВКП(б) назвали цифры «вычищенных» из партийных рядов: с 1934 г. исключены 18 000 человек (из общего числа членов парторганизации области 48 000 человек). Через год исключили еще 5478 человек⁹². Следует заметить, что почти за каждым исключением следовал арест. Репрессии на Урале организовывались твердой и безжалостной рукой испытанных соратников диктатора — Андреева, Жданова, Кагановича.

В 1937 г. число арестованных нарастало от месяца к месяцу. Аресты явно планировались. Заметны попытки властей объединять обвиняемых вокруг одного дела, чтобы доказать существование террористических повстанческих организаций. Так, в конце 1936 — начале 1937 г. была арестована целая группа жителей пос. Висим: И. И. Мартилов, С. В. Евстратов, П. Т. Скакун, П. М. Ермаков, П. А. Самойлов. Им вменялись в вину участие в троцкистской заговорщической организации и подготовка к убийству Кирова. Более того, их дело пытались объединить с делом тагильчан В. Р. Носова, А. Н. Аганичева, А. Л. Пунтуса (правда, неудачно). Всех «заго-

---

⁸⁹ См.: 37-й на Урале. С.188—193.

⁹⁰ И. Д. Турок — замначальника по эксплуатации Тагильского отделения железной дороги, арестован с Марьясиным.

⁹¹ Тагил. рабочий. 1990. 14 авг.

⁹² 37-й на Урале. С. 5, 6.

ворщиков» расстреляли в Свердловске⁹³. В 1937 г. арестовали преподавателей горно-металлургического техникума: химии — И. К. Хлопотова, горного дела — Ф. К. Францева, немецкого языка — И. И. Штэрба. Всех обвинили в проведении контрреволюционной деятельности — организации повстанческой группы и диверсиях. И. К. Хлопотова приговорили к расстрелу, другие попали в лагерь⁹⁴.

Организация крупных дел характерна и для 1938 г. В октябре был арестован глава земельного отдела Ленинского райисполкома В. К. Уткин, и 22—24 ноября состоялся открытый показательный процесс над «группой Уткина»⁹⁵. В нее включили Веникова, Жмаева, Рыбникова, Трахова и обвинили в создании «организации правых» связи с «врагами народа» Окуджавой, Пальцевым (второй секретарь горкома ВКП(б), Грушиным (председатель райисполкома) и во вредительстве в животноводстве. Приговор гласил: расстрелять.

Еще один «троцкистский заговор» созрел на Уралвагонзаводе. На этот раз его лидером стал директор УВЗ с 1932 г. Григорий Зиновьевич Павлоцкий. Военной коллегией Верховного суда СССР 15 августа 1938 г. он был приговорен по статьям 58-6, 58-8 и 11 УК РСФСР к «высшей мере социальной защиты»⁹⁶. К этому следует добавить, что арест каждого крупного руководителя автоматически вызывал аресты всех тех, кто с ним работал и общался, а это сотни и тысячи людей⁹⁷. Многие люди в этой ситуации, со дня на день ожидая ареста и не рассчитывая выдержать допросы и пытки, буквально теряли рассудок. Так, после ареста Марьясина покончил с собой его ближайший друг, начальник вагоносборочного цеха УВЗ М. А. Тамаркин. Когда-то они вместе начинали строительство Магнитостроя и теперь не хотели предавать друг друга⁹⁸.

Кульминация массового террора в СССР пришлось на

---

⁹³ Тагил. рабочий. 1991. 20 марта.

⁹⁴ Из архива Нижнетагильского общества «Мемориал».

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Справка КГБ СССР. Управление по Свердловской области 19.06.89. № 16/к-610.

⁹⁷ Списки репрессированных, составленные сотрудниками музея УВЗ, охватывают период с 1936 по 1940-е годы и включают в себя 2010 человек. При этом следует учесть, что картотека архива УВЗ изучена только до буквы «М».

⁹⁸ Информация из архива музея УВЗ.

первую половину 1938 г. В последующие месяцы вакханалия пошла на спад. Главная цель была достигнута — страна сломлена, люди оцепенели от страха и взаимных подозрений. Теперь для поддержания молчаливой покорности достаточно было проводить не такие многочисленные, но систематические аресты. Р. Конквест по этому поводу пишет: «Органы безопасности продолжали время от времени прочесывать страну, ударяя по всем подозрительным элементам. В лагеря отправлялись ежегодно до миллиона человек... Но неистовство 1936—38 годов больше не повторилось»⁹⁹.

В 1930 г. репрессиям подвергались в основном крестьяне, рабочие и священнослужители. Рабочие — это согнанные в Нижний Тагил спецпереселенцы или иностранные граждане (поляки), пересекшие границы СССР в поисках работы. Наказания в это время были еще весьма «гуманными» — заключение в лагеря в среднем на три года, ссылка и очень редко — расстрел. Вплоть до 1936 г. масштабы арестов по политическим мотивам в Тагильском районе были скромными. Однако дело тут не в заботе местных властей о земляках, а в том, что основная масса тагильчан к тому времени состояла из уже наказанных — спецпереселенцев, лишенных гражданских прав, вербованных на стройки под угрозой ареста ОГПУ и т. п. В 1935—1936 годах в Нижний Тагил сослали репрессированных в связи с убийством Кирова.

В 1936—1938 годах масштабы репрессий в городе и районе резко расширились. По второму кругу наказывали репрессированных ранее, лишали свободы или расстреливали тех, кто еще не попадал в руки ОГПУ — НКВД. В 1935—1936 годах арестованных лишь слегка пожурили — кого-то исключили из партии, кого-то перевели под гласный надзор, сослали в ИТЛ, и только немногих расстреляли. Зато 1937 г. почти для половины жертв стал смертельным. В этом году лавина репрессий стремительно нарастала и достигла пика в январе 1938 г. Среди арестованных преобладали рабочие — красноречивая иллюстрация понятия диктатуры пролетариата! НКВД в этой вакханалии беззакония пытался как-то замаскировать свои действия. Так, в личных карточках арестованных на УВЗ мы видим разные записи: «отзыв по запросу НКВД», «арест», «уволен по статье 47Д КЗоТ» (увольнение по причине ареста). Однако знакомство с судьбами лю-

---

⁹⁹ Конквест Р. Указ. соч. Т.2. С.285, 306.

дей, уволенных с завода по этим трем причинам, позволяет сделать вывод, что подавляющее большинство из них репрессированы по политическим мотивам. Приведем несколько примеров. Старший счетовод ЖКО УВЗ М. Е. Андрощук был уволен 16 мая 1937 г. по статье 47Д; расстрелян 15 октября 1937 г.; 16 января 1989 г. реабилитирован по Указу Президиума Верховного Совета СССР. Слесаря вагоносборочного цеха УВЗ А. М. Бера 31 декабря 1937 г. уволили по формуле: «отозван органами НКВД»; 8 октября 1938 г. расстрелян; 18 марта 1960 г.— реабилитация. А. В. Васильеву, обмотчицу электромонтажного цеха УВЗ, уволили «по причине ареста»; 7 февраля 1938 г.— расстрел; 1 сентября 1989 г.— реабилитация.

Таким образом, события в Нижнем Тагиле — закономерное отражение того, что происходило в масштабах всей страны. Однако есть и своя специфика — Тагил еще в начале 1930-х годов, еще до появления системы Тагилстрой — Тагиллаг НКВД, стал городом подневольных, раздавленных и униженных людей — спецпереселенцев, городом репрессированных.

§ 4. ТАГИЛЛАГ — ЛАГЕРЯ СМЕРТИ (1941—1953 годы)

«Мне нынче видится иною
Картина горестных потерь:
Здесь были люди
С той виною,
Что стала правдою теперь».

А. ЖИГУЛИН

Одно из крупных лагерных образований на территории Урала военного и послевоенного времени Тагиллаг НКВД¹⁰⁰ — это десятки лагерных пунктов с ужасающими

¹⁰⁰ По данным областной комиссии по реабилитации при МВД Свердловской области, в архивах содержится 549389 дел, которые подлежат пересмотру, из них к Тагиллагу относится 187570. При этом следует учесть, что в каждом деле обычно находятся документы на несколько человек — от одного до 15.

условиями труда и быта заключенных, страшные штрафные лагеря на Винновке и в Серебрянке, многочисленные массовые захоронения, тысячи никому не известных жертв голода, болезней, физического насилия; это судьбы русских, поляков, латышей, советских немцев, жителей среднеазиатских республик, военнопленных из спецлагерей № 153 и 245. Обнаруженные в Нижнетагильском госархиве документальные материалы позволяют проследить, как создавался Тагиллаг, установить масштабы произошедшей трагедии.

Тагиллаг был организован в 1941 г. в связи со строительством второй, «сверхлимитной» очереди Новотагильского металлургического (НТМЗ) и коксохимического заводов, объектов рудничного хозяйства и подчинялся Главному управлению лагерей промышленного строительства (Главпромстрой НКВД)¹⁰¹.

Война коренным образом изменила существо и содержание промышленно-хозяйственной деятельности ГУЛАГа, который с первых военных дней переключился на выполнение заказов для нужд фронта. Главными направлениями деятельности стали обеспечение дешевой рабочей силой десятков предприятий военного производства, строительство объектов народного хозяйства. Именно здесь, за колючей проволокой, на костях узников сталинских лагерей строились металлургические заводы, возводились домы, мартеновские печи и коксовые батареи, осваивались таежные пространства Северного Урала, в кратчайшие сроки были построены десятки предприятий оборонной и топливно-энергетической промышленности.

По решению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 ноября 1941 г. строительство Бакалметаллургстроя и Новотагильского металлургического и коксохимического заводов, осуществляемое трестом «Тагилстрой», было передано из системы Наркомстроя в ведение НКВД. Для передачи строительства совместным приказом наркомата по строительству и наркомата внутренних дел от 24 ноября 1941 г. были назначены уполномоченные от Наркомстроя А. С. Вишневский, от НКВД — В. С. Кульницкий; по акту от 28 ноября 1941 г. «первый сдал, а второй принял» строительство Тагилстроя¹⁰².

К этому времени на строительстве НТМЗ Тагилстрой

¹⁰¹ См.: НТФ ГАСО. Ф.229. Оп.1. Д.367. Л.2.

¹⁰² Там же. Д.334. Л.1, 2—8.

использовал вольнонаемных рабочих и труд заключенных исправительно-трудовой колонии, которая в порядке договора Тагилстроя с отделом исправительно-трудовых колоний УНКВД по Свердловской области от 21 ноября 1941 г. предоставила тресту до 2000 заключенных. «Рабочей силой, — говорилось в акте приема-сдачи дел, — строительство для выполнения программы на IV квартал обеспечено на 51 %»¹⁰³. Поэтому в срочном порядке НКВД предстояло перебросить в Тагил со спецстроек дешевую рабочую силу и приступить к созданию крупного лагерного хозяйства. Первым шагом на этом пути стало образование 25 декабря 1941 г. на базе переданной Тагилстрою исправительно-трудовой колонии лагпункта № 1. По состоянию на 26 декабря 1941 г. списочный состав заключенных колонии составлял 3587 человек. Сохранилось и ее описание: «Территория колонии в центральной зоне имеет 23 каменных барака... Из них занято под штаб — 1 барак, под стационар — 2 барака, и 1 барак занимает амбулатория и ремонтные мастерские, остальная площадь в количестве 8269 м² заселена исключительно заключенными... В зоне колонии имеется также столовая на 350 человек, кухня, штрафизолятор»¹⁰⁴.

Вскоре лагпункт № 1 принял первые этапы и стал известен как пересыльный пункт на Красном Камне.

Постановлением СНК СССР от 27 декабря 1941 г. и приказом наркома внутренних дел Л. П. Берии от 27 января 1942 г. вся ответственность за выполнение строительной программы в 1942 г. и обеспечение Тагилстроя необходимыми ресурсами возлагалась на коллектив Волгостроя¹⁰⁵. Это была крупнейшая строительная организа-

---

¹⁰³ НТФ ГАСО. Ф.221 Оп.1 Д.367 Л.5.

¹⁰⁴ Там же. Л.90—96.

¹⁰⁵ Вместе с этапами заключенных Волголага в Тагил прибыл и назначенный приказом НКВД от 27 января 1942 г. начальник строительства — старший майор госбезопасности и генерал-майор инженерно-технической службы Я. Д. Рапопорт. За плечами многоопытного лагерника-энкаведешника Рапопорта — обеспечение рабами-заключенными строительства Беломорканала и канала Москва — Волга. Он же был начальником Дмитлага НКВД, а в 1937—1941 годах — Волгостроя — Волголага НКВД. В конце 1930-х годов Я. Д. Рапопорт — заместитель начальника ГУЛАГа. Он состоял в родственных отношениях с М. Д. Берманом — начальником ГУЛАГа; с начала войны возглавлял строительство оборонительных сооружений в Московском районе. С 14 февраля 1942 г по 30 мая 1943 г — начальник Тагилстроя — Тагиллага НКВД. После прибытия М. М Царевского Рапопорт уехал на Волго-Дон, а весной 1944 г возглавил Челябинметаллургстрой НКВД.

ция Главгидростроя НКВД СССР, имевшая богатый опыт строительства гидротехнических сооружений на Беломорканале и канале Москва — Волга. Именно тресту «Волгострой» предстояло стать костяком строительства НТМЗ и лагеря НКВД, осуществить в срочном порядке переброску техники и оборудования с Рыбинского и Угличского гидроузлов на Шексне и Волге, со строительства полевых оборонительных сооружений наркомата обороны, провести тщательный отбор полноценной «рабочей силы» среди узников Волголага НКВД.

Как свидетельствуют архивные документы, первые эшелоны с волгостроевцами стали прибывать на строительные площадки уже в начале февраля 1942 г. в разгар самой лютной военной зимы на Урале. По данным на 10 февраля, в штате строительства НТМЗ числились 13,5 тыс. человек, в том числе 5250 заключенных¹⁰⁶. Среди прибывших было 1100 больных, 250 раздетых, 300 инвалидов. Численность узников стремительно нарастала и достигла своего пика к концу 1942 г. К этому времени число заключенных увеличилось в восемь раз и составляло 43 тыс. человек. Всего за 1942—1943 годы через лагеря Тагиллага прошли 85 547 узников, убыли же — 59 822. На начало 1944 г. на учете состояли 25 752 заключенных¹⁰⁷.

Прибытие тысяч заключенных потребовало от руководителей Тагиллага скорейшего распределения их по лагучасткам и принятия чрезвычайных мер. До войны в Нижнем Тагиле не было крупных лагерных образований, поэтому Тагиллаг пришлось создавать практически на пустом месте. Первые этапы, прибывшие в феврале — марте 1942 г., приняли и разместили в частично переоборудованных помещениях ИТК № 4 на Красном Камне и военного городка на Новой Кушве. Чрезвычайная скученность и невозможность разместить всех прибывающих в Тагиллаг из-за полного отсутствия жилищного фонда для лагерного строительства привели к тому, что часть людей оставалась по нескольку дней в вагонах на станции Рудная без питания, медицинской помощи, дров. В сорокаградусные февральские морозы, под открытым небом, на пустых площадках люди приступали к лагерному строительству, которое развивалось крайне медленно из-за нехватки материалов.

Условия жизни и работы узников Тагильского ГУЛАГа

¹⁰⁶ См.: НТФ ГАСО. Ф.229. Оп.1. Д.342. Л.65.

¹⁰⁷ Там же. Д.357 Л.49; Д.367.

были экстремальными. Жили в сырых, неотопливаемых бараках, где на одного человека приходилось менее одного квадратного метра. Спали в рабочей одежде на голых нарах, не умывались. Катастрофически не хватало теплой одежды, рукавиц, нижнего белья. Из-за небеспеченности вещевым довольствием, и особенно обувью, в зимние месяцы 1942 г. простои из-за разутости и раздетости составляли 10 % от всего списочного состава лагеря. «Отсутствие обуви,— говорилось в объяснительной записке к отчету треста за I квартал 1942 г.,— особенно сказывалось на слабосильных, которые при выходе из барака босиком в пределах зоны лагеря подвергались особенно часто простудным заболеваниям (до воспаления легких включительно)»¹⁰⁸.

На стройке преобладал тяжелый ручной труд. Наиболее трудоемкие земляные работы были механизированы только на 29 %, укладка бетона — на 50 %. Экскаваторов и других механизмов не было. К этому следует добавить 11-часовой рабочий день, установленный для заключенных основных и вспомогательных производств, сверхскудный рацион питания, и без того урезанный с началом войны. Администрация лагеря из-за низкой пропускной способности кухонь и нехватки индивидуальной посуды постоянно объявляла подъемы на час-полтора раньше положенного. Ситуация осложнялась отсутствием в рационе овощей и картофеля, которых особенно стало не хватать с наступлением весны. Вот что говорится в объяснительной записке к отчету треста «Тагилстрой» за май 1942 г.: «Из-за полного отсутствия в рационе овощей и картофеля, в том числе и квашеной капусты, значительного недополучения жиров питания заключенных было неудовлетворительным и однообразным. Широко практиковалась замена недостающих продуктов лагерного питания (овощей, рыбы, мяса) мукой и горохом. Такое преобладание безбелковой мучнистой пищи при значительном поступлении ослабленных контингентов с наступлением весны вызвало значительные заболевания цингой и пеллагрой»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ НТФ ГАСО. Ф.229. Оп.1. Д.349. Л.25.

К апрелю 1942 г. численность заключенных Тагиллага достигла 30080 человек; обеспеченность жильем — 2—3 м³ на человека (при гулаговской норме — 4,3 м³). Вещевым довольствием узники снабжались в среднем на 31 % (одежда, постельные принадлежности). Более 70 % заключенных спали на голых нарах.

¹⁰⁹ Там же. Л.23.

Тяжесть положения усугублялась полной неподготовленностью к приему больных и ослабленных заключенных, численность которых в прибывающих этапах достигала 50 %. В лагерях свирепствовал сыпной тиф, люди умирали от авитаминоза, цинги, дизентерии, замерзали от жуткого холода в землянках и бараках. Из-за нехватки медикаментов, недостатка больниц и лазаретов, врачей и среднего медицинского персонала узники порой были лишены самой элементарной медицинской помощи. Несмотря на это, лагерное руководство не предпринимало никаких конкретных мер по улучшению быта и санитарного обслуживания. Убыль рабочей силы в связи с огромной смертностью компенсировалась поступлением новых этапов. В погоне за планом начальство шло на постоянные нарушения инструкции ГУЛАГа о режиме содержания и труда заключенных. В отдельных лагерных участках на работу выгоняли ослабленных и больных, которым не снижали нормы выработки. Исключительно тяжелые условия жизни узников, массовая смертность и невыполнение плана по строительству НТМЗ стали причиной приезда в мае 1942 г. комиссии НКВД во главе с А. П. Завенягиным. В результате обследования Нижнетагильского исправительно-трудового лагеря НКВД было установлено, что начальник строительства Рапопорт и его заместитель Журин «на протяжении февраля — апреля месяцев не приняли надлежащих мер к приему и нормальному размещению з. к., прибывающих с этапами. Прибывающие контингенты размещались скученно, не было создано необходимых бытовых условий»¹¹⁰. Вскрылись факты преступного отношения к заключенным со стороны лагерной администрации. В шестом лаграйоне по вине начальника лагеря С. Н. Люблина в течение двух месяцев отсутствовала питьевая вода; «з. к. вынуждены были пользоваться снеговой водой, что повлекло за собой массовые желудочно-кишечные заболевания»¹¹¹. В седьмом лагерном районе, возглавляемом М. В. Жуковским, несмотря на эпидемию сыпного тифа, в течение полутора месяцев так и не были построены баня, дезкамера и прачечная. Отсутствие элементарной заботы об условиях труда и быта людей привело к тому, что на момент обследования 50 % заключенных оказались нетрудоспособными. За невыполнение своих обязанностей были сняты с работы

¹¹⁰ НТФ ГАСО. Ф.229. Оп.1. Д.343. Л.56—57.

¹¹¹ Там же.

и привлечены к уголовной ответственности начальник шестого лаграйона С. Н. Люблин, начальник санотдела А. Д. Первушин, отстранены от должности упомянутый выше М. В. Жуковский, его заместитель П. И. Петухов и начальник санотдела Тагиллага С. С. Вул¹¹². Отметим, что виновник гибели десятков людей Жуковский был всего лишь подвергнут условному аресту на короткое время и получил другую должность, а Рапопорт, лишившийся своего поста в мае 1943 г., возглавил в 1944 г. Челябинметаллургстрой НКВД.

Экстремальные условия существования узников Тагиллага, скверное питание, отсутствие медицинской помощи вели к массовым заболеваниям и повышенной смертности. Только в 1943 г. в лагерях Тагиллага умерли 7090 человек, или 21 % от общего числа заключенных. Из них подавляющая часть (5257 человек) умерли из-за дистрофии и пеллагры. Доля больных и ослабленных в 1942 г. достигла 26 %, а в 1943 — 35 % от всего контингента. Похоронные команды не успевали рыть могилы и делать гробы. Только из одного 8-го лаграйона, по свидетельству очевидца В. Н. Силко, каждую пятницу зимой — весной 1942 г. вывозилось до трех машин, наполненных доверху трупами. Аналогичная картина наблюдалась и в остальных лагерях. Поэтому руководству ГУЛАГа пришлось в феврале 1943 г. издать приказ по поводу захоронения умерших. В приказе начальника ГУЛАГа НКВД старшего майора госбезопасности Наседкина, разосланном зимой 1943 г. всем начальникам ИТЛ НКВД, указывалось: «...Настоящим устанавливается нижеследующий порядок погребения заключенных: 1. Наряду с захоронением каждого трупа в отдельности разрешить погребение в общих могилах по нескольку трупов вместе. 2. Допускать захоронение трупов без гробов и без белья»¹¹³.

В 1944—1945 годах смертность в лагерях несколько уменьшилась. В 1944 г. в Тагиллага умерли 825 человек, в 1945 г. — 725. Это объяснялось некоторым улучшением быта и питания заключенных. В 1944 г. во всех лагерях была завершена ликвидация нарной системы, целиком замененной койками, топчанами и вагонкой¹¹⁴. Постепенно наладилось медицинское обслуживание. Развитие

¹¹² НТФ ГАСО. Ф.229. Оп.1. Д.343. Л.56—57.

¹¹³ Там же. Д.349. Л.21.

¹¹⁴ Вагонка — двухэтажные койки особой конструкции. Ряд таких нар образует подобие купе пассажирского вагона.

собственной сельскохозяйственной базы в Свердловской, Курганской и Челябинской областях позволило направить в лагеря необходимые продукты питания. Кроме того, были увеличены нормы питания в ГУЛАГе: хлеба — на 12 %, крупы — на 24, мяса и рыбы — на 40 %. Стали попадать в лагерь и продукты из американской помощи, направленной по ленд-лизу.

НКВД, приступив к организации лагеря практически на голом месте, руками самих заключенных в кратчайшие сроки создал крупное лагерное хозяйство. По состоянию на 15 мая 1943 г. Нижнетагильский ИТЛ НКВД состоял из 18 лагерных подразделений, включавших в себя 26 участков, расположенных на строительной площадке НТМЗ и за ее пределами в радиусе от 30 до 200 км. Для размещения заключенных предназначались 103 барака и 57 землянок, где находились 37 000 узников. Тагиллаг имел 27 специализированных стационаров на 3 тыс. коек, 11 амбулаторий, 21 баню-прачечную с дезкамерами и целый ряд других коммунально-бытовых служб. Система лагерей обладала сложной административной структурой, соответствовавшей специфике производственной деятельности треста «Тагилстрой».

До начала 1946 г. строительство и лагерь были разбиты на районы с привязкой к определенным хозяйственным единицам: районы строительные, лесозаготовительные (9-й и 14-й в Ясьве и Решах), сельскохозяйственные (11-й в Петрокаменске), оздоровительные (пос. Черноисточинск), больничные, а также отдельный железнодорожный и погрузочный участки. Главная роль в структуре Тагилстроя — Тагиллага НКВД отводилась строительным районам, в чьи функции входили возведение и пуск ключевых объектов НТМЗ. Среди них наиболее крупными были: 1-й и 2-й лаграйоны (соответственно 4,2 и 2,4 тыс. заключенных), осуществлявшие в военные годы строительство коксовых батарей, цехов Нижнетагильского коксохимического завода, доменной печи № 3, здания ТЭЦ; 4-й район, занятый строительством огнеупорного завода; 5-й и 6-й лаграйоны на территории Пионерского поселка, поставлявшие рабочую силу заводам металлоконструкций (ЗМК-1 и ЗМК-2), авторемонтному заводу, на сооружение фасонно-литейного и прокатного цехов НТМЗ. Силами заключенных 7-го лаграйона велось строительство объектов ВЖР, аглокомбината, Верхне-Выйской плотины, райводопровода.

Лаграйоны объединяли многочисленные лагерные

участки, в каждом из которых содержалось от 500 до 1500 человек. В редких случаях для обслуживания отдаленных строительных участков создавались такие лагерные единицы, как командировки и подкомандировки. Одна из командировок находилась при Невьянском цементном заводе, поставлявшем строительные материалы Тагилстрою. Помимо этого, в лагерной системе Тагилстроя были и так называемые «шарашки» — организованные в феврале 1944 г. в районах и на отдельных участках Тагиллага «комнаты рационализаторов», фактически представлявшие собой конструкторское бюро¹¹⁵. Так, в 1943 г. из 419 рацпредложений, поступивших в бюро рационализации и изобретений Тагиллстроя, 209 были поданы лагерными изобретателями. Об эффективности внедренных рацпредложений свидетельствует тот факт, что только 16 из них дали 186,5 млн рублей годовой экономии¹¹⁶.

Особую роль в жизнедеятельности лагеря играл 8-й район. В годы войны на его территории были организованы центральные пошивочные мастерские, снабжавшие строительство и лагерь вещевым довольствием. В 1945 г. на базе этого района на Красном Камне создали центральный производственный комбинат, включивший несколько цехов: сапожный, портновский, пимокатный, слесарно-механический и др. На работу сюда направили неработающих и физически ослабленных заключенных из основных производственных районов. Здесь же, на территории 8-го района, находился и центральный лазарет Тагиллага, созданный весной 1942 г. на 1000 койкомест и имевший хирургическое, терапевтическое, нервное, а также отделения акушерства и гинекологии. По свидетельству очевидцев, основную массу направляемых в лазарет составляли больные дистрофией. Здесь также имелся и оздоровительно-профилактический пункт, предназначенный для восстановления сил заключенных; — ОПП. Эту аббревиатуру заключенные расшифровывали как «отдел подготовки покойников», что точнее отражало роль данного заведения. Сверхскудные нормы питания, положенные для «забалансового контингента» (больных, инвалидов), и отсутствие какой-либо медицинской помощи обрекали попавших сюда на верную смерть.

Одним из самых страшных подразделений Тагиллага

---

¹¹⁵ См.: НТФ ГАСО. Ф.229. Оп.1. Д.386. Л.6.

¹¹⁶ Там же.

стал 13-й отдельный штрафной участок, созданный в 1943 г. в 17 км от д. Балакино на лесной даче Винновка и предназначенный для изоляции узников, нарушивших лагерный режим, не угодных лагерной комендатуре, отказников, совершивших побег. Штрафники работали на лесоповале. Им назначались наибольшие нормы выработки и наименьшие нормы питания: не больше 300 г черного хлеба и миска жидкой баланды в сутки. Репутацию одного из самых жутких лагерей Тагиллага Винновка приобрела при начальнике отдельного штрафного участка (ОШУ) Вольфе, который отличался бессудными расправами над узниками. Произвол Вольфа и его помощников привел к массовой гибели заключенных и срыву производственного плана по лесозаготовкам. Впоследствии Вольф был осужден на 10 лет и этапирован в северные лагеря, а история суда над ним обросла самыми невероятными подробностями и легендами, долго ходившими по лагерям. Само разбирательство связывалось с полковником Громовым — личным представителем Сталина в ГУЛАГе. По свидетельству писателя Ю Самойлова, Громов, inspectируя лагеря Урала, узнал про Винновку и в скором времени прибыл сюда лично в качестве заключенного, чтобы на собственной шкуре испытать творимый Вольфом произвол. Факт привлечения последнего к судебной ответственности подтверждается архивными документами. Приказом начальника Тагиллстроа — Тагиллага НКВД от 10 октября 1943 г. за неподготовленность лагеря к зиме, допущение массовой завшивленности среди заключенных, голод на участке и невыдачу продовольствия Вольф и зам. начальника лагеря Шевельков были сняты с работы и привлечены к судебной ответственности. Начальником 13-го ОШУ назначили Рукина, до этого бывшего главой 2-го лагучастка 1-го района Тагиллага ¹¹⁷.

В 1991 г. инициативная группа в составе представителей Нижнетагильского общества «Мемориал», Музея истории молодежных движений Урала и кинематографистов из Голландии совершила поездку в Винновку. При помощи людей, работавших в лагере, было установлено и предполагаемое место массовых захоронений заключенных. Выяснилось, что тела умерших сбрасывали в старые медные шахты, принадлежавшие в годы нэпа американскому концессионеру Тису. Глубина этих шахт, по разным

---

¹¹⁷ НТФ ГАСО. Ф.229. Оп.1 Д.343. Л.20.

данным, колеблется от 17 до 50 м. Сколько было этих шахт, каково их точное расположение — выяснить не удалось, так как после войны в 1950—1960-х годах на р. Винновке работал гидравлик Богословского золото-платинового управления, срезал правый берег по течению, и, по всей видимости, верхние стволы шахт подверглись разрушению.

Тагиллаг, подобно зловещей паутине, опутал лагерями весь Тагил и раскинулся далеко за его пределами. Его подразделения были не только на Урале. Некоторое время в составе Тагиллага существовал своего рода уникальный 15-й лаграйон, который находился в Туле. Контингентом этого района производился демонтаж Ново-Тульской домны и отправка ее на Урал для строительства доменной печи в Нижнем Тагиле. По всей видимости, выполнялся и ряд других заказов треста «Тагилстрой».

На протяжении всей своей истории Тагиллаг, как и вся гулаговская империя, жил по своим законам, принимая все новые категории заключенных, постоянно обновляя звенья своей структуры. Так, лагерь 1942 г отличался от лагеря 1950-х годов и по своей организации, и по составу узников. Как уже отмечалось, еще до официального образования этого лагерного монстра на стройках Нижнего Тагила трудились тысячи спецпереселенцев, использовался труд заключенных ИТК № 4, расположенной на Красном Камне. Осенью 1941 г. из немцев военнослужащих Красной Армии, отозванных с фронта на Урал, был сформирован строительный батальон для работы на УВЗ. В феврале 1942 г., почти одновременно с узниками Волголага, в Тагил прибыли трудмобилизованные советские немцы, распределенные в спецотряды № 18-74 и 18-75. Весной к ним добавилось еще несколько десятков немцев — офицеров Красной Армии. Привозили советских немцев в Тагил и в 1943 г.

Свою лепту в строительство НТМЗ внесли и представители среднеазиатских республик. Только по решению ГКО от 19 апреля 1943 г. предполагалось направить на Тагилстрой 12 000 военнопленных из Средней Азии и 5000 спецпоселенцев польской национальности, работающих на правах вольнонаемных¹¹⁸. Прибыло около 14 000 человек, и ситуация для многих из них сложилась трагическая. В решении ГКО была допущена преступная ошибка: не предусмотрено обеспечение вещевым доволь-

¹¹⁸ НТФ ГАСО. Ф.229. Оп.1 Д.365

ствием. Летом 1943 г. на Тагилстрое сложилось чрезвычайное положение. Курировавший строительство НТМЗ зам. наркома внутренних дел А. П. Завенягин в августе сообщал в Москву о бедственном положении этой категории работающих: «На месте лично убедился в исключительно тяжёлом положении военнообязанных из Средней Азии, а также спецпоселенцев. Люди в большинстве разуты, раздеты, спят на голых нарах. Наступившие холодные дожди уже вызывают заболевания и простой рабочей силы. В случае необеспечения в ближайшее время указанного контингента вешдоловствием осенью будут массовые заболевания и смертность»¹¹⁹ Из объяснительной записки к годовому отчету Тагилстроя НКВД за 1943 г. известно, что к концу года численность среднеазиатской трудармии на строительстве НТМЗ сократилась почти вдвое. Столь высокая убыль узников Тагильского ГУЛАГа вызывалась значительной смертностью, массовым освобождением «забалансовых контингентов» (инвалидов, тяжело больных), обременительных для содержания в тагиллаговских зонах (в 1943 г. освобождено 18 898 человек), отправкой в другие лагеря — Ивдельлаг, Тавдянлаг. Многие военнообязанные из среднеазиатских республик были отправлены на родину как активированные по физическому состоянию, а сколько из этих несчастных скончалось по дороге — одному богу известно.

Начиная с 1944 г. в структуре Тагилстроя НКВД произошли серьёзные изменения. Сократилась численность заключённых — с 25 752 человек в 1944 г. до 13 610 на 1 января 1946 г. Основной причиной этого было массовое освобождение по истечении срока и в связи с амнистией 1945 г. В то же время увеличилось использование таких контингентов, как военнопленные и окруженцы. Летом 1943 г. в Тагиле был организован спецлагерь №153 (на месте 5-го лаграйона) для военнопленных, а в начале 1944 г. — спецлагерь № 245 для военнопленных и интернированных. В этих лагерях содержалось, по данным на начало 1946 г., 10 950 человек¹²⁰

После войны в составе Тагиллага появились новые лагеря. В начале 1945 г. в связи со строительством второй очереди Гороблагодатского рудника был

¹¹⁹ НТФ ГАСО. Ф.229. Оп.1. Д.365.

¹²⁰ Кирилов Д., Чевардин В. Спецлагерь № 153//Тагил рабочих. 1992. 25 июля.

организован лагерь в г. Кушва. Приказом от 23 ноября 1944 г. начальником управления строительства и лагеря назначен подполковник М. А. Петров (он же заместитель начальника Тагиллага), определены объекты строительства. Силами контингента Кушвинского лагеря предстояло построить в кратчайшие сроки дробильно-обогательную фабрику, литейный и кузнечный цеха, первую очередь шлямоохранилища, железнодорожные пути, объекты жилищного хозяйства. Первыми на стройплощадку отправились в соответствии с приказом 200 советских немцев. Вслед за ними в первом квартале 1945 г. был отправлен этап из 3 000 заключенных ¹²¹. По приказу от 7 апреля 1945 г. управление строительства и лагеря реорганизовано в 1-й район Тагиллага ¹²². В послевоенное время 1-й лаграйон был самым значительным подразделением Тагиллага. По воспоминаниям бывших узников, в лагере насчитывалось до 5 000 человек, значительное число которых составляли депортированные жители Прибалтики. Помимо того, прибалтов оказалось много в 8 и 9-м лаграйонах, в Синегорском штрафном лагере. Последний образовался в 1948 г. Сюда после истощения Каменского леспромхоза и закрытия лагерей 9-го района этапировали большую часть заключенных, многие из которых были осуждены по политическим статьям. Силами узников построены лесопилка и деревообрабатывающий комбинат, велась заготовка древесины по обеим сторонам Серебрянского тракта и на склонах Синей горы.

За все время существования Тагиллага в нем сменились три начальника: Я. Д. Рапопорт (1942—1943 гг.), М. М. Царевский (1943—1946 гг.) и Э. Е. Шварц (1946—1953 гг.). Это были разные люди: первый запомнился властным и жестоким, второй был хорошим организатором и справедливым человеком, третий — бывший работник СМЕРШ — остался в памяти как бесцветная личность. Но дело не столько в личных качествах этих людей, сколько в аморальности и жестокости тоталитарного советского общества с его испытанным инквизитором — НКВД и огромной душегубкой, поглотившей всю страну, — ГУЛАГом.

Узники Тагиллага, несмотря на голод, холод, болезни, моральные и физические унижения, строили город и его промышленные объекты, вместе с остальными приближая

¹²¹ НТФ ГАСО. Ф.229. Оп.1. Д.385. Л.215.

¹²² Там же. Д.403. Л.99.

победу и восстанавливая страну. Вот лишь краткий перечень строек, где труд заключенных составлял от 50 до 100 % ¹²³: на НТМЗ — мартеновские печи № 4 и 5, домна № 3, бандажный, бессемеровский, рельсобалочный, фасонно-литейный и прокатный цеха, блюминг; аглофабрика, Верхне-Выйская плотина, Северо-Лебяжинский карьер, клуб ВЖР, здание управления рудника; коксовые батареи № 3 и 4, цех ректификации и другие объекты коксохимпроизводства; цементный, шиферный и новый кирпичный заводы; ЗМК-2 и ЗМК-3; гофмановские печи № 3 и 4 на огнеупорном заводе; улицы жилых домов в городе; танкодром и подъездные дороги на Уралвагонстрое; Черноисточинская плотина; вторая очередь Гороблагодатского рудника в г. Кушве; центральная пошивочная мастерская отдела общего снабжения Тагилстроя; леспромхозы и лесозаготовки в районах Ясьвы, Каменки, Винновки, Синегорска, Серебрянки; лежневая дорога из Ясьвы и Каменки в Тагил, ставшая основной артерией для снабжения строек НТМЗ лесом во время войны; кроме того, все обширное хозяйство Тагилстроя — Тагиллага НКВД.

Труд заключенных не стоил государству почти ничего, а приносил чистую прибыль. По нашим подсчетам, в апреле 1942 г. один день труда заключенного приносил 13,7 рублей чистого дохода. В лагере находилось тогда 30 090 человек. Рабочих дней в году насчитывалось 300. Следовательно, годовой доход составлял примерно 123 млн рублей ¹²⁴. Отношение же к людям, униженным в своем родном отечестве, обреченным на голод и смерть, было самым варварским. Более того, память о них постарались вообще вычеркнуть из нашей истории, а трудовые подвиги узников-рабов записали на счет комсомольцев и комму-

---

¹²³ «Весной 1942 г. началось строительство 3-й домны. Я тогда был начальником депо строительных паровых машин. По моим подсчетам, 90 % рабочей силы на строительстве домны составляли заключенные. Машинисты экскаваторов, монтажники и инженерно-технические работники были вольнонаемными. Но стоило внимательнее присмотреться к этим вольнонаемным, и в них можно было увидеть тех же заключенных. Почему? Во-первых, потому что все они (и я в том числе) раньше уже сидели в лагерях. Во-вторых, потому что все мы — работники Тагилстроя НКВД — были рабами Рапопорта. В Тагиле он третирует всех. Нам приходили повестки из военкомата, мы собирались и ехали на фронт. А ищейки Рапопорта вылавливали нас то в Екатеринбурге, то в Казани и возвращали обратно. Только со мной это повторилось семь раз» (Из воспоминаний инженера А. Х. Чегорова-ского, 13 января 1993 г.— *Устное сообщение*).

¹²⁴ См.: НТФ ГАСО. Ф.229. Оп.1. Д.349. Л.27

нистов, возвеличив и укрепив идеологические догмы тоталитарного режима.

Равнодушие государства к тысячам сограждан, ставших жертвами беззакония, проявлялось и после их смерти. Достаточно обратить внимание на кладбища Тагиллага. Самое крупное захоронение заключенных на территории Нижнего Тагила — Рогожинское кладбище (Ивановское болото). Оно начиналось за старой демидовской железной дорогой. Хоронили здесь заключенных 8-го лаграйона и других лагерей, трудмобилизованных, в частности советских немцев. В настоящее время это место заполнено захоронениями 1950—1980 гг. При строительстве асфальтовой дороги, отделяющей старое кладбище от нового, было вывезено несколько самосвалов человеческих останков. Местом захоронения заключенных 7-го лаграйона, трудармейцев, узбеков, военнопленных стало Висимское кладбище на Голом Камне. В настоящее время вся его территория завалена пятиметровым отвалом ВЖР. Ужасна судьба кладбища лагеря № 245. Нижнетагильский горисполком в ноябре 1944 г. выделил для него земельный участок в Дзержинском районе в непосредственной близости от строительства жилых домов для рабочих Уралвагонстроя (район улицы Калинина), а в 1957 г. было принято решение о его ликвидации. И это несмотря на предложение Министерства иностранных дел СССР, МВД СССР и Свердловского облисполкома о переносе кладбища в другое место. Вскоре было ликвидировано и кладбище военнопленных, расположенное недалеко от завода № 63 (ВМЗ). На этих кладбищах нашли свое последнее пристанище и многие сотни заключенных в Тагиллаг по политическим мотивам. С мая 1944 г. по апрель 1950 г. действовало и самое крупное на Урале кладбище военнопленных. Оно размещалось в 15 км от центра Нижнего Тагила в районе рудника III Интернационала. Там были захоронены 1,7 тыс. человек, в основном немцы, а также венгры, румыны, австрийцы, итальянцы, поляки, словаки, японцы и представители других национальностей. Среди похороненных много женщин, детей, престарелых — гражданских лиц немецкой национальности, интернированных после войны из Восточной Пруссии, стран «народной демократии» и советской зоны оккупации в Германии ¹²⁵.

---

¹²⁵ Данные историка В. П. Мотревича; Кирилов Д., Чевардин В. Спецлагерь № 153//Тагил. рабочий. 1992. 25 июля.

Несмотря на варварское отношение ко всем захоронениям узников Тагиллага, иностранные подданные оказались все же в лучшем положении, нежели граждане нашего Отечества. Ориентированные на местности схемы нахождения военных кладбищ и планы расположения могил в совокупности со списками захороненных позволяют идентифицировать практически любое захоронение. Но это совершенно не касается советских узников ГУЛАГа, стертых в лагерную пыль и массами захороненных в общих могилах без какой-либо фиксации в архивных документах. К тому же места захоронений подверглись поруганию и братские могилы либо завалены отходами промышленного производства, либо перелопачены бульдозерами, а кости вывезены на свалку. Слова А. С. Пушкина об уважении к праху предков во времена коммунистического режима звучали нелепым анахронизмом.

В 1946 г. Тагилстрой НКВД был разделен на трест «Тагилстрой» во главе с Кротенко и Тагиллаг во главе с полковником Шварцем. Тагиллаг прекратил свое существование в 1953 г., но не ушел из нашего города, оставив после себя «богатое наследие» — более десятка ИТЛ и множество спецкомендатур. Нижний Тагил стал мрачным символом всего тоталитарного режима — городом тюрем и лагерей, населенным людьми с раздавленным прошлым, духовно и физически больными, лишенными будущего.

§ 5. СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ И СПЕЦОТРЯД № 18-74

«Сталин трубочку раскурит —
Станут листья опадать.
Сталин бровь свою нахмурит —
Трем народам не бывать»

Б. ОКУДЖАВА

По свидетельству историка Н. М. Карамзина, немцы появились в России к концу первого тысячелетия нашей эры. Во многих русских городах немцы оседали в связи

с широким развитием торговли в конце XII в. Преобладающая часть сегодняшних немцев России — это потомки колонистов, поселившихся на основе указов русских царей в Поволжье, Сибири, Казахстане, на Украине, в Крыму, Бессарабии, Закавказье, Средней Азии. Значительное число немцев попало в Россию в годы царствования Ивана III (1462—1505) и Василия III (1505—1533). Ко времени правления Ивана Грозного (1533—1584 гг.) относится возникновение в Москве поселения под названием Немецкая слобода. Петра I называли «учеником Немецкой слободы». При нем переселение осуществлялось на основе манифеста 1702 г. Екатерина II в 1764 г. подписала манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселиться в которых губерниях они пожелают, и о дарованных им правах». Колонистам был гарантирован ряд привилегий: свобода вероисповедания, освобождение от воинской повинности, льготные условия уплаты налогов, а также юридическое самоуправление. Уже в шестидесятые годы XVIII в. на основе этого манифеста в Поволжье возникло 105 колоний, основанных более чем 27 тыс. иностранцев. Заселяли немцы и другие земли России. Согласно переписи населения 1897 г., в прибалтийских губерниях проживало 165 600 немцев; в Самарской и Саратовской — 395 800, в Царстве Польском — 407 700, в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях — 171 300 человек. Много немцев было в Финляндии, Закавказье, Бессарабии, Петербургской и Ставропольской губерниях. К началу XX в. немецкое население по численности занимало в стране девятое место, насчитывая 1 800 000 человек¹²⁶.

Вклад немцев в историю и культуру России значителен. На призыв Петра I переехать в Российскую империю откликнулись десятки военных, ученых, учителей, художников, архитекторов, помогавших ему «прорубить окно в Европу» и строить новую столицу Российской державы. В историю страны вписали свои имена Беллинсгаузен, Витгенштейн, Дельвиг, Губер, Даль, Крузенштерн, Кюхельбекер, Ленц, Эйлер, граф Остерман-Толстой, Александр Фигнер, Пестель, Михаил фон Визин и др. Немцы «срослись» с Россией, ее проблемами. С одной

---

¹²⁶ Материалы о расселении немцев в России см.: Эрлих К. Живое наследие//Neues Leben. 1990. № 2; Ауман В. Судьба надежды советских немцев//Neues Leben. 1989. № 52.

стороны, они помогали царям, с другой — участвовали в восстании Пугачева, движении декабристов и народников. Они играли активную роль в революционном движении — достаточно вспомнить имена П. Шмидта, Н. Баумана, Э. Квиринга, Л. Мартенса.

В конце прошлого века российские немцы лишились былых привилегий. В то же время они не испытывали явного национального угнетения вплоть до первой мировой войны, с началом которой на них обрушилась волна клеветы, травли, недоверия. Их обвиняли в приобретении земель на деньги германских банков, в связях с германскими промышленниками и политиками, в шпионаже. В 1914—1915 годах большинство немцев были отозваны с германского фронта и направлены на турецкий. В газетах открыто разжигалась ненависть к немцам. В Москве в 1915 г. был учинен погром в Немецкой слободе. А 13(26) декабря 1915 г. Николай II подписал указ, по которому предполагалось лишить «подданных иностранных государств» (в первую очередь немцев) их земельных владений посредством принудительного выкупа. Однако этот указ так и не был исполнен¹²⁷.

Значительные изменения в жизни российских немцев произошли после Октябрьской революции. В ней принимали активное участие немцы-большевики. Кроме того, сейчас хорошо известен факт финансирования деятельности Ленина кайзеровской Германией. После революции у России складываются особые отношения с веймарской Германией, подтвержденные договором 1922 г. в Рапалло и последующими торговыми и дипломатическими договорами. Уже 30 апреля 1918 г. был образован немецкий комиссариат при Наркомнаце, возглавляемый Г. Клингером, а 29 мая обнародован устав Поволжского комиссариата по немецким делам, подписанный И. Сталиным. 30 июня 1918 г. на первом съезде Советов немцев Поволжья, состоявшемся в Саратове, провозглашена автономия поволжских немцев и избран первый исполком советов колоний. В первый год советской власти государство получило от немецких колонистов 37 млн пудов хлеба. 19 октября 1918 г. Ленин подписал декрет о создании на территории бывших колоний Трудовой коммуны (автономной области) немцев Поволжья. Были сформированы национальные воинские части. В конце

---

¹²⁷ Герман А. Как была образована трудовая коммуна немцев Поволжья//*Neues Leben*. 1989. № 29.

1920 г. в составе Красной Армии воевало более 35 000 немцев. По переписи 1920 г., в Немобласти Поволжья проживало 454 386 человек¹²⁸.

В 1920—1921 годах двойной неурожаем поставил хозяйство немцев на грань развала. Ленин же несколько раз телеграфировал в Марксштадт, требуя продовольствия. В обстановке неурожая, голода, недовольства продразверсткой начались крестьянские выступления против советской власти. Эпицентром голода, охватившего более 30 губерний с населением свыше 37 млн человек, в Поволжье была Немобласть. К 15 августа 1921 г. население коммуны сократилось до 359 000 человек, из которых к 1 января 1922 г. голодало 95 %. Тысячи людей умирали, нередко были случаи каннибализма. Важнейшей причиной этой катастрофы стала политика партии, захватившей власть в октябре 1917 г. Кроме того, партия большевиков пыталась помешать международной помощи голодающим, изображая ее как корыстные действия империалистов¹²⁹.

В 1924 г. Автономная область немцев Поволжья была преобразована в Автономную ССР немцев Поволжья (АССР НП), что создало новые условия для экономического и культурного развития немцев. В республике стало налаживаться образцовое сельское хозяйство, строились промышленные предприятия. Кроме республики, немцы проживали в ряде национальных районов. По данным переписи 1939 г., в СССР насчитывалось 1 427 232 гражданина немецкой национальности¹³⁰.

К концу 1930-х годов в АССР НП было введено обязательное обучение на родном языке, создано более 400 школ, пять вузов, национальный и детский театры, издавалась 21 газета на немецком языке. Республика стала центром притяжения для политэмигрантов из Германии, Австрии, лишившейся в 1938 г. независимости. В национальных районах на Украине, в Сибири и других местах действовали немецкие школы, выходили газеты, журналы и книги на немецком языке¹³¹.

¹²⁸ Кригер В. В. И. Ленин и немцы Поволжья//Neues Leben 1989. № 15.

¹²⁹ Помощь. Бюллетень Всероссийского комитета помощи голодающим. Лондон, 1991. С.1.

¹³⁰ В УССР — 392 458, Краснодарском крае — 34 287, Орджоникидзевском крае — 45 689, Приморском крае — 1911, Хабаровском крае — 5696, Крымской АССР — 51 299, АССР НП — 366 685, РСФСР — 700 231 и т. п. (БСЭ М., 1938. Т. 3. С. 58.)

¹³¹ См. БСЭ М., 1938. Т.3. С.58.

АССР НП играла важнейшую роль в обеспечении страны продовольствием, и в первую очередь хлебом, поэтому жители республики испытали на себе всю тяжесть принудительной коллективизации и раскулачивания. Однако подобные репрессии затронули все народы СССР, а вот национальный геноцид ждал немцев впереди.

С 1922 по 1933 г. Советское государство активно сотрудничало с Германией. На территории СССР фактически воссоздавались вооруженные силы рейхсвера, запрещенные Версальским договором. В Липецке обучались немецкие военные летчики, в Казани — танкисты. Действовал объект «Томка» — школа химической войны, расположенная недалеко от города Вольска, в непосредственной близости от территории АССР НП. «Школе требовался персонал со знанием немецкого языка, и, видимо, такие кадры черпались из немецкой республики. Этим же, наверное, объяснялось и расположение танковой школы...»¹³²

Однако после 1933 г. положение стало меняться. У коммунистической диктатуры появился мощный и опасный конкурент — диктатура фашистская. В условиях насаждаемой сталинским режимом взаимной подозрительности изменилось отношение и к немецкому населению Советского Союза. В стране начались поиски «пятой колонны». В 1938 г. закрыли большинство германских консульств и концессий, немало немецких граждан было выслано из СССР. В 1939 г. после заключения союза с Германией многих антифашистов, нашедших убежище в стране Советов, выдали Гитлеру или отправили в наши «родные» лагеря. Все эти меры объяснялись необходимостью сократить до минимума возможности германской разведки в СССР. С 1 мая 1937 г. по 1 мая 1938 г. в АССР НП были исключены из партии 17,4 %, а в отдельных кантонах — до 30 % немцев. В 1938 г. начали закрывать немецкие национальные школы, советских немцев «изымали» из военных училищ¹³³.

Были упразднены все немецкие национальные районы

---

¹³² Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992 С. 20. «В танковой школе будущего командующего танковыми войсками вермахта обучал преподаватель из советских немцев В. М. Галеан — ветеран Красной Армии, кавалер двух орденов Боевого Красного Знамени, медали «20 лет РККА» (похоронен в 1958 г. в Нижнем Тагиле)» — *из воспоминаний И. И. Кроневальда.*

¹³³ См.: Современные проблемы советских немцев. Павлодар, 1990. С. 3—10.

(14) и сельсоветы (около 700). Репрессиям подверглось значительное число советских немцев из среды творческой интеллигенции, деятелей науки, военачальников. Руководство НКВД настойчиво требовало от своих подразделений вскрывать связь немецкого населения с германской разведкой, выявлять националистические повстанческие группы, готовящие кадры для действий в тылу РККА в случае войны. Показательно, однако, что, по материалам НКВД Саратовской области, контрразведывательным отделом с января по март 1941 г. не велось ни одного дела по «немецкому шпионажу»¹³⁴.

Уже после войны западные исследователи деятельности ведомства адмирала Канариса отмечали, что отдел Абвер II, в задачу которого входило с помощью «пятой колонны» разлагать страну-жертву, не смог опереться на помощь немецкого национального меньшинства в Советском Союзе¹³⁵. Но в 1941 г. «пятую колонну» среди советских немцев продолжали упорно искать. Национальность в тот роковой год предопределила судьбу народа. С 22 июня по 10 августа 1941 г. по республике немцев Поволжья были арестованы 145 человек, в том числе по обвинению в шпионаже — двое, террористических намерениях — трое, диверсионных намерениях — четверо, за участие в антисоветских группировках и контрреволюционных организациях — 36, за распространение пораженческих настроений и повстанческие высказывания — 97. Следует учесть, что цифры эти явно завышены в силу произвольного толкования 58-й статьи УК РСФСР. По оперативным и официальным данным, общее политическое настроение населения республики оставалось здоровым. Имели место случаи недовольства со стороны молодежи по поводу отказов в призыве в Красную Армию¹³⁶.

Еще в июне 1940 г. появился приказ Л. Берии «О переселении из г. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей», и в Алтайский край были выселены 1743 человека немцев, поляков и др. В июле 1941 г. в адрес Л. Берии был послан запрос от имени его заместителя, начальника ГУЛАГа Чернышева о пе-

---

¹³⁴ См.: К и ч и н А. Советские немцы: откуда, куда и почему?// Военно-исторический журн. 1990. № 9. С. 29.

¹³⁵ См.: Фуллер Дж. Вторая мировая война. М.: Наука, 1967. С. 167.

¹³⁶ См.: Современные проблемы советских немцев. Павлодар, 1990. С. 13.

реселении 1200 семей немцев из Карело-Финской ССР в Коми АССР. А 28 августа 1941 г. был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о переселении немцев Поволжья, обвинявший весь народ в предательстве¹³⁷.

Операция по выселению немцев Поволжья продолжалась с 3 по 20 сентября 1941 г. Всего в Сибирь и Казахстан были вывезены 376 717 человек. К 25 декабря 1941 г. из 15 союзных и автономных республик, 26 краев и областей выселили 894 600 немцев; 226 000 немцев уже проживали ранее в местах расселения. К зиме 1941 г. в местах ссылки оказались 1 220 000 человек — 80 % от численности немецкого населения СССР 1939 г. Большинство из «недостающих» 207 000 человек находилось на службе в Красной Армии, их отозвали с фронта в самый разгар боев и в эшелонах перевезли за Урал. Многие солдаты и офицеры из советских немцев, самоотверженно сражаясь за Родину, успели заслужить ордена и медали и даже высокое звание Героя Советского Союза.

Расселение немцев производилось хаотично, их права на имущество, трудоустройство и поселение, изложенные в инструкции по переселению, не соблюдались (чего стоил только один пункт из инструкции, где говорилось, что каждая семья может взять с собой имущество весом в одну тонну!). Сотни людей были сорваны с мест без вещей, в летней одежде и буквально втиснуты в переполненные вагоны, до зимы двигавшиеся к месту назначения. Очень многие погибли. Кроме того, в период отступления фашистов 350 000 советских немцев были вывезены из СССР, около 120 000 из них остались жить за рубежом, а 208 388 человек по возвращении подверглись суду и попали в лагерь¹³⁸.

В январе 1942 г. Государственный комитет обороны обязал НКВД СССР создать из переселенных «рабочие колонны и отряды, установить в них дисциплину, обеспечить высокую производительность труда, высокие производственные нормы». Официально эта акция осуществлялась в соответствии с постановлением Совета обороны в промышленности. Но из привлеченных людей только немцы, финны, венгры, болгары и итальянцы попали в сети НКВД и были брошены за колючую проволоку.

---

¹³⁷ См.: Neues Leben. 1991. 11 авг.

¹³⁸ См.: Современные проблемы советских немцев. С. 20—22; Вольтер Г. А. Зона полного покоя. М., 1991. С. 86.

Жертвами этой акции стали не менее 500 000 мужчин-немцев; примерно 250 000 женщин были «мобилизованы» с лета 1942 г. В лагерях для немцев устанавливались режим и нормы ГУЛАГа, быстро доводившие людей до полного истощения и смерти¹³⁹.

Война ясно показала, кто есть кто, и, казалось, советские немцы за свой самоотверженный труд и огромный вклад в победу будут восстановлены в правах. Однако в 1948 г. последовал указ о вечном поселении их в районах высылки, за нарушение которого грозило наказание — 20 лет каторжных работ. Лагеря для «трудмобилизованных» распустили, а бывших узников поставили на спецучет, превратив в «спецпереселенцев». К октябрю 1946 г. на спецпоселении находились 895 637 немцев, к 1 января 1953 г. — 1 225 000 (т. е. в неволе родилось более 329 000 детей). Численность немцев к 1946 г. по сравнению с 1939 г. уменьшилась на 531 595 человек. По подсчетам историка и писателя Вольтера Г. А., только в ходе беспорядочной депортации, проводившейся органами НКВД, погибли не менее 150 000 человек (преимущественно детей и стариков), а в лагерях за четыре года было загублено не менее 30—35 % мужчин-немцев¹⁴⁰. Иначе как геноцидом это не назовешь.

С середины 1950-х годов в СССР начали выходить постановления и указы, ослабляющие режим спецпоселения. Однако они не внесли существенных изменений в жизнь советских немцев. Действие этих документов распространялось лишь на некоторые категории спецпоселенцев. Иногда инструкция или дополнение к документу сводили на нет все его содержание. И, кроме того, сами спецпоселенцы в большинстве своем ничего не знали об этих документах, хранившихся в секрете. В декабре 1955 г. режим спецпоселения был отменен, в 1972 г. сняты ограничения в выборе места жительства, а в 1974 г. немцам разрешили возвращаться в те места, откуда они были выселены.

28—31 марта 1939 г. в Москве состоялась учредительная конференция Всесоюзного общественно-политического и культурно-просветительского общества советских немцев «Возрождение». На ней было принято «Обращение к населению, проживающему на территории бывшей

---

¹³⁹ См.: Вольтер Г. А. Указ. соч. С. 7, 29.

¹⁴⁰ См.: Там же. С. 106—107; Л а ц и с О. Почему СССР не дожид до своего 70-летия//Известия 1992. 30 дек.

АССР НП», в котором поднят вопрос о восстановлении республики немцев Поволжья, уничтоженной в 1941 г.

В 1980-е годы общая численность немцев в СССР превысила 2 млн человек. Советские немцы восстановили свою численность, но за годы репрессий, молчания и застоя были утрачены элементы национальной культуры, забывались традиции и обычаи, родной язык, подвергались притеснениям верующие. Права советских немцев не восстановлены в полном объеме до сих пор — не решен вопрос о воссоздании автономной республики. В связи с этим растет эмиграция в ФРГ.

Судьба многих советских немцев связана с Уралом и Нижним Тагилом. По переписи 1920 г., во всей Екатеринбургской губернии насчитывалось 865 немцев¹⁴¹. А в 1970 г. только в Нижнем Тагиле их проживало 4 832¹⁴². По переписи 1989 г., в Нижнем Тагиле — 4 100 немцев, из них примерно 940 — бывшие трудармейцы. По своему происхождению тагильские немцы — это в основном трудармейцы из отряда № 18-74, спецпереселенцы, их родственники и дети. Появление немцев в Тагиле связано с трагедией этого народа в годы войны.

Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 ноября 1941 г., планировалось не позднее декабря 1941 г. приступить к строительству Бакальского и Новотагильского металлургических заводов с горнорудным хозяйством и коксохимическими производствами. Эту гигантскую работу было поручено выполнить НКВД СССР на подрядных началах с Наркомчерметом. Стройки следовало обеспечить рабочей силой, но шла война и людей не хватало. Тогда уже упомянутым нами постановлением ГКО от 10 января 1942 г. НКВД СССР обязали создать из мобилизованных рабочих колонны. Предписывалось разместить этот «контингент» в отдельных лагпунктах, обнесенных проволочным ограждением и обеспеченных охраной¹⁴³.

В лагерь Спецпромстроя НКВД попала почти половина «мобилизованных» военкоматами немцев-трудармейцев. Выделялись четыре крупных концлагеря: в Челябинске (Челябметаллургстрой НКВД), Краснотурьинске (Базстрой НКВД), Нижнем Тагиле (Тагилстрой — Тагиллаг

¹⁴¹ НТФ ГАСО. Ф.323. Оп.1 Д.61.

¹⁴² Сведения получены из городского отдела статистики

¹⁴³ См. Вольтер Г. А. Указ соч С. 4,7

НКВД) и Ивдельлаг. Немцы в Тагиле попадали в так называемые спецотряды — немецкие части, сформированные военкоматами на территории Алтая, Сибири и Казахстана в начале 1942 г. и позже. Эти спецотряды, имевшие порядковые номера, просуществовали до 1946 г. как самостоятельные лагерные единицы.

Контингент спецотрядов содержался отдельно от заключенных других национальностей. Системы охраны и содержания не отличались от любых других лагучастков.

В районе Нижнего Тагила зимой — весной 1942 г. создали два спецотряда из советских немцев: № 18-74 в самом городе и № 18-75 в Каменке (в 17 км от Салки). К осени 1942 — весне 1943 г. спецотряд № 18-75 дошел до грани развала из-за почти поголовной гибели личного состава. Поэтому его соединили с отрядом № 18-74. На 15 мая 1943 г. в обоих отрядах насчитывалось всего 3312 человек (а только в первом эшелоне, прибывшем в Тагил 17 февраля 1942 г., было около 6000 советских немцев). Лагерь, в котором находился отряд № 18-74, имел целый ряд лагучастков, как постоянных, так и сезонных, что было связано с производственными потребностями Тагилстроя.

Немцы трудились на некоторых подсобных предприятиях (кирпичный завод, щебеночный и песчаный карьеры), на лесоповале в Каменке, Винновке, Серебрянке, на авторемонтном заводе, участвовали в заготовке фуража и сельхозпродуктов, ряде монтажных работ. Кроме того, среди немцев было немало конструкторов, инженеров-монтажников, руководителей строительства, работавших в управлении Тагилстроя, лабораториях.

В отряд № 18-74 попало очень много высококвалифицированных специалистов. Например, при кирпичном заводе и на других участках трудились: палеонтолог, профессор МГУ О. Н. Бадер; немец-антифашист, бежавший еще в 1934 г. от Гитлера, химик-минералог, кандидат наук П. Э. Рикерт; кандидат математических наук, ныне академик Б. В. Раушенбах; физик А. Г. Стромберг; известные медики — хирург Т. А. Грасмик, рентгенолог Г. Я. Гейнрихсдорф, В. Э. Рунг, В. Р. Зоммер, О. В. Михельсон и др. Не случайно в эти годы по инициативе В. Э. Рунга в лагере возникла «малая академия», где своими знаниями делились выдающиеся ученые.

Хотя первый эшелон советских немцев прибыл 17 февраля 1942 г., приказ начальника Тагиллага об образовании самостоятельного лагучастка на кирпичном заводе

появился только 7 апреля 1942 г. Весной того же года из Свердловска и Каменска-Уральского в спецотряд № 18-74 прибыло большое число снятых с фронта советских немцев, служивших до этого в Красной Армии. Среди них были представители младшего, среднего и даже высшего командного состава, а также рядовые¹⁴⁴.

Всего через Тагиллаг прошло около 7000 немцев. Многие из них погибли от истощения и непосильного труда. Работа была тяжелейшей, питание скудное. Вот, например, свидетельство А. Бауэра: «В Тагиле я работал на песчаном карьере, в основном на Монзино, грузчиком. Грузили песок в вагоны для тагильского бетонного завода. За одни сутки мне приходилось грузить 36,5 кубометра, в каждом кубометре 1800 кг, всего почти 66 тонн. А на весь день давали 300 граммов хлеба и миску гороха»¹⁴⁵. Такое количество хлеба в лагерях ГУЛАГа давали тем, кто отказывался работать. Немцы же трудились на совесть, и эти 300 граммов были для них равносильны беспощадному приговору¹⁴⁶.

При втором начальнике Тагиллага, Царевском, ситуация несколько изменилась: хлеба давали, в зависимости от выработки, 600—700 граммов, а ослабленным, на время излечения,— по 1000 граммов. Однако голод все время преследовал трудармейцев. Их положение было хуже, чем у немцев-военнопленных. «Если военнопленные немцы,— вспоминает сын Т. А. Грасмика,— свободно ходили по улице Ленина с духовым оркестром, пели свои народные песни ...то советские немцы были за колючей проволокой на строгом режиме, умирали с голода»¹⁴⁷.

После войны, в 1946 г., немцев Нижнего Тагила перевели на спецпоселение. Трудовые книжки на них стали заводить только с 1947 г.¹⁴⁸ До 1955 г. они жили без паспортов и должны были все время отмечаться в спецкомендатурах. Никаких наград за каторжный труд во имя Победы им не полагалось. А ведь трудармейцы своими

---

¹⁴⁴ Материал об отряде № 18-74 предоставлен одним из его членов И. И. Кроневальдом.

¹⁴⁵ Газета «Строитель». 1991. 29 мая.

За период с 1943 по 1945 г. через Тагиллаг прошли 6754 советских немца, убыло 1652; основные причины: смертность, демобилизация по инвалидности (Сводные отчеты Тагиллага из НТФ ГАСО. Ф.229). К сожалению, данные за 1942 г. пока не обнаружены.

¹⁴⁶ См.: Там же. 1991. 19 окт.

¹⁴⁷ См.: Там же. 1991. 17 апр.

¹⁴⁸ См.: Там же. 1991. 12 окт.

руками возвели многие объекты НТМК, УВЗ и других заводов, причем строили на совесть.

Немцы-тагильчане с середины 1950-х годов приняли участие в движении за возрождение своего народа. «Начали, — вспоминает И. И. Браун, — со сбора подписей под воззваниями о восстановлении прав репрессированного народа. Эта работа проводилась нелегально, и обычно подписывающие воззвания ничего не знали друг о друге. Потом появились открытые письма, газеты и журналы на немецком языке, распространяемые среди знакомых»¹⁴⁹.

В 1988 г. в Нижнем Тагиле был основан клуб друзей «Нойес Лебен». На страницах этой газеты появлялись статьи, заметки, написанные членами Тагильского клуба советских немцев. 19 октября 1989 г. преподаватель пединститута тагильчанин И. И. Кроневальд открыл собрание, на котором было объявлено о создании нижнетагильского филиала союза «Возрождение». И. И. Кроневальд участвовал в учредительной конференции всесоюзного общества «Возрождение» в Москве, был избран в его президиум. В Совет общества избрали и тагильчанина И. И. Брауна — ныне председателя нижнетагильского филиала общества. Общество развернуло работу по созданию в городе культурно-просветительного центра советских немцев, по оказанию помощи семьям, выезжающим в ФРГ, по реабилитации репрессированных.

В настоящее время культурно-просветительный центр советских немцев Нижнего Тагила располагается в одном из залов городского Дворца культуры. В просторном помещении разместились музей, которым заведует Е. Н. Грасник, библиотека и выставка, посвященная бойцам отряда № 18-74.

В сентябре 1990 г. в Тагиле был открыт первый в стране памятник советским немцам — жертвам Тагиллага. 16 февраля 1992 г. в большом зале городского Дворца культуры 612 ветеранам отряда № 18-74 вручили награды за доблестный труд в годы войны. Однако процесс реабилитации российских немцев отнюдь не завершен.

В судьбе немцев-тагильчан, как в капле, отражается судьба всего народа. Трагедия этого честного, трудолюбивого и мужественного народа — часть трагедии России.

---

¹⁴⁹ Из воспоминаний И. И. Брауна — председателя комитета «Возрождение» в Нижнем Тагиле

Глава 3

ПОСТСТАЛИНСКАЯ «ДЕМОКРАТИЯ»

На смену откровенному террору сталинских времен в 1960-х годах пришел скрытый террор, концлагеря сменились «спецлечебницами», расстрельная 58-я статья уголовного кодекса — более «умеренными» 70 и 190¹-й. Все, кто не проявлял восторга по поводу авантюристической программы «коммунистического завтра», попадал под подозрение. Самая обширная категория репрессированных в 1960—1980-х годах — так называемые диссиденты. Символом незапятнанной человеческой совести в эпоху застоя стали для нас Андрей Сахаров, Александр Солженицын, Мстислав Ростропович, Александр Галич, Виктор Некрасов и многие другие. Сотни инакомыслящих томилась в тюрьмах, «психушках» или изгонялись за пределы Родины. Партийная и советская бюрократия безжалостно топтала судьбы сотен и тысяч советских граждан.

Нижний Тагил и в 1950—1980-х годах продолжал быть местом ссылки и заключения. К началу 1992 г. в городе насчитывалось семь ИТЛ и несколько спецкомендатур. В 1950-х годах здесь продолжали жить советские немцы, обреченные по указу 1948 г. на вечное поселение, сюда попадали жертвы кампании против космополитизма (как, например, З. М. Корабельников, выпускник МГУ) и многие инакомыслящие, преследуемые за убеждения.

В начале 1960-х годов в Тагиле прошла крупная антирелигиозная кампания, жертвами которой стали так называемые «сектанты». На самом деле это были люди искренней веры, незаурядного личного мужества и честности (например, нынешний пресвитер евангелических христиан-баптистов И. П. Аксенов, которому довелось провести в ГУЛАГе в общей сложности 17 лет). Нижнетагильское УКГБ активно боролось с любыми проявлениями инакомыслия, не гнушаясь нарушениями уголовного законодательства. В 1967 г. был арестован и обвинен в антисоветской пропаганде 17-летний рабочий УВЗ А. П. Ворона. С февраля по май 1968 г. без каких-либо законных

оснований его продержали в буйном отделении психбольницы на Новой Кушве. В общей сложности в тюрьмах и психушках А. П. Ворона пробыл 13,5 лет. В 1970-х годах жертвой политических преследований стали тагильчане В. Ф. Морозов, Г. М. Давиденко и многие другие. По свидетельствам очевидцев, подвальные помещения — камеры Тагильского УКГБ на ул. Ломоносова и в 1960-е, и в 1970-е годы не пустовали.

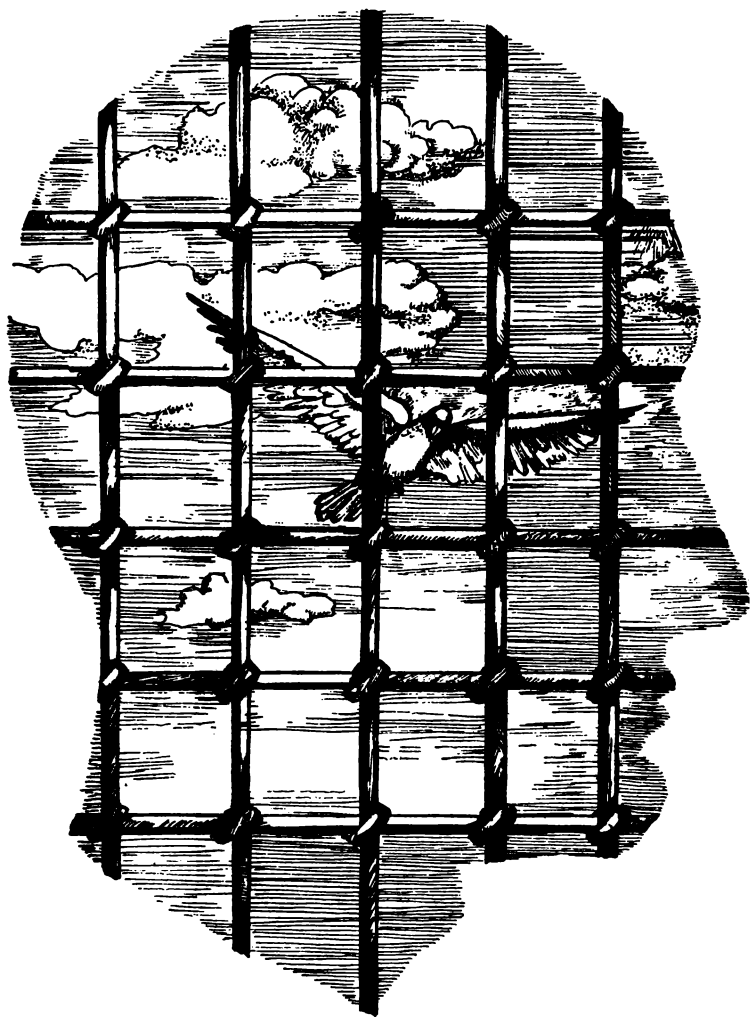
Городской, районные комитеты партии и парткомы на местах, исполнительные органы власти, надзирающие и карательные структуры, а также руководящая номенклатура предприятий города были связаны неразрывной цепью. На любые проявления личной свободы и инакомыслия они всегда реагировали решительно и жестко. Характерен случай с начальником отдела техники безопасности ПО «Уралхимпласт» Н. И. Гавриловым (подробно об этом см. II часть, главу 6). С произволом партийных органов и власть предержащих сталкивались сотни тагильчан, не желавших исповедовать рабскую мораль и принцип «не высовывайся». Яркий пример тому — история с клубом «Очищение», лидер которого В. А. Бакланова прошла через многие чистки и суд.

Монстр тоталитарной системы породил и соответствующее мышление, выжигая репрессиями из людей честность, принципиальность, неподкупность и мужество. Так сформировался советский (или, как иногда говорят, «совковый») тип человека, человека с надломленной спиной и обедненного духовно.

СУДЬБЫ ЖЕРТВ
РЕПРЕССИЙ

ЧАСТЬ

II

Глава 1

ЛИШЕННЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

В. В. ЧЕВАРДИН

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ

Сейчас мы о многом вспоминаем, пытаюсь подойти к собственным историческим корням. Бедствия, обрушившиеся на страну сегодня, непостижимо созвучны с прошлым, с первой половиной XX века. Казалось бы, давно должны утихнуть страсти по поводу прошлых страданий, ведь и нынешние времена далеко не безоблачны. И все же что-то толкает историков идти в архивы, к тем свидетелям событий, которые еще остались от той невероятно сложной, запутанной эпохи 20—50-х годов.

Поводом для написания этого материала послужило письмо от Елены Павловны Александровой, которая в 30-е годы пережила трегедию. Теперь ей 93 года, и она последняя из большой семьи Александровых, насчитывавшей 30 человек. Еще в 50-е годы она переехала из Нижнего Тагила в Москву, но до сих пор не может забыть постигшего ее горя. Желание узнать судьбу ее родных и близких привело автора этих строк в тагильский филиал Государственного архива Свердловской области.

Первым упомянем имя крупнейшего инженера-энергетика Урала в 20—30-е годы Александрова Сергея Николаевича (1876—1945) — брата мужа Елены Павловны, первого советского главного механика Богословского горного округа, избранного на этот пост революционным пролетариатом в 1917—1918 годах. Его отец Николай Петрович Александров был крепостным садовником-цветоводом у князей Голицыных, от которых не захотел уйти после получения вольной в 1865 году. Князь, оказывая помощь Александровым, составил протекцию Сергею при поступлении его в МВТУ. Успешно закончив вуз, Сергей Николаевич стал инженером-теплоэнергетиком. В конце 90-х

годов XIX в. семья Александровых переселилась в Москву, купила участок земли (сейчас он не застроен, возле дома № 19 на Арбате). Рядом с домом находилась оранжерея, в которой выращивались самые лучшие цветы в Москве. Работала вся семья: вместе с родителями трудились два брата и четыре сестры.

Поработав в электротехнической компании «Русское общество Шуккерт и К^о» с 1904 по 1911 год, Сергей Николаевич переехал на Урал и стал заведующим газозлектрическим цехом Надеждинского металлургического завода (г. Серов), где трудился до 1918 года. Мятеж чехословацкого корпуса и временное свержение советской власти в горном округе круто изменили судьбу инженера, который в свои 43 года по мобилизации стал вначале рядовым бойцом, а затем и подпоручиком белой армии, заведующим механическими артиллерийскими мастерскими. Фактически не участвуя в боях, начальник несуществующих артиллерийских мастерских, отступая под натиском Красной Армии в составе корпуса генерала Галкина, а затем генерала Бакича, попал в Китай, потом в Монголию, откуда его после «советизации» перевезли под конвоем в известный Иркутский домзак в апреле 1922 года. В декабре того же года Иркутским Губернским Ревтрибуналом он приговорен к лишению свободы со строгой изоляцией на шесть лет и с поражением в правах на пять лет. Лишь благодаря ходатайству отца и матери С. Н. Александрова перед ВЦИК, срок сократили в качестве помилования до четырех лет.

Жена С. Н. Александрова (полька по национальности из рода Гонсевских) вместе с дочерью Кирой, узнав о судьбе мужа, эмигрировала во Францию, и сведений от них более не поступало. Срочно заключенный Александров стал преподавателем в школе политграмоты губдомзак с августа 1922 года, и уже в начале 1923 в характеристике начальника отмечались его инициативность, вдумчивость, педагогический такт и примерное поведение.

Узнав о местонахождении С. Н. Александрова, руководство и парторганизация Надеждинского металлургического завода приняли все меры для перевода его на Урал для восстановления энергетики. Истерзанной гражданской войной Урал, как и вся Россия, испытывал острую нужду в знающих, образованных людях. Этапированный Сергей Николаевич из Иркутска был направлен в Нижнетагильский губдомзак № 8. Любимая работа полностью поглотила его, вопреки установленному режиму,

когда доставлявшийся под конвоем к месту работы он после смены вновь отправлялся в камеру. Возглавляя силовой отдел треста «Уралмет», он проявлял массу изобретательности. Под его руководством был отремонтирован основной турбогенератор электростанции Алапаевского завода, выведенный из строя отступающими белыми. Скомбинировав из нескольких газодувок энергетическую установку на Нижнесалдинском заводе, он значительно сократил срок пуска первой на Урале коксовой домны. Эта его работа была высоко оценена учеными-теплотехниками из Москвы.

Характеристика, данная начальником Тагильского домзак № 8 Тоута, свидетельствует о том, что С. Н. Александров пользовался полным доверием и со стороны администрации, и со стороны надзора. Своим безупречным поведением «...всегда был достоин подражания...» 19 февраля 1925 года Сергей Николаевич досрочно освобожден, однако его гражданские права ограничены статусом «лишенца». По сведениям Нижнетагильского сектора НКВД на 18 октября 1930 года, причиной лишения избирательных прав была служба в белой армии. Лишь в 1931 году избирательные права были возвращены, но в 1932 году вновь отобраны.

Между тем работа продолжалась, и председатель правления «Уралмета» М. Жариков писал: «По инициативе С. Н. Александрова было произведено расширение Нижнетагильской и Кушвинской электростанций с постановкой впервые на Урале сжигания угля в виде пыли. И... фактически разрешен вопрос о сжигании доменного газа с небывалой до сих пор нагрузкой котлов и высоким коэффициентом полезного действия». Главное детище инженера Александрова — углепомольная фабрика (первая в СССР) — построена на Нижнетагильском металлургическом заводе им. Куйбышева (ныне составная часть Музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала). После первой реконструкции, проведенной в 1928 году под руководством С. Н. Александрова, Нижнетагильская заводская электростанция достигла мощности 5500—6000 кВт. В том же году командированный ВСНХ СССР инженер Александров в качестве эксперта участвовал в приемке одной из первых советских паровых турбин большой мощности, установленной на заводе им. Петровского в Екатеринославе (ныне г. Днепропетровск). По пути на Украину Сергей Николаевич заехал в Москву, где повидал старого отца, а брата — Семена Николае-

вича вместе с женой Еленой Павловной Александровой-Советовой (автором упомянутого письма) пригласил переехать в Нижний Тагил, где было огромное поле деятельности для проявления творческих способностей.

К этому времени Сергей Николаевич вторично женился на «лишенке» Тамаре Максимилиановне Коркут, работавшей в заводууправлении, бывшей воспитаннице института благородных девиц в Москве (приют для дворянок-сирот), которая стала верной спутницей его жизни. Образованная, великолепно знающая французский язык, после революции она работала в одном из учреждений Москвы. Однажды получив в качестве презента за свою работу коробку конфет от иностранца, она была арестована НКВД за связь с иностранной державой и, пройдя ряд тюрем, в том числе Бутырскую, очутилась в ссылке в Нижнем Тагиле. Разница в двадцать лет не помешала им быть счастливыми.

В 1928 году в Нижний Тагил переехала чета младшего брата Семена вместе с дочерью Галиной. Налаживался быт. Свободное время проводили на охоте. Жили зажиточно. Семен Николаевич стал работать сменным техником Нижнетагильской электростанции, совершенствовал свое образование.

Начиная с 1929 года обстановка в стране стала меняться. Установилась личная диктатура Сталина. Все чаще немногословный, серьезный Сергей Николаевич сидел в раздумьях после очередного вызова в НКВД. В газете «Рабочий» появились статьи, обвиняющие его как главного инженера по реконструкции в срыве подачи электроэнергии на важнейшие объекты Нижнего Тагила. В конце 1930 года по стране прокатились процессы над «Союзом инженерных организаций» (Промпартия), была разоблачена и заклеена «кондратьевщина», остракизму подвергались Рютин, Бухарин, Рыков. В Нижнем Тагиле в ноябре 1930 года вошел шумный процесс над «зжимщиками» рабочей инициативы во главе с директором НТЗ Аксеновым, в Свердловске — над «Уралметом».

В это время в доме Александровых по ночам горел свет — готовился проект второй реконструкции Нижнетагильской электростанции, воплощение которого в жизнь увеличило бы подачу электроэнергии на промышленные объекты города и прииски более чем в два раза, доведя мощность станции до 12—13 тыс. кВт. Проект Александра, поддержанный инженерами Щалаевым, Харисимовичем и Варшауром, конкурировал с проектом реконструк-

ции электростанции техника Тульского. Предпочтение было отдано второму, возможно, в результате следующих событий: в этот период сложилась крайне неблагоприятная обстановка с поставками угля, с самого начала «буксовала» плановая экономика. За девять месяцев 1930 года горняками Урала было недодано 320 тыс. тонн угля. Не хватало железной руды, а темпы плана требовали новых рекордов. 24 октября 1930 года уголь на Нижнетагильской электростанции закончился. Поставки задержались на месяц. Остановки станции удалось избежать благодаря самоотверженности рабочих и служащих электроцеха, находившихся по 17—18 часов в сутки на своих рабочих местах. С 24 октября по 1 ноября приходилось неоднократно отключать от питания цехи, рудники, Высокогорский завод, «Уралплатину». Уголь собирали по крохам везде, где только было можно, поэтому вместе с углем в углепормольную машину часто попадали чугун, камни, что приводило к порче уникального оборудования углепормольной фабрики. Поезд с углем пришел лишь в первых числах ноября. Готовящийся к годовщине Октября пуск домы № 1 был сорван. В НКВД и в печати лихорадочно искали ответственных за это. По словам Елены Павловны Александровой, Сергей Николаевич был арестован 13 ноября 1930 года и обвинен во вредительстве, а в 1931 году выслан в г. Харьков, где работал в проектной конторе (возможно, Харьковский институт промышленной энергетики). В 1933 году он вновь арестован и возвращен в Нижний Тагил, где отбывал наказание уже вместе с братом Семеном Николаевичем, арестованным как брат вредителя.

Нам неизвестны причины, по которым Сергей Николаевич был вновь выслан в Харьков в 1934 году, где работал до 1942 года. Накануне оккупации Харькова немцами он был эвакуирован на Чусовской завод. Подробности харьковского периода жизни инженера Александрова, к сожалению, неизвестны. В 1944 году трудами С. Н. Александрова заинтересовались в Москве, его вызвали в столицу а 10 мая 1945 году он умер там от рака крови. Сергей Николаевич Александров похоронен на Ваганьковском кладбище.

Муж Елены Павловны Александровой — Семен Николаевич — родился в Москве в 1897 году. В 1917 году он закончил гимназию и был взят на военную службу в действующую армию, воевавшую против немцев. После Брестского мира вступил в Красную Армию, где служил

до 1922 года. Демобилизовался, женился. Работал в Московском аптекоуправлении. Замечательный самоучка-радиолюбитель, он сам смонтировал ламповый приемник, который принимал не только советские, но и зарубежные радиостанции. С 1928 года работал на Нижнетагильской электростанции сменным техником. После ареста Сергея Николаевича в 1930 году арестовывался НКВД, но через два-три месяца был освобожден. В январе 1933 года его арестовали и увезли в Свердловск, где он сидел в тюрьме до января 1934 года. По всей вероятности, сработали доносы. Вот один из них, взятый, как и большинство материалов, в Нижнетагильском филиале ГАСО. Когда накануне Октябрьской годовщины в 1931 году Семена Николаевича попросили дать экспонаты для выставки, он ответил: «Что я могу дать? Если только дать те достижения, что в 1913 году стоимость 1 кВт/ч была 3 коп., а в 1931 году — 5 коп., прогулов в 1913 году был 1%, а в 1931 году 31%, в 1913 году было все, что угодно, мясо и хлеб, а в 1931 году сидим на пайке полуголодные... Кроме этого я вам дать ничего не могу, а если что нужно, обращайтесь к зав. цехом, и он даст вам те материалы, которые нужно». Итог этого разговора вылился в ст. 58—10 лет концлагерей за антисоветскую агитацию и за связь с международной буржуазией (во время обыска у Семена Николаевича была найдена английская монета, подаренная ему братом). Далее в своем письме Елена Павловна пишет о муже: «Он попадает в концлагерь под Мурманск. Там от него в 12—18 км есть река Тулома, станция Коча, от этой станции вглубь по этой реке и строили ГЭС. Я там была три года подряд, работали и жили очень прилично. Рабочий день считался за два, и выстроенные объекты давали сброс годам тюрьмы: один раз полтора года, другой раз — два года. Итак, к 1938 году срок подходил к концу...» До освобождения оставалось 10 дней, когда палача Ежова заменили на палача Берю, который отменил все льготы заключенным по ст. 58, и срок Семену Николаевичу был продлен еще на пять лет.

На Туломской ГЭС работы были закончены, и Семена Николаевича перевели в Повенецкий концлагерь на Беломорканале, печально известный по «Архипелагу ГУЛАГ» А. Солженицына. Срок должен был окончиться 15 августа 1942 года, а его и в 1943 году не освободили. В январе 1943 года при пешем переходе из Повенца в Воркуту (лагерь Ад-Абисс) Семен Николаевич Александров умер от истощения и воспаления легких. «Прошло почти 50 лет,

а сердце кровоточит, глаза на болоте», — пишет Елена Павловна.

Тамара Максимилиановна Александрова-Коркут пережила все мытарства Сергея Николаевича и после его смерти переехала в Москву к брату. Работала до 75 лет секретарем в Доме архитектора. Умерла в возрасте 88 лет.

И наконец, об авторе письма — Елене Павловне, родившейся в 1897 году. Окончив гимназию, в 1916 году поступила в педагогический институт и параллельно — на курсы машинописи. Завершить образование не удалось, так как родители были «лишенцы» и их выслали из Москвы. Проучившись три года в пединституте, она вынуждена была бросить учебу и поступить в отдел высшего образования Наркомпроса, где проработала до рождения дочери Галины в 1922 году.

В 1933 году, когда Семен Николаевич находился в тюрьме в Свердловске, она перебралась туда же. Поступила секретарем-машинисткой в горисполком, но проработала там очень мало: была изгнана председателем исполкома как жена врага народа. До февраля 1934 года работала в горсовете. Клеймо «жена врага народа» она носила 22 года. Елена Павловна пишет о себе: «...Я несколько лет жила со свертком, где было кое-что необходимое, все время было волнение за дочку, куда ее сунуть, что она может затеряться, остаться и без матери. Почему, почему я осталась на свободе, хотя в НКВД меня знали как жену ссыльного, потому что за мной следили?..»

Но даже в те трудные времена были люди, которые помогали выжить. Так, секретарь горисполкома, несмотря на увольнение Елены Павловны, дала ей хорошую справку-характеристику, а начальник на другом месте службы, который использовал Е. П. Александрову одну в четырех лицах, не уволил ее с работы, несмотря на звонки из НКВД.

В Нижнем Тагиле Елена Павловна прожила до 1951 года, после чего переехала вместе с дочерью в Москву. Вышла замуж вторично, но в 1967 году муж умер. В заключение Елена Павловна пишет: «Вот история тяжелая, незаслуженная, четырех жизней».

МЕНЯ ОСУДИЛА ТРОЙКА НКВД*

Среди попавших в жернова сталинских репрессий был наш земляк Николай Меркурьевич Крючков. Он родился 28 ноября 1895 года в Васильево-Шайтанском заводе Екатеринбургского округа в семье крестьянина, который еще занимался торговлей. В 1914 году Николай Меркурьевич окончил Екатеринбургское реальное училище и поступил в Томский технологический институт, но завершить образование помешала первая мировая война. В 1916 году был мобилизован в ряды русской армии, куда прибыл после окончания Иркутской школы прапорщиков. Прослужив немного в Твери, Крючков попал в действующую армию на румынский фронт. Однако вскоре революционные бури начала XX века сокрушили старую русскую армию и Николай Меркурьевич, демобилизованный на основании Брестского договора, в 1918 году вернулся к мирной жизни. Хотелось завершить образование, быть счастливым. Но этим мечтам не суждено было осуществиться. По мобилизации Колчака Крючков призван в его войска в качестве заведующего артиллерийскими мастерскими, где прослужил вплоть до прихода Красной Армии. С 1919 по 1921 год Крючков находился в тюрьмах и концлагерях Омска и Москвы. По всей вероятности, знания, проявленные Николаем Меркурьевичем в заключении, определили его судьбу после амнистии 1921 года. Он был освобожден и сразу же стал работать во имя Родины. С июня 1921 года по июль 1922 года — служба в «Главзолоте» в Москве, с июля 1922 года по сентябрь 1923 — служба в Кытлымо-Косьвинском округе в «Уралплатине», с января 1923 до лета 1937 года продолжалась его работа на Тагило-Висимском золото-платиновом комбинате, центр которого находился в русском Клондайке — на реке Мартьян в поселке Уральце.

Казалось бы, все позади. Но существовал документ, который как дамоклов меч висел над Крючковым — «выписка из списка лиц, подлежащих лишению избирательных прав, по данным Тагильской опергруппы П. П. ОГПУ по Уралу на 18.11.30 г. Н. Тагил. Крючков Николай Мер-

---

* Впервые материал опубликован в газ. «За победу». 1990. 27 сент

курьевич — бывший белый офицер». Это означало, что труженик-интеллигент, честно работающий на новую социалистическую Родину, лояльно относящийся к ней и живущий по ее законам, не имел прав гражданства. Это клеймо, которое оставалось на Крючкове до конца жизни.

«В списке лиц, лишенных избирательных прав по Павлово-Анатолюскому сельскому Совету, значится Крючков Николай Меркурьевич. Причина лишения избирательных прав — сознательный вредитель на производстве.

Письмо Нижне-Татильского окрвоенкомата.

Совершенно секретно от 31.10.29 г. № 493.»

Заодно избирательных прав была лишена и жена Николая Меркурьевича Елизавета Андреевна Крючкова. В лихолетье среди черствости, подлости и преступлений жила надежда: друзья боролись за него, невзирая на опасности. Вновь обратимся к документам.

«Характеристика.

Член инженерно-технической секции Крючков Николай Меркурьевич состоит в секции с момента поступления на службу в район с 1924 года. За все время пребывания в секции тов. Крючков показал себя как активный общественный работник, выполняя в разное время следующие выборные должности: председатель Инженерно-технической секции, член Ревкомиссии ИТС...

...Руководит комиссией по рабочему изобретательству, организовал и руководит кружком английского языка, организовал научно-технический кружок, организовал техническую библиотеку ИТС и Управления района, основал радиостанцию при Красно-Уральском клубе — первую в районе. Одновременно руководил кружком радиолюбителей. Консультировал и оказывал всякую помощь по радиоустановкам не только на приисках, но и во всех соседних селениях (Висимо-Шайтанске, Бобровке, Черноисточинске) как советами, так и непосредственным участием в установке. Вообще все задания ИТС тов. Крючков выполнял и выполняет безоговорочно...

Председатель бюро ИТС Соловьев.»

В своем заявлении с просьбой вернуть ему утраченные права гражданина СССР Крючков заверяет, что вполне лоялен к советской власти и потому ходатайствует перед РИКом, считая лишение прав незаслуженным фактом.

И вновь добиваются справедливости друзья Крючкова.
«Протокол бюро ИТС... от 16.02.1930 года.

...Обладая достаточным практическим стажем и имея хорошую разностороннюю техническую подготовку, в особенности по механике и электротехнике, тов. Крючков непосредственно руководил установкой нового оборудования, инструктируя сотрудников по всем производственным вопросам района и являясь инициатором нововведений в работе цехов.»

Вот послужной список Н. М. Крючкова:

1. Заведующий столом заказов технического отдела от 12 января 1924 года по 1 апреля 1925 года.

2. Помощник заведующего техническим отделом с 1 апреля 1925 года по 1 декабря 1927 года, а затем и заведующий с 1 декабря 1927 года по 1 июля 1929 года.

3. Заведующий электромеханическим отделом и заместитель технического директора с 1 июля 1929 года и по совместительству врио технического директора.

4. В 1933—1937 годах до своего ареста он работал главным механиком Кировского приискового управления «Уралзолото».

И еще цитата из документа:

«Приказ № 188. По Тагило-Висимскому золото-платиновому комбинату «Севцветметзолото» от 30 апреля 1933 года. Прииск «Красный Урал».

За выполнение решений январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и решения Уралобкома партии и за претворение в жизнь лозунга «Освобождения от импорта», за овладение техникой производства премируются следующие инженерно-технические работники. За инициативу и непосредственное руководство по изготовлению лекал для перемотки шпульмотора 250 «НР», благодаря чему освоена техника перемотки шпуль, которые раньше импортировались из Америки, что дает экономию в год 3000 рублей золотом, главный механик комбината т. Крючков Н. М. премируется месячным окладом в сумме 600 рублей...»

Незадолго до ареста Н. М. Крючков закончил изобретение — станок по производству дражных сеток для промывки золота и платины на р. Мартьян. Станок пробивал отверстия, работая как пресс; развальцовывая нижние углы отверстия, придавал им форму совочка. Сетка делалась из листа железа, и таким образом вода с песком зачерпывалась этими совочками, пропускалась через отверстия, а крупинки золота и платины задерживались сеткой. Такая технология позволила увеличить добычу золота и платины в Кировском приисковом управлении. Более

подробно это изобретение было описано в газете «Трибуна ударника», но ни одного экземпляра газеты, к сожалению, найти не удалось.

29 октября 1937 года Николай Меркурьевич Крючков был арестован НКВД. В письме к жене он писал:

«Меня обвиняли в участии в офицерско-фашистской организации по вооруженному восстанию. Все это чепуха и выдумка. Материалом послужили ложные доносы людей, которых я никогда не видел и не знал, кто они, и до сих пор не знаю. Главной причиной, очевидно, послужила моя прошлая служба офицером, которым, как известно, я оказался случайно, из-за войны. Осудила меня Свердловская тройка НКВД в ноябре 1937 года и дала срок 10 лет по статье 58 КР.»

И те, кто фабриковал дела, иногда оказывались жертвами террора. Следователь Стрежек, который вел дело Н. М. Крючкова, вскоре сам был репрессирован.

В момент отчаяния и слабая надежда греет. Так и Указ о пересмотре дел по статье 58 КР от 1 мая 1939 года давал основание думать о торжестве справедливости. Ответ на апелляцию был лаконичен и тверд, как удар кувалды: «Облпрокуратура не имеет оснований для изменения приговора». И еще удар — тяжелая болезнь.

«...Пишу плохо, не слушается рука. 28 июня простудился и, как говорится, получил парез правой стороны тела: рука, нога и голова. Восемь дней пролежал в больнице и сказали, что так пройдет, ну вот и работаю. Лечиться бы надо, да ничего не сделаешь.»

Наверное, только сильный духом человек может написать следующие строки:

«Я здоров, не считая руки, которая не поправляется. Пользуясь случаем, пишу в надежде, что это письмо получите обязательно. Нас, наверное, перебросят на днях, так что не удивляйтесь и напишите маме, что, возможно, месяца два писем от меня совсем не будет.»

Мы не знаем, как проходила пересылка писем по маршруту Тайшет — Владивосток — Магадан, об этом нет документальных источников, но есть много свидетелей — современников. С Колымы было получено еще несколько писем Н. М. Крючкова, но они не сохранились. Правда, существует еще одно уцелевшее письмо от жены репрессированного земляка — Николая Кравченко. Малограмотная Мария Кравченко пишет, что, узнав, от знакомых о том, что в течение восьми месяцев известия от Крючкова не было, спешит сообщить:

«Я получила письмо от Коли, где он мне пишет, что они из Владивостока приехали на место 1 июля вместе с Николаем (Меркурьевичем) и живут с ним в одном бараке. Он послал письмо 22 июля, а я получила 4 ноября, потому что туда пароход ходит два раза в год. Вот как раз в марте пойдет, но хотели его перевести в чертежный (Н. М. Крючкова).»

Исходя из этого письма можно заключить, что последняя гавань Крючкова — бухта Нагаево, Магадан, п/я 301—30, прииск Мальдяк.

Реабилитация Н. М. Крючкова состоялась более чем через 30 лет.

«Свердловский областной суд. 11 сентября 1969 года, № 52.

Дело по обвинению Крючкова Николая Меркурьевича, 1895 года рождения, до ареста работавшего главным механиком Кировского приискового управления треста «Уралзолото», пересмотрено президиумом Свердловского областного суда 3 сентября 1969 года. Постановление Тройки при УНКВД Свердловской области от 16.11.37 года в отношении Крючкова Николая Меркурьевича отменено и дело за отсутствием состава преступления производством прекращено. Крючков — реабилитирован

Председатель Свердловского областного суда А. Колев.»

До нас не дошла дата смерти инженера-изобретателя Н. М. Крючкова, не известно, где он похоронен. Общий памятник для таких, как он, будет сооружен по проекту скульптора Эрнста Неизвестного в Екатеринбурге как напоминание живущим в этом мире о бесчисленных «белых» пятнах истории.

В. В. ЧЕВАРДИН

НИ БЕЛЫМ, НИ КРАСНЫМ НЕ УГОДИЛ ГЕРАСИМ*

Непросто складывалась судьба тагильского предпринимателя Герасима Никоновича Фомичева. Родился он

---

* Материал впервые опубликован в газ. «Лотос» 1992. 1—2 июня

в феврале 1879 года, с четырех лет воспитывался без отца, а в 11 совсем осиротел. Не удивительно, что так и остался безграмотным и главным его учителем стала жизнь.

До 1917 года жил в доме у брата Аверьяна, был его доверенным по торговым делам, получал жалованье, но в распределении прибыли не участвовал. В 24 года Герасим женился на дочери лесообъездчика Никитина. Жили неплохо, вместе деля печали и радости. А самой большой радостью было то, что накануне октябрьского переворота брат дал наконец нотариальное свидетельство о праве на самостоятельную торговлю мясом. Но планы молодого предпринимателя нарушила революция. Герасима арестовали. Аверьяна дома не было, поэтому среди других городских купцов, попавших в застенки красной гвардии, его не оказалось.

Впрочем, повезло и Герасиму. Вскоре его освободили, более того, он вновь стал работать, но уже на новую власть, по требованию поставляя мясо в больших количествах. Скостили контрибуцию, которую ранее наложили на всех купцов, дали аванс — 30 тысяч рублей и мандат. Сотрудничал с комиссарами Григорьевым, Овчинкиным, Мериновым, Бабиновым, Отлетиным, Дружининым. При отступлении красных осенью 1918 года двое из них прискакали к Герасиму.

— Мясо есть?

— Есть.

Загрузившись, комиссары угостили Герасима спиртом и, пообещав вскоре вернуться, умчались. Но не успели они доехать до Медведь-Камня, как Фомичева уже арестовали вооруженные чехи. При допросе его обвинили в сотрудничестве с красными, угрожали расстрелять. Вновь семья Фомичева дежурила у тюрьмы, беспокоясь о его судьбе. Продержали недолго, но пытки Герасиму Никоновичу пришлось вынести. На собрании у коменданта города — чеха Стички тагильские предприниматели выступили в защиту Фомичева, под их поручительство он и был освобожден. Вскоре вновь принялся за работу, поставляя для колчаковцев мясо из их стада под Невьянском.

Так продолжалось до отступления белых из Нижнего Тагила. Городское купечество вновь охватила паника. Деловые люди вместе с отступающими частями белой армии двинулись на восток. Фомичеву приказали отступать вместе с гуртом скота в Тюмень. За ним в телеге следо-

вала семья. В Тюмени скот реквизируют живым бесом, а Герасиму выдали документ для получения в Омске причитающихся денег.

В это время (август 1919 года) в колчаковской армии издали приказ о призыве всех возрастов и белобилетников до 45 лет на службу. Несмотря на слабое здоровье, 40-летний Фомичев был мобилизован в армию и служил в полку в Иркутске, постоянно чувствуя за собой слезку, так как его до сих пор подозревали в сочувствии красным. Дезертировав, вступил в ряды Красной Армии. Служба Фомичева на новом месте продолжалась два месяца, а затем по приказу РВС его как имеющего возраст более 40 лет демобилизовали.

Когда безнадежно отставшая семья дотащилась наконец до Иркутска, Герасим Никонович уже работал в губернском продовольственном комитете, занимаясь снабжением мясопродуктами местного населения. Однажды ночью пришли люди в красноармейской форме и, командовав «Руки вверх!», загнали всю семью в подполье, забили его гвоздем, а сверху поставили самовар с кипятком. После этого «визита» у Фомичевых ничего не осталось: ни одежды, ни продуктов...

Девять месяцев находился под следствием Герасим Никонович и в результате был отпущен без суда. Потянуло в родные места, и в 1922 году беспризорный дом брата Аверьяна, который Герасим взял в аренду по договору на пять лет, обрел хозяина. Такой предприимчивый человек, как он, не мог долго оставаться без дела, тем более нэп давал зеленый свет предпринимательству. Начинать на новом месте, не имея ни средств, ни кредитов.

Вот как об одном случае рассказывал сам Фомичев: «Является ко мне однажды из Самары доверенный фирмы Крольда Иван Михайлович Бабушкин. Привез для Тагила два вагона ржи и советует: кому ее предложить? Я ему подсказал, но по каким-то соображениям совучреждения от сделки отказались. Через три дня Бабушкин получил телеграмму о смерти отца в Кунгуре и решил ехать на похороны, оставив дубликат на получение груза мне, без копейки денег. Просил привезти эту рожь и деньги приготовить через семь дней по прибытии груза. Цену поставил 6 рублей пуд, а в розницу тогда продавали 10 рублей пуд.

Только он уехал, мне доложили: «Прибыл вагон ржи. Выкупайте». А у нас ни денег, ни тары. Одолжил денег на выкуп и тару — 80 мешков. Так-то один вагон с этими

80 мешками и перевезли. Прознали про то черноисточинские золото-платиновые старатели и висимо-шайтанские промышленники. Понаехали и рожь у нас купили на деньги совзнаками. Ими и рассчитались с Бабушкиным. Заработали на ржи деньги, стали что-то покупать, ведь одежды не было. Продавали мясо у собора, потом перешли на старый рынок. Арендовали лавку у коммунальщиков. Развернули дело. Все только на доверии. Своих денег ни гроша».

До января 1925 года проработал Герасим Фомичев, успевая платить налоги, выкупать облигации, оплачивать кредиторов и т. д. Но вышел новый указ — надбавка на плату за жилье в очень большом размере. В коммунальном отделе ему сказали: «Вноси деньги, иначе завтра запечатаем лавку и товар». На этот раз Герасим Никонovich не смог вывернуться. Ему пришлось продать лавку, мясопродукты и уплатить деньги в коммунальный отдел. Товар продал с торгов. В который раз он остался без гроша и обстановки.

До 1930 года продолжал заниматься продажей мясопродуктов в торговых кооперативных и государственных предприятиях. В том же году по обвинению в даче взятки 6 рублей был осужден сроком на два года, наказание отбывал в Омской ИТК. Затем четыре года работал на Тагилстрое сторожем. В апреле 1936 года его как «классово чуждый элемент» уволили. Дальнейшая судьба Фомичева неизвестна, но в материалах НКВД значится, что Герасим Никонovich был мясоторговцем и скотопромышленником, что, собственно, и было причиной лишения его избирательных прав и отказа в устройстве на работу.

ГЛАВА 2

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

В. Т. СЛИПЧЕНКО

КАРТИНКИ ДЕТСТВА

Слипченко Валентина Тимофеевна родилась в 1921 году в Полтавской области на Украине. В 1930 году семья из шести человек была сослана в поселок Пелья Гаринского района Свердловской области. Вскоре умерли родители и младший брат. Трое оставшихся детей потеряли друг друга. Валентина с 1931 по 1935 год училась в школе для спецпереселенцев в селе Гари, затем по распоряжению НКВД переведена в Нижний Тагил, где получила специальность столяра-краснодеревщика. В 1936—1937 годах закончила курсы дошкольных работников и работала в детсадах № 2 и 3 Нижнего Тагила. В 1940 году закончила вечернее отделение педагогического училища и начала работать в школе. В годы войны трудилась в госпиталях города. В 1947 году закончила учительский институт и до 1977 года проработала учителем и воспитателем в детских домах. В 1977 году вышла на пенсию, но до 1992 года работала в аптекоуправлении. В настоящее время В. Т. Слипченко активно сотрудничает в обществе «Мемориал», являясь членом его Совета.

Помню теплое прикосновение к маме во время ее отдыха, ее особый запах. Теперь знаю точно — это запах хлебного поля. Помню собачку с кисточкой на хвосте. Она ест из моей мисочки. Ползу к ней. Собачка яростно бросается ко мне и кусает за плечо и руку. Появилась ягодка крови...

При выходе из какого-то болезненного состояния слышу шепот склонившихся надо мной голосов: «Вона, ище жива! Жива!»

Ползаю по глиняному полу. Переползаю через высокий порог в другие комнаты, крепко ухватившись за огромную медную ручку на двери. Комнаты ярко залиты солнечным светом. Пол зеркальным блеском отражает мое положение на четвереньках. Горит лампадка. Пахнет чем-то ароматным.

Во дворе тепло. Видна часть дома и сени. Они покрыты

зеленым железом. На углу дома, недалеко от сенок, растет ветвистая груша. На ней желто-красные плоды. Вот ветки пошатнулись, и большая груша падает к моей ноге. Радостно подбираю ее и кусаю. Сладость потекла по телу.

Светит солнце. Подо мною яркая зелень травы. Лицо вымазано белой мазью. Откуда ни возьмись, возле меня падает большущий рогатый жук. Испугавшись, падаю лицом в траву. Боль заставила поднять голову, и я открыла глаза. Жук, переваливаясь, медленно отползает в сторону. Долго разглядываю его, осмелев, прутиком начинаю отгонять жука. Тут подлетела пчела и ужалила меня в лицо. Постепенно губа стала толстой, рот плохо закрывается, глаз ничего не видит. Бабушка дала меду в сотах. «Все згынэ. Ииж», — ласково успокоила меня. По какой причине — не знаю — долго мне пришлось ходить на коленках.

Старший брат Павлик учится в школе. Он сидит и громко читает стихотворение «На смерть Т. Г. Шевченко». Долго и надрывно вгрызается в каждое четверостишие. Внимательно слушаю. В уме повторяю за ним и незаметно запоминаю. Теперь, когда он останавливается, подсказываю. Все удивлены...

Перед сном Павлик сказал, что поведет меня в первую группу. Лежа, в воображении рисую школу: открылась дверка у печки. Я сижу на стульчике. На коленях открытая книга. Кругом закопченные, черные стены. Под ногами белесые угасающие угли. Сказала брату, что в школе только одна печь и все в нее не поместятся. Он посмеялся надо мной.

Как училась в первом классе, подложив под себя ноги, сидя за партой, хорошо помню. А как в течение одного года закончила два класса, до сих пор объяснить не могу. Хотя получила подарки — ручку и карандаш.

На всю жизнь остался в памяти рисунок нашего учителя (какая-то эмблема). Чистота, яркость и контрастность черной туши на белом ватмане поразили меня.

Постепенно ноги стали крепнуть. Выбегаю в густую траву. Соседский мальчик косит ее. Я прошу его, чтобы был осторожен. «Дывысь, ны окосы.» Сама бегу дальше. Вдруг что-то холодное проскользнуло под ногами. Вижу, бьет струей кровь впереди меня дугою. Откуда-то прибежал папа. Присел и закрыл ногу тряпкой. А кровь и через нее видна... Я еле дотягиваюсь руками до папиной шеи, хочу ухватиться за нее. Тут голова моя падает...

Под тряску и стук телеги ощущаю бодь. Едко пахнет

лекарством. Нога замотана бинтом. Хорошо вижу большое кровавое пятно на нем...

В хате пахнет свежей травой на полу. Чисто, кругом висят рушники, горит лампадка. Праздник... Троица.

Стучат ножами. Идет засолка. Пахнет капустой, яблоками, арбузами...

Я на подоконнике, заглядываю через стекло на улицу. Там пролетают снежинки. Упершись в стекло, поднимаю лицо и вижу целый рой их. Они кружатся темными хлопьями и падают. Долго ловлю их взглядом, потом закачалась голова, потемнело в глазах... Я болею корью, голова и лицо покрыты большими коростами.

Во двор пришел какой-то дядька и попросил показать больную ногу, потом пройти перед ним. С трудом делаю это... Папы дома нет, его задержали в городе. Кто? Почему? Не знаю.

Шум, крик, слезы... Нас сонных наскоро одевают... кормят... Много людей должны ехать куда-то.

Подвода, нагруженная узелками, тронулась.

«Соловки!» — крикнул кто-то. Люди загудели и пошатнулись. Все шли пешком. Малых несли на руках. Некоторых привязали к себе большими платками. Меня посадили на телегу поверх узлов, покрытых вялым сеном. Рядом лежали костыль с палкой.

Выехали на луг, окаймленный густым лесом. До мельчайших подробностей вижу все краски зелени в лучах брызнувшего солнца. Но все это медленно уходит назад. Потом все быстрее и быстрее. Смешалось. Жалко. Грустное предчувствие, а в мыслях скользит: «Прощевайте! Бильше не побачу...»

Остановились напротив большого сарая на пригорке. Детей быстро собрали в кучу и отвезли в сторону. Матерей увели куда-то. Долго мы стояли, все плакали и ждали. Неожиданно огромная черная дыра в сарае открылась. Люди темным потоком сбежали с горы. Мама со слезами и криком подскочила к нам. Обхватила всех нас со словами: «Ой, диточки мои!»

Когда и как грузились в вагоны, не знаю. Ехали бесконечно долго. В вагоне всегда было темно. Высоко, под потолком, виднелась одна круглая дырка. Ее открывали редко и только к вечеру. Спали все, сидя на полу. Ели зеленовато-горький хлеб с плесенью да гадкую капусту, запивая водой из общего ведра. В углу было завешано тряпками отхожее место. Боль, духота и вонь часто бросали в забытьё.

Вагоны лязгнули друг о друга, вздрогнули и повалили всех сидящих. Двери с грохотом отворились. С улицы донеслись какие-то непонятные голоса. Шепот: «Царствие нэбэснэ, кровью пишов!» Громкий повелительный голос приказывает выйти всем из вагона и вынести параши. Вышедших людей дальше двух шагов от вагонов не пускают. Люди оправляются тут же. Многие прячутся под вагон. Не знаю, сколько еще времени прошло от остановки до полного прекращения этого мучительного пути.

В густом лесу, поросшем густой травой и мхом, были сброшены узлы. Людей семьями стали разводить по домам. Дома были бревенчатые с резким сыровато-сернистым запахом. Поселили нас в недостроенном доме. Из стен торчали клочья мха. В доме народу было много. Когда мы просыпались, взрослых уже не было, все уходило на работу. Мужчины валили лес, распиливали его на бревна, топорами и скребками ошкуривали их. Кололи дранку для крыш. На высоких козлах большой пилой, похожей на прямоугольник, пилили доски. Женщины, подростки и дети драли мох, собирали ветки и сучья в огромные кучи прямо у домов. Строился поселок спецпереселенцев.

В почти готовые дома расселяли людей по две семьи. Половины домов разделялись перегородкой. В каждой половине стояли обмазанные глиной большущие печи. В нашей была еще и железная печка — «буржуйка». Пол был не весь постлан.

Проснулись утром. Слышали, собирают людей на поиски: кто-то потерялся в лесу. Оказалось, потерялась наша мама. Да и папу не видели давно. Много дней маму искали. Так и не нашли. Детский плач, голод и холод поселились у нас. А папа не приходил.

Осталось нас четверо. Старший брат Павлик младших Гришу и Маню сажал на печь. Она была завешана с обеих сторон тряпками. Я сама забиралась. А он куда-то уходил. Холодно...

Надо топить печь. Но она такая большая... Подкатала чурку. На шесток сбросала дрова. Залезла. Ползая на животе через устье, наложила дрова. Стала зажигать их. Потянуло дымом, глаза слезились, из носа потекло. Слабые огоньки потухали. Концы у дров становились черными. А мне стало уютно, тепло.

Гриша и Маня на печи, не переставая, плакали. Что мне делать?

Полезла под печку. Набрала картошки. Нарезала и на слабых огоньках запекла ее. Закопченные и горячие печен-

ки складывала столбиками. Довольная, стала кормить. Маня почти грудная, а Гриша старше. Он все плакал и плакал, хотел есть. Я никак не могла его успокоить и... стукнула. Он заплакал еще громче. Схватила его, прижала к себе и громче его заплакала сама.

Вся в саже, с отполированными до блеска манжетами, ходила в школу, не сознавая этого.

Спали мы на печи, свернувшись в один клубок, крепко прижимаясь друг к другу. Тихонько оставила их, спящих. Незаметно от людей пошла искать маму. Ходила вокруг деревьев в глубоких зарослях так, чтобы было видно дом. Горячо верила в то, что именно я найду маму.

Под вечер, уставшая, подпухшая, с невидящими от слез глазами вернулась домой. Почерневшая, холодная, открыто стояла печь. Гриши и Мани не было. Лежала вязанка дров — и никого... Утром пришел Павлик. Сказал, что уходит на заработки. Гришу с Маней взяли в ясельки. Осталась я одна в холодном доме.

Заготовка дров и топка печи отнимали все мое время. Но я терпеливо переносила это. Бывало, одну чурку отпиливаешь целый день. Ширкаешь пилой, а режется в одну сторону, в сторону вылетающих опилок. Отпиленную чурку надо расколоть. А как? Ставила ее и топором протюкивала щель. В нее забивала щепку в виде клина. Потом била до тех пор, пока не отколется полешко толще лучинки.

С радостью бежала в школу. Там была громадная железная печь. Можно хорошо обогреться. Давали полхлебку. Ребята пекли печенки. Они мне давали кусочек или два. А самое главное, я не одна. Здесь было счастье для меня. Училась ли я? Я здесь жила. Сидела на последней парте, слушала, но ничего не понимала. Все что-то говорят по-русски, а до меня не доходит. Если приходилось писать, то кроме красных почеркушек я ничего не видела. Моя «писанина» была под ними. Я почти не писала и не умела считать. Меня никто не упрекал, не выгонял. Я ни с кем не говорила. На перемене все играют — я в уголке. Как играть? О чем говорить? Не понимаю я многого, да и в голову ничего не приходило. Тем, что видела, и жила, этим и «училась».

Иду домой, встречаются ребята и говорят, что нашли маму. Ужас и страх сжали меня. Тихонько подхожу и вижу перед домом на прутиках, сделанных скамейкой, лежит в черном длинное тело. За слезами лица маминого не вижу. Подошла ко мне женщина и, обняв, повела к себе.

Там и ночевала я. Утром увидела маму на полу. Вижу ее глаза, а там ползают белые черви и... не вижу ничего! Притихла... Женщины говорят, чтобы я расчесала волосы. Я села за маминой головой и боюсь. Вижу, глаза уже закрыты. Волосы, запутанные и мокрые, плохо расчесывались. Я боялась сделать маме больно.

Пришел дядька, сказал, чтобы я пошла в конторку и получила муки четыре килограмма (давали на месяц) Мне указали на тропу в лесу. Я пошла... За спиной мне привязали мешок с мукой. Дали две мороженые очень красивые рыбины. Много раз видела их во сне! Я завернула их в полы жилетки. Жилетка была сшита из полотенца. Крепко прижала к себе и почти побежала обратно. Подхожу, мне говорят, что уже похоронили маму. Бросила все и бежать! Навстречу идут люди. Одна женщина схватила меня, успокаивая, повела назад. Я не видела ни похорон, ни могилы.

Прошло время. Ко мне пришел папа и принес грибов. Жарили в жестяном листе. Наелись... Наелись... Смерть не наступила. Кое-как пришли в себя. Надо печь «хлеб» Моя задача — посушить и помять березовые листья. Муки немножко было. Склеили березовую труху. Стали катать колобки, а потом печь их. Я подавала, вернее, садила на лопату, а папа в печь. Было высоко и неловко. Колобок чуть не упал. Папа стукнул меня лопатой по голове. За что?!!! Вытерпела. Ночью он сильно заболел. Сидел у железной печки. Попросил завернуть ему сигарку.

Утром он оказался на полу, свернувшись в невероятной позе. Положили на нары. Два дня пролежал. Не говорил ни слова. Только храпел. К утру третьего дня посинел. Вернулась из школы. Его нет... Похоронили... А где?! В доме никого. Кого спросишь?..

В леденящем доме я одна. Углы стали покрываться инеем. Пол разворочен. Картошку, замерзшую, из-под печки кто-то унес. В доме никого не видела, а все куда-то делось...

Меня переселили к кому-то, в уголок. Принесла с собой две «булки» и еще немного муки. Положила под голову и легла спать. Утром муки не стало...

«Сытая» моя жизнь была только в школе. В очередной раз утром собралась туда, но пришла женщина и сказала, чтобы я пошла и забрала Гришу. Умер он. Это я восприняла как-то без особого внимания.

Принесла его и положила на свое место. Сама побежала в школу. Вернулась почти к вечеру. На крыльце

стоял гробик. Открыла крышку. Там лежал Гриша. Легла к нему. Он был холодный. Утром рано вышла на крыльцо. Посмотрела, все на месте. Отошла к лесу. Нарвала зеленых стебельков брусники и положила их в гроб вокруг Гриши. Несколько дней гроб стоял на крыльце. Однажды вернулась из школы, а его нет! Никто не сказал, что будут хоронить. Я больше не увижу его! Его нет... Почувствовала весь ужас случившегося...

Незаметно вечером почему-то не стала видеть. Вечерами тоже собирались в школе. Ребята о чем-то говорили, играли, пели песни, читали стихи. Когда шла по улице, я еще видела. Когда села на скамейку, почувствовала, что темнеет в глазах. Ребят уже не вижу, но хорошо всех слышу. Поднимаю голову, вижу только пушистое желтое пятно вместо лампочки. Кто-то крикнул, что видно северное сияние. Все побежали, подхватили и меня. Показывают мне, а я и ребят не вижу, не только сияние. Молчу... Все кончилось... Стали расходиться. Ушли почти все, а я стою. Слышу, идет учитель. Говорит, что проводит меня. Нам в одну сторону. Он идет впереди, я плотно за ним. Мне видно одну полоску внизу. А в ней мелькают его пятки и мои носки. Он пошел дальше, а я осталась. Как мне быть? Ощупью пошла.

Наткнулась на дерево, которое лежало сучьями в сторону нашего крыльца. Днем я хорошо его видела и помнила. Сколько лазила по дереву, ощупывая каждую ветку, не могу сказать. Постепенно добралась до вершины, а тут стало светлее. Я ступила на крыльцо.

Лесоруб взял меня в няньки. У него было две лошади. Одна с седлом, а сзади него перекинутые мешки с мукой и зерном. Меня посадили на мешки. Дядька передал лесорубу мои пожитки: узелок с «булочкой» и куском полотна, мамину черную корсетку. Откуда взялась? Мы поехали. Вторая привязанная лошадь шла сзади. Я держалась за какую-то петлю. Ехали двое суток. К первой остановке приехали поздно вечером. Здесь корсетку (безрукавку) хозяин променял. На что? Не знаю.

Хозяйка встретила нас в доме с мальчиком на руках. На второй день, рано, напекла шанег с творогом и картофелем. Она вновь отправляла мужа на лесозаготовки. Больше в доме я его не видела. Хозяйка ходила на работу, занималась огородом. Я смотрела за мальчиком Валериком. Очень старалась и берегла его. Кормила, мыла, стирала, гуляла с ним. Хозяйка была довольна. Довольными были и соседи. Говорила я плохо и мало.

На знала названий многих вещей. Как-то хозяйка попросила принести шабалу (шумовку). Я не знала, что это такое. Сказала, что нет ее. Пришли обедать, а она берет с шестка и показывает мне. Стыд бьет в лицо.

Однажды из сенок принесла хозяйка мой «хлеб» двумя половинками. Он ярко зеленый! Я даже испугалась от такой несхожести с настоящим. Его и корова есть не стала.

Зрение у меня восстановилось. Долго жить в няньках я не смогла. Очень хотелось быть в школе и учиться. Уже прошла первая четверть... Ребята из одной деревни были на каникулах. Они убедили меня, что уведут в школу. Сказала хозяйке. Она стала собирать меня в дорогу. Из «моего» полотна пошила рубаху-станушку (верх полотняный, а низ из грубой мешковины). Мне уже уходить, а она не стала пускать. Просила, чтобы я осталась у них навсегда. «Будешь нашей», — сказала она. Подумалось: «Пока я маленькая, буду вашей, а когда вырасту, стану чужой.» Твердо решила, что пойду учиться.

В худеньких тапочках, без чулок, в рубахе с надетой на нее жилеткой пришла в школу села Гари. Поселили меня в школе за печкой на матрасе, набитом соломой. Дело шло к глубокой зиме. Пришла ко мне седая учительница и сказала, что у кого-то есть вещи, еще хорошие, их можно носить. Я ничего не поняла. На второй день вызвали в учительскую. Там дали шубку, отороченную белой опушкой, поношенные рабочие ботинки и рыжую телячью шапку с остроторчащим верхом. Мне стало тепло!

Вскоре она опять принесла мне штанишки с длинными завязками вокруг талии. Рубаху из мягкой ткани с коричневыми фигурками на ней. Черное платье из «чертовой кожи» (грубой ткани). Во всем этом я прочилась до седьмого класса. Учиться вроде старалась, а понимала мало. Мешало и незнание языка. Вместо слова «медведь» читала «вэдмэдь» и т. д. Все смеялись, а я замолкала. Книг у меня не было, чернил тоже, редкими были тетрадь, ручки и карандаш. В классе книг тоже было мало. Одна-две, самое большое — пять. Чернила ребята приносили в разных пузырьках. Правда, у одного мальчишка Сережи Ливанова была непроливашка. Где такую взял? Часто писали на старых книжках или, если удавалось найти на свалке какие-то конторские бумаги, сшивали тетради из них. Они были грязные. Их мыли, а подсушенные и проглаженные под матрасом, сшивали. Девочки и мне такую тетрадь сделали, хотя я писала мало. Учились бригадами. Один отвечал, а оценки

ставили всей бригаде. На разных уроках были разные бригады, которые составлялись добровольно. Меня часто брали в бригаду посильнее. На уроках литературы была в бригаде у Сережи Ливанова. Он стихи писал девочкам в альбомы. Я как-то запоминала, но ненадолго. Никогда не знала, как найти абзацы или номера задачи. Все это умели ребята. Но все равно без школы жить не могла.

Ярким пятном остался в памяти рисунок волейбольного мяча с натуры, за который я получила единственную пятерку за всю учебу в школе.

Сильным потрясением было для меня стихотворение А. Некрасова «Плач детей».

Вскоре была создана детская коммуна из детей спецпереселенцев. Швейная и столярная мастерские, подсобное хозяйство. И две коровы были в ней. Все хозяйство вели дети: выращивали овощи, копали, сеяли, поливали и убирали. Была и столовая. Заведовали ей женщины из «вольных». Ребята помогали и в столовой. Мальчишки ездили за хлебом. На карточку давали по 50 граммов, давали еще жмых, патоку. Руководил подвозом хлеба Андрей Колесов. Получали большие круглые булки. Когда удавалось ему прихватить две-три лишние, быстро делил между всеми. Он мне и запомнился ловким, быстрым, добрым. Мальчишки всегда заботились о девочках. Но хлеба мы почти не видели, так как съедали его незаметно, щепотками. Похлебку ели уже без хлеба. Коров доила самая умелая и опрятная из старших — Зина. Она и в столовой помогала на раздаче. К раздачному окну я подходила последней. Еле дотягивалась подбородком. Зина, бывало, поскоблит по кастрюле и даст «лишнюю» ложечку каши.

Коммуну почему-то распустили. Ребята летом уходили к родителям. Я осталась. Кормиться надо было самой...

Выручает кусочек мыла. Кто-то из ребят, уходя, оставил мне его. Открыто в руках понесла в село, чтобы сменить на картошку (тогда с мылом было плохо). Женщина увидела меня и повела к себе. С поспешностью открыла подполье. Я даже испугалась! Быстро нырнула туда и принесла почти целое ведро картошки. Женщина и мыла брать не хотела. Спасибо ей. Таким добром повернулась ко мне эта женщина!

Приходилось собирать валяющиеся на дороге в пыли капустные кочерыжки, которые не подбирали. Привлекали своей белизной красиво закрученные очистки на помойке. Деликатесом тех лет была перегнившая и высохшая

на весенних полях прошлогодняя картошка. Многие ее собирали. Немытую, складывали в жестяные банки, заливали водой и запекали на огне. Из банки вытряхивали столбиком темножелезную массу. Ели с величайшим наслаждением! Счастливо она виделась и во сне. Молодые побеги, мягкие части стебля и корней разных болотных и лесных трав, ягоды различной спелости — все приходилось собирать. Особенно охотно поедалась клюква, как вишня, хотя и кислая. Хлеб рос в колхозе. Работая там собирала колоски. Их обминала и ела зерна. Редко удавалось попробовать горох. За съеденный корнеплод карамки строго наказывали выговором. «Платили» за работу похлебкой из карамки в колхозной столовой. Иногда давали соленые грибы, изрезанные ржавой червоточиной, грибницу с густо коричневым наваром. Зачерпнешь, а в ней половина черноголовых червей. Часто приходилось жить по нескольку дней голодной. Вначале есть хочется, а потом все становится безразличным. Лежишь и встать нет желания. Спасибо, выручали ребята!

Один раз «удалось» с мальчиками сходить за шишками. Подошли к кедру. Постояли. Мальчики пошли в глубь леса, а я боялась идти. Посмотрела на кедр. Шишек много. Через веерообразные мягкие ветки забралась. Сбить шишку очень трудно. Я сбила три. Ноги и руки задрожали. Надо слезать, а я не могу: густые ветки мешают. Выбиваюсь из последних сил, но не могу. Решила прыгать, пусть даже убьюсь! Наклонилась, взялась за концы веток, а они... пригнулись к стволу. Зацепилась, за него!.. И так несколько раз. Теперь можно прыгать! Долго лежала, глубоко зарывшись в сырой мох. На дрожащих ногах вернулась без единой шишки. Мальчики нашли меня и принесли уже обжаренные шишки. Спасибо! То было счастье!

Леса часто горели. Были низовые и верховые пожары. Низовый смердит долго... Он сжигает всю толщу почвы, до самой глины. Остаются кучи почвенной золы да древесный пепел. Не дай бог ветра, а дай обильного дождя. Верховой — словно бандит-налетчик. С бешеной скоростью, яркими факелами всдыхивают кроны, стараясь обогнать попутный ветер. Каждое дерево раздевается без жалости. А почерневший лес, словно слезы, начинает ронять горящие сучья, поджигая молодняк и траву. Страшное бедствие!

В этой осенней стихии приходилось без особого труда

находить уже готовые шишки. Бывало, увидишь еще дымящуюся. Вцепишься руками и зубами. Чешуйки вмиг отлетят в сторону. Потом с жадностью выгрызаешь мягкую спелость ореха. При этом руки оденутся в темно-зернистые перчатки. Видными останутся лишь подушечки пальцев. Около рта надолго приклеится венок чешуек. А ты радуешься, что удалось сделать еще запас на несколько дней. Дней выживания...

Нестерпимо болит живот, частые позывы и невыносимая слабость. Еле переступила порог фельдшерского пункта и, как по стенке, сползла вниз. Укол в плечо и... остановилась телега у больницы. Бесконечными неделями лежала на судне, истекая кровью. Ела ли я? Давали сухари и чай. Сухари не ела, а сахар не рекомендовали. Все ссыпалось в мешочки. Глоточками пила воду или просто смачивала губы.

В соседней палате лежала сильно опухшая женщина. Через проем двери мне ее хорошо было видно. Она попросила каши. Ей дали. А она умерла с кашей во рту.

Очень плохо мне стало. Глаза не открываются, наступило безразличие. На дежурство пришла сестричка с дочкой. Сестричка подошла к тумбочке, положила руки, грудью оперлась на них и низко наклонилась ко мне. Долго она стояла так, и... поцеловала меня. Как под током вострепнулась я! Почувствовала, что кругом есть люди. Я должна жить! Тут наступила какая-то покойная тишина. Оконным лучом засветило солнце. Этот единственный поцелуй вызвал во мне силы к борьбе за жизнь!

К вечеру сестричка вновь пришла и принесла теплую, воскового цвета картофелину. Я откусила и съела кусочек... Наступил день выписки. Вышла в сени, спустилась на две ступеньки вниз. Назад подняться не могу. Все падаю. Вылезла на четвереньках.

К школе три километра шла целый день. При малейшей ямке, как ветром, валило с ног.

Поселили нас в кирпичном двухэтажном здании. В одной комнате — мальчики, в другой — девочки. Мальчики и ночью оберегали девочек, так как туалет был на улице. Девочки уже в постелях вели разговоры на разные темы, о разных вещах. Вдруг одна девочка вскочила на подоконник огромного уже темного окна. «Домой! Домой хочу!» — кричит она и тут же открывает раму (второй этаж). Девочки схватили ее и положили на место. Постепенно все утихло. Рано утром все убежали в столовую и на работу в поля. Меня и ее не взяли. Я встала,

она еще «спит»: Подхожу, смотрю, а она мертвая и около рта кусочки кала. Заворот кишок.

В село к весне приехали манси на оленьих упряжках. Был какой-то слет. Видимо, готовился концерт. Меня пригласили в радиоузел, чтобы я прочитала стихотворение А. Некрасова «Плач детей». Начали. Все идет, как надо... и вдруг, в глазах стоит яркая картина тяжелого труда детей. «Колесо чугунное вертится и гудит»... Опомнилась, а трансляция остановлена.

Видела, как гости танцевали, изображая охоту на зверя. У мужчин и женщин были заплетены волосы в мелкие косички вокруг головы. На меховых одеждах нашиты разноцветные полоски. Количество их и цвета у всех были разные.

Потом они купались в пушистом мягком снегу. Снег был ярко-режущей белизны. Я любила этот снег. Особенно, когда на нем виднелись голубые тени лесных картин, уложенных весенним солнцем, с чуть заметными воронками вокруг деревьев.

Подошли девочки. Сказали, что поведут меня в детский дом. Там моя сестричка Маня. Где он? Мне не говорили. Пришли. Нянечка вывела черноглазую на худеньких ножках девочку. Я обняла ее, и мы сели на солому так, будто хотим ехать на санках. Она впереди. Я крепко прижимала ее к себе и... обе долго плакали. Потом сидели молча, обнявшись. Она не умела говорить, а я не знала, о чем. Няня только сказала, что Маня ждала меня с короной. Возможно, ее утешали так?.. Здесь ее я видела в последний раз.

Сговорились мальчики и девочки, что пойдут за картошкой. Куда? Меня не посвящали. Решила, что должна же я вносить свой «вклад» в общее дело. Пошли. Я сзади всех. Не заметила, как оказалась одна. Вдруг навстречу бегут девочки. Мигом все скрылись... Теперь несутся мальчики из «вольных». наших никого не видно. Вернулась...

Утром иду по селу и слышу крики: «Воровка! Воровка!» Стало все ясно. Вечером меня хорошо приметили в шубке с белой оторочкой.

Отросли волосы. Пошла к парикмахеру сделать стрижку «под польку». Мужчина был худощавый, красивый и добрый. Посадил. Терпеливо сделал стрижку. Потом повернул лицом к большому зеркалу, а с помощью другого показал мне затылок. О, ужас! Каждый волосок, как серебром, усеян гнидами. Он участливо, по-отцовски, тихо сказал, что нужно вымыть голову и следить за ней.

Вместе с учениками учителя готовили спектакль «Бедность не порок» по пьесе А. Островского. Я ничего не знала. Наступил день премьеры. Девочки подбежали ко мне и потащили за «кулисы». Подошла Зина. Меня быстро умыли, надели кофту и сарафан, причесали. Ловко завернули у платка кайму с цветочками и крепко повязали мне на голову. Тут же дали роль. Без слов. Во время грома я должна затрещать трещоткой... После спектакля стали фотографироваться. Меня поставили на перевернутое ведро. Низко, и ведро качается. Принесли высокий стул. Вот я со всеми. Я артистка.

Ранним утром все убежали в столовую. Я не успела, и старшая девочка задержалась. Она перебирала какие-то пузырьки. «Думаешь, мне не выпить?» — сказала она. Я ничего не поняла и скорей побежала на завтрак. Когда вернулась, ее уже отпаивали молоком.

В третьей четверти наш седьмой класс стал сильно редеть. Ребята куда-то выбывали. Подходят ко мне большие мальчики (один из нашего класса, двое из другого) и говорят, что идут стройки и там есть школа. Можно выучиться, есть общежитие и кормят. Они уходят. Раздумывать мне нечего. Я иду! Добираться к поезду пришлось по болоту. Вода мне по горло. Я оступилась и схватилась за кочку. Она пошатнулась и потянула меня под себя. Я уже захлебнулась. Быстро подскочил мальчик и подхватил меня. Он вынес меня на твердую тропочку.

Показались дощатые бараки, забрызганные грязью. Вошли в барак. Мальчики встретились со взрослыми, поговорили. Всем нам дали на матрасники и наволочки. Набили их стружками. Спать на таких матрацах было неудобно. Грубые стружки впивались в бока. Впоследствии стружка превращалась в труху. Такой матрац трудно было перевернуть. Заправку же требовали с расправленными матрацами и взбитыми подушками. Одеял и простыней не было.

Началась учеба. Мы приобретали навыки бутовой и кирпичной кладки. Познавали по чертежам хитросплетения арматуры. Везде нужно иметь большую силу. У меня ее не хватает, да и ростом мала. Меня перевели в столярную мастерскую.

Вызвав в какой-то кабинет, посадили за стол, дали карточку-тест. На ней нарисованы всевозможные линии — параллельные прямые, кружочки, линии то сходятся в одну точку, то пересекаются, то проходят через кольца, то

нарисованы в виде лестниц. Надо все это «распутать», ответить на вопросы, тут же написанные. Видимо, я в какой-то степени справилась.

В столярной мастерской отдельно изучали теорию, познавали разнообразие пород и особенно строение деревьев. Практические навыки осваивали на верстаках. Вел практику мастер-инструктор высокого класса: Милейший человек! Он вел две группы: столяров-плотников и столяров-краснодеревщиков. Я была во второй. Материал выдавали прямо из сушилки, почти без сучков. Мы освоили все виды обработки древесины: клейку, фанеровку и полщровку. Работы выполняли с помощью личного инструмента, вручную. Мне все нравилось и как-то все удавалось. Особое наслаждение вызывал момент, когда из-под фуганка закручивалась прозрачная поющая стружка. По ее звуку понимаешь, как заточен инструмент, какая поверхность получается при обработке. Преклоняюсь перед тружеником-умельцем, настоящим мастером любого дела! Делали полумягкие стулья. Один сделанный мной был поставлен в кабинете управляющего Тагилстроем Царевского.

После учебы два мальчика и я получили квалификационный разряд — четвертый (ученический). Высшим был шестой. Передали нас на работу в ДОК (деревообрабатывающий комбинат). Из первых заработанных 5 рублей я сделала первую покупку: за рубль двадцать приобрела белые парусиновые полуботинки на резиновой подошве без каблука. Порадовалась и положила под подушку (это одно из мест, где я могла хранить свои вещи). Пришла с работы, а их украли вместе со справкой об учебе. Плакала, долго не могла успокоиться. На работе поступил громоздкий заказ (шкафы). С трудом справлялась. Тяжесть на работе и горечь потери уже вынести не смогла. Ушла и в течение трех месяцев скиталась по улицам города (Нижнего Тагила).

Весна 1936 года... Потом осень. Хочу учиться. Пришла в горный техникум. Все расходятся по домам, а я незаметно остаюсь в развалинах левого крыла техникума. Крепко прижимаясь к холодной стене, за грудой позеленевшего битого кирпича, коротаю ночь. День наступает... Радуйся! А мне в течение его становится жутко от проведенной ночи. Куда идти? Где успокоиться и хоть немного уснуть? А если ночью кто меня увидит?.. Страшно. Даже зубы начинают стучать. Очень скупо трачу оставшиеся у меня деньги. Только на хлеб. Потом и они вышли.

Выручает случай. В кювете строящегося трамвайного пути нахожу рубль. Это же радость! С чистой совестью иду тратить его. Он ничейный, он мог сгнить. В очередной раз расходимся по домам из техникума. Теперь я иду со всеми, чтобы никто не мог заметить, куда уйду. Только повернула в сторону, как девочки почти силой повели меня в дом на углу улиц Красноармейской и Ленина. Рядом был остов сгоревшей гостиницы. Папа девочки встретил нас приветливо. Пришло время спать. Он постелил на диване белую простыню. Простыню вижу первый раз... Как я такая буду спать?! Утром рано ушла от стыда, не поблагодарив. Пусть простят меня люди. В техникуме больше не появилась.

Полураздетая, не евшая и без документов пришла в гороно. Встретила инспектор Постылякова Наталья Янсоновна. Я кое-как объяснила ей, что пришла устроиться на курсы. «Тебе в детский дом надо!» — сказала она. Почти с ужасом возразила, что в детский дом идти не хочу! Хочу учиться!

Закончилась учеба на курсах дошкольных работников 13 мая 1937 года направили меня на работу в детский сад № 2. Заведующей была Введенская Елизавета Аркадьевна. Жила я в детском саду. Вместе со мной учились, а потом и работали Нина Кусакина и Тася Печеркина. Все работники относились ко мне хорошо. Многому у них научилась. Все свободное время тратила только на чтение.

Поступила в педучилище на вечернее отделение. В 1939 году получила паспорт и трудовую книжку. Подросла, стала девушкой. Купила себе демисезонное мальчишковое пальто по сходной цене, беретку, туфли, в комиссионном магазине — юбку. Белую кофту сшила мне мама Гали Артышук (с Галей учились вместе). Во всем этом закончила в 1940 году педучилище и встретила войну...

Судьбе, видимо, было угодно через шестьдесят лет вернуть меня к безрадостным картинам детства. Просматривая их заново, я могу в какой-то степени восстановить события. Мои родители на Украине имели хорошо обставленный кирпичный дом под железом, фруктовый сад, пасеку, бахчевые, занимались хлебопашеством, имели скот и надворные постройки. С малых лет я часто болела. К сожалению, болезни преследовали меня всю жизнь. Перед высылкой мой отец был посажен. Встретились мы только в вагоне. Привезли нас в поселок спецпереселенцев Пелья Гаринского района Свердловской

области из Полтавской области в 1930 году. Все взрослые работали на лесозаготовках под надзором служащих НКВД и присмотром коменданта. Ежедневно велась отметка. Никто не имел права без разрешения отлучаться. Несмотря на это, мой папа решил бежать. Его поймали, долго держали в комендатуре и жестоко наказывали. В его отсутствие умерла мама. Из комендатуры папа вернулся очень больным. Со мной он пробыл всего несколько дней и умер. Умер и младший брат. Старший брат ушел еще раньше на заработки, а маленькая сестричка была на попечении в ясельках. Впоследствии мы трое потеряли друг друга. Все мои попытки разыскать брата и сестру не увенчались успехом. Я много лет бредила тем, что в каждом ребенке видела свою сестричку.

Из всей семьи осталась одна я. На мою долю выпало безрадостное одинокое сиротство, лишенное опеки. Хотя я и находилась в окружении детей, моя жизнь была только в самой себе. Мои желания и терпение были направлены на выживание — поесть и не замерзнуть.

Какая-то неизвестная мне жизнь была далеко и не осмысливалась мной никак. Все не касающееся моего существования отлетало и не запоминалось. Не хватало сил помнить то, что всячески унижало и давило на меня. Душевное равновесие во мне вызывали природа, бескорыстие и искренность ребят. Хорошо помнятся солнечные дни, яркое разнообразие красок природы, сердечная щедрость и богатство добрых людей. Особо хочу отметить мою соученицу Зину (Зинаиду Петровну Трофимову). Она выделялась опрятностью и привлекательностью. Доброжелательный взгляд серо-голубых глаз располагал к себе. Хорошо пела, играла на гитаре. Очень ловкая в любом деле. Такой запомнилась она мне, такой она и осталась. В дни моего одинокого детства была «тайным» опекуном, а впоследствии — духовным наставником. Наша школьная дружба переросла в духовное родство. После разлуки в 1934 году суждено было нам встретиться вновь в 1942 году. Многие пробелы в моей памяти восстановила оца. Вот один из них.

«Мои родители были раскулачены и высланы из Курганской области Юргамышского района села Капель в 1929 году на Урал. Год мы прожили в бараке лесорубов Ереминского района Свердловской области. В 1930 году нас перевезли в спецпоселок Пелья Гаринского района Свердловской области. Сюда же прибыли спецпереселенцы из Полтавы. Наша семья поселилась на

краю поселка. Напротив нас в дом поместили новеньких. Прошло время, и мы, дети, идя по лесу, нашли мертвую женщину. Она оказалась из этого дома прибывших. Хоронили ее без гроба, наскоро вырыв неглубокую яму. Я была на этих похоронах и хорошо помню, как из могилы осталась торчать тряпка, в которую ее завернули. Из родных покойной никого не было. Но у нее были дети, и в школе я училась с дочерью умершей. Фамилию ее я еще не знала.

Позже, когда мы учились в гаринской школе для спецпереселенцев, я узнала ее фамилию — Слипченко. А о том, что мы нашли ее маму в лесу мертвую и как она была похоронена, я никогда ей не говорила. Но как могла, помогала ей и опекала ее...

Девочка осталась одна и вынесла всю тяжесть сиротской доли: голод, холод, боль, одиночество и унижение, но не сломалась, всегда стремилась к свету, к знаниям» *.

Да, обездоленное одинокое детство, как коварная затяжная болезнь, надолго отбрасывает человека от возможности своевременно встать на ноги. Детская зрительно-картинная память очень цепкая. Она плохо ориентировалась во времени и пространстве, но сохранила картины пережитого.

Ф. А. РОДИН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Родился я 15 февраля 1925 года в деревне Селиваново Касимовского района Рязанской области (ранее Московской области). Мои родители Родин Алексей Васильевич и Родина Василиса Ивановна — крестьяне. В гражданскую войну отец был призван в Красную Армию, воевал на Южном фронте с Деникиным. В 1921 году вернулся домой и продолжал крестьянствовать. Земля в то время делилась по количеству едоков в семье. А семья наша была немалая. Мой дед с бабушкой, отец с матерью, брат отца с женой, две сестры старше меня, а позже в 1927 и 1930 годах народились еще две сестры. Так что

---

* Из воспоминаний З. Трофимовой. 1992 г. (рукопись).

семья состояла из 11 человек. Все трудоспособные, в том числе и дети, всегда помогали по хозяйству. В нашей деревне были очень хорошие мастера валяния валенок. Лучшими все и всегда считали двух братьев Родиных — моего папу и его старшего брата Родина Якова Васильевича — инвалида первой мировой войны. В то время в полукилометре от нашей деревни проходила граница административного деления областей. С востока — Владимирская область, с юга — Горьковский край. Из деревень этих областей люди несли нам шерсть, чтобы им свалить валенки. Этой работой занимались только начиная с глубокой осени и до апреля, когда нужно было снова готовиться к весенне-полевым работам. И так круговую: летом — крестьянство, а зимой — опять валенки, так как семью нужно было кормить. Валять валенки — очень тяжелая работа. И мы, дети, во всем помогали делать посильную работу. Как правило, с четырех до восьми-девяти часов утра отец и его брат отстирывали и насаживали на колодки три пары валенок. Работа тяжелейшая. Жарко и влажно, все время в котле кипит вода.

Трудились все — и старый, и малый. Мне было шесть лет, а я уже, кроме валенок, помогал возить навоз на поля. Отец имел две лошади, корову и мелкий скот — овец, свиней. Около дома был сад, в саду стояли ульи. Все это и послужило причиной считать отца кулаком. Были одна-две семьи, которые имели хозяйство богаче, а всего в деревне было 22 дома. Эти семьи (видимо, их кто-то предупредил) буквально за два-три месяца забили свои дома и уехали из деревни. А так как в то время на каждый район существовал план, сколько семей нужно выслать (раскулачить), выбор пал на моего отца. Сначала его обложили налогом под скот. Скот продали, налог уплатили. Потом обложили твердым налогом под все хозяйство. Приехали, все описали. Затем собрали колхозников, чтобы голосовали за раскулачивание. Перед тем каждого пугали: если не будет голосовать за раскулачивание, то вышлют самого. Таким образом, постановили раскулачить. В одну из ночей в августе приехали двое из ОГПУ, сказали отцу, что нужно съездить в город что-то привезти для колхоза. Прямо с постели, в нижнем белье, босиком его увезли, посадили в тарантас и увезли под общий плач семьи. Как он рассказывал после, только выехали из деревни, его посадили за кучера, а сами с пистолетом сели сзади. И так он в нижнем

белье, босиком вез их в г. Касимов. Там его бросили в тюрьму. Через пять дней приехали за нами. Взяли мать и нас пятерых детей (старшей сестре было 12 лет, младшей ровно год) и повезли в г. Касимов. Там нас погрузили на пароход, а потом под конвоем из тюрьмы привели наших отцов и загнали в трюм. Набралось несколько десятков семей. На пароходе нас довели до Горького, а там пересадили в вагоны. Нагрузили целый состав. Вагоны — так называемые телячьи. В них были двухъярусные полки. Нас в вагоне собралось шесть или восемь семей. Я ехал на верхней полке, мать с грудной годовалой сестрой разместились внизу. Каждый вагон охранялся солдатом. Двери снару́жи закрывали на засов. Туалетом служило отверстие в полу. Когда кому-то нужно было сходить, несколько человек (в зависимости от пола) становились вокруг отверстия, прикрывали разными одежками со всех сторон. На улице на остановках не выпускали. Воздух поступал через окошечко с металлической решеткой. Питались кто чем, воду принести просили охранника, иногда он это делал. Однажды при резком торможении я полетел вниз с верхней полки и упал на сидящих внизу людей. Так мы ехали, куда — никто не знал. Через несколько дней нас привезли в г. Нижний Тагил. Выгрузили всех прямо на улице, так как бараки были заняты заключенными. Это были бараки поселка Высокогорского железного рудника. Мы распложились у костров. Прошло несколько дней, пока всех заключенных не увезли дальше в Сибирь. И потом в бараки загнали нас (другого слова, кроме «загнали», я не могу подобрать). Бараки были длиной метров 30. В середине общий проход, а по обеим сторонам от него — сплошные нары. Так нас семьями и расположили, а перегородкой служило то, что каждый мог соорудить. Комендантом поселка был Китаев. Ходил он всегда в кожаных сапогах с подковами и с плетью в руках. Кое-кому от него часто перепало. Как только услышим стук подков, значит идет Китаев и орет, а мы все забивались по углам. Барак было всего 24, и все были забиты «кулаками». Был страшный голод, кругом грязь, воды почти не было. Появились насекомые — вши. Людей валил сыпной тиф. Мы заболели сразу втроем — мать, старшая сестра и я. Отец не заболел, так как перенес тиф в армии. Он остался с годовалой дочкой на руках. Уходя на работу (был забойщиком на Высокогорском железном руднике), годовалую дочь оставлял в бараке тому, кто был дома.

Мы все трое несколько дней без сознания с большой температурой лежали в больнице. Когда я пришел в сознание, первое, что я захотел,— это есть, а есть было нечего. Я увидел на соседней тумбочке сухарь, взял его и съел. А хозяйка его тоже лежала без сознания. К счастью, мы все остались живы. Люди от тифа ежедневно умирали десятками.

Зиму перезимовали, а потом стали есть все, что можно было: и траву, и сосновые молодые шишечки. Осенью ходили (это рядом) на гору Долгую, рвали кедровые шишки. В 1932 году в сентябре я пошел в первый класс. Отдавали детей даже с 6 лет. Дело в том, что в школе нас кормили кашей из сечки и давали кусок хлеба (100 грамм). Сдавали мы на неделю (шесть дней) один рубль, обед стоил 16 копеек, 4 копейки оставались и переходили на следующую неделю. А так как горбушка от булки казалась потолще, то ее давали по очереди. Голод валил людей, жить было невозможно, и многие семьи стали убегать, кто куда. Но поселок охранялся, убежать было не так просто. Убегали по ночам. Хотя город и поселок разделял мелкий лес, немногим удавалось убежать. Кого ловили, отправляли дальше на север. А если убегал кто-то из семьи, то отца (главу семьи) сажали на месяц в карцер, бежавшего разыскивали и увозили снова в ссылку еще дальше. В феврале 1933 года мы тоже решили убежать. За нами тайно приехал дядя, он только что отслужил срочную в армии. Ночью, чтобы никто не увидел, мы попарно по лесу добрались до города и до вокзала. Там сидели кто где, по углам. Мать с двухлетней младшей сестрой. Нам удалось уехать из Тагила. Приехали мы на родину, но долго прятались у родственников и знакомых в другой деревне. Отца утром же, когда обнаружили, что семьи нет, посадили в карцер. Там он отсидел месяц, потом его отпустили и он стал жить на поселке ВЖР. А мы так и остались жить у знакомых в другой деревне. Я ходил в школу, мать и старшая сестра работали в леспромхозе на посадке молодого сосняка. Средняя сестра жила в няньках в многодетной семье. В сентябре 1933 года мать меня в школу не пускала, и мы втроем, а порой и вчетвером, кроме самой маленькой, шли на колхозное поле после того, как колхозники уберут картошку, собирать ее для себя. За семь-десять дней мы все артелью набирали до 50—60 ведер, так как колхозники оставляли много картошки в земле, а порой целыми рядами, чтобы скорей выполнить норму. Потом нас

стали прогонять с поля бригадир или председатель, чтобы мы не позорили колхозников за их плохую работу. Но мы (а таких было немало) все же ухитрились каждую осень обеспечить себя на зиму картошкой. В 1936 году отца отпустили в отпуск, и он приехал к нам в деревню на три недели. В том году жить в Нижнем Тагиле стало гораздо легче, в магазинах были и продукты и промтовары, и родители решили жить вместе. Отец уехал, мы снова остались одни, жили в деревне еще два года. В 1937 году старшая сестра вышла замуж. Нас у матери осталось четверо, отец нам всячески помогал, присылал денежные переводы, посылки с промтоварами. Мы занимались кто чем мог. Земли, чтобы что-то можно было посадить, нам не давали. Мать с сестрой, что жила в няньках, нанимались на всякие работы: то в колхозе, то к единоличникам во время сезонных работ. Мы, младшие, собирали грибы и ягоды и заготавливали на зиму. Почти ежедневно ходили ловить рыбу на удочку, река протекала в полукилометре от деревни, а рыбы и раков было более чем достаточно: щука, язь, лещ, окунь, сом, плотва. Рядом в лесу росло много орехов, их мы рвали и приносили домой большими сумками. Время шло, я учился уже в шестом классе, и вот 14 мая 1938 года мать, я и три сестры уехали из деревни и 17 мая приехали к отцу в Нижний Тагил. К этому времени стало известно, что всех выслали на постоянное место жительства без права возвращения в прежние места.

Итак, мы снова оказались в поселке Высокогорского железного рудника. Отец по-прежнему работал забойщиком в главном карьере (который сейчас собираются заполнять шламами). Я приехал прямо к экзаменам за шестой класс. В поселке была школа-семилетка. Зимой 1939 года в наш поселок пригнали много поляков (это после присоединения Западной Белоруссии). Одели их всех в ватные брюки и фуфайки (и женщин, и мужчин), в серые валенки, дали шапки-ушанки. Прикрепили их отовариваться продуктами в отдельный магазин. Один из них — Адамович Вениамин Григорьевич — стал работать в нашей школе преподавателем физкультуры. Это был очень интеллигентный человек. В эти годы в поселке уже подросло много молодежи (кулацкой). Был клуб, где работали разные кружки: драматический, акробатический, танцевальный, духовой оркестр. Была при клубе спортплощадка, где проводились игры в волейбол, занимались гиревиками. Было и футбольное поле, где каждый

выходной проводились встречи первой и второй команд. Молодежь работала в механическом цехе, на промфабрике, в главном карьере и в других местах Высокогорского железного рудника. По окончании седьмого класса я пошел учиться дальше в школу № 23 по ул. Тагильской криуль (ныне ул. Черных). Многие ребята пошли в ФЗУ № 4 (возле завода им. Куйбышева), девчата — в медицинское училище. Все мы жили без паспортов, без права-выезда. В поселке всегда функционировала комендатура. Комендантом был Зудов, а помощники — из числа спецпоселенцев: один из них, Лыгин Василий Иванович, — наш земляк, рязанский дьячок. В 1940 году к нам в поселок привезли 30 или 40 семей спецпереселенцев, в основном эстонцев. Они были высланы вначале в Исовской район в деревню Федино. Там хорошо обосновались, работали, молодежь после занятий в школе мыла золото и платину, так как там недалеко работала драга и им разрешали мыть в стороне от артели. Это мне стало известно из рассказов ребят, которые приехали с родителями и учились со мной в одном классе. Почему их привезли в Тагил — они не знали. Все шло нормально. Вдруг в апреле-мае 1941 года всем стали выдавать паспорта, я тоже получил, так как в феврале мне исполнилось 16 лет. А 4 и 17 июня в два захода взяли в армию всю молодежь — с 1916 по 1922 год рождения. Десятки лучших ребят мы провожали на сборный пункт. 22 июня грянула война. В первые же дни большинство ребят были убиты. Отец мне говорит: «Жить будет тяжело, я больной, учить тебя больше не смогу, устраивайся на работу». И 30.06.41 года я устроился учеником слесаря-инструментальщика на промфабрике ВЖР. Старший инструментальщик Брызгалов Павел Федорович научил меня делать все, что умел сам. Я отработывал после покровки гаечные, газовые, цепные ключи (крокодильчики), потом они шли на закалку и в работу. Научился делать ведра и другие изделия из железа, паять. В декабре 1941 года взяли на фронт последнего бензорезчика с промфабрики. Механик фабрики Криворучкин Василий Васильевич пришел в инструментальную и сказал мне: «Хватит тебе заниматься с железками, пойдем со мной». Привел меня в будку, где были бензорез со шлангами и бачок для бензина. «Вот, — говорит, — бензорез, шланги, редуктор, бачок и кислородный баллон, подсоединяй редуктор к баллону, наливай в бачок бензин, разжигай резак и учись резать». Так я почти два дня отработывал

правильное пламя и немного начал резать, а через три-четыре дня меня уже взяли в ремонтную бригаду слесарем промфабрики. Бензорезчиком я проработал до сентября 1944 года. Работали по двенадцать и более часов в сутки, по тридцать смен без выходного дня, а если и давали выходной, то четыре часа отрабатывали в фонд обороны. Потом ввели казарменное положение. Отработав двенадцать часов, шли отдыхать в душевую, домой не отпускали. Если что-то случалось на фабрике, нас поднимали на ликвидацию неполадок. А утром снова на работу. За все время работы (а я в войну проработал три года и три месяца) не было ни одного отпуска. В феврале умерла мать... В августе 1944 года вышло постановление Совета Народных Комиссаров за подписью В. М. Молотова о том, что желающие могут идти учиться в высшие и среднетехнические учебные заведения; на основании этого постановления можно рассчитываться с производства, если зачислен в учебное заведение. Даже с фронта отзывали тех, кто был взят туда из учебного заведения. Так я подал заявление в Нижнетагильский горно-металлургический техникум, был принят без экзаменов на второй курс металлургического отделения по специальности «доменное производство». Я предупредил мастера и руководство промфабрики, что на работу с сентября не выйду, так как принят на учебу в техникум. В середине сентября мы все (а нас поступило пять человек) получили повестки в суд за самовольное оставление производства. Так было оформлено на нас дело руководителями промфабрики. Пришли мы с повестками в нарсуд, при нас были постановление Совнаркома и справки, что мы являемся студентами техникума (приказ о зачислении). Судья нам сказала: «Идите, спокойно учитесь», — порвала повестки, а 28 сентября 1944 года я получил записку с приглашением прийти за расчетом на промфабрику (до этого мне расчета не давали).

Будучи студентом техникума, я все время получал повышенную стипендию, но этого все равно не хватало на жизнь. Как-то вызвал меня (а я был старостой группы) директор техникума Горновой Борис Александрович и сказал, что для техникума нужно все время выполнять всевозможные хозяйственные работы. Я подобрал из своей группы доменщиков еще шесть человек, стал бригадиром, и мы с дирекцией техникума заключили договор на выполнение всех работ по нарядам. Все работы, как правило, выполнялись после лекций. Мы делали все:

грузили в бортовые машины (тогда не было самосвалов) уголь со склада ТЭЦ НТМК и возили его в котельную техникума и в общежития, где жили студенты. Возили дрова с Черемшанки, кирпич с кирпичного завода. Строили свинарник в подсобном хозяйстве техникума на Голом Камне и многое другое. А летом 1946 года наша бригада занималась заготовкой сена. Косили на полигоне, за месяц заготовили 200 тонн. За это получили по кирзовым сапогам, хлопчатобумажному костюму и по десять метров малескину. Нормы были такие: скосить — 40 соток, сгрести — 80 соток, стоговать — два гектара. За месяц я выполнил 45 норм.

По окончании техникума в 1947 году получил распределение на НТМЗ (Ново-Тагильский металлургический завод). Год проработал в центральной заводской лаборатории техником-исследователем в доменной группе. Затем моя производственная деятельность была связана с газовым цехом завода. Начинал старшим машинистом газоповысительной станции, потом был старшим газовщиком, начальником смены, помощником начальника цеха по оборудованию. В 1976 году в этой должности был откомандирован в Египет на Хелуанский металлургический комбинат, где проработал около трех лет. По возвращении работал старшим мастером-механиком в газовом цехе, а потом начальником газоспасательной службы. В 1987 году ушел на пенсию. Общий рабочий стаж составил у меня 49 лет. Награжден тремя медалями. В 1975 году в числе первых десяти человек получил звание «Заслуженный ветеран НТМК».

П. И. СИНЯГОВСКИЙ

Я ДОЛЖЕН РАССКАЗАТЬ *

Я должен рассказать о прожитом, о себе, потому что судьба милостиво отнеслась ко мне и мне довелось дожить до сегодняшних дней. Родился я в крестьянской семье на Полтавщине. Свершилась революция, которая

---

* Материал впервые опубликован в газ. «Тагил. рабочий» 1990. 26 сент.

провозгласила: «Заводы и фабрики — рабочим! Землю — крестьянам!» Землю действительно стали раздавать. На каждого жителя давали по полторы десятины. Наша семья состояла из шести человек, и в итоге у нас оказалось десять десятин прекрасной украинской земли.

Мой отец Илья Степанович был прирожденным земледельцем, честным и трудолюбивым человеком. Так же он воспитывал и нас — четверых своих детей. Труд крестьянина в те времена был по большей части ручным. Но вся семья работала день и ночь, и земля щедро благодарилась за это. Вдосталь было зерна, овощей, яблок и груш. В хозяйстве завелись хорошие лошади и коровы, птица. Помню, как по нашему двору разгуливали огромные индюки. Всего было в достатке, так что часть продуктов продавали и меняли на рынке.

Работать приходилось по 12—15 часов, но это не мешало людям собираться вечерами вместе, петь, отмечать праздники. Конечно, попадались и нерадивые, которых язык не поворачивался называть крестьянами — так у них была запущена земля.

После XVI партконференции, выступления Сталина о коллективизации и ликвидации кулачества как класса крестьянская жизнь резко переменяла свое течение. У нас тоже появился двадцатипятитысячник из города. Он каждую ночь проводил бесконечные собрания, посвященные сдаче зерна и коллективизации.

Помню, что отец заболел и на собрание потянули меня. Почти до утра председатель Лубенского окружка держал нас, требуя, чтобы мы записались в СОЗ (товарищество по совместной обработке земли). Я был самым молодым на собрании, поэтому, видимо, и поставил свою подпись первым из хуторских. Моему примеру последовали другие.

После этого нам отвели землю, объединили тягловую силу и инвентарь. С воодушевлением приступили мы к работе, но в скором времени в газете появилась статья Сталина «Головокружение от успехов». И наше СОЗ распалось.

Настали страшно тяжелые времена. Непосильные налоги разоряли крестьян. За невыполнение третьего продналога на один урожай нашей семье предъявили денежный штраф в десятикратном размере, исходя из рыночной стоимости хлеба. Штраф нужно было заплатить в течение трех дней. Понимая, что это нам не по силам, власти тут же объявили о продаже нашего имущества.

Все вывезли со двора. Лошадь — любимицу всей семьи — забрал председатель сельсовета Новоселецкий. У нас была глинобитная хата, крытая соломой, но нас выгнали из нее. Приютили соседи Мусеенко. От переживаний отец заболел, и я был вынужден пойти на поденные работы на железную дорогу...

В мае 1931 года приехали ночью люди и забрали меня вместе с больным отцом. Объяснили, что мы будем работать по спасению от затопления г. Кременчуга. нас погнали за 15 километров, и мы вместе с другими людьми попали в лагерь за колючую проволоку. Продержали нас там все лето. Была невыносимая жара, мы голодали, спали прямо на земле.

Осенью судьба сделала очередной поворот. нас привели на станцию, погрузили в товарные вагоны и повезли на восток. Ехали долго, из вагонов не выпускали и в конце концов доставили на станцию Новая Ляля. После этого мы проследовали 50-километровым этапом на север до места в уральской тайге на берегу речушки Крутая Лата. Было объявлено, что тут нам предстоит жить и работать.

Люди были измучены, но, несмотря на это, активно взялись за дело: рубили лес, корчевали пни, строили себе жилье. Но пришла зима, а с ней холод и голод. Большая часть переселенцев погибла, в том числе и мои родители. Никого не осталось в живых из семьи Иващенко, а их было пятеро (трое — малолетние дети). Полностью вымерла семья Ивана Синяговского из пяти человек, а также семья Малюшко. Та же участь вскоре постигла и другие семьи.

Немногих оставшихся в живых, обессиленных и больных цингой, перегнали в другой поселок — Малую Лату. Здесь была организована сельхозартель «Трудовой путь». Среди ее членов оказался и я. У нас было хозяйство — коровы и лошади. Работали мы за трудодни, т. е. почти бесплатно. Для того чтобы грамотно вести дела в артели, меня и моего сверстника Петра Лаврова послали в Новую Лялю на курсы. В качестве поощрения за хорошую работу нам были выданы паспорта, но вскоре все документы вновь отобрали.

Судьба Петра Лаврова сложилась трагически. Он был, безусловно, талантливый во всех отношениях человек. В 22 года руководил артелью, был ее председателем. Но как молнии попадают в высокие предметы, так во времена ежовщины гибли самые лучшие люди. Петр был арестован

по нелепому обвинению: якобы он взорвал железнодорожный мост, хотя мост стоял целехонький и все это видели. Однако следователи из НКВД умели добиваться нужных показаний. После пыток Петр Лавров подписал признание — смертный приговор себе. Но от потрясения он сошел с ума и был выпущен на свободу.

Вскоре судьба, а вернее, все те же люди с голубыми околышками, забросили меня на жительство в спецпоселок Новой Ляли. Поселили меня в немецкую семью. Я помогал, чем мог, работал. Так текли мои дни. В августе 1940 года с той же немецкой семьей я был привезен в Нижний Тагил. С огромными трудностями мне удалось добиться в НКВД разрешения работать по специальности на строящемся торфохимзаводе...

Более полувека прошло с тех пор, как мне пришлось пережить произвол, голод, унижение и другие беды. Но испытания не сломили мою волю, стремление жить и работать честно, как наставляли меня безвинно погибшие родители.

В. МАРКОВ

ПРАВДА ПРОБИВАЕТСЯ К СВЕТУ (КАК ЭТО БЫЛО) * ·

У нас на руднике III Интернационала целый поселок был заселен раскулаченными. Это лишь небольшая часть тех 480 тысяч ссыльных, которые попали в результате сталинской политики на Урал. Сейчас мы знаем, что такой необходимости в переселении не было и пострадали наиболее хозяйственные, умелые и предприимчивые крестьяне.

С одним из тех, кто не по своей воле попал в наши края, я хорошо знаком и хотел бы рассказать о его семье. Ивану Никитичу Семенову — три четверти века, но он выглядит молодожаво для своего возраста и прекрасно помнит события тех давних лет.

Родился Иван Никитич в селе Большой Сундыр в

---

* Материал впервые опубликован в газ. «Тагил. рабочий» 1992. 9 апр.

Чувашии. Кроме него в семье было два брата и две сестры. Все беды начались с того, что во время нэпа его отец приобрел патент на торговлю. Товар приходил пароходом из Чебоксар, Нижнего Новгорода и Казани, а с пристани до дома доставлялся на лошади.

«Лавочка была так себе — пристройчик из досок к дому, к тому же и неотапливаемая, — вспоминает Иван Семенов. — Ассортимент самый необходимый для крестьян: соль, сахар, ситец, мыло, нитки, иголки, спички. Но водкой не торговал — для этого необходим был специальный патент.»

В 1931 году пришла нежданная беда, спустили план на сельсовет — раскулачить и выслать одну семью. В 20-х уже была подобная кампания, но тогда, изъяв все нажитое, семью выселили из дома и на время арестовали ее главу.

В селе был и настоящий богатей: две мельницы, двухэтажный дом и полный двор живности. Но его жена приходилась племянницей председателю сельсовета. Поэтому предупрежденный родственником владелец мельницы все распродал и отправился в Москву со справкой, что является середняком.

«А с нами обошлись жестоко», — вспоминает Иван Никитич.

С собой семье разрешили взять некоторые вещи и два пуда муки. Младшего брата пришлось оставить у дяди. Сначала Семеновы попали на пересыльный пункт, который находился на станции Вурнары. Охрану несли комсомольцы, вооруженные винтовками. Иван Никитич был знаком с одним из них, но тот сделал вид, что знает его не знает. Понять его можно: Семеновы — кулаки, и как врагов народа их надо было уничтожить. Такая имелась установка.

На пересылке собрались семьи из Чувашии, Марийской АССР и Мордовии, много русских из этих мест. В Ильин день лагерь посетили священнослужители — растроганные вниманием раскулаченные с особым старанием крестились и обращались с мольбой к всевышнему...

Офицеры ОГПУ за три дня провели сверку и оформление документов. Людей погрузили в товарные вагоны с трехъярусными нарами. Охрану несли солдаты. Кормили два раза горячей пищей. Многие, особенно пожилые, отказывались есть, узнав, что суп из конины. Куда везут, не говорили. Отсюда слухи, домыслы и даже паника:

боялись, что на расстрел. Находились смельчаки — бежали.

Через неделю людей привезли на станцию со звучным названием Сан-Дonato. Местные вышли поглазеть на кулаков и были разочарованы. Вот так кулаки! Бедно одетые, в лаптях, женщины в национальных одеждах, с котомками. Так ступили волжане на землю уральскую, которая одним стала второй родиной, а другим — последним пристанищем.

Расселили людей в засыпные бараки с общим коридором. Семеновы сделали нары, где спали дочери с матерью. А Иван Никитич с отцом обустроили для ночевки чердак. Расстались и с последней роскошью — добротная пуховая подушка обменена на три ведра картошки в селе Лая. Мать стала работать на стройке, а отец на шахте, на подвозке руды. Вагонетки толкали вручную, лошади появились позже. Шахты заливала вода, происходили обвалы.

Иван Никитич выехал подпольно на родину в 1933 году. Остановился у дяди. Но (доложили, видно) вскоре из сельсовета принесли повестку в НКВД района. В г. Ядринске щеголеватый военный начал допрос. Иван Никитич объяснил, что хочет учиться в седьмом классе в чувашской школе, а на Урале нет возможности из-за плохого знания русского языка. Военный задавал много вопросов, но с особым интересом слушал об обустройстве раскулаченных на Урале. Подросток рассказал все без утайки — как есть. А следователь, наверное, понял, что этот кроткий, скромный чувашский юноша не представляет опасности — дал добро, вручил закрытый конверт для председателя. Председатель, прочитав письмо, начал кричать, выговаривать: «Только этих хлопот мне не хватало». Была дана инструкция без разрешения не покидать село. Дядя посоветовал вернуться на Урал.

В Тагиле учиться не пришлось. Иван Никитич устроился на работу, в 1937 году окончил курсы сварщиков на Уралвагонзаводе.

Жизнь налаживалась — родители купили корову. Раскулаченным давали ссуду на десять лет, помогали стройматериалами, для строительства дома отводили 15 соток. Но тем не менее брались немногие — боялись, что их здесь оставят навсегда. В учебе не ограничивали. Более того, прислали из Чебоксар старого учителя чувашского языка. В 1940 году приехал старший брат Дима, который окончил в Чувашии педтехникум. Он много натерпелся.

Был посажен на 10 лет. В заключении строил Волго-Донской канал. По амнистии его освободили. И подался Дима в город Ош, где устроился в театр художником. За малую провинность получил новый срок. Этапом повезли его под Ленинград — восстанавливать разрушенное финской войной. Зная «прелести» сталинских лагерей, решил бежать с товарищем. За две ночи пропилили полвагона. Примерились — голова свободно пролезла, значит, и туловище пройдет. Торопились — скоро Ленинград. Ночью на полустанке вылезли, но были замечены осмотрщиком вагонов. Охрана открыла огонь по убегающим. Товарища убили наповал, а Диме после многих испытаний удалось добраться до Урала. Но и в Тагиле брата Ивана Никитича не оставили в покое. Пришел старший по бараку с проверкой. Отец не растерялся, пригласил как гостя за стол, выставил бутылку, чем очень угодил. Диму представил родней из другого района города.

Летом во время сенокоса брат жил в шалаше. Старший по бараку предупредил отца, что придут из комендантуры. Дима решил покинуть город. Он был задержан в поезде и отправлен на фронт — уже шла война.

Органами НКВД производились внезапные облавы и в Тагиле: на базарах, вокзале. Отсутствуют при себе документы — направляли на передовую. Брат не дожид одного дня до победы. Похоронка пришла из-под Берлина с датой 8 мая 1945 г. Он был награжден медалью «За отвагу». Петя, младший брат, с первых дней был призван с рудника и пропал без вести...

В дни тяжелых боев под Сталинградом получил повестку и Иван Никитич. Прошел медкомиссию, но встревожился, все передумал, когда при перекличке не услышал своей фамилии. Оказалось, что УВЗ потребовались сварщики в цех по производству танков Т-34. Дали Семенову бронь. Прочитали инструктаж. За невыход на работу — до восьми лет тюрьмы.

Работали по 12 часов, выходной — раз в месяц и то как поощрение. Но питание было сносное. И так до конца войны — тяжелый труд на износ. Работа Ивана Никитича отмечена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Окончательно «раскрепощали» раскулаченных в 1941—1943 годах. И сразу многие уезжали на родину. Побывали в родном селе и Иван Никитич с отцом. Увидели: из их дома сделали столовую. И вернулись Семеновы на Урал.

Так и живут здесь Иван Никитич с женой. Анастасия Ивановна Тимонина тоже из раскулаченных, из русской деревни Анастасово Порецкого района Чувашии. Вырастили четверых детей, всем дали образование. Вот и внук старшего сына, отслужив, работает на Лебяжинской аглофабрике. Как верно подметил Иван Никитич, в его возрасте можно подводить итоги прожитому.

«Много передумал, обида зарубцевалась. Никто тогда не был застрахован от сталинской косы. Она могла настичь везде и каждого. Спасибо тем, кто помогает правде пробиться к свету», — закончил свой рассказ бывший «кулак» Иван Никитич Семенов.

В. В. ЧЕВАРДИН

КАКИЕ ОНИ КУЛАКИ? *

В этом рассказе речь пойдет о судьбе уроженца села Давыдово Касимовского района Рязанской области Алексея Ивановича Яшина. Его отец Иван Петрович вернулся с империалистической войны в 1918 году. Семья из 29 человек ютилась под родительским кровом. Что и говорить — тесновато... Вот и отделился Иван, построил себе домик девять на шесть аршин, трудом заработал денег на лошадь, корову, домашнюю утварь.

В 1930 году в Давыдово прибыл уполномоченный и объявил о новой политике:

— Вступайте в колхоз!

— Но вы же ничего не объяснили, — опешил изумленный Иван Петрович. — Надо это дело обмозговать!

— Вы что, против? — недобро усмехнулся в усы уполномоченный.

— Нет, не против, но хотел бы знать, какие будут в этом колхозе порядки?

— Не хотите? Будем раскулачивать!

И вот повели со двора Яшиных корову, лошадь, за недоимки был продан дом и остальное имущество. Куда идти? Пустили добрые люди, которые никогда не переводились на Руси. А в 1931 году снова пришли двое

---

* Материал впервые опубликован в газ. «Лотос». 1992. 28 авг

в гражданской одежде и, приставив наган к виску семнадцатилетнего Алексея, потребовали:

— Собирайся!

— Хорошо, что не убили по дороге,— вспоминает 79-летний Алексей Иванович.— Это было так просто. Еще в 1922 или 1923 году из деревни отправили две группы крестьян. Одна группа касимовцев была расстреляна на окских заливных лугах, а второй повезло — судебный исполнитель разминулся с ними по дороге и они дошли до тюрьмы.

На этот раз 30 касимовцев от 16 до 21 года под усиленным пешим и конным конвоем (с пистолетами и шашками наголо) проследовали к пристани и после небольшого путешествия на барже оказались на железнодорожной станции. Двери вагонов захлопнулись, едва Алешка успел прочитать название станции — Шилово. И не пришлось ему больше жить на привольных окских берегах, ибо эшелон следовал в Тагил, по прибытии в который всех разместили в тесовых складах ВЖР. Затем, помыв в общей бане сгоравших от стыда женщин, мужчин и детей, стража отправила их по баракам, где ранее находились заключенные, а теперь создавался спецпоселок.

Холодало. Наступил сентябрь, и даже три печки в бараке не помогали. А позже, к радости Алексея, привезли семью Яшиных — восемь человек были в сборе. На работе заняты были буквально все, рабочий день продолжался 16 часов, трудились и вечером, и по выходным: корчевали пни, копали целину, строили овощехранилище.

— Ну какие это кулаки? — сказал однажды Сергей Кладыков — первый комендант спецпоселка. Его арестовали. Другие коменданты — Китаев и Стаканчиков — говорили по-другому:

— Не выйдете на работу — сошлем на север, в Вишеру.

Построили бараки. Разделив их на 23 комнатки и впихнув в каждую по две семьи, коменданты с чувством выполненного долга начали искать новые сферы применения своей «пролетарской энергии». Бани не было. В город не отпускали, за ослушание — штрафная бригада коксохимстроя или север, но люди все равно выходили за пределы спецпоселка.

Смерть косила всех, особенно детей. Свирепствовали брюшной тиф, дизентерия, холера. В 1931 году умер трехлетний брат Николай, а в 1932 — годовалая Юля. Больницы не было. Построили и отапливали ее сами:

запряжется группа рабочих по восемь-десять человек в сани вместо лошади и едет по дрова. Зато коменданты ездили верхом на лошади. Кладыков, Зудов, Соколов и послевоенный Гаев. А всего в структуре администрации спецпоселка было четыре коменданта: один из ГПУ — НКВД — МГБ и трое производственных.

В 1937 году комендант Зудов, задумчиво выслушав во время собрания спецпереселенца Богданова, на его вопрос: «Товарищ комендант, мы лишены права голоса, за что же наказание отбываем?» — ничего не ответил. Но уже через несколько часов последовали аресты Богданова, Пищулина, Гордеева, всего шесть-восемь человек. Никто из них не вернулся в семью. Среди погибших Алексей Иванович назвал своего дядю Михаила Есина, арестованного по ст. 58 и отправленного в Дальлаг.

Сначала Алексей стал железнодорожным рабочим, а затем ему вновь повезло: правдами и неправдами закончив курсы горных мастеров, он стал бригадиром строительства дамбы, что в поселке Нижняя Черемшанка. Там заключенные под его руководством строили второе шламоохранилище.

Семьи спецпереселенцев между тем постепенно обустроивались, обживались. Уцелевшие дети учились в школе, становились студентами, учителями, медсестрами. Заслуженный юрист Петриков — один из них.

Но началась война. Алексей Иванович в это время был руководителем бригады сначала в ОКСе, затем на строительстве подъездных железнодорожных путей в шахтах. Он обучал машинистов подъемных лебедок, экскаваторщиков первых грунтоуборочных машин. В 1942 году поднимал свалившийся с путей локомотив под руководством зам. наркома горно-рудной промышленности Мелешкина, который не чурался возможности надеть рабочие рукавицы.

Всю войну Яшин проработал в производственном круглосуточном режиме, ночевать домой приходил лишь несколько раз в месяц. Делал он это тайком, улучив момент для встречи с родными. Спеша вернуться в барак, около часа ночи непременно встречал две-три повозки с трупами. Их возили в Тонские отвалы из лагеря поселка Нижняя Черемшанка через территорию промывочной фабрики в объезд верхнего поселка. В основном это были русские, заключенные из Средней Азии, а затем, по мере прибытия военнопленных немцев, венгров и румын, стали хоронить и их. Правда, отдельно и ближе

к отвалам. Саваном им была богатая железом порода, скрывавшая следы последнего братского пристанища.

В 1943 году, возвращаясь с товарищами с работы и идя в пургу по железнодорожным путям, погиб отец Алексея — Иван Петрович. Они не услышали шума приближающегося паровоза... В том же году на Полтавщине погиб 19-летний брат Сергей.

И вновь строительство, теперь уже второй очереди дамбы. Под руководством Яшина трудятся 60—70 человек. «В войну из Ленинграда прибыло много новых кадров — заключенных, в прошлом инженеров, техников, ветеринарных врачей, которых заставляли выполнять тяжелую работу, — вспоминает Яшин. — Поэтому среди них была высокая смертность. Заключенные должны были являться на работу после 10-часового перерыва. Кормили подозрительной соленой рыбой, что часто приводило к желудочно-кишечным расстройствам и даже смерти. Тот, кто не мог работать, не имел права оставаться в тепляках, так как больных в зоне не держали. Их под руки вели на работу товарищи, устраивая у костров прямо на снегу. Положение вольнонаемных и заключенных мало чем отличалось. Часто и те, и другие трудились в лютый мороз в одних рубахах».

В 1943 году Алексей Иванович был назначен начальником производственного участка открытых горных работ объединенного рудника Евстюнихи, ВЖР и Каменской (ст. Колун). Вавилонским столпотворением выглядело строительство второй очереди дамбы, где были немцы, венгры, румыны, заключенные и вольнонаемные. Бригады — по 150—160 человек. Земляные работы выполняли в основном вручную.

«Отчетливо помнит Алексей Иванович аглофабрику в военное время, вплотную приблизившуюся к баракам спецпереселенцев. Ее со всех сторон одел колючей проволокой Тагилстрой. Сняли ее, когда война закончилась, но спецпереселенцы из поселка Нижняя Черемшанка по-прежнему были крепостными. Лишь в 1947 году Яшин получил свой первый паспорт, а в 1948 женился (до этого не был женат, так как жить было негде).

До 1978 года Алексей Иванович работал, ныне он пенсионер. Прожил жизнь не напрасно: построил дом, вырастил сына и посадил дерево. И не одно, а целый яблоневый сад на пяти сотках. Но политые крестьянским потом, хорошо удобренные яблоньки дают урожай, как на десяти. Круг замкнулся, и Яшин вернулся к земле.

Выращивает на Среднем Урале мичуринские и другие редкие сорта плодовых деревьев, разводит саженцы и распространяет их среди земляков, за что и отмечен городскими властями почетными грамотами.

В. В. ЧЕВАРДИН

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ ЦИРКОВЫХ *

Увы, давно пришло в упадок старательское дело в Висиме. Как и вся страна, поселок сейчас находится в тисках жесточайшего экономического кризиса. Пресса уже затрагивала проблему освоения Метелева и Циркова Лога немцами Поволжья, а ведь эти места издавна принадлежали русским старателям, в честь которых и получили свои названия. В связи с этим нелишне будет вспомнить историю старательского дела в этих краях...

Крупные старатели жили хорошо, мелкие — скверно, в балаганах. На круглых нарах спали, а постельного белья не было: клали под себя портянки. В дождь и в жару работали в тесных норах, добывая металл. Не раз рисковали быть убитыми: такое тут случалось. А названия Метелев и Цирков Лог остались, потому что Метелевы и Цирковы первыми пришли на эти покосы.

В головах тех людей, как и сейчас, билась мысль — разбогатеть. Однако немногим это удавалось. Агафон Цирков всю жизнь гонялся за богатством и нашел его на своей кулиге. Вкалывал кайлом и лопатой, перебрал тонны породы. Металл был найден. Подфартило! Богатство, конечно, зарабатывалось тяжким трудом, но это не отбивало охоты трудиться. Леонтий Агафонович Цирков вместе с сыном Степаном построил двухэтажный дом, который до сих пор стоит на бывшей Нагорной улице под номером 100. Его и теперь называют домом Цирковых, хотя в период сталинского террора они, как и Метелевы, были в 1930 году изгнаны из Висима. Теперь их потомки проживают в Нижнем Тагиле.

Любили Цирковы лошадей, на трех лошадях возили бревна. Причем ни разу не ударили животных кнутом!

---

* Материал впервые опубликован в газ. «За победу!» 1992. 19 дек.

Ни революция, ни гражданская война не изменили их быт. Только лошадей стало меньше — забрала война. Говорят, что именно на коне Циркова был убит командир красноармейцев Баклыков, обороняя Голый Камень от белых.

Цирковы, не имевшие к политике никакой тяги, продолжали трудиться и до конца 20-х годов не мешали никому. Давно поселился в поселке батальон ОГПУ для слежки за старателями, но сами Цирковы «старанием» не занимались. Как гром среди ясного неба грянула беда: 8 февраля 1930 года был арестован 70-летний Леонтий Агафонович. Цирковых раскулачили, имущество конфисковали. Медленно, смакуя пролетарскую победу, отъезжали возницы на цирковских лошадях с чужим добром. Шесть возов тянулись по улице. За последним березовая метла на снегу заметала следы Цирковых на земле висимской.

Помнит Иван Степанович Цирков, как стоял отец и, зажав голову руками, плакал (жалко было пяти лошадей), как повели со двора черно-пеструю корову Милку для погашения индивидуального налога по мясопоставкам, как покупали овец на рынке и сдавали в сельсовет в счет того же налога.

9 апреля 1930 года Степана препроводили в Висимское ОГПУ, находившееся в доме Огибенина. Леонтий встретил нового арестанта во дворе.

— Что, взяли сына? Я во всем виноват. Стреляйте! — рванул рубаху на груди.

Сюда же позднее привели и мать. После многих мытарств Цирковых окончательно раскулачили и выслали, а мужиков осудили. Леонтию дали три года (ввиду преклонного возраста он вскоре был отпущен из тюрьмы с учетом предварительного заключения). Вместо отца на строительство Беломоро-Балтийского канала отправился на пять лет Степан Леонтьевич, которому шел 41-й год. Но затем из-за болезни и истощения его как доходягу списали. Тут же пристроили к делу: ежедневно он возил и хоронил 80—90 трупов. Сначала мертвецов сваливали рядами, а затем вообще стали хоронить как попало, едва присыпая мерзлой землей. Заболев дистрофией и цингой, Степан Леонтьевич чуть было не отдал концы. Выжил благодаря монашкам, которые находились тут же, среди строителей. Они отпаивали больного настоем хвои, подкармливали по возможности. Сактированного Циркова досрочно отпустили домой в мае 1934 года.

Его жена Мария Георгиевна с 1930 года работала откатчицей на Ивановском известковом руднике. Грузила камень на Зайгоре. Надсадилась, заработала грыжу. Леонтий запил, был плохим помощником матери. Жили они в бараках на Ивановских рудниках, а перед самым освобождением Степана переселились в поселок спецпереселенцев на Лебяжке. Вернувшись в Нижний Тагил, Степан устроился работать в горводоканал. Вручную рыл траншеи для чугунных труб на улице Верхней Черепанова, которые, кстати, служат до сих пор. Подросший Иван приносил отцу в узелке пищу, наблюдая, как тот с трудом роет землю. Так переменялась вся жизнь. Из прошлого удалось сохранить только святое — икону, которой много позже благословляли первый брак Ивана Циркова.

Подрастали трое сыновей Степана Циркова. Иван сначала учился на Вые в школе № 16, где нынче магазин «Север», а десять классов заканчивал уже на Ключах в школе № 1 им. Крупской. Призывников 1942 года брали в армию сразу после окончания школы. Степан Леонтьевич проводил на войну сына 20 августа 1942 года. Сначала его определили во Второе Ленинградское пехотное училище, которое находилось в Глазове. Но курсантам не суждено было носить лейтенантские погоны — их бросили на передовую. Сын кулака попал в 60-ю (шестую ударную) армию, 210-й стрелковый полк. Воевал под командованием генерала Баграмяна. Форсировал Днепр под Киевом, сражался в районе Корсунь-Шевченковского. Там в левую руку попал осколок, повредил локтевой сустав. Но он в медсанбат не пошел — воевал дальше. Второй раз ранили в 15 км от Винницы под хутором Белым: осколок зацепил палец левой руки и позвоночник. Третье, самое тяжелое ранение получил на Первом Прибалтийском фронте: осколок попал в затылок, потребовалась операция. Последнее ранение сказывается и сейчас: отнимаются ноги.

Война для Ивана Степановича Циркова закончилась в Берлине. Позднее он служил в полковой разведке. Как-то в особом отделе ему напомнили о прошлом, а в 1951 году и вовсе закончилась служба для старшины Циркова: нельзя, по-видимому, было давать сыну «врага народа» офицерского звания. Свадьбу сыграл Иван в 1947 году под Смоленском. После демобилизации приехал в Нижний Тагил.

В этом городе трое братьев Цирковых связали свою судьбу с металлургическим комбинатом. Инвалид второй

группы Иван Цирков работал разливщиком стали в мартеновском цехе № 1, а последние шесть лет перед пенсией — мастером разлижки стали. Там получил профессиональное заболевание — пылевой бронхит. В результате еще одна инвалидность — вторая группа.

Как-то в праздники, надев ордена и медали (в том числе и орден Трудового Красного Знамени), Иван Цирков вышел во двор к заработанному трудом «Жигуленку», сел и поехал в Висим. Спидометр отмотал 60 км. Вот он, отцовский дом. Тайком стоял Иван в стороне, вспоминая давно умершего отца, детство. Щемило сердце. Полупустой дом занимает внучка другого репрессированного — лишенца Саввы Потаповича Комарова. И не знает она, что снится этот дом всю жизнь Ивану Циркову.

Среди документов у Ивана Степановича две справки о реабилитации с одинаковой формулировкой: отец и дед реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления. А осуждены были Цирковы за контрреволюционную деятельность и антисоветскую агитацию. Реабилитированы еще 16 января 1989 года. Но восстановлена ли до конца справедливость?

ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ 1930—1940-х ГОДОВ

П. Д. ШУРДЕЛИН

ГОДЫ И ДНИ МОЕЙ ЖИЗНИ

(избранные страницы воспоминаний)

Шурделин Павел Демьянович родился 26 декабря 1908 года в деревне Синяки Смоленской губернии в крестьянской семье. Окончил сельскую школу. В 1926 году уехал на Урал и три года проработал на Алапаевском металлургическом заводе прокатчиком. В 1932 году окончил два курса Алапаевского горно-металлургического техникума и был призван в армию. В 1934 году окончил годичные педагогические курсы и одновременно три курса вечернего пединститута в Павловом Посаде Московской области. Работал преподавателем в средней школе, с 1938 года — директором Кочуровской средней школы Рязанской области. В декабре 1941 года немцы ворвались в Кочуры и в течение нескольких часов занимали здание школы. После их ухода П. Д. Шурделин был арестован органами НКВД. В октябре 1942 года заочно осужден Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58-1а на десять лет лишения свободы. В декабре 1942 года доставлен в Тагиллаг. Работал на ЗМК разметчиком, а затем мастером. Освободился 3 июля 1951 года. После освобождения работал на ЗМК до 1973 года. В 1983 году написал свои воспоминания «Годы и дни моей жизни». Живет с семьей в Нижнем Тагиле. Реабилитирован в октябре 1956 года.

Тагиллаг к концу 1942 года имел одиннадцать лагерей, в том числе два лагеря военнопленных и один для эвакуированных немцев Поволжья. Все они были под номерами и назывались сначала районы (лаграйоны), затем участки (лагучастки) и окончательно — пункты (лагпункт № 1...11) *. Именовали их ОЛП № ... — отдель-

---

* В воспоминаниях есть некоторая неточность: лагеря для военнопленных были организованы в 1943 и 1944 годах, советские немцы содержались в нескольких лагерях и числились трудмобилизованными. Кроме того, их не просто эвакуировали, а подвергли массовому насильственному выселению по преступному указу 1941 года (*Прим. составителя*)

ный лагерный пункт. Управление Тагиллага находилось в городке из благоустроенных бараков, с отдельными входами и квартирами. Несколько коттеджей временного типа. Барак управления был двухэтажный из деревянного бруса. Городок имел свою котельную, водопровод и канализацию, был обсажен деревьями и кустарниками, содержался в идеальном порядке. Обслуживали его заключенные с малым сроком и расконвоированные. Они убирали, чистили, копали; был даже садовник-цветовод.

Начальник лагеря жил в городе в коммунальной квартире. Надзиратели и мелкая сошка жили или на частных квартирах, или в ведомственных бараках от производств, где работали заключенные.

Тагиллаг имел в своем подчинении как властные, так и хозяйственные органы, а именно: прокуратуру и следствие, суд и судей, тюрьму, оперативный отдел с уполномоченным от госбезопасности, типографию и две газеты — одну для сотрудников, другую для заключенных, военизированную охрану, милицию в лице надзирателей, хлебозавод и пекарни, продовольственную базу с централизованным снабжением, промтоварную базу, большое подсобное хозяйство с сенокосом, овощную базу, конно-машинный парк, медико-санитарную часть, культурно-просветительную и спортивную части, почту, торговую часть с магазинами во всех лагпунктах, пожарную часть, архив, пищеблок, отдельное кладбище для умерших. Все эти подразделения руководили отдельными лагпунктами, снабжали и обеспечивали их. Снабжение было централизованным и бесперебойным, чего часто не было в городе.

В Нижнем Тагиле, по моим подсчетам, в 1942 году было около 80 тысяч заключенных. У меня был номер 74 836, а после меня было еще много этапов. Мой сосед по нарам, инженер-гидростроитель, арестованный в 1937 году, имел номер 86. Арифметика простая.

КОЛОННА № 5

Через три дня после приезда в Нижний Тагил меня определили на «постоянное местожительство и работу» в ОЛП № 6, колонну № 5, в бригаду ЗМК Тяпичева с присвоением лагерного номера 74 836, который надо было помнить всегда. В лагпункте № 6 я начал отбывать свой

срок, оттуда же и освободился. В промежутках побывал еще в четырех лагпунктах Тагиллага. В лагпункте № 6, куда меня определили, находилось 16 барачков и 16 колонн, в каждом барачке-колонне содержалось 250—300 человек.

Барачки-полуземлячки были с маленькими окнами под потолком, у самой крыши, вровень с землей. Внутри — сплошные двухъярусные нары без постельных принадлежностей. Спали вповалку, ватные брюки под голову, телогрейку под бок, бушлат вместо одеяла. Печей в барачке не было, но жар и духота стояли от человеческих испарений, к утру нечем было дышать, воздух спертый. Так жили зиму 1942/43 года. Осенью перевели в другой лагпункт. В течение этого времени белье не меняли. Одежда истлела от пота, прожарок, пропиталась барачной вонью так, что вольные люди на заводе воротили нос. В теплое время пробовал стирать белье, однако сушить его было негде, а от стирки оно полезло и стало ватиться.

ПЕРВАЯ ЗАРАБОТАННАЯ ПАЙКА

Проработал пять дней в паре с бригадиром, закрыли наряд на 100%. По процентовке в лагере посчитали питание: 700 грамм хлеба и трехразовый суп в завтрак, обед, ужин. Лозунг для работяг был таков: «100% мало, 200—300 — подходяще». На 200% выработки нормы получали 1000 грамм хлеба и на ужин второе — овсяную запеканку (ее-то я и лишился). Мой напарник ругается сам про себя, поругался с мастером и совсем отказался работать. За пять дней я присмотрелся к работе: ничего сложного, единственное — надо подучиться быстро кернить и не попадать молотком по пальцам. Освоил это дело не хуже других.

Питание было скудное, обезжиренное, его не хватало, поэтому постоянно мучил голод. Все думы, все помыслы — о хлебе насущном. Идешь с работы и думаешь о том, как бы при раздаче хлеба попалась горбушка — она сытней середки; больше корок, а в них меньше воды...

Через некоторое время у меня сменился напарник, я научился работать. Стал получать килограммовую пайку, три супа, второе на ужин и даже третье блюдо — стакан жидкого порошкового молока или кусочек омлета из яичного порошка — дар Америки. Стало веселей,

меньше терзал голод, и моральное состояние улучшилось, стал полноценным работягой.

СУББОТНИКИ И «ПОСЛЕРАБОТНИКИ»

Почти ни одного выходного дня не обходилось без субботников. Обязательно на три-четыре часа выведут бригаду что-нибудь сделать за зоной. То нужно вырыть траншею, то очистить территорию от хлама, то разгрузить вагоны с песком, углем, овощами, осенью — на поле убирать картошку, зимой — очищать железнодорожные пути, весной — колоть лед, что-нибудь огораживать или разгораживать.

Если не было работы за зоной, заставляли бороться землю в заградительной зоне или очищать сточные канавы, ремонтировать бараки. Ну а если и это уже сделано, заставляли вытряхивать постели, изводить клопов в нарах.

Но хуже всего были «послеработники». Придешь с работы, поужинаешь — и на разгрузку вагонов часа на три-четыре, а то и все пять. Были случаи, когда вагоны с углем, особенно зимой, разгружали до утра. Приходили измотанными, умыться не было времени, не говоря уж о сне, завтракали — и на ЗМК.

ДРУЗЬЯ

Лагерный закон — никому не доверять и не раскрываться — продадут и предадут. Друзей не было. Были приятели и приятельские отношения, например, с последним бригадиром Иваном Фалько. Он был лейтенантом. В плену в Норвегии женился на норвежке-капиталистке, но заскучал по Родине, плакал, слушая родные напевы. Сдался советским органам, получил срок заключения — 10 лет. Хороший, красивый парень.

ШЕСТВИЕ КОЛОННЫ

В очень голодное время 1943 года много было доходяг, поэтому колонна двигалась к месту работы с частыми

остановками. Люди едва передвигали ноги. В пути умирали. Идет человек — и вдруг падает и умирает. Перецанут его идущие, и когда мертвый остается позади, колонну останавливают и уносят мертвяка в лагерь. А колонна снова в путь. Медленно, с поникшими головами, отрешенные от всего мирского, кроме хлеба насущного, двигаются люди подобно похоронной процессии.

НАХЛЕБНИКИ

Их было в зоне лагеря около 30 человек — надзиратели, начальник и его управление, воспитатели, начальники колонн, работники кухни, хлеборезки и другие. Все они питались за счет заключенных, снижая вес положенных нам продуктов. Уйдут работяги, опустеет лагерь, а они, как мыши на зерно, бегут на кухню. Там для них приготовлены первое и второе, пирожки и пончики на третье. Наедятся и еще с собой домой возьмут. Не положено все это, незаконно, но проходило.

Начальнику лагпункта заносили в кабинет ежедневно 10—20 килограммов хлеба в буханках по 3 килограмма и еще килограмма два-три разных сдоб из пшеничной муки, сахар, крупу и другие продукты. Я работал рядом с его кабинетом, в его отсутствие заходил туда и все это ежедневно видел. Вечером он заезжал на лошади в зону и все погружалось в бричку или санки. А килограмм хлеба тогда стоил на рынке 100—120 рублей. Домочадцы хлеб да крупу меняли на дорогие вещи — ковры, золотые украшения — у эвакуированных из Ленинграда и других городов.

КЛЕЙМЕНИЕ

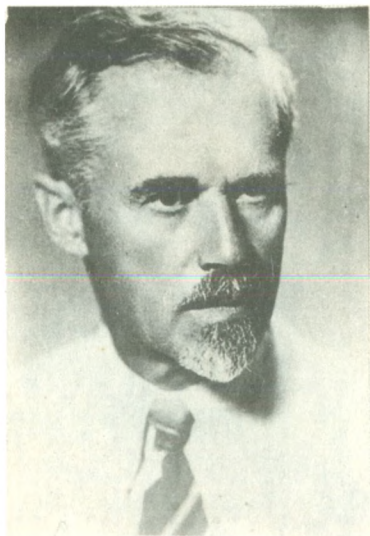
Чтобы отличить заключенных от вольняг (те и другие ходили в одинаковых одеждах), вышел приказ ставить на всей одежде штамп с трафаретом: Тагиллаг, ОЛП № ... После работы нас загнали в клуб, раздели до исподнего белья и начали штамповать одежду. На груди справа и слева — по штампу, на телогрейке — то же самое, на спине, обеих лопатках, на брюках, коленках — по штампу, на гимнастерке или куртке — по два штампа (на

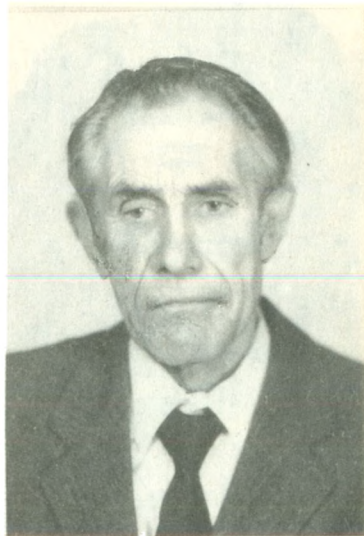
**Александров
Сергей Николаевич**

**Александров
Семен Николаевич**

**Бадер
Отто Николаевич**

**Берг
Петр Абрамович**

**Браун
Иван Иванович**

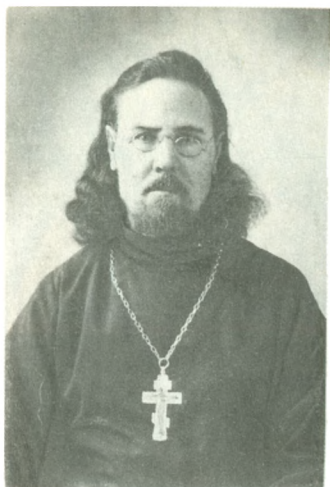
**Веймер
Александр Георгиевич**

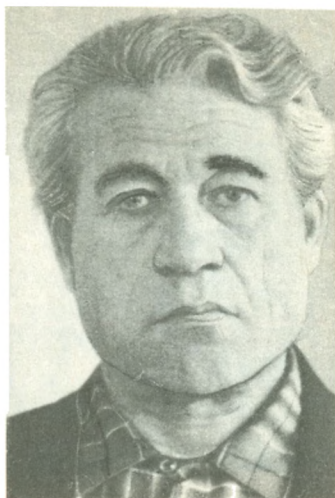
**Броцман
Борис Данилович**

**Вольф
Вольдемар Генрихович**

Отец Всеволод

**Гартунг
Вениамин Владимирович**

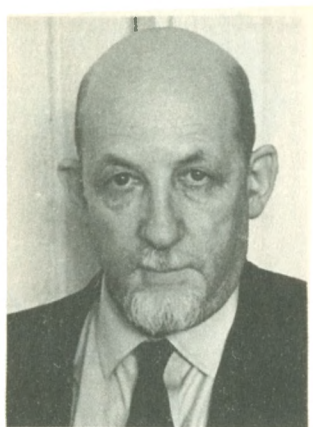

**Ганина
Любовь Ивановна**

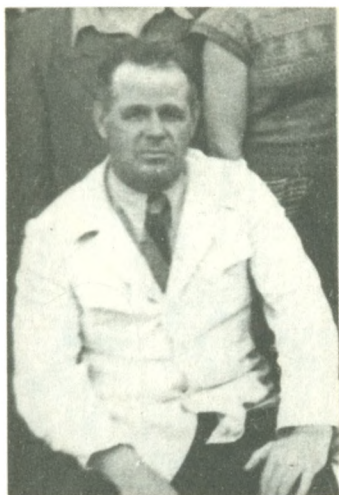

**Гаврилов
Николай Иванович**

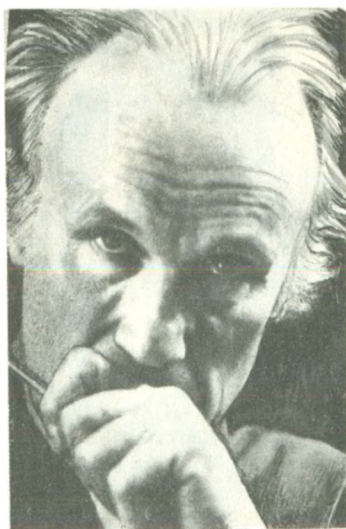
**Гейнрихсдорф
Георгий Яковлевич**

**Дергач
Федор Тимофеевич**

**Гердт
Эммануил Яковлевич**

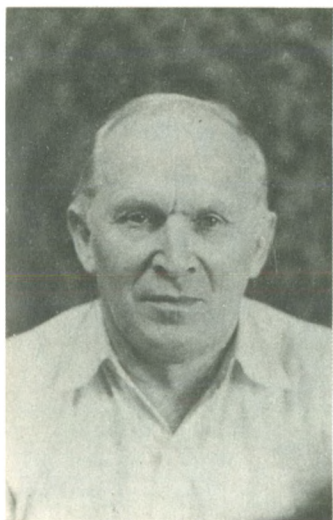
**Дистергефт
Михаил Васильевич**

**Дистергефт
Элеонора Павловна**

**Келлер
Альфред Иванович**

**Иванов
Борис Павлович**

**Ищенко
Михаил Трофимович**

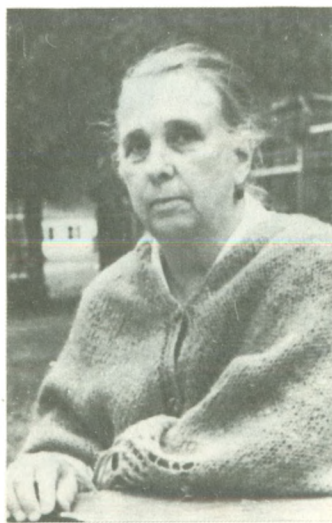
**Корабельников
Зиновий Моисеевич**

**Коровина
Ольга Николаевна**

**Кобелянский
Тадеуш Антонович**

**Колесниченко
Вера Григорьевна**

**Кроневальд
Иван Иванович**

**Кронман
Евгений Леонтьевич**

**Лебедев
Игнатий Сергеевич**

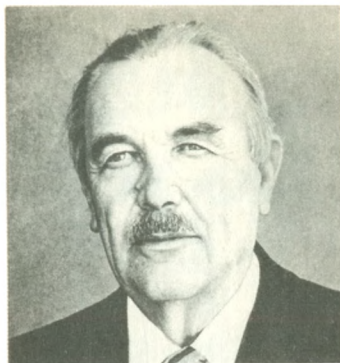

Епископ Лев

**Лотар-Шевченко
Вера Августовна**

**Мецгер
Эдвин Христианович**

**Мауль
Самуил Егорович**

**Мальцев
Леонид Власович**

**Морозов
Валерьян Федорович**

**Пантелеев
Николай Владимирович**

**Огибенин
Григорий Аверьянович**

**Патута
Прасковья Иосифовна**

**Попов
Николай Васильевич**

**Пашков
Аркадий Борисович**

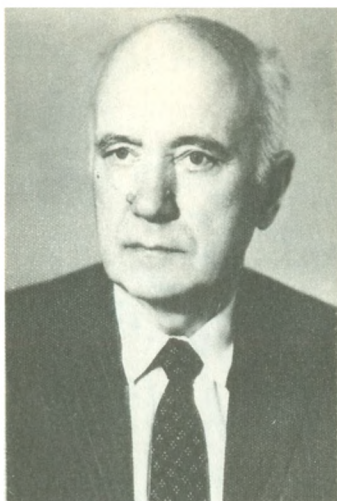
**Погребняков
Сергей Сергеевич**

**Поваров
Василий Георгиевич**

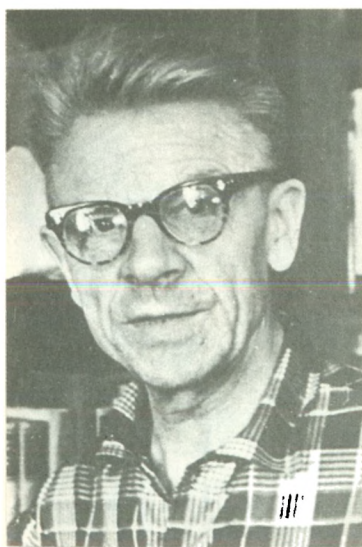
**Родин
Федор Алексеевич**

**Раушенбах
Борис Викторович**

**Рубинштейн
Соломон Ильич**

**Рикерт
Пауль Эмильевич**

Рунг
Вольдемар Эдуардович

Савин
Николай Владимирович

Самборский
Игорь Васильевич

Сенявин
Алексей Юрьевич

**Синяговский
Петр Ильич**

**Сластников
Николай Александрович**

**Сенявин
Юрий Алексеевич**

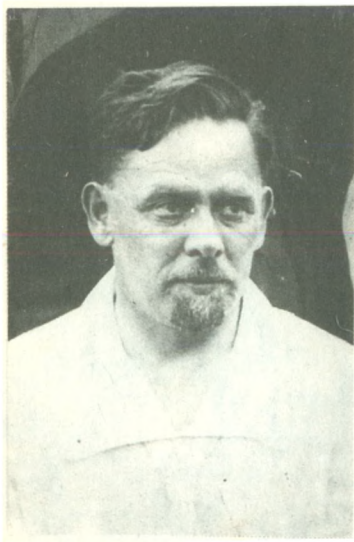
**Скакун
Евдокия Ивановна**

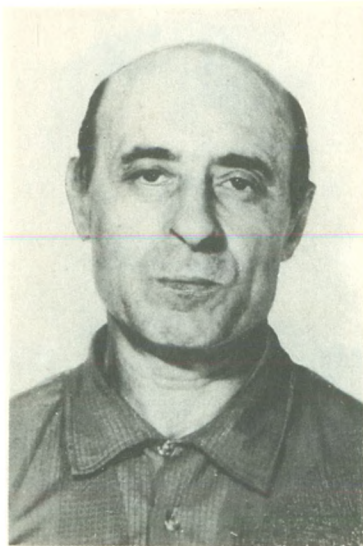
**Слипченко
Валентина Тимофеевна**

**Страхова
Валентина Васильевна**

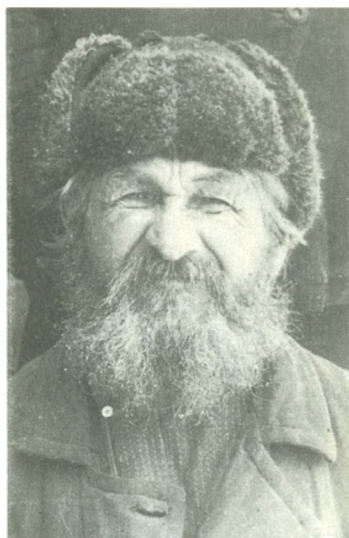
**Словцов
Александр Николаевич**

**Смелянский
Ефим Савельевич**

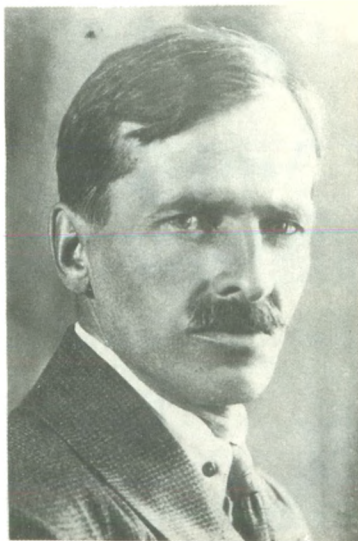
**Стромберг
Армин Генрихович**

**Цирков
Леонтий Агафович**

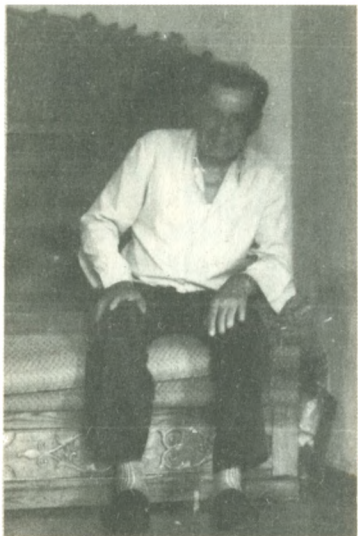

**Цирков
Степан Леонтьевич**

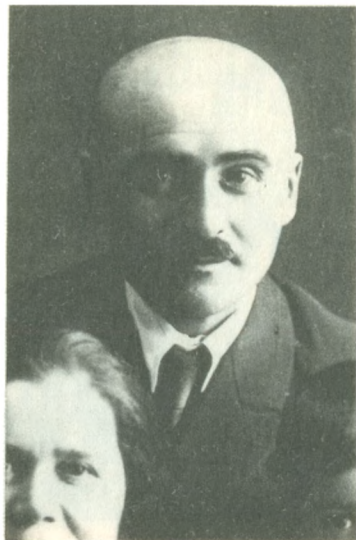

**Хлопов
Иван Киприянович**

**Шешин
Анатолий Дмитриевич**

**Штэрба
Иосиф Иванович**

**Шурделин
Павел Демьянович**

**Яшин
Алексей Иванович**

груди и спине). Белье проштамповали в бане. На белое и серое ставили черный штамп, на черное — красный.

Если вначале ходили строем каждый сам по себе, теперь стали ходить, взявшись под руки. Ходить было неудобно, особенно зимой — мерзли руки, да и шаг был вразной, не солдатский.

ЭСТРАДНЫЙ АНСАМБЛЬ

В середине 1943 года из заключенных артистов и музыкантов при Тагиллаге организовали эстрадный ансамбль. Со всех лагпунктов собрали артистов, прилично их одели во все новое, оставив им свою одежду, в которой они и выступали. Артисты под конвоем разъезжали по всем лагпунктам и в клубах давали концерты: пели, плясали, читали стихи и отрывки из художественных произведений, исполняли злободневные частушки и акробатические номера. Музыканты играли на трубах, скрипках, гитарах. Кормили их отдельно, голодными не оставляли. Они давали концерты и для вольных в клубах, тоже под охраной. Жили весело, безбедно и разносторонне. Через полтора года ансамбль был ликвидирован. Артистов распределили по всем лагпунктам, где они работали в клубах и культотделах.

«ЧИЛИТА»

Чтобы поднять энтузиазм заключенных, в бытность эстрадного ансамбля, во время развода на работу у вахты оркестр трубачей играл постоянно «Чилиту» — вошедшую тогда в моду американскую песенку.

Раннее утро. Крепкий мороз. Темно, только прожектора освещают вахту. Изнуренные, голодные, плохо одетые зеки под звуки «Чилиты» понуро проходят через вахту. Им не до музыки, но оркестранты наяривают веселую «Чилиту». Результат от этого равен нулю. Приход с работы тоже встречали с оркестром и все той же «Чилитой».

«ОТТАЛКИВАЮЩИЙСЯ» ДОХОДЯГА

Оттолкнуться — значит досыта наесться. Вот доходяга топчется у окошка раздачи пищи с большим ржавым ко-

телком, ждет окончания раздачи — может, что и перепадет. Иногда это происходит, и раздатчик наливает полный котелок баланды. Подозрительно озираясь, чтобы кто-нибудь более сильный не отобрал, бедолага бежит в барак, забирается на нары, закрывается бушлатом и начинает жадно, через край котелка глотать баланду. В две-три минуты котелок литра на три опустошается. Доходяга, вспотевший от спешки, растягивается животом кверху на нарах и блаженствует. Сам тощий, а живот раздут, как надутый шар. Но затем через каждые полчаса бегаёт в туалет, и снова живот пуст.

НАДЗИРАТЕЛИ

В каждом лагере их 12—15 человек. Они следили за порядком, пресекали нарушения лагережима. На мелкие нарушения многие смотрели сквозь пальцы, проходили мимо. При шмоне большинство надзирателей делали свое дело формально: проведут руками по одежде, и иди себе. Но были и вредные, придирались ко всему, и пронести что-нибудь с воли при них было исключено. Особенно зверствовал надзиратель Иванов. При встрече с заключенным обязательно к чему-нибудь придирался.

Произошел такой случай и со мной. Я зашел в барак в шапке и одежде. Иванов, увидев беспорядок, снял с меня шапку, бросил на пол и потоптал ногами. Получил я почти новую гимнастерку, но простреленную в одном месте и в запекшейся крови. Выстирал ее на заводе, высушил и, как мог, погладил. Увидел Иванов чистую гимнастерку, подозвал и привел на вахту, а там заштамповал, не оставив свободного места.

ПОЛКОВНИК ШВАРЦ

В послевоенное время начальником Тагиллага был полковник Шварц — энкаведист из обрусевших немцев. Толстый, откормленный, с отвисшим подбородком, в меховом кожаном пальто, белых фетровых бурках и всегда с любовницей-блондинкой он на автомобиле «Эмка» сопровождал колонны зеков, идущих на работу и с работы.

Блондинку он отбил у инженера НТМК. Прельстившись шикарнейшей жизнью, она бросила мужа, оставив ему ребенка, и стала любовницей Шварца. Заключенных он не очень жаловал, но так как они приносили лагерю большие деньги, кое-что делал по улучшению их быта. Появились в лагерях ларьки и магазины, где можно было купить молоко, сахар, масло, табак и другие продукты. Режим военного времени был ослаблен. В клубах лагерей появились киноустановки, и каждый вечер крутили фильмы, те же, что и в городе. В несколько раз улучшилось питание — стало всем хватать и хлеба, и горячей пищи. Заключенные поправились, повеселели, работать стали не за страх, а за совесть. Регулярно выдавали зарплату в размере 50% заработка, остальные 50% шли на лицевой счет и выдавались в день освобождения. Разрешили свидания с родными, в зоне лагеря позволяли ходить в своей одежде. Может быть, это шло от Шварца, а может, были указания свыше.

УБИЙЦА — ЧЕКИСТ ВАСЬКА

При допросе вышедшего из окружения красноармейца, который «не раскалывался», как того хотел Васька-чекист, тот навел на него пистолет и убил. На следствии утверждал, что хотел пошутить и нечаянно нажал на спусковой крючок. Осудили его на десять лет. В лагере был помощником опера. Все зеки боялись его как провокатора, ненавидели, а при встрече подхалимничали. Не одну душу он спровадил на Колыму. Жил припеваючи: отдельная комната, штатская одежда, питание вместе с опером. Ни поверки, ни субботники, ни шмоны его не касались. Убийце почет — рука руку моет.

АМЕРИКАНСКИЕ АРМЯНЕ

В 1946—1948 годах СССР объявил о воссоединении всех армян, проживающих в разных странах, в том числе в Америке, в Советскую Армению. Кто и как их агитировал поехать в СССР, не знаю, но представление у американских армян о советской жизни, да еще в

послевоенное время, было фантастическое. Они собрались, погрузили на пароход свои пожитки и кары (автомобили) и приехали в СССР. Действительность оказалась далекой от их предположений. Кары у них обобществили, поселили в бараках, заставили работать батраками в колхозе. Настроение изменилось, но назад в Америку советские органы ехать не разрешали. Они стали переходить через границу в Иран, где и задерживались пограничниками.

За переход границы им давали срок от трех до пяти лет и этапировали на Урал. Несколько человек определили в наш лагерь. Одеты они были добротно, все в шляпах. У нас в бригаде был армянин Степан Есяян, который, увидев земляков, привел их в наш барак. Они сели на нары и затеяли разговор на армянском языке. «Американцы» поперебой рассказывали, очень серьезно, а наш армянин покатывался со смеху, взявшись за живот. Я спросил Есяяна, о чем они говорят, почему так смешно? Он перевел: «В Америке нам сказали, что у русских всего много, а работать некому — война унесла миллионы людей. Виноград, фрукты стоят не огороженные, плоды убирать некому, подходи и бери хоть машину. Куры, гусы, утки, индейки несутся в кустах и никому не нужны. Молоко у дворов стоит во флягах, бери, сколько надо, даже на каждой железнодорожной станции рядом с холодной и горячей водой есть еще кран с молоком, и все это бесплатно. Но мало обуви и одежды...» Этих горемык этапировали через три дня дальше.

ДЕВУШКА БЕЗ ГРУДЕЙ

Во время допроса по обвинению в шпионаже (работала в Торгпредстве) от всех предъявленных обвинений отказалась, протокол допроса не подписала и к ней применили пытку. Специальными клещами сжимали груди, попеременно то одну, то другую. Боль адская, до длительной потери сознания. Но и это не помогло — не призналась. Заочно дали срок — пять лет. Когда-то полная ее грудь стала сохнуть, уменьшаться, пока не стала плоской, как доска. А девушка — красавица.

СВЯЗИ

Не разрешалось иметь связи с вольнонаемными, особенно женщинами, передавать что-нибудь через них на волю, а равно и получать оттуда. За близкую связь с женщинами снимали с работы и этапировали на Колыму — в худшем случае, в лучшем — в штрафную бригаду или на лесоповал в Серебрянку. Заключенные-женщины всячески добивались близкой связи с мужчинами, чтобы забеременеть. Беременных и родивших в лагере не держали, активировали и отпускали на волю. Случаи были очень редки: не позволял режим, разрозненность содержания мужчин и женщин. Животные в неволе потомства не производят, за редким исключением, аналогично и люди.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Когда оставался один год заключения, я на большом листе картона составил календарь по месяцам и заштриховывал каждый прошедший день. Многие посмеивались над моим чудачеством и часто заглядывали в тот календарь. Наконец я зачеркнул и последний день — 2 июля 1951 года. Даже не верилось, что все муки остались позади и впереди — воля. Но нет-нет, да сомнение закрадывалось в душу. А ну-ка не освободят, припишут еще срок или ссылку... Ночь перед освобождением почти не спал, посещали разные мрачные мысли. Утром 3 июля 1951 года подошел начальник колонны, подал бегунок на освобождение с предупреждением, чтобы к двум часам дня был готов на выход из лагеря. Сфотографировался на паспорт, обошел все службы, собрал все подписи на обходном листе. Получил фотокарточки, донельзя искаженные, и вместе с бегунком сдал в административную часть. Через час выдали удостоверение об освобождении, в кассе — полторы тысячи заработанных денег. Сложил пожитки в мешок вместе с деньгами. Взял пропуск на выход из лагеря — и бегом на вахту. Предъявил пропуск и удостоверение с фотографией. Проверили, сличили, посмотрели в журнал, открыли дверь вахты, и я шагнул на волю. Даже не верилось, что я оказался на свободе, так и казалось, что позади конвой. Оглянись

назад — никого нет. Дошел до трамвайной остановки, там встретила жена. Сразу все забылось. Новая обстановка, новая жизнь. Но еще и поныне снятся ужасы лагерной жизни.

Н. В. САВИН

И ВСЕ ЭТО ПОСТРОИЛИ МЫ...

Родился я 17 февраля 1923 года в селе Дежевка Солнцевского района Курской области в простой русской семье. Мой отец занимался крестьянским трудом, а мать была сельской учительницей. В 1930 году нашего отца раскулачили и всю семью выслали в город Нолинск Кировской области, забрав у нас все имущество.

В городе Нолинске я окончил среднюю школу. 18 июня 1941 года был выпускной вечер, а 22 июня началась война. В конце 1941 года меня мобилизовали в армию и зачислили в особый саперный батальон 131-й стрелковой дивизии. Находясь в армии, я написал домой письмо, в котором критически отозвался о Сталине: он говорил, что мы и близко не допустим врага к границам, а на деле немцы дошли до Москвы и оказались значительно лучше вооружены. Письмо после проверки военной цензурой попало в НКВД. Кроме того, было известно, что я из семьи раскулаченных. В результате меня арестовали и осудили по ст. 58-10, часть 2 на десять лет заключения и 5 лет поражения в правах.

В начале сентября 1942 года нас, — заключенных погрузили в товарные вагоны и под усиленным конвоем отправили в Нижний Тагил на строительство металлургического завода. Когда прибыли на станцию Смычка, в пересыльный лагпункт на Красном Камне, нас помыли в бане и после санобработки стали распределять по подразделениям Тагиллага. Я попал в то, которое выполняло земляные работы на строительстве водозаборных сооружений. Мы возили землю по трапам на тачках из котлована вверх. Чтобы получить свою пайку хлеба, надо было выполнять норму. Кругом оцепление, колючая проволока, вышка для часовых, сторожевые собаки. На работу и с работы водили строем. Конвойные кричали:

«Шаг вправо, шаг влево считаю побегом, стреляю без предупреждения!»

Стояла поздняя осень, и было холодно. То зарядит промозглый дождь, то выпадет снег. На мне были хорошие охотничьи сапоги, которые я не снимал даже ночью. Однажды утром проснулся, а сапог нет. Взамен выдали рваные чуни. От плохого питания, тяжелой работы много людей умирало, особенно пожилых. Когда умерших провозили через вахту, вахтер тыкал штыком в труп, проверяя, как бы не оказался кто живой и не сбежал. Умерших хоронили на специальном кладбище, место нахождения которого мне было неизвестно. Я думаю, что за осень и зиму 1942/43 года только на нашем лагучастке умерло 30—40% от всего списочного состава.

К весне 1943 года строительство водозаборных сооружений было завершено и всех нас перевели в другое лагерное подразделение на строительство блюминга. Несколько месяцев я трудился в литейном на подсобных работах и формовке. Вскоре заболел и работать не смог. Таких, как я, собрали и весной 1944 года отправили в Петрокаменск на сельхозработы, где мы находились все лето. Осенью из-под снега собирали овощи, а зимой нас опять перебросили в Нижний Тагил на жилищное строительство.

В районе мебельной фабрики построили новое оцепление: вышки, забор, натянули проволочные ограждения. После этого мы копали мерзлую землю под фундаменты и собирали одноэтажные щитовые дома, рыли котлованы под фундаменты трехэтажных брусовых домов в районе улицы Металлургов на Тагилстрое.

В лагере я познакомился с человеком, настоящим мастером своего дела. Он был из Владимира, работал штукатуром на реставрационных работах. Он взял меня в свое звено, стал обучать профессии. Спали на одних нарах и часто пересказывали друг другу прочитанные книги. Помню, что особенно нравилась одна — «Борьба за огонь», про первобытных людей. После встречи с ним моя жизнь изменилась к лучшему.

Закончилась война. Заключение стали лучше кормить, платить деньги. В лагерях появились ларьки, где можно было купить и съестное. Рецидивистов отселили, хотя политические их не боялись и всегда могли постоять за себя. Появились новые люди, среди которых были военнопленные, в годы войны томившиеся в фашистской неволе, а теперь вернувшиеся на родину и получившие

по десять лет лагерей, а также ребята из Прибалтики. Большинство из них — молодые, очень трудолюбивые и старательные. Как правило, хорошие специалисты.

В послевоенное время пришлось много строить. Заключенными было возведено большинство трехэтажных домов в Молодежном, Техническом поселках, гостиница НТМК. Застраивались и многие кварталы по улицам Ленина, Газетной. Мне пришлось выполнять отделочные работы на таком монументальном здании, как Дворец культуры НТМК. Для этого была подобрана бригада штукатуров — все молодые, здоровые ребята. Много раз приезжал автор проекта — Емельянов, а работами руководил начальник участка Скрябин. Мне поручили оформлять главный портик дворца и колонны. Зимой 1951 года отделочные работы во дворце были закончены, а 28 ноября этого же года пришла долгожданная свобода.

В середине дня получил паспорт, став вольной птицей. Вещей никаких, один фанерный чемодан с шахматной доской. Одет в телогрейку, на ногах кирзовые сапоги.

С неделю пожил у знакомого, затем съездил к родителям. 15 февраля 1952 года поступил в Горжилстрой треста «Тагилстрой» штукатуром. В 1957 году закончил строительный техникум по специальности техник-строитель, сразу после окончания поступил в Нижнетагильский филиал УПИ им. С. М. Кирова на инженерный факультет. С 1966 года — инженер в производственном отделе треста «Тагилстрой». Все это время участвовал в строительстве домов по улицам Газетной, Мира, нижнетагильского вокзала, 2-й горбольницы. Работал мастером производственного обучения строительного техникума, преподавал в политехническом институте. С июня 1991 года на пенсии. Являюсь членом Совета общества «Мемориал».

С. С. ПОГРЕБНЯКОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Родился в 1906 году в Ленинграде в семье генерал-майора артиллерии Погребнякова Сергея Антоновича, начальника 1-го советского артиллерийского полигона

под Ленинградом. Мой отец принадлежал к 13-му поколению военных рода Погребняковых, родился в 1870 году в Симбирске, учился там в кадетском корпусе и умер в 1919 году от гнойного плеврита. Дед был предводителем дворянства в Симбирске.

Я получил военное образование в Ленинграде и специальность артиллерист-пиротехник, продолжив дело отца (см. о нем: БСЭ. 2 изд. Т.13. С.318). Закончил десятилетку и военное училище. Служил шесть лет в Курске, а на момент ареста — в Рыбинске, в должности командира отдельного батальона, был военным инженером 2-го ранга и возглавлял курсы техников запаса до 16 июля 1937 года.

В июне 1937 года в училище была проведена проверка комиссией в составе комдива Касинова (адъютанта Ворошилова), генерала Заворского и других. После проверки нашим курсам было присвоено первое место и меня рекомендовали к награждению орденом Красного Знамени. Однако в ночь на 16 июля я был арестован. Ордер на арест подписал Ворошилов, основной причиной ареста считалось участие в заговоре Тухачевского. Затем последовали тюрьмы в Ярославле, Загорске, Курске, Бутырка в Москве. Только в ночь на 5 августа в тюрьму доставили пять тысяч человек. Через два месяца я был вызван на первый допрос. Следствие вели Чесноков Сергей (бывший знакомый по службе в Курске), капитан Игнатов, Хайлов. Был у меня в Курске и закадычный друг, служивший в НКВД, — Василий Николаевич Гончаров, но он при нашей встрече в тюрьме отказался от дружбы. На следствии мне было предъявлено обвинение в том, что я фашист, шпион, диверсант. Я отказался признать обвинение и прошел пыточный «конвейер». Попытки были разные и рассказывать о них не хочу (например, стоял в течение 76 часов и т. д.). В качестве аргументов обвинения мне предъявили показания командира дивизии Дикалова (Курск), который, якобы, завербовал меня в период службы в Курске и поручил мне взрыв моста в случае войны.

Я объявил голодовку и попал в карцер. Вскоре мне показали справку о смерти Дикалова в тюрьме от сердечной недостаточности, и голодовка была прекращена. Рядом со мной в камере сидели секретарь Курского обкома Иванов, прокурор Белоруссии и другие. Мы слышали крики, стоны избиваемых, на лестничных переходах часто видели кровь.

Вскоре состоялся суд, где мне предъявили прежнее обвинение. Я отказался признать его, и тогда мне заявили, что я приговорен к высшей мере наказания. Энкавэдэшники сделали вид, что ведут на расстрел, и вдруг объявили, что дело передано на пересмотр.

Следующего суда я ожидал больше года. Теперь меня судили с группой людей. Почти всех освободили, мне же предъявили новое обвинение на основании допроса моего бывшего подчиненного Намченко Дмитрия Тимофеевича. Он показал, что в 1933 году я говорил: «Наши солдаты голодают, а мы хлеб продаем за границу» (в это время был голод в Курске). По статье 58-й мне дали четыре года тюрьмы (из них три с половиной я уже отсидел). Датой освобождения определили 16 июля 1941 года. В связи с этим меня на полгода отправили в лагерь в г. Углич на Волгострой. Я стал работать в техотделе сооружения гидроузла.

С началом войны нас поместили в спецзону до особого распоряжения. Потом была работа на оборонительных сооружениях под Клязином, где я командовал бригадой узбеков числом 50—60 человек. Помню, что переводчиком у них был Федор Музыка (впоследствии он был расстрелян). Мы строили аэродром.

В феврале 1942 года Волгострой был переведен в Тагил и вошел в состав системы Тагилстрой — Тагиллаг — НКВД. Нас выгрузили на Смычке и поместили в лагерь на Красном Камне. Работал я плотником на первой площадке Тагилстроя. В лагере заболел цингой. Каждые сутки в лагере умирало до 18 человек. Причины смерти — истощение, желудочные болезни, тиф, дизентерия. В нашем бараке жило 60—80 человек (всего было, видимо, десять-пятнадцать барачков, но это неточно). Уголовники жили отдельно. Потом нас перевели в Новую Кушву на строительство коксовой батареи. Лагерь был на второй площадке, рядом с цементным заводом (там и сейчас лагерь). После того, как я заболел, лежал в «слабкоманде». Нам выдавали 300 граммов хлеба в сутки и баланду. Спас меня от неминуемой смерти Яков Давыдович Рапопорт — генерал НКВД. Он командовал на строительстве Беломоро-Балтийского канала, затем на Волгострое, а в 1942 году стал начальником всей зоны Тагиллага. Рапопорт знал меня по Рыбинску и, когда увидел случайно в Тагиле, приказал поставить на ноги. В лагере были ящики для жалоб. После того, как команда Рапопорта осталась невыполненной, я послал ему

записку. Через два дня с меня сняли мерку, сшили одежду и перевели в лагерь для ИТР, потом в лазарет, на две-три недели, где активно лечили хвойным отваром и кетой. Потом определили на работу к главному механику строительства на инженерно-техническую работу.

29 июля 1942 года дали буханку хлеба, пакет сахарного песку и выпустили на свободу. Таким образом, я просидел лишний год и 13 дней. Я оказался на улице без прописки и без жилья. Предложили место в бараке для освобожденных заключенных, где жить было невозможно. Выезд из Тагила запрещен, в правах поражен на два года.

Тагил был переполнен, в нем не было свободных рабочих мест. Я поселился в машине на свалке, с работой оказался в тупике. Пришлось опять обращаться к начальнику строительства Рапопорту. Он определил меня на завод металлоконструкций мастером ОТК. Жил в бараке № 25 на Первой площадке, где помещались «придурки» (так тогда называли ИТР, всех, кто жил умственным трудом). Затем я перебрался на авторемонтный завод, где работал начальником обменного пункта, старшим инженером автотехснабжения. Потом приключилась беда — потерял справку об освобождении (т. е. фактический паспорт). Написал заявление на имя Сталина с просьбой забрать в армию. Не вышло. Послал просьбы о помиловании. На все получил отрицательные ответы.

Я многократно писал в Москву, бывала там жена, и вот, наконец, в 1957 году пришел вызов в Верховный суд, где меня поздравили и вручили справку о реабилитации. Спросили: «Претендуете ли Вы на квартиру?» Я отказался. Вскоре вызвали в военкомат на медкомиссию — признали годным к строевой. Выдали офицерский билет и двухмесячную зарплату по последней службе (10 тысяч рублей). Потом вызвали в управление НКВД, отвели комнату, дали дело для ознакомления. Я смог перечитать свое дело. Никакого упоминания об обвинениях в шпионаже и т. д., о суде, приговорившем к высшей мере, в деле не было. Причина ареста не названа, причина второго суда — высказывание о вывозе хлеба за границу.

Последняя моя работа перед пенсией — завод металлоконструкций, начальник ОКСа. В военном билете записали, что я демобилизован в 1942 году (тюремное время включили в службу). Пенсию определили в 95 рублей. Я не ветеран труда, не орденосец (орден так

мне и не вручили). Моя жена — Ида Яковлевна — работала старшим инженером лаборатории Тагилстроя. Окончила Киевский политехнический институт. Встретились мы в 1942 году, поженились в 1945.

А. Д. ШЕШИН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ *

Я родился в деревне Шадричи Халтуринского района Кировской области в 1918 году. Отец — железнодорожник, большевик с дореволюционным стажем. Семья жила летом в деревне, зимой — в городе (называлось «зимогорить»). По семейным преданиям, в нашем доме до революции проживал одно время ссыльный Вацлав Вацлович Воровский, который освободил отца из тюрьмы, куда тот был посажен за революционную деятельность. После революции отец работал на железнодорожном транспорте и умер в 1923 году, заболев возвратным тифом.

В начале 30-х годов, когда семью хотели выслать на север (в деревне не был выполнен план по кулакам, а материальное положение семьи было сносное, так как мать хорошо шила), фотография отца спасла нас. На ней были автографы наркома путей сообщения Лазарева и В. И. Ленина.

До 18 лет я работал в колхозе по месту жительства, а потом приехал в Нижний Тагил к сестре устраиваться на работу. 26 июля 1937 года был арестован. Причина ареста — донос некоего Василия Васильевича Кропотова, с сестрой жены которого, Вохмяниной Анастасией Филипповной, я был знаком. Мотивы действий Кропотова неизвестны (очевидно, личные).

После ареста находился сначала в подвале дома, где размещалось Нижнетагильское отделение НКВД. В камере не было окон. От нехватки кислорода имелись случаи смерти. Запомнились тяжелые железные двери с торчащими из них болтами. Некоторые жертвы в отчаянии

---

* Записано со слов А. Д. Шешина членом историко-понсковой группы «Мемориала» Д. Кириловым 23 октября 1989 года.

разбивали о них головы, другие вешались. Фамилия следователя, который вел дело,— Пиунов (лет 35). Старшим следователем был Князев, а прокурором Глинка. Допросы проводились обычно ночью, начинал их, как правило, сам Пиунов, но если не добивался желаемого результата, то вызывал на подмогу еще двух-трех палачей, и начинались зверские избиения. По слухам, ходившим среди арестованных, следователями были в основном две группы курсантов НКВД, переброшенные в Нижний Тагил из Харькова или Киева. Пройдя все ужасы пыток, не выдержал и подписал в полубеспамятстве «признание», что именно подписывал и как это было — не помню.

В декабре 1937 года был переведен в лагерь на Красном Камне (красные кирпичные бараки на деревянном фундаменте). Камера представляла собой четверть барака, где на каменном холодном полу вповалку лежали люди. Из соседей вспоминается молодой летчик, с которым играл в шахматы, офицер Долгорукый, который подбадривал меня: «Держись, сынок, держись»,— и пел песню: «Ведь коммунистам так живется, так пой, рассудка не теряй». В одной камере с нами находился и секретарь горкома Шалва Окуджава.

Затем меня перевели в тюрьму за железнодорожным вокзалом. Там объявили приговор. Обвинение — КРД (контрреволюционная деятельность, ст. 58). Судила «тройка», приговор — расстрел.

В марте 1938 года был отправлен в Свердловск: в Тагиле не расстреливали, а приговоренных к расстрелу отправляли в областной центр. В Свердловске видел камеру, где сидел Марьясин.

В Свердловске объявили о замене смертной казни 10 годами заключения в лагере. Был отправлен по этапу. Сутки находился в Котельнице в пересыльной тюрьме, затем полтора месяца — в Вологде. Там пересыльный пункт размещался в бывшем монастыре, камеры — в кельях. Встретил там в камере директора Ленинградского завода «Красный треугольник» Рубинштейна, который интересовался судьбой тагильчан Марьясина и Вайнштейна — директора «Золотоснаба» в Нижнем Тагиле.

Из Вологды по этапу направили на станцию Кемь, оттуда на баржу и на Соловки. В Соловецком лагере условия были хорошие. В магазине — мясо тюлене, треска, сахар, одеколон, все это можно было приобрести заключенным. Лагерь находился в кремле, а по островам

раскиданы его участки. Это уже был 1938 год. Заключение размещались в бывших монастырских кельях. В келье — тончан, тумбочка, параша. Работали в мастерских, на валке леса, мололи зерно в пекарне, нагружали и разгружали баржи с углем. Я работал столяром, Мы выламывали узкие монастырские окна, расширяли их и готовили новые оконные рамы. До 1935 года условия здесь, говорят, были жуткие, а при нас уже гораздо лучше. Здесь встретил Саустова Григория. Он откуда-то с Кубани, в лагерях пробыл около 20 лет (с 1929 года — с начала коллективизации). Тогда ему дали три года и сослали на север, оттуда перевели на Соловки, где в 1932 году объявили еще пять лет. Только пятилетний срок закончился, как в деле появилась запись красным карандашом — еще 10 лет. После отбытия десятилетнего срока оставили до особого распоряжения. Освобожден Саустов уже с Унжлага. С таким же сроком был Ногин Григорий, который заведовал в Унжлаге слесарными мастерскими. Пробыл он на Соловках в общей сложности около 15 лет. С Урала был Смирнин (из Уральска), он тоже просидел на Соловках 20 лет по обвинению в том, что служил есаулом у белых. Встретил двух женщин: Настю и Наташу (фамилия не помню). Они сидели с 1932 года, а с ними еще мужчина-хохол Петушок — за людоедство в период голода на Украине в 1930 году.

При мне на Соловках заключенные зарабатывали по тем деньгам до 350 рублей. Продавались масло, сахар по цене 4 руб. 50 коп., конфеты по 3 руб. 10 коп., одеколон — по 1 руб. за флакон, папиросы любые, тюленье мясо.

Петушка впоследствии расстреляли, но это было уже в Унжлаге. Он работал в кочегарке и убил одного заключенного, зарыл его в снег, резал мясо и ел. Это случайно обнаружилось. И Степан Григорьевич (начальник отделения 5-го лагпункта Унжлага) с оперуполномоченным Лисинным приказали его расстрелять. И не судили, повели прямо из барака — ой, как он закричал!

Как я уже говорил, до 1935 года Соловки были лагерем смерти. Был там «курилка» — выстроит всех, каждого четвертого вызовут из строя и ставят на колени. Он их избьет, расстреляет, наиздевается... Но таких ужасов я не видел. Жутко было, когда эвакуировали заключенных Соловецкого лагеря в Горький. Погрузили на баржу, где везли швейное оборудование и т. п. Где-

то на шестом или седьмом волжском шлюзе мы ждали пропуска. Один охранник в шлюзе стал стрелять по фашистскому самолету. Тот развернулся над шлюзами и срезал охранника очередью. Налетели другие самолеты. Две баржи с заключенными были разбиты в щепки, а одна села на мель. Охранники спустили заключенных в трюмы, и они остались живы, а надстройка баржи была смыта вместе с охранниками. Заключенные разбежались кто куда, часть попала на нашу баржу...

Наконец, нас привезли на станцию Сухобезводное Горьковской области, где находилось управление Унжлага (по реке Унжа).

Все десять лет заключения отбывал в разных лагпунктах Унжлага. Сначала работал на лесоповале, а в августе 1941 года из строя вызвали тех, кто мог делать лыжи. Вызвался, так как был хорошим столяром. (Дома у Анатолия Дмитриевича стоят сделанные им собственноручно резные сервант, шифоньер, диван, стол, выточенные из оргстекла люстра, корпус для часов и другие вещи.) В вятских деревнях было много умельцев по дереву и мастерство передавалось из поколения в поколение. Отправили в лагпункт № 5, где находились мастерские. В течение всей войны делали лыжи для армии, а после войны — рамы, двери, мебель по заказам. Работал хорошо, много раз был премирован — спецодежду, костюм получил. В 1945 и в 1946 годах представлен к досрочному освобождению за хорошую работу, но оба раза без результата.

С началом войны положение заключенных резко ухудшилось. Сократили пайку сначала на 40, потом — 30 и 20%. Началось массовое вымирание людей. Начальник Унжлага Озеров издал драконовский приказ о праве конвоя применять оружие в бараках. Ослаб человек, не может работать, но врач освобождения не дает. Значит, если не сможет утром встать, пристрелят прямо на нарах. Пристреливали и тех, кто падал в пути на работу и с работы. На одном из лагпунктов вспыхнула эпидемия дизентерии и за две недели погибли 17 тысяч заключенных — практически все!

Этот кошмар продолжался два-три месяца. Дело дошло до волнений среди узников — раз уж все равно погибать, то хоть под немецкими пулями на фронте! И только после снятия Озерова (его отправили на фронт) положение изменилось. Начальником лагпункта стал Цокурь Иван Григорьевич. При нем после работы на военном

объекте (изготавливали ракеты для катюш) корчевали пни часа два-три за лагерной зоной. Лагерь был старый, лес вырубил вокруг — одни пни остались. Затем вспахали и посеяли картофель, морковь. Картофелем и овощами мы снабжали и другие лагпункты Унжлага. Жена Ивана Григорьевича Анна Федоровна была начальником КВЧ (культурно-воспитательной части). Под ее руководством заключенными были построены клуб, качели, карусель, разбиты клумбы, цветники и газоны. На лагпункт зайдешь, как на хороший курорт. Работали, выполняли военные заказы, рядом находилась швейная фабрика. Со своими овощами питание значительно улучшилось. Работали заключенные слесарями, выполняли спецзаказы, изготавливали лыжи, сколачивали снарядные ящики, делали ракеты для катюш. В клубе читали лекции, в медсанчасти работал профессор Ф. Ф. Салакич, осужденный по 58-й статье. Он по вечерам читал в клубе лекции по анатомии.

В 1943 году после снятия блокады Ленинграда к нам прибыли по этапу 700 человек — женщины, мужчины. Здесь мы ужаснулись — это были живые скелеты. Иван Григорьевич Цокурь посмотрел, рукой махнул и назначил месяц оздоровления в освободившихся для них бараках. Установил четырехразовое питание (у нас было трехразовое). Они самостоятельно и 100 метров пройти не могли (среди них были политические, бытовики). Ленинградцев от станции (1 километр пути) до лагпункта возили на подводах. Прошел месяц, он посмотрел на них и назначил еще месяц лечения. Два месяца не работали, пока людьми стали. Кончился срок, и комиссия направила кого куда на работу.

Из Тагила в Унжлаге было несколько человек. Савчук Иван, работавший до ареста главным бухгалтером детского санатория в Антоновке, и в лагере был бухгалтером. Вакуленко Василий Мартынович работал коновозчиком, Горбаненко Иван — на лесоповале. Инженер Ситников, который в Унжлаге сначала заведовал инструментальным хозяйством, а затем работал в управлении, был с ВМЗ. Уже после освобождения я встречал Белова Николая в Перми, в Первоуральске — Жеркову Зою Васильевну (все они с Унжлага). В лагере было много узников Беломорканала, Коломны, которые оттуда бежали. В некоторых случаях была тяжелая работа, гибли те, кто работать не хотел, или слабые. Заметят в воровстве — сразу же в штрафной лагерь. Там было жестко.

Воров в законе мы не терпели. Хочешь — живи и работай, а нет — в штрафной лагерь. А там работа часов по десять на лесоповале, после работы — в холодное помещение, раз в сутки горячая пища, пайка — 500 граммов. Во время войны стали прибывать полицаи, предатели из Киева, Минска, с Украины. Полицаям был срок 20—25 лет. В 1946 году их всех забрали и отправили куда-то на север. В нашем лагпункте было около 17 тысяч заключенных. Много было бытовиков.

Меня освободили в 1947 году. В лагере остался хороший дружок — Жорка Белов, якобы сын генерала Белова. К нему на свидание все время приезжала мать. Когда я освободился, мне по всем статьям в качестве местожительства были определены Туруханский или Красноярский края. А я ездил к Белову, чтобы его родители похлопотали о другом местожительстве. Хотя за работу в лагере я был дважды премирован, ожидания мои о смене места жительства не сбылись. В последний раз приехал в 1949 году в Унжлаг, я был извещен, что Ивана Григорьевича Цокуря перевели в другой лагпункт. Он там получил травму и остался без руки.

После освобождения я приехал в Нижний Тагил, устроился на НТМК в литейный цех модельщиком. В 1949 году Колотилов или Холодилов написали на меня донос по просьбе кого-то и меня уволили. Перебрался в Свердловск, работал тоже модельщиком с 1950 по 1953 год. Но и там разнюхали, кто я такой. Вечером сдал модель на контроль, а придя утром на работу, увидел, что модель разобрана. Предъявили обвинение в умышленном несоблюдении размеров модели. Смотрю — на плите лежит негодный угольник, которым измеряли мою модель. Вышел приказ — уволить, и я рассчитался. Приехал снова в Тагил, поступил грузчиком в копровый цех, но и оттуда вынудили уйти. Исходило это решение из комитета ГБ. По приглашению механика из гаража устроился делать магнитные транспортеры для карьера на Валегином бору. Потом удалось перевестись в модельный цех УВЗ слесарем-модельщиком. На УВЗ проработал с 1953 по 1960 год. Потом работал мастером по модели на КРЗ (переводом попав с УВЗ). Получился конфликт с начальником жилищного отдела. Перешел снова на УВЗ, где и работал до 1978 года. Имею много благодарностей, получил медаль ВДНХ, которую вручали Окунев и Гречко.

В ЖЕРНОВАХ ГУЛАГА: СОШЕСТВИЕ В АД *

Родился в 1925 году в Чувашской АССР в семье сельского русского учителя. Перед войной закончил 8 классов. В 1941 году был направлен в школу ФЗО г Комсомольска-на-Амуре. В 1943 году добровольно пошел в армию, чтобы попасть на фронт. Но служить пришлось на острове Сахалин при штабе зенитного дивизиона. В 1948 году был осужден военным трибуналом по статье 58, п.10, ч.2 на срок 25 лет лишения свободы с отбыванием первых десяти лет в тюрьме. Срок отбывая в ИТЛ Сахалина (штрафные зоны) — полтора года, восемь лет — в тюрьмах Златоуста и Чернигова. В 1956 году решением комиссии Верховного Совета СССР был освобожден. После освобождения работал в учреждениях культуры, в редакции железнодорожной газеты. Закончил факультет печати общественного университета и получил диплом о высшем политическом образовании.

О моей изломанной судьбе и нашем трагическом времени можно писать и несколько строк, и объемную книгу с обобщениями философско-политического толка. Вот сжатая формула сути событий: один год убийственного беспредела в адских особых лагерях и долгие годы бесчеловечного режима в Златоустовской закрытой тюрьме — за попытку осознать истину антинародной сталинщины.

Год 1948-й. Остров Сахалин. Мне 21 год. Позади уже пять лет армейской службы. Я — старшина-штабист.

Стоял теплый июньский день. В штабе шло все обычным чередом. И я, вчерашний школьник, который рвался на фронт, да не успел, познавал армейскую службу на Сахалине и сам остров Сахалин.

Ничто не предвещало беды. «Открой», — сказал зашедший ко мне лейтенант, показывая на сейф за моей спиной. Я повиновался чисто автоматически, повернул ключ. В одно мгновение в руках офицера оказалась папочка с моими рисунками и стихами. Мне бы вырвать ее! Пусть бы даже это стоило синяков, выговоров, на худой конец попал бы в штрафной! Но в ту минуту я не оценил ситуации, слишком уж неожиданным был такой визит. О существовании папочки знали только пять человек, друзей-сослуживцев. В кино ли, на природе — мы, сверстники, всегда были вместе. Любили по-мальчишески

---

* При подготовке воспоминаний к печати использован материал Е. Пишвановой. — См. «Тагил, рабочий». 1992. 10 окт

подурачиться, поострить. И под критическим углом нередко оценивали политическую жизнь в стране. Помню, была у меня такая; например, карикатура: тома Ленина, и Сталин на них оправляется. Или еще: мужик тащит тяжелый мешок с надписью «Пятилетку — в четыре года!» А Сталин стоит сзади, с автоматом. Ребята от души смеялись вместе со мной. Мы видели массовый психоз, когда толпы рукоплескали вождю, и тоже иронизировали по этому поводу. За что было преклоняться перед ним? За то, что в 1933-м голодало пол-России? Что и после 1933-го до самой войны жили как нищие? Помню детство. Поешь свеклы — и бежишь в школу, по колению в грязи, за несколько километров от дома. А по радио тем временем звучат песни о «кипучей и могучей», победоносные сводки с колхозных полей — что-что, а веселить народ тогда умели.

Кто предал? Точно до сих пор не знаю. Один из нашей компании стал секретарем Сахалинского обкома КПСС, второй руководил Львовским горкомом, третий возглавлял на Всесоюзном радио отдел сельского хозяйства. Их фамилии часто видел в центральной печати.

...Уже вечером я был в следственном изоляторе. А через пять дней меня судил трибунал. Две минуты — и 25 лет тюрьмы обеспечено.

В то время, в середине 1948-го, на Сахалин усилился поток штрафников — тех, кто служил у немцев, и уголовников. И нас, политических заключенных, бросали в этот же котел. В целом сахалинский архипелаг представлял собой 24 лагпункта, от 700 до тысячи человек в каждом. За полтора года я побывал в восьми из них. Нас все время тасовали, каждый раз заставляя волоочь на себе казенный скраб, даже матрац, а иногда еще и уголовник навешивал свой тюк.

Особенно запомнился первый маршрут. Октябрь. Земля уже покрылась изморозью. Нас, 60—70 заключенных в полосатых одеждах, подгоняют конвоиры с дубинками и псами. Как только колонна повернула в лес, конвоиры начали бить дубинками всех, кто попадался под руку. Даже женщин. Они потеряли туфли и весь оставшийся путь босыми шли по ледяной земле. Когда в кино вижу, как фашисты ведут пленных, содрогаюсь, ибо это мало чем отличается от того, что я видел на Сахалине. Пьяные охранники гнали нас, как скотину. Могли приказать лечь в грязь, лужу так просто — из шутовства. И попробуй замешкайся!

А в лагере заключенные и в самом деле превращались в животных. Никаких разговоров о материке, политике, женщинах. У всех на уме одно: где бы пожрать? За адскую работу с шести утра — кирками долбили базальтовый грунт под водопровод. — мы получали 600 граммов хлеба и немного баланды, иногда рыбы. В лагерях были собачники. Попасть в их число считалось счастьем. Злющие собаки были готовы разорвать, но это не удерживало от попыток отобрать у них полутухлые куски мяса.

Отбирали съестное не только у собак, но и друг у друга. Действовал волчий закон: «Ты умри сейчас, а я — через час». Потрясающей была также внешняя деградация. Через несколько месяцев люди совсем переставали умываться, зарастали щетиной. О бане и не мечтали. В лучшем случае довольствовались прожаркой одежды, спасающей от вшей, для чего имелись специальные камеры.

Политзаключенным было сложнее всего, так как их могли избить, обокрасть и воры, и так называемые «суки», запятнавшие свою «честь» в преступном мире. А с другой стороны всячески оскорбляли, унижали охранники: антисталинцы были для них хуже даже тех, кто служил гитлеровцам. И они никогда не вмешивались, если политзаключенный становился мишенью уголовника. Не счастье, сколько было задушенных полотенцем. Впрочем, в конфликты между ворами и «суками» охрана тоже не вступала, наоборот, даже провоцировала на столкновения. Для них кровавая бойня была развлекалкой. При этом с усмешкой цитировали В. И. Ленина: «Преступный мир сам себя уничтожит». Я много читал о сталинских репрессиях, но нигде не встречал описания того, как команда охранников веселилась, глядя на кровавую бойню кастовых групп. Но такое — было.

Как выжить в этом аду? Некоторые от отчаяния бежали, хотя заведомо знали, что это бессмысленная затея: куда убежишь с острова? Семь километров пролива не переплывешь. Трижды бежал и я. Первый раз пробыл на свободе четыре часа, второй — сутки, а в третью попытку — трое суток. У каждого бежавшего в висках стучала одна мысль: застрелят — и слава богу! Но помню факты, когда расправа была куда более жестокой.

Однажды в лагерь вернули шестерых беглецов. У всех были выколоты глаза. Из слезящихся глазниц торчала солома... Еще помню, как нас ранним морозным утром

выгнали во двор, освещенный мощными прожекторами. В ворота ввели молодого беглеца, отсутствовавшего недели полторы. В его усталой походке угадывалась армейская выправка. Арестант не успел дойти до нашего строя: стоявший позади охранник у всех на глазах воткнул в него штык...

А было это не только от беспредельного озверения охраны — действовал в те годы бериевский приказ «на поражение»: бежишь, не надейся остаться в живых. Почему же приводили живым из побега меня? «Клюнули» оперативники на мою рискованно-авантюрную легенду. Подговорил «псевдодстукачей» предупредить охрану: бежит, мол, шпион с большими связями с японцами... При ловле по ребрам и голове, правда, доставалось. Но берегли для допросов: лестно же раскрыть шпионские связи, явки...

До сих пор не верю, что я уцелел в этих страшных жерновах. Помог случай. Один уголовник, узнав, что я пишу стихи и прочее, подкатил ко мне с просьбой написать прошение о пересмотре его дела. Куда ж деваться, написал. А мужика через пару месяцев взяли да освободили. По лагерю пошел обо мне слух. И за аналогичной «услугой» потянулись другие. В итоге еще одного выпустили, а нескольким скостили сроки. За мной среди уголовников укрепилась репутация грамотея, который еще может пригодиться: такого трогать нельзя.

От работы, разумеется, меня никто не освобождал. Переносить ее помогала молодость, закалка в армии. Но смерть все равно кружила надо мной. Помню, долбили грунт. На ногах полурезиновые боты. Спали в палатках, к утру живот примерзал. Простудился. Ну, думаю, хана. Вытащат завтра за ноги трактором — видел такое! Или охранник прибьет прямо в траншее. На мое везение стукнул мороз под сорок. В такой холод нас не гоняли на земляные работы. Нет, не из милосердия! Если в обычные дни умирали потихоньку, то тут смерти пошли бы косяком. Работать стало бы некому, а за такое лагерному начальству не сдобровать.

Три дня свирепствовал мороз, давая мне шанс оклеветаться. Тогда я еще не знал, что скоро окажусь в тюрьме на материке. Сообщение об этом несказанно обрадовало. Но, попав в Златоустовскую тюрьму с надеждой на жизнь полегче, я быстро понял, что это иллюзия. Страшно и там, и здесь. В лагере, если удастся геревыполнить норму, давали премиальный кусок хлеба,

рыбину, а в тюрьме я был голодный изо дня в день все восемь лет.

В 1949 году Златоустовская закрытая тюрьма являлась большой пыточной камерой с продуманной, изощренной системой медленного умерщвления. Суточное питание было таким: хлеба — 450 граммов, сахара — 9, жира — 3 грамма, в обед жестянка овсяной баланды, вечером — кусок рыбы 20—25 граммов. Режим тюрьмы: прогулка 15 минут на втором году, 30 минут — на третьем. Койки на замке с шести утра до одиннадцати ночи. Пол цементный, если приляжешь — вытягивает остатки жизни.

Как-то, сидя в одиночке, осмелился у охранника по кличке Иса попросить еще один черпачок баланды. Я уже успел хорошо подумать об Исе, видя, как тот опускает черпак в котел, но он... выплеснул горячую жидкость мне прямо в лицо. Дал понять: не смей говорить с надзирателем! Это было действительно запрещено. Три года назад я видел этого зверя, был в Златоусте. Живет он в душной лачуге. Жалкий, сморщенный весь. Земля его еще как-то носит...

Единственным лучиком радости в тюрьме была пятнадцатиминутная прогулка по тюремному двору. Как иногда хотелось стать птицей, очутиться в бескрайнем небе! Но это было только в мечтах, которые угасали с каждым днем. И мы становились тупыми, совершенно опустошенными, одним словом — роботами. Свобода воспринималась как другая планета, до которой никогда не добраться.

Как не сойти с ума, находясь годами в объятиях каменного sklepa, без малейшей связи с родными и внешним миром вообще?! Терять мне было нечего — впереди еще 23,5 года тюрьмы — и я придумал хобби: «плести» на себя. Вновь вернулся к той легенде, что выручала в лагерных побегах.

Доложил начальству, что я японский шпион, что участвовал в таких-то диверсиях и так далее. Фантазия работала безгранично! А следователю льстило, что он имеет дело не с каким-то там стихотворцем, а с преступником большого калибра. Вызовы на допросы встряхивали меня, хоть как-то скрашивая заключение в одиночной камере. Но я всегда старался точно помнить все, что написал. И, осознавая риск, в конце своей писанины ставил подпись так, что при внимательном взгляде ее можно было прочитать: «И все вранье».

Наступил 1956 год. О начавшейся «оттепели» мы, естественно, не знали. Меня в этот год перевели в Черниговскую тюрьму, где у каждой камеры лежал хлеб. И я впервые за девять лет наелся. Через три недели мне сообщили об освобождении. Сначала думал: очередной подвох. До последней минуты не верил, что меня и в самом деле отпускают на волю.

Офицер, оформлявший документы, в знак непонятно с чего возникшего ко мне расположения, не указал в справке ни статьи, ни подробной мотивации моего заключения. Указал лишь, что «освобождается на основании Указа Верховного Совета СССР о реабилитации».

Я был на седьмом небе от счастья! Наивный! Я думал, что отсутствие ярлыка антисталинца поможет мне устроить судьбу, но я заблуждался. Во всех нас, вышедших из лагерей, крепко сидел страх. Мы боялись вымолвить лишнее словечко, ступить не так. Если человеку годами вбивали, что он скотина, он и сам так будет считать. Нечто подобное творилось тогда и со мной. Оттаял много лет спустя, когда встретил на Урале свою будущую жену... Создав семью, я, Ватрацкий Л. В., взял фамилию своей жены. Думаю, причины понятны без объяснений.

И уж, конечно, когда я получал справку, то не предполагал, что через 36 лет, в 1992 году, информация из нее понадобится для получения государственных компенсаций. Черниговские архивы, куда я обращался, пока не дали разъяснений. И в итоге я до сих пор полностью не реабилитирован.

...Плохо сплю по ночам. На склоне лет память прямо осатанела. Вспомнил вот старого лесника, который принимал в своей избушке заезжих «партийных» охотников.

— Это кто? — спросил один из них, кивая на портрет Сталина с трубкой.

— У — хотник, — со знанием дела добродушно ответил дед. И на обратной стороне картонки порезал лапшу на суп для гостей.

Пропал ведь старик. Пропал в сахалинском аду...

ЗАГОВОРЩИКИ *

В 1937 году наша семья из пяти человек проживала на станции Кротовка Куйбышевской области. Отец был беспартийным и работал секретарем райпотребсоюза, мать — домохозяйка, нас, детей, было трое: старший — я, брат Лев — 10 лет и пятилетняя сестра Маргарита.

В конце 1936/37 учебного года наш 9б класс Кротовской железнодорожной школы № 26 сдавал экзамены. На 25 мая, согласно расписанию, была назначена предэкзаменационная консультация по физике. Все были в сборе и ждали преподавателя. Неожиданно вместо него в класс вошел директор школы, а с ним человек в форме НКВД. Директор объявил, что консультация переносится на другой день, а вместо нее состоится беседа с представителем политического отдела Куйбышевской железной дороги Артуняном. Все обрадовались, так как надеялись услышать интересную информацию от военного. Директор сел за парту, а политработник, став хозяином положения, настойчиво начал предлагать провести не беседу, а собрание. Сейчас я понимаю, зачем избрали президиум, — нужен был официальный документ — протокол.

Артунян стал спрашивать у ребят о их взаимоотношениях с преподавателями, о настроениях, о дисциплине, срывах уроков. После долгого молчания слово взял наш группкомсорг Дронов Володя, припомнивший один январский случай. Вот что он рассказал: «Однажды группа ребят нашего класса — я, Конецкий, Сметанников, Ванцев, Кудинов — пошли в кино на вечерний сеанс. Посмотрев фильм, расселись на сиденьях последнего ряда с тем, чтобы выяснить конфликтные отношения между ребятами из нашего класса и параллельного, так как они постоянно дерутся, оскорбляют и грубят девочкам, угрожают и т. д. А я как раз прочитал книгу «Воспоминания американского школьника», где были описаны такие же взаимоотношения между ребятами, — так они там организовали свою группу и одерживали одну победу за другой. Поэтому я предложил в целях самообороны создать свою тайную группу. Поговорив об этом,

---

* Материал впервые опубликован в газ. «Тагил. рабочий» 1991 9-января.

мы больше никогда нигде о ней не вспоминали до сегодняшнего дня». «А что в этом плохого? — добавил Володя. — Ничего страшного и вредного. Нам ведь себя и девчонок надо было защищать...» «Все ли пять человек этой тайной группы члены ВЛКСМ?» — спросил военный. Ответили — да. На этом собрание закончилось. Представитель НКВД вместе с директором ушли.

В этот же день около шести часов вечера к нам домой явился милиционер с двумя соседями — понятыми и предъявили ордер на обыск квартиры и мой арест. При обыске нашли значок «Ворошиловский стрелок», пожелтевшие письма родителей, забрали много фотографий. Я распрощался навсегда с родителями, братом и сестрой и под конвоем милиции был доставлен на вокзал, где увидел под такой же охраной своих одноклассников. Нас четверых на разбитых площадках товарняка привезли в Куйбышев, где рассадили по разным камерам линейного отделения КПЗ. Через три-четыре дня в закрытых фургонах доставили в Кряжскую следственную тюрьму, что в 10—12 километрах от Куйбышева.

В камере, куда я был помещен, сидели 120—130 человек вместо 30—40. В одиночках находились 10—12 политзаключенных. Смрад, духота, вонь. Кормили один раз в сутки; давали постную, сваренную из рыбных или овощных отходов похлебку и полусырую, смешанную с гнилой картошкой 300-граммовую пайку хлеба. На opravку и к умывальникам водили раз в сутки, во дворе тюрьмы под стеной разрешалась прогулка в течение 8—10 минут. Примерно раз или два в месяц надзиратели устраивали тщательный «шмон» для изъятия запрещенных предметов — бумаги во всех видах, острых вещей, газет. Книг читать не разрешалось. С одежды отрезали пуговицы, отбирали даже самодельные (из хлеба) фигуры шахмат.

В таких условиях без вины виноватым без единого приглашения на следствие пришлось отсидеть пять месяцев. И только в первой половине октября 1937 года я был вызван в кабинет начальника тюрьмы, где он вручил под подпись обвинительное заключение, в котором я и мои товарищи обвинялись по 58-й политической статье (пункт 10—11) в организации тайной группы и агитации в школе против советской власти. Так в шестнадцать лет мы стали «врагами народа». Через несколько дней после вручения «обвинилки» под усиленной охраной нас с вещами вывели из камер, усадили

в «черный ворон» и повезли в Куйбышев. Машина остановилась у здания, на котором мы увидели надпись «Транспортная коллегия Верховного суда СССР». Началось закрытое судебное заседание (родителей не допускали). Присутствовали председатель, два заместителя, прокурор, защитник и по два охранника на одного подсудимого. После краткого опроса подсудимых, выступления прокурора, который требовал, чтобы мы признались в предъявленном обвинении, и речи защитника (все это продолжалось примерно 30 минут) суд удалился на совещание. Не прошло и часа, как суд принял решение и приговорил В. Дронова, В. Конецкого, М. Сметанникова к десяти годам, С. Ванцева и меня — к восьми годам лишения свободы с отбыванием срока в ИТЛ. Родители, кроме моих (отец был уже репрессирован, мать больна), узнав о таком суровом приговоре, подали кассационную жалобу в Москву на имя председателя Верховного суда СССР, а копию лично М. И. Калинин. Продержав после суда в Кряжской тюрьме еще около трех дней, нас подготовили для этапа в Ульяновскую кассационную тюрьму, где мы в таких же тяжелых условиях находились в ожидании результата поданной жалобы.

Вспоминаю, какой тяжелой была транспортировка из тюрьмы в тюрьму. «Столыпинские вагоны» так набивали людьми, что двери не закрывались, и только ударами винтовочных прикладов и с помощью самой двери заключенных вбивали и втискивали в вагон. В пути кормили одной селедкой, воды подолгу не давали, разговаривать конвой запрещал. Перед Ульяновском все должны были обязательно пройти через Сызранскую пересыльную тюрьму, где в течение двух-трех дней делали медицинскую обработку, оттуда распределяли в тюрьмы и лагеря Поволжья и Севера. Выгрузив из вагона в Сызрани, наш этап под конвоем с собаками повели к зданию тюрьмы. Не доходя метров 300 до ворот (очевидно, тюрьма не успевала принимать людей), мы увидели несколько кучек сидевших и лежавших на земле заключенных. В стороне от дороги стоял офицер НКВД и по бумаге громко называл фамилии.

Наконец, дождавшись очереди на прием, наша команда вошла в ворота тюрьмы. Совершенно случайно при входе во двор я увидел идущего с ведрами бывшего нашего соседа дядю Тихона. Успел его громко спросить, не знает ли он что-нибудь про моего отца? В то же

мгновение конвоир сбил меня с ног прикладом. Дядя Тиша крикнул, что отец в товарном спецэшелоне, который стоит неподалеку на запасном пути у стен тюрьмы и отправляется на Север. Такая заочная встреча произошла у меня с отцом в последний раз.

Время шло. В конце мая 1938 года уже в камерах Ульяновской тюрьмы мы дождались ответа на просьбу о помиловании. Приговор транспортной коллегии Московской был отменен из-за отсутствия состава преступления, и наше дело направили теперь уже в народный суд по месту жительства, поменяв политическую статью 58 на хулиганскую 74.

Снова этап, пересыльная Сызранская тюрьма, Куйбышев и, наконец, родная Кротовка. Состоялся открытый народный суд. Было предъявлено новое обвинение в хулиганских действиях: кто-то когда-то где-то разбил электролампочку в классе, порвал стенгазету, нагрубил директору и прочие школьные пустяковые дела. Мы попросили, чтобы школа предоставила суду наши учебные табели как документ, характеризующий личность учащегося. Наша просьба была удовлетворена, а в табелях у всех значилось: «Поведение — хорошее». Кроме того, на суде присутствовали большинство учащихся и преподавателей (кроме директора). Суд приговорил каждого из нас по статье 74 (хулиганство) к одному году лишения свободы, но поскольку мы этот срок отбыли, нас из-под стражи освободили. Вскоре умерла мать, отец сидел, брат и сестра скитались кто где.

С. И. РУБИНШТЕЙН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Я, Рубинштейн Соломон Ильич, родился в 1913 году в г. Симферополе. Работать начал с 15 лет. В 1930 году переехал в Ленинград, поступил в школу ФЗО, где получил специальность токаря. Осенью 1934 года поступил в Московский институт тонкой химической технологии, проучился там год и перевелся в Уральский политехнический институт, который закончил в 1939 году. После окончания института работал на Верх-Исетском за-

воде, с начала войны — в армии. В марте 1945 года был арестован по статье 58-10 (антисоветская пропаганда) и осужден на десять лет заключения в исправительно-трудовом лагере. Следствие по моему делу проходило гладко: мне инкриминировались мои высказывания по самым различным поводам. Например, я сказал товарищу, что прижатые к морю немцы на территории Латвии укрепились и мы с ними ничего не можем сделать, — отсюда следователь сделал вывод о моих пораженческих настроениях. Мне вменяли в вину «распространение контрреволюционного анекдота, компрометирующего достоинство советских генералов» («Всякий генерал — выживший из ума полковник»), а эту шутку можно прочесть в старом рассказе Сергеева-Ценского. Таковы были мои «преступления», за которые я был осужден. Срок я отбывал в Норильске. Меня привезли туда в конце августа 1945 года, и я отбыл там около семи с половиной лет. Почти все это время я работал на инженерной должности в организации, которая строила крупную тепловую электростанцию. Условия жизни и работа заключенных в Норильске были несравненно лучше того, что я читал или слышал о других лагерях. Я объясняю это тем, что начальником Норильского лагеря долгое время был Завенягин, который ранее строил Магнитогорский завод. Видимо, это был умный человек, который понимал, что для того, чтобы люди хорошо работали, они должны жить хотя бы сносно, и он эту сносную жизнь заключенным создавал. Голода в Норильске не было, издевательств над заключенными ни со стороны лагерного персонала, ни со стороны уголовников не было тоже. Однако случаи «дутых» уголовных дел над заключенными были. Я знал двоих, которые уже в лагере получили дополнительные сроки «за подготовку восстания», причем один из них был приговорен к расстрелу, замененному каким-то сроком заключения. В конце сороковых годов режим ужесточился. На площадку, где я работал, приводили бригады из каторжного лагеря, к их одежде были пришиты номера. В этот же лагерь перевели некоторых заключенных из нашего лагпункта. В августе 1952 года меня из того лагпункта, где я находился, перевели в другой. Заключенные в нем работали на руднике. Причины перевода я не знал. В этом лагере я работал слесарем, что способствовало более быстрому освобождению. Дело в том, что за некоторое время до этого были введены так называемые зачеты

рабочих дней. За каждый проработанный день при условии выполнения нормы и при отсутствии нарушения режима заключенному сокращался срок, причем это сокращение для инженерно-технических работников не превышало одного дня, а для рабочих могло доходить до трех. Мой срок оканчивался 18 марта 1955 года, но совершенно неожиданно 28 декабря 1952 года меня вызвали и направили в лагерь, из которого заключенных освобождали. 31 декабря, под Новый 1953 год, я был освобожден. «Гуманное» советское уголовное законодательство, на основании которого я попал в тюрьму без всяких причин, «позволило» мне освободиться за два с четвертью года до истечения срока. С полмесяца я прожил в Норильске в ожидании выезда, затем поехал в Нижний Тагил, где и сейчас живу. В начале 60-х годов, когда политический климат изменился, я начал добиваться реабилитации. Нужно сказать, что в отличие от других заключенных я, находясь в лагере, ни разу никаких жалоб не писал. Во-первых, я понимал бесполезность этого, во-вторых, берег нервы. Но после XX и XXII съездов обстоятельства изменились. Первая моя жалоба не имела последствий, а после второй меня реабилитировали.

Приехав в Тагил, я поступил слесарем на ремонтно-механический завод Тагилстроя. Проработав там несколько месяцев, перешел на завод металлоконструкций сначала контрольным мастером, затем конструктором. С лета 1956 года связан с НТМК, работал в Уралдомноремонте, ремонтируя оборудование металлургических цехов, в проектно-отделе комбината. Последние годы был конструктором в одном из цехов комбината. Работу свою всегда стараюсь делать не за страх, а за совесть.

В. В. ЧЕВАРДИН

БЕЗ ВЕРЫ И НАДЕЖДЫ *

Стояла жаркая осень 1937 года. Мужикам самое время страдовать, а их везли и везли в Арзамас из

---

* Материал впервые опубликован в газ. «За победу!» 1991. 8 авг

окрестных местечек. Город к тому времени уже успел позабыть звон колоколов своих 60 церквей, которые теперь просто ломились от заключенных. «Страдовала» чрезвычайная тройка НКВД, выносившая один за другим приговоры. Вот в такой денек к председателю тройки ввели мужичка небольшого роста.

— Фамилия, имя, отчество,— заученно спросил председатель.

— Шевяков Алексей Васильевич, год рождения 1904, уроженец села Кочкурово Починского района Горьковской области.

— За что забрали?

— Не знаю.

— Не знаешь? Ну, тогда распишись!

— Расписываться не буду!

— И без тебя обойдемся! Можешь идти.

И пошел Алексей Васильевич, неся тяжелый крест статьи 00-192 УК РСФСР, означавшей вредительство. За это полагалось четыре года, а получились все десять. Сначала отдал А. В. Шевяков поклон мощам Серафима Саровского в монастыре, где НКВД «приютил» таких, как он. Там мужики рубили, пилили лес, отвозили дрова к монастырю. Работа тяжелая, но привычная для осужденных сельчан.

Там, глядя на голодных ребятишек, вспомнил Алексей о том, как ходил с двумя маленькими детьми в голодном 1933 году просить подаяния. Больше тогда почем-то удавалось раздобыть восьмилетнему Федьке. Этим сынишка очень гордился. «Добыткики», набрав мешочек разной снеди, второпях съедали свою долю, а остальное несли матери и девчонкам.

И теперь голодные дети с мольбой смотрели на взрослых. Их глаза просили защиты и еды. Сердце щемило от жалости, но что он мог сделать?

Весной 1938 года Алексей принял «крещение» в ледяной реке. Получилось так, что его отрезало от другого берега реки: тронулся лед. Алексей не успел проехать до начала ледохода. А не придешь вовремя в монастырь, засчитают побег. Вот и не раздумывал долго Алексей: прыгнул с лошадью в ледяную купель.

Лошадка не подвела, а он заболел: одолели чирьи. Любое движение причиняло страшную боль. Врачи решили: до Колымы доедет и выздоровеет!

Выздоровел Алексей. А в 1938 году в «телячьем» вагоне уже ехал от Волги к Владивостоку, лишь изредка

греясь у печки, где царствовали уголовники. Как и тысячи других осужденных, отправился А. Шевяков осваивать золотые прииски вечной мерзлоты.

Едва успели обустроиться зеки в землянках и бараках, как полетели белые «мухи». С каждым днем в бараках становилось все просторнее. Это умирали соседи по нарам. Трупы складывали на улице штабелями. Только весной бульдозер присыпал их слоем земли.

Однако в просторные бараки привозили новых страдалцев. Покрякивали охранники, сгоняя людей на работу, усмехались:

— Сегодня всего лишь минус тридцать девять.

И хотя только одного градуса не хватало до желанного отдыха, охрана не жалела осужденных, гнала их в ледяную стужу. Ни валенки, ни телогрейка не могли из-за своей ветхости согреть Алексея.

Питаться же всю зиму пришлось похлебкой. И все из-за того, что лошади, перевозившие продовольствие, провалились вместе с ним под лед. Тысячи людей умерли от голода, в отряде остались считанные зеки.

Как-то раз зимой снова искупался Алексей в ледяной воде, когда она, прорвав дамбу, угрожала затопить рудник. Стоя по пояс в воде, люди носили камни, возводя новую дамбу. После этого случая начали ныть язвы на ноге.

Врачи сактировали А. Шевякова. Он в числе других шестидесяти «счастливицков» отправился в «инвалидную» колонию, расположенную в 23 километрах от Магадана. Там людям, напоминавшим дистрофиков, давали хлеб и 60 граммов масла. Через несколько недель Алексей уже носил на плечах мешки с мукой. Оказалось, что хлеба было недостаточно...

Где-то, словно в другом мире, шла война, а здесь, среди сопки и вечной мерзлоты, люди боролись за свое существование. Подошел к концу в 1942 году срок Алексея, но на запад освобожденных не отвозили: война! Комендант сказал А. Шевякову:

— Тут тебе фронт.

«Вольняшка» А. В. Шевяков был оставлен на прииске с громким названием «Большевик». Тут пайки хлеба и двух с половиной килограммов пшена на месяц не хватало. Пшено тщательно меряли ложкой и варили на печке. Однако работали «вольняшки», как заключенные. Лютей зверя был бригадир старателей поляк Половина. Без отдыха велись вскрышные работы, пустая порода вы-

возилась на салазках. На этих работах Алексей отморозил пальцы на руке и ноге. Пришлось их отрезать. А один из блатных, ударив Алексея камнем, сломал нос.

Вскоре на прииск «Большевик» пожаловали американские союзники. Взяв прииск в концессию, они решили ознакомиться с условиями добычи золота. Внешний вид и здоровье узников поразили их. Американцы спросили:

— Кто эти люди?

— Это здешний народ. Дикий. По-своему они живут. Им нравится ходить в рванье,— так оправдывался комендант, оглядываясь на места, где когда-то стояли сторожевые вышки. Лишь перед самым приездом союзников их спешно снесли.

И потекло золото за границу в счет уплаты долга по ленд-лизу. В то время Алексей уже работал на бутаре. Там воду вместе с землей пропускали через барабан, а золото оседало на суконное одеяло, положенное на решетки. Кормили при американцах тоже не досыта: давали старое-престарое сало, рисовый хлеб да заплесневевшее масло.

Освободился Алексей Васильевич Шевяков в 1947 году. Лишь сойдя с трапа парохода «Джуррия», почувствовал он наконец-то себя человеком.

Несказанно обрадовался зелени, возможности пожить по-человечески. Все напасти, в том числе и последний «шмон», остались позади. Во время того обыска у одного из заключенных нашли один грамм золота. Опасаясь, что у него еще где-то припрятано золотишко, проверяющие сожгли одежду. Что теперь с тем бедолагой?

Через всю Россию пришлось ехать домой. Дети уже стали взрослыми. Михаил и Федор попали на фронт. Михаилу посчастливилось вернуться. А Федька погиб в 17 лет. «Снял» его немецкий снайпер со столба, когда он налаживал связь с прифронтовой полосой. Там и похоронили Федьку товарищи.

Снова начал работать в колхозе А. В. Шевяков. Но сторонились знакомые бывшего «врага народа». Невмоготу стало. Решил переехать на новое место. Сын Михаил в то время работал в Нижнем Тагиле на ВЖР. К нему поближе и перебрался А. В. Шевяков.

С 1970 года живет он в Балакино. До 1975 года работал в кочегарке. Поработал бы и дольше, но потерял зрение. За годы перестройки пенсия выросла с 45 до 107 рублей. Получилось так, что лагерный стаж в трудовой

не вошел. Будто и не трудился он, не мыл золото для страны.

Его вторая жена не может ухаживать за ослепшим стариком, сама еле волочит ноги. Трудно ей сходить за водой на колонку, в магазин. Нужны дрова. Но где их взять? Кто в конце концов распилит их и наколет?

— Дожить до старости ужасно, — говорит А. В. Шевяков.

Страшно слышать такие слова, осознавать что человек потерял последнюю надежду.

В. В. ЧЕВАРДИН

ТАКОЙ СУДЬБЕ НЕ ПОЗАВИДУЕШЬ *

В первый день войны в дом Поваровых на руднике III Интернационала вбежала соседка.

— Слышали?! Гитлер напал на нас, война началась! — затараторила она и вдруг, увидев телефонный аппарат, умолкла.

Несколько секунд длилось неловкое молчание.

— Ваську-то скоро в армию заберут? — наконец спросила она.

— Скоро! Повестка на 28 июня, — переглянувшись, ответили Поваровы.

— Мне пора. Я побежала! — тут же спохватилась словоохотливая соседка и исчезла.

Капитан Бурашников из НКВД зашел к Поваровым 28 июня за два часа до того, как Василий собрался идти в военкомат.

— Где тут у вас телефонный аппарат? — сразу спросил он.

— Вот он, — ответил Василий.

— Где взял?

— Нашел на свалке лет пять назад.

— Это ты кому-нибудь другому расскажешь, — усмехнулся капитан. — Собирайся, бери документы! — отрезал Бурашников и на глазах оторопевших родственников увел Василия Поварова в НКВД.

Вот так резко изменилась жизнь у парня, который в

* Материал впервые опубликован в газ. «За победу!» 1991 31 дек.

1938 году начал свою трудовую деятельность в гараже. Потом была работа в геологоразведке и на шахте рудника. А еще юноша учился на летчика, посещая Тагильский аэроклуб. Он примерял шлемофон летчика, мечтая сражаться с врагом, а тут такой поворот...

Через несколько дней шагал Василий под конвоем на строительство аглофабрики.

— Бежим,— шепнул он другу,— встретимся в Балакине в поселке у отца. А потом рванем на фронт.

Друзья бросились в разные стороны. Защелкали затворы, прогремели выстрелы...

Друга поймали сразу, а через три дня дождался в поселке Василия. И снова побег. На этот раз убит друг по аэроклубу Николай Тетлянов. А Василия, склонного к побегам, отправили в изолятор.

В ночь на 5 октября 1941 года колонна автомашин привезла в Верхневинск большую партию зеков. Они должны были строить новый завод. Многие заключенные были одеты не по сезону: в костюмы, ботинки. Среди них мерз на опушке леса и Василий Поваров.

Не забыли о дополнительном конвое. А вот единственным крытым помещением была палатка. Многим пришлось ночевать на снегу. На следующее утро Василий обнаружил, что его пиджак заledenел и лопнул по швам. Согреть могла только работа. Скоро застучали топоры, зазвенели пилы: началось строительство бараков. На месте котлована находилось болото, пришлось углубляться в землю.

В декабре 1941 года пришел новый этап из 12 тысяч поляков. Они плохо переносили сорокаградусные морозы, падали первыми. Сил подняться уже не было. Откуда им взяться, если кормили шелухой да помоями?

К весне в бараках стало попросторнее: число зеков сократилось до 365. Лучи солнца стали растапливать заledenевшие трупы в сарае. Василию Поварову пришлось хоронить умерших в полуметровых ямках у соседней деревни. У поляков частенько попадались золотые коронки. Их вырывали для начальства. К весне 1942 года завод был построен. Заключенных перевели в церковь, где были сколочены трехэтажные нары. А к Верхневинску покатались эшелоны со сбитой техникой — нашей и немецкой. На заводе извлекали из самолетов алюминий, олово, баббит, медь, латунь. За работу получали традиционную похлебку из брюквы и 800 граммов хлеба.

Частенько покрикивал конвой, материально заинтересованный в выполнении плана. Только присядет кто-нибудь отдохнуть после разгрузки вагона, а ему кричат: — А ну, иди работать!

Как-то Василий Поваров вспылил:

— Только сели! Ведь устали люди!

Конвой ответил стрельбой в воздух.

Уже весной 1942 года его среди других доходяг перевели в Черноисточинский лагерь. Там собрались люди со всего Союза. Запомнились врачи из Кремлевской больницы, сидевшие по делу отравления М. Горького: хирурги Жуковский, Быховский, доктора Духовный, Белл, Смирнягин, Бадьян.

Санитару Поварову особенно запомнился последний. Как-то перед студентками-практикантками Бадьян разрезал труп и вынул сердце. Приказал одной из студенток разрезать его пополам. Но одно предсердие девушка разрезать не смогла.

— Что такое? — рассердился Бадьян.

А там оказалась пуля.

Каждый день накладывали трупы на телеги из всех бараков Черноисточинского концлагеря и везли хоронить за 12 километров.

Из Черноисточинского пригнали Василия в родной Нижний Тагил на строительство НТМЗ. И там он повздорил с начальником. Из следственного изолятора № 3, который находился в строениях нынешнего ликеро-водочного завода, погнали Василия до Балакино, а потом на Винновку. Там лагерь внушал уважение: высокие столбы с колючей проволокой и под напряжением, собаки, пулеметы на вышках.

В отгороженной части лагеря «блатовали» — уклонялись от работы — воры в законе, в неотгороженной жили вместе остальные уголовники и политические. К ворах загнали сразу 1200 человек. Стало так тесно, что сесть негде было. Василий решил держаться вместе со своими знакомыми. Блатные не полезли, но донимал голод: пайка хлеба сократилась до 400 граммов. Тогда решил В. Поваров вызвать конвойных и попросил отвести себя к коменданту лагеря Отто Вольфу. Потребовал работы: не помирать же в 21 год!

•Выжить в тех условиях можно было, только работая. Василия перевели в неотгороженную часть, откуда посылали на рубку леса. На каждого доходягу приходилось по десять физических метров. А в каждой такой еди-

нице по полтора кубика леса. Такую норму по достоинству могут оценить нынешние вальщики леса, вооруженные бензопилами. Древесину нужно было не только распилить, но и сложить в штабель, делянку вычистить, а сучья сжечь в течение дня. Но и с этой работой справлялся Василий отлично.

Осенью 1942 года в Винновке появились лучковые пилы. Тогда Василий пошел на рекорд. В лагере отличившихся зеков встретил бравурный марш ансамбля, состоящего из гитары, балалайки и мандолины.словно в сказке, появился на подносе ужин, состоящий из шести блюд. И утром был роскошный завтрак. Вскоре последовали примеру Поварова и другие заключенные.

Узников ежедневно провожал на работу сам Отто Вольф. Стоит, бывало, начальничек в расшитой петухами рубахе, подпоясанной ремнем. Идут зеки, поглядывают не на него, на трупы. Лишь изредка кто-то крикнет:

— Гражданин начальник, как же мы идем на работу босиком?

— У меня гуси всю зиму по снегу ходят. И ничего, лапы красивые. Ха-ха-ха! — расхохочется своей шутке «веселый» комендант.

На вахте лежала гора ваты и пакли. Рядом — проволочка. Приноровились зеки себе обувку делать: на ступни автопокрышки, а выше — вата. В таких вот сапогах шагали на делянку. Знали, что шаг вправо, шаг влево — огонь без предупреждения. И стреляла не раз охрана, падали рядом товарищи. В ту грязь и лужи, которые пытались обойти. За убитых конвой поощряли поездкой домой или медалью. Многие из тех поощренных числятся ветеранами Великой Отечественной войны, получая повышенные пенсии...

В 1943 году в лагерь неделями не завозили пищу. Однако заключенные все пилили и пилили лес. До сих пор стоят в Винновке полусгнившие штабеля этого невостребованного леса.

А тогда В. Поваров отправился на лесосеку, заготовил свои десять физических метров и прилег отдохнуть. Но отчего-то тревожно было на душе. Взял увесистую дубину и обошел поленицу. Там встретил притаившегося «вора в законе» с топором в руках.

— Чего стоишь? — спросил Василий.

— Хочется потесать по полену, — оскалившись, поблатному прогнусавил зек.

— Канай отсюда...

Ушел блатной. Побежал Василий на опушку, где были остальные заключенные. А там комендант по труду среди зеков Федор Бородаев разрубленными пальцами зажимает раскроенный череп. Все в оцепенении. А Федор мертвым рухнул на землю.

Позднее в бараке нашли записку со словами: «Смерть Поварову и Бородаеву!» Вот и не верь после этого тревожному предчувствию!

А вот Отто Вольфу не повезло: пришел приказ об освобождении его от должности начальника лагеря. Тогда все думали, что схлопотал начальник десятилетний срок, тянет арестантскую ляжку где-то на севере. На самом деле все было проще. Освободили О. Вольфа от занимаемой должности за антисанитарные условия содержания, за безобразную подготовку к зиме (об этом стало известно в 1991 году по архивным данным).

В 1943 году В. Поваров вновь попал на строительство Новошагильского металлургического завода, точнее — в отдельный лагерный пункт № 2, в котором сейчас учреждение УЩ 349/13. Там были две зоны по пять и семь тысяч заключенных в каждой. По утрам колонны зеков шли на строительство третьей доменной печи. Их «запечатлели» на фотографиях и в короткометражном фильме «Комсомольцы — строители домны № 3» И на такой обман была способна наша пропаганда. В. Поваров работал в плотницкой бригаде, делал опалубку, копал фундаменты, возводил здания разливки и изложниц в мартеновском цехе № 2, на коксохиме. Вскоре он стал бригадиром передовой бригады № 236. И вновь гремела музыка, а славная бригада, обогретая милостью начальства, получала пайки и талоны.

Но не могли с этим смириться воры в законе. Снова угрожали. А Василий хотел работать. У него были «золотые руки и острый глаз. Шутка ли, обходился иногда без рейсмуса и уровня. Но начальство его не жаловало: «приклеило» еще 58 статью (террористический акт и вредительство), бросало с одного места на другое. В Свердловске, например, строил В. Поваров заводы турбинный № 28 и имени Калинина. В общем, не по книжкам изучал Василий индустриализацию Свердловской области. А последний его лагерь — Дегтярка. Рядом работали политические и уголовники. Опускались в забой даже священники. И те, и другие были для Василия людьми, которых надо как-то накормить.

Однажды в барак зашли уголовники из москвичей

Заключенные видели, как они поговорили с В. Поваровым и ушли. Позднее они были схвачены при попытке к бегству, и у них была обнаружена взрывчатка. Подозрение в организации побега пало на Василия Поварова. Допрашивали его днем и ночью. Не кормили. Поставили на несколько суток в тесный вертикальный ящик с прорезью для лица. Но выдержал Василий, не предал москвичей. И как награда за то, что остался человеком на зоне, — освобождение 27 декабря 1947 года.

Вышел тогда из лагеря за столовую В. Г. Поваров, бросил ложку через забор: чтобы никогда больше не возвращаться.

Не вернулся. Честно работал и жил, несмотря на обиду, на незаслуженное обвинение. Закончил заочно институт И сейчас, в преклонном возрасте, бодр ветеран. Ведет хозяйство в своем доме в поселке Первомайском, занимается дчеловодством.

В В ЧЕВАРДИН

ГУЛАГОВСКИЙ РАЙ *

Сталинский режим, несмотря на неприятие свободомыслия и консерватизм взглядов, пытался использовать научный потенциал огромной страны для упрочения своей власти. С использованием рабского труда заключенных в государстве диктатуры пролетариата были построены все известные в то время промышленные гиганты. Загипнотизированные людские массы приписывали все успехи индустриализации гениальной прозорливости вождя. Введенный в заблуждение народ не заметил, что в теле супердержавы зародилось и бурно функционирует другое государство — ГУЛАГ — с населением в несколько миллионов человек и немалым количеством сотрудников репрессивных органов. Зеки строили заводы и рудники по добыче золота, платины, урана, вели лесодобычу и производство древесины. НКВД создал собственные научно-исследовательские и конструкторские

---

* Статья написана на основе материалов из личного архива А. Б. Пашкова.

организации, так называемые «шарашки». Рабы науки, разными способами втянутые в гигантскую гулаговскую мясорубку, развивали научную мысль, оставаясь неизвестными, тогда как лояльно настроенные к режиму номенклатурные ученые, тесно сотрудничавшие с НКВД, присваивали себе лавры славы в новых изобретениях и открытиях. Львиная доля почестей и наград доставалась ведомству Берии.

В составе такой «шарашки» — НИИ № 42 в ОКБ (отдельном конструкторском бюро) спецотдела № 4 находился с конца войны Аркадий Борисович Пашков. Закончив в предвоенные годы Уральский политехнический институт, А. Б. Пашков (родился в 1908 году) вплоть до ареста в 1942 году и последовавшего за ним осуждения по статье 58, 7—11 — за вредительство, — работал в должности главного инженера Березниковского содового завода. Пройдя ряд тюрем и лагерей (в Перми, Инте, Москве), Пашков как крупный специалист был помещен в «гулаговский рай» — «шарашку», огороженную высоким деревянным забором, где находился двухэтажный оборудованный корпус, отведенный для работы заключенных-специалистов.

Трудно заподозрить такую серьезную организацию, как НКВД, в гуманизме, но тем не менее в стенах подобных «шарашек» спаслись тысячи ученых, инженерно-технических работников, высококвалифицированных рабочих. В московской «шарашке» в нижнем этаже двухэтажного дома было оборудовано две спальни: для руководящего состава — на десять человек и для рядовых сотрудников — комната с металлическими кроватями-сетками на 40 человек. Постельное белье было свежим, у каждой кровати — тумбочка и радиотрансляционная точка. «...Одевают и кормят хорошо, — вспоминал Пашков, — раз в полгода разрешается иметь свидание с родными, писать письма через уполномоченного, посылать посылки и даже передавать родным личные вещи и продукты. Платят зарплату 30 рублей (3 руб.). За эти деньги и можно сделать заказ на покупку.» При «шарашке» была оборудована волейбольная площадка, имелся огород, где каждый на своих грядках мог что-нибудь выращивать. Заключенные специалисты имели возможность знакомиться с самой свежей иностранной литературой, с тем чтобы использовать информацию для развития своих идей; имелись также большие возможности для реализации этих идей на практике. Вход тю-

ремной охране в рабочие помещения был запрещен. В этой цивилизованной тюрьме была создана относительно нормальная жизнь, правда, вне семьи, общества; без мирских благ. Заключенные надеялись, что за свой труд они смогут обрести свободу. НИИ № 42 являлся учреждением химической отрасли гуглаговской науки. Неформальным руководителем был Петр Гаврилович Сергеев. Позднее в ведущий костяк «шарашки» вошли профессора С. А. Вознесенский и Б. А. Митропольский, А. Б. Пашков, И. Ф. Попов, Н. Т. Романченко, Б. М. Стоцкий, М. В. Виттих, Ф. Т. Шостак, А. Н. Парбафенков-Горбаренко, а впоследствии и И. В. Самборский. Труд этих людей завершился созданием основ теории получения ионообменных смол, успешными работами по синтезу и технологии производства катионитов, анионитов, разработкой процессов синтезирования ионитов для сорбции урана, очистки воды, сахара, извлечения антибиотиков, разделения и выделения цветных, редких и рассеянных металлов.

Урановым направлением научных изысканий руководил профессор С. А. Вознесенский, который за достигнутые успехи через некоторое время был отправлен в Челябинск-40, а затем досрочно освобожден. Технологическая часть технического проекта производства катионита КУ-1 и анионита АН-1 и соответственное оригинальное оборудование были разработаны в московской «шарашке» А. Б. Пашковым, А. А. Виноградовым, В. С. Кусковым, М. Красновским, М. Маймулиным, А. Н. Парбафенковым-Горбаренко и др. По постановлению правительства СССР строительство производства началось на Нижнетагильском заводе пластмасс в 1950 году и велось силами заключенных до 1954 года. Приоритет этого открытия и реализации его в производство очевидны, ибо ни в отечественной, ни в зарубежной химической науке аналогичных работ не было.

Летом 1952 года стало известно о закрытии ОКБ спецотдела № 4 НКВД, возглавляемого генералом Валентином Александровичем Кравченко. В результате скоропалительных решений и форсированного выполнения директив многие незавершенные научные работы московской «шарашки» были прекращены, промежуточные отчеты, лабораторные журналы и опытные установки уничтожены. Лишь несколько журналов с выписками из научной литературы, отчетов удалось сохранить благодаря стараниям А. Б. Пашкова, которому был доверен сек-

ретный архив «шарашки». По его словам, ознакомление с уничтожаемыми документами показало, что подавляющее большинство работ разного направления были новаторскими, пионерскими. Этот труд интеллектуальных зеков оказался никому не нужным.

В последний день пребывания на объекте А. Б. Пашков написал докладную записку на имя Г. М. Маленкова, пришедшего к власти в 1953 году после смерти «вождя народов». В записке предлагалось создать в Москве при НИИ пластических масс комплексный головной отдел по ионообменным материалам в составе лаборатории и опытных установок, используя производственные помещения Кусковского химзавода и «...организовать при Нижнетагильском заводе пластмасс лабораторию, на которую возложить задачи по пуску и освоению производства ионитов на НТЗП, а также по развитию научно-исследовательских работ по синтезу ионитов поликонденсационного типа и сырья для них с опытными установками. ...По возможности сохранить нынешний состав специалистов».

А на следующий день для Пащкова и его товарищей по несчастью гулаговский рай кончился: их переселили в Краснопресненскую пересыльную тюрьму и вскоре раскидали по необъятным просторам страны. Столыпинские вагоны еще долго колесили по России, перемещая этапом Пашкова сначала в Инту, затем после неожиданного поворота в обратном направлении — в Нижний Тагил, в тамошнюю пересыльную тюрьму, куда он прибыл в 1945 году. Здесь больше месяца пришлось заниматься малопривлекательными бытовыми работами: транспортировкой воды для мытья полов и посуды, топкой печей, возкой дров. Бригада, которую возглавлял Пашков, была, мягко говоря, не слишком интеллектуальной. И все-таки чудо случилось — его перевели на НТЗП, где в помещении отдела кадров оборудовали временное жилище для специалистов-заключенных, в основном по статье 58. На объект (бывший цех № 7, а ныне цех № 3) стали водить «под ружьем». Однажды приехавшая к Пашкову жена — Зинаида Петровна — принесла на передачу ведро картошки. Ведро нужно было вернуть, и конвоир, не утруждая себя, с силой высыпал содержимое в небольшую толпу заключенных. В результате стоявшему в числе последних Пашкову досталось целых две картофелины!

А в это время созданный по техническому проекту московской «шарашки» крупнейший в мире цех по произ-

водству катионита КУ-1 мощностью 2500 т/год и анионита мощностью 500 т/год постепенно обростал оборудованием, заканчивались строительно-монтажные работы. При этом главным консультантом по доводке оборудования и подготовке его к пуску был заключенный А. Б. Пашков.

Чудеса продолжались. Среди соседей Аркадия Борисовича по отдельному барaku в ОЛП № 3 находились представители научного мира московской «шарашки», среди которых были: Гринберг Александр Афроимович, доктор технических наук, статья 58-10; Митропольский Борис Александрович — крупнейший специалист по судебно-медицинской экспертизе, профессор, доктор наук, член правительственной комиссии по расследованию катыньской трагедии. Комиссия сделала фальсифицированный вывод, что расстрел поляков — дело рук немцев, а Митропольский не подписал акт, за что и был осужден. В «шарашках» занимался разработкой новых технологий добычи золота и платины; Горохолинский Юрий Владимирович — русский эмигрант, доктор естественных наук Карлова университета в Чехословакии. Арестован в Праге после ее освобождения, несмотря на то, что был участником национально-освободительного восстания против фашистов, статья 58-1; Самборский Игорь Васильевич, впоследствии кандидат технических наук; Шостак Федор Трофимович — исследователь-органик, кандидат химических наук, статья 58-10; Козловский Иван Дмитриевич — инженер-технолог, статья 58-10; Козин Виктор Михайлович, исследователь, прибыл в Нижний Тагил после лечения туберкулеза, полученного в лагерях. После освобождения — главный инженер ОСКБ в Северодонецке; Парбафенков-Горбаренко А. Н. — руководитель группы конструкторского бюро и начальник группы опытного участка; Власов А. А. — инженер-исследователь, статья 58-1; Красновский Михаил — конструктор; Пригородов — инженер, физико-химик; рабочие высокой квалификации Песникевич, Ионичев и другие. Всего их набралось в бараке 17 человек.

Руководителем Тагильской «шарашки» стал немец из Поволжья — Виттих Михаил Владимирович, накануне освобожденный из московской «шарашки» — хороший организатор, сумевший сплотить коллектив. Среди вольнонаемных сотрудников хорошо зарекомендовали себя А. Г. Арефьева — секретарь-машинистка, Н. М. Кругликова — младший научный сотрудник, продолжающий

до сих пор трудиться в Нижнетагильском филиале НИИ ПМ Алексей Феодосиевич Четвериков — инженер-исследователь. Стоит отметить, что бывший в ту пору главным инженером НТЗП Быховский Самуил Борисович, полностью преодолев предубеждения против «врагов народа» и в интересах дела держась с ними как с вольнонаемными, делал все для их успешной деятельности. На рабочее место доставляли в спецавтомашинах, размещали под куполом цеха № 7, в отдельной лаборатории, выход из которой внизу охранялся. Дамоклов меч возможности нового ареста по обвинению во вредительстве в случае крупной аварии или неудачи проекта постоянно висел над специалистами «шарашки». Особенно реальной эта угроза стала после отъезда государственной комиссии из Москвы, в составе которой были и специалисты из военного ведомства: председатель комиссии доложил о невозможности приема цеха в эксплуатацию. Через две недели после этого благодаря стараниям Пашкова и его сотрудников цех был пущен, а во отступлениям от первоначального технического проекта были проведены оригинальные технические решения. В результате цех давал продукцию для обороны вплоть до начала 80-х годов.

В 1955 году тагильская «шарашка» была упразднена, став лабораторией № 12 НИИ ПМ, а Пашкову Аркадию Борисовичу учреждением УЩ 349/5 была выдана справка № 4220 от 6.01.55 года, гласившая, что он с «20 августа 1942 года содержался в тюрьме и 6.01.1955 года освобожден за прекращением дела в порядке ст. УПК (УК) и следует к месту жительства г. Москва...»

После двенадцати с половиной лет заключения в его действиях не было обнаружено состава преступления. Нижний Тагил принес Аркадию Борисовичу долгожданную свободу. Он реабилитирован.

А впереди ждала Москва, жена, двое детей, работа в НИИ ПМ до 1983 года, кандидатская диссертация, защищенная в 1962 году, звание Главного химика СССР по проблеме ионитов. Он имеет более 200 авторских свидетельств, 21 патент на производство продукции по его технологии в США, Англии, Германии, Японии и более 40 авторских свидетельств, использованных в народном хозяйстве, 250 научных трудов.

Вспоминая свою работу в «шарашках», лауреат Государственной премии 1980 года Аркадий Борисович Пашков писал: «Трудились все не за страх, а за совесть,

в подавляющем большинстве это были честные люди, любившие свою страну. Правда, будучи интеллигентами, они понимали, что сталинская тирания превратила страну в страну рабов. Но они знали, что рано или поздно тирания падет и люди смогут дышать свободно»

В В ЧЕВАРДИН

НЕСКОЛЬКО ФАКТОВ ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА ШАЙТАНКА.

Восемьдесят шестой год живет на российской земле Евдокия Ивановна Скакун. Витиевата ее судьба, в которой отразились надежды и трагедия страны. До недавнего прошлого она проживала в с. Шайтанка, куда к ней и наведалься автор этих строк. Обычная русская женщина рассказывала просто, без затей то, что пережила и помнит

«Революция 1917 года, затем гражданская,— вспоминает Евдокия Ивановна,— именно в гражданскую был арестован отец мужа — Скакун Матвей Ларионович, которого белые обвинили в симпатиях к советской власти. Долго бесновался белый офицер, обосновывая арест: «Мы красную заразу на земле не будем терпеть!..» А затем, увезя Матвея Ларионовича за Шайтанку, наиздевались вволю, расстреляли его и закопали головой вниз, а ноги остались торчать, да не на кладбище закопали, а в пряслах».

Та же участь постигла и рабочего-слесаря Богатко, который в 1918 году был расстрелян белыми. Шло время. Вышла Евдокия Ивановна замуж за рабочего-клепальщика. Хорошо помнит, как ОГПУ арестовало в голодный год священника церкви в Шайтанке отца Виктора. Народу объявили: «Если дадите хлеб — отпустим священника!» Спешно собрали хлеб с мира — священника отпустили. Помнит первую церковь в Шайтанке — часовню Николы, Ильи и Введения Богородицы, что стояла на старом кладбище. Много сделали рьяные атеисты для того, чтобы оторвать народ от бога. Хоть и прозвали село Шайтанкой, но народ сопротивлялся утере веры. Примером может служить следующее событие, произошедшее в 1931 году. В дни празднования религиозного празд-

ника «... в школе переростков № 3 учениками было сорвано занятие. В этот день группа учеников выбросила лозунг: «Долой школу, да здравствует церковь!» В срыве занятий подозревается ученик Ульянов Павел, брат белогвардейского бандита Ульянова Дмитрия...» — писал неизвестный автор доноса*.

До того ли было колхознице Евдокии Скакун, родившей в том же году сына, чтобы увидеть в этом событии политическую акцию? Роковой 1937 год принес неслыханный красный террор. Сначала арестовали в Шайтанке Царегородцева Петра — дорожного рабочего от сельсовета. Из-за обидного вмешательства в дело строительства председателя сельсовета Лямова не выдержал, вспылил и выругался Царегородцев. За это был арестован, отправлен в лагерь и там сгинул. Следом за ним забрали Ивана Дубка — пожилого старателя из Шайтанки — в тагильское НКВД. Умер Дубок во время допроса, а вскоре подошла очередь (разнорядка?!) рабочего-клепальщика Василия Матвеевича Скакуна, 1900 года рождения. Забрали мужа, который считался неплохим рабочим на предприятиях Тагила и Свердловска, и в 1939 году он погиб в лагерях.

Женщинам повезло больше. Среди арестованных жен «врагов народа» Евдокия Ивановна называет Царегородцеву Раису, Дубок Марию — мать шестерых детей, отправленных в детский дом. Оторвав от матери плачущего шестилетнего сына, арестовали 29 сентября 1937 года и Е. И. Скакун. Своего сына она увидела уже взрослым.

Из тюрьмы на Красном Камне тагильчанок — жен «врагов народа» отправили в известную тюрьму г. Томска. Здесь было сконцентрировано три тысячи женщин. Соседками Евдокии Ивановны, по ее словам, были Бухарина-Ларина, Уборевич. Именно они удивлялись тому, что политическую статью 58-12¹ дают женщине, не имеющей ни малейшего понятия о политике. Здесь Евдокия Ивановна познакомилась с землячками — Марченко Агриппиной Андриановной — учительницей — и Березиной. С ними-то и поехала она по следующему этапу Томск — Владивосток, а затем — пароходом до Магадана. У нее была крестьянская хватка к работе. Наверное, это и внушало уважение к ней товарищей по несчастью. Будучи заключенной, она работала портнихой — в мастерской Магадана, где шила все — от ночных рубашек до бушля-

---

* НТФ ГАСО. Ф.70. Оп.3. Д.22. Л.56.

тов, занималась крестьянским трудом — выращивала картофель, содержала скот, даже ловила с подругами рыбу сетями.

Медленно проходили год за годом, и 12 апреля 1945 года ее, наконец, освободили, но уехать она не могла, так как вольнонаемную Е. И. Скакун оставила у себя в домработницах жена начальника тюрьмы.

Давно возвратились в Шайтанку уцелевшие Дубок, Царегородцева, приехала А. А. Марченко, которая преподавала в шайтанской школе, а Евдокия Ивановна освободилась лишь к 1948 году. И вновь за работу.

Долго шла реабилитация к крестьянке Евдокии Ивановне Скакун. Справку о ней она получила 30 апреля 1992 года. Пючти полностью потеряла зрение, развивается глухота. Живет она сейчас в санатории Руш, в семье вдовы, жены сына, переживая вновь и вновь свое прошлое.

А ЕГОРОВА

СЕМЬЯ*

На выставке фотографий и документов, устроенной городским обществом «Мемориал», оказались материалы об Иване Киприяновиче Хлопотове. Есть они теперь и в музее горно-металлургического техникума: до 23 сентября 1937 года Хлопотов преподавал здесь химию. А потом его имя вычеркнули из жизни. Тогда это было просто для тех, кто вычеркивал.

«Помню, рано утром, часов в шесть, нас разбудил настойчивый стук в дверь, — рассказывает Надежда Ивановна Хлопотова. — Пришли двое: один вежливый, другой грубый. Начали обыск. Папа сидел на кровати в белой рубашке, без пиджака и молчал. Мама тоже молчала. Напряженная, гнетущая тишина в доме. Мы, дети, не понимали, что происходит, и, как обычно, собирались в школу: Мне, старшей, тогда было десять лет. Уходя, заметила на белой скатерти бумагу. На ходу прочла: ордер на арест... Почему-то запомнилось утро солнечное, теплое, во дворе георгины цветут. Был канун выходного

---

* Материал впервые опубликован в газ «Тагил. рабочий» 1991 3 мая

дня. Вечером ожидали гостей на семейный праздник — отмечать двенадцатую годовщину свадьбы родителей. Потому и дядя Ника, мамин брат, приехал в отпуск из Средней Азии, он там на селекционной станции работал... Когда я вернулась из школы, папы уже не было. Потом люди рассказывали, как он шел по улице, стройный, подтянутый, заложив по привычке руки за спину, а по бокам те двое. Больше мы его никогда не видели. Примерно через месяц маме разрешили свидание с ним. Но вернулась она оттуда не с доброй вестью: свидания не дали, отца из Тагила увезли. Куда, почему, на сколько? Ответов на эти вопросы мы ждали многие годы. А тогда узнали лишь одно: отныне мы семья врага народа».

О людях, как проказой, отмеченных этим пугающим клеймом, написано немало. Об их женах и детях теперь тоже многое известно. И вообще, стоит ли ворошить прошлое, ведь безвинно пострадавшие реабилитированы, справедливость восстановлена? Об этом говорил мне читатель по телефону, выражая недоумение публикацией материалов под рубрикой «История в фактах и лицах» Наверное, так думает не он один.

Может быть, действительно хватит про ЭТО? Но вспоминая людей, пришедших на выставку «Мемориала», разговаривая с активистами общества, встречаясь с детьми и внуками «врагов народа», понимаешь: молчать нельзя.

Да, многое уже написано и опубликовано. Но одно дело, когда в книге читаешь о них — далеких, лично тебе не знакомых, и воспринимаются они несколько отстраненно, больше как литературные герои. Но совсем по-иному представляешь этих людей, когда они рядом, живые и мертвые, когда можно прочесть их письма — не копии, а подлинники, взять в руки вещи, которыми они пользовались, увидеть истертый на сгибах ветхий бланк протокола обыска с небрежной записью карандашом и неразборчивыми подписями исполнителей. Те, кто обыскивал и арестовывал, может быть, и сейчас еще живут среди нас, на заслуженном отдыхе. Как все, читают газеты, следят за парламентскими дебатами, обсуждают позиции противоборствующих сторон и заметно оживляются, услышав сегодня вскормившие их в юности слова-ярлыки: «враг», «приспешник», «наймит» и тому подобное. Неужели снова вернется их время? Неужто опять заработает «вместо сердца пламенный мотор» и пустит в ход гигантскую мясорубку, в которую с миллионами других людей

попал и тагильский учитель Иван Киприянович Хлопотов?

Больше полувека прошло. Ученики его успели состариться. Иных уже нет. Но учителя своего помнили всегда — вероятно, яркая была личность, неординарная

Н. П. Оносов: «Иван Киприянович преподавал химию. На первом уроке он несколько глуховатым голосом назвал себя. Худощавый, высокий мужчина лет сорока, одет в военный френч. Человек серьезный. Всегда ровный, спокойный даже в экстремальных ситуациях. Его серьезное отношение к каждому учащемуся, без панибратства, справедливость при оценке знаний снискали ему уважение всей «паствы». Если большинство преподавателей имели у студентов безобидные клички, то И. К. Хлопотов такой участи избежал.»

Н. И. Сулимова (Титова): «Это был прекрасный человек, человек высокой культуры. Очень честный и скромный. Все студенты любили Ивана Киприяновича. И он любил своих студентов, мы отвечали ему глубоким уважением. Никогда ни на кого он не повышал голоса. Но знаний требовал. От него мы унаследовали любовь к химии на всю жизнь.»

Е. Ф. Сидоров: «Те, кто учился у Ивана Киприяновича, с благодарностью помнят о нем. Говорю искренне и не потому, что сейчас настало время восстановления добрых имен безвинно уничтоженных, а потому, что Иван Киприянович заслужил добрые слова и уважение при жизни. Когда стало известно о том, что репрессирован И. К. Хлопотов, это отозвалось величайшей болью. Все знали, что он честнейший человек, что никакой он не враг народа, что кроме блага для народа он ничего не делал.»

Добрый свет отцова имени согревал и Надежду Ивановну, когда в начале 50-х, окончив политехнический институт в Свердловске, она вернулась в Тагил и пришла работать на Уралвагонзавод. Среди технологов были ученики Хлопотова, и к дочке Ивана Киприяновича относились они с особой сердечностью.

Надежда с братом Сергеем вроде бы изменили фамильному делу. Но гены просветительства проявились и у них. За четверть века работы начальником центральной заводской лаборатории ВМЗ немало молодых металлургов научила Надежда Ивановна тонкостям структурного анализа. Так что по существу и она стала для них учителем. Сергей Иванович, инженер-металлург, всю жизнь отдавший заводу имени Куйбышева, сейчас

превращает его в музей, и если ведет экскурсию по заводу — заслушаешься...

Крепки, видно, учительские корни в этой семье. А уходят они в последние десятилетия прошлого века.

Интересно смотреть старинные фотографии, вглядываться в лица людей другой эпохи. Они заметно отличаются от нас, сегодняшних. На них какая-то особая печать — времени ли, воспитания, индивидуальности, еще не стертой могучим катком социалистического коллективизма. Но главное, пожалуй, — одухотворенность. Эти лица, действительно, зеркало души, и по ним можно читать ее прекрасные порывы. А они у российской интеллигенции издавна были обращены к служению добру, к благу народному.

Не потому ли и Наденька Савина, увлеченная идеями народничества, окончив в Петербурге Высшие женские курсы (знаменитые Бестужевские), вернулась в родную Самару учительствовать. А за тысячи верст от волжского города молодая тагильчанка Екатерина Хлопотова, оставшись с двумя малыми детьми вдовой разорившегося купца, не пошла по торговой части, а выбрала ту же учительскую стезю. Не раз встречавшаяся с Маминым-Сибиряком, вхожая в круг людей, ставших прототипами литературных героев его романа «Горное гнездо», она балам и развлечениям предпочла жизнь трудовую и трудную. К 1912 году ее знали в Тагиле как начальницу Свято-Троицкой церковно-приходской школы.

А сошлись судьбы этих двух учительниц уже после революции и гражданской войны, когда встретились и полюбили друг друга их дети. Иван Киприянович и Кира Сергеевна. Он к тому времени успел побыть студентом Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии в Москве, пройти боевое крещение на фронтах первой мировой войны, стать красным командиром на гражданской, а вернувшись в родной Тагил, пошел учить детей сначала в школе, потом в техникуме. Она, приехав на Урал с матерью в 1918-м, начинала сельской учительницей на Серебрянке. Дальше — школа-коммуна в Тагиле, курсы ликбеза на заводе «Механик»... С 1938 года работа в средней школе № 23. И так тридцать с лишним лет без перерыва — с учительским портфелем и ученическими тетрадами. Даже в самые страшные, горькие дни, когда муж был объявлен «врагом народа».

«Жили мы бедно и трудно. Но мама держалась мужественно, с достоинством. В школе ее любили и уважали

Это был очень интересный человек и прекрасный собеседник. Хорошо знала литературу, музыку — сама пела и играла на фортепиано. Весь облик интеллигентного человека привлекал к ней и взрослых, и детей. А детей она очень любила. Помню, привела как-то в дом трех беспризорных мальчишек лет десяти-одиннадцати. Их накормили, обогрели у печки, оставили ночевать. Она часто давала открытые уроки для учителей. Ее даже к ордену Ленина представили. Но так и не получила его — дали медаль. Начальство, видимо, рассудило, что такой чести не может быть удостоена жена «врага народа».

Пытаюсь представить, как, обучая малышей грамоте, Кира Сергеевна писала на классной доске общепринятое: «Товарищ Сталин — наш вождь и учитель». Может быть, не писала? Дома, во всяком случае, об этом не говорилось. Не разговаривала с детьми и об отце. А вот фотографии, документы его хранила, даже тот недоброй памяти протокол обыска, предшествовавший аресту. Детей же учила верить в добро. Наверное, знала: придет когда-нибудь светлый день, и дети — свои и чужие — должны войти в него с чистой душой и открытым сердцем, не держа зла на прошлое... Она была учителем не только по записи в анкетной графе.

Возможно, потому и выросла со временем семья Хлопотовых в учительскую династию, общий стаж которой больше 150 лет. Не только дочь Людмила, но и жена сына, внуки пошли той же дорогой. Сейчас уже правнучка — студентка пединститута.

У Надежды Ивановны в ее домашнем архиве есть «досье» на каждого из них. Теперь она старшая в семье, и кому как не ей быть главным хранителем фамильных ценностей. Только в каратах, в рублях, иностранной валюте их не измеришь. Тут другое богатство и другой счет.

«Будь отец сейчас с нами, порадовался бы. Улыбнулся бы, как обычно сдержанно, и сказал: «Вы у меня молодцы.» **НО НЕ УЛЫБНЕТСЯ** и не скажет. Мертвые не возвращаются. Хотя с того сентябрьского утра 1937 года семья втайне надеялась на чудо.

Через десять лет после ареста Надежда предприняла рискованную по тем временам попытку: послала письмо-запрос о судьбе отца в Свердловское управление НКВД. В ответ получила повестку: явиться в такой-то день и час в указанный кабинет. Явилась. Но информацию получила туманную: «Если жив, то вернется.»

Ждали еще десять лет. В 1957-м, когда и культ личности уже был разоблачен публично, и реабилитация шла полным ходом, Кира Сергеевна увидела наконец-то свидетельство о смерти мужа. Первый официальный документ, он приоткрыл многолетний заговор молчания: «Умер 19 декабря 1941 года, причина смерти — крупозное воспаление легких». А еще через полгода появилась и справка за подписью председателя Военного трибунала Уральского военного округа полковника юстиции М. Вербовика. Горько было читать сухие казенные строки: «Постановление от 16 ноября 1937 года в отношении Хлопотова И. К. отменено и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления».

Так через 20 лет Хлопотовы все же узнали правду. Впрочем, нет. До полной правды надо было прожить еще долгих 33 года. Кира Сергеевна не дожидаясь. Так и ушла из жизни жена, не зная, в чем обвиняли мужа, как окончил он свои дни, где похоронен. Последняя точка в этой истории была поставлена лишь в январе 1991 года.

«В ходе следствия Ваш отец был обвинен в том, что он являлся участником повстанческой организации и по постановлению Тройки при УНКВД по Свердловской области был расстрелян 20 ноября 1937 года в городе Свердловске. Свидетельство о смерти будет Вам выдано Нижнетагильским горзаксом, куда нами направлено соответствующее извещение. Место захоронения жертв репрессий находится на 12 км автодороги Свердловск — Первоуральск с правой стороны по ходу движения...» Такой ответ от зам. начальника подразделения УКГБ Л. А. Плотникова получила на свой новый запрос старшая дочь Ивана Киприяновича. А следом — и новое свидетельство о смерти отца. Уже второе. В отличие от первого, оно хоть и поздно, но открыло истину.

При сравнении обоих свидетельств вывод напрашивается неутешительный: оказывается, безнаказанно лгать можно даже в документе о посмертной реабилитации.

Мертвые сраму не имут. А живые? Те, кто составлял задним числом «липовое» утешение родственникам в 1957-м или сочинял донос с клеветой на честного человека в 1937-м, вершил скорый неправедный суд, отправляя безвинного на расстрел? Хотя живы ли они еще? Ведь их время кончилось, хочется думать, навсегда. А новое — расчищает дорогу совсем другим людям.

ЗА РОЯЛЕМ — ЛОТАР-ШЕВЧЕНКО *

Весной 1949 года по улицам Тагила в поисках музыкальной школы бродила женщина. В залосненном ватнике, юбке из грубой ткани, стоптанных парусиновых туфлях, она обращала на себя внимание, хотя многие в те послевоенные годы одевались более чем скромно: до полного достатка было еще далеко. Найдя, наконец, нужный дом, странная женщина попросила у дежурного разрешения:

— Не могли бы вы показать свободный класс с инструментом?

Сев за пианино, она не сразу опустила руки на клавиши: она их боялась. Десять мучительно долгих лет она видела эти бело-черные «брусочки» только в воображении. Сильное волнение охватило ее, едва извлекла первый звук — долгий, тревожный и трепетный. «Надо попробовать, надо попробовать, — стучало в голове. — Возможно, я еще что-то помню». Двести классических вещей, творений величайших композиторов мира, сберегала ее уникальная память. Десять лет она проигрывала их пальцами... по столу.

Дрожащей рукой женщина вновь прикоснулась к клавишам, маленький зал наполнили звуки сонат Шопена. Их сменили мощные аккорды торжественной и печальной музыки Бетховена. Пианистка ничего и никого не видела. Музыка увела ее в далекое прошлое.

Когда звуки музыки смолкли, раздалась аплодисменты. Это преподаватели и ученики собрались у открытой двери. Импровизированный концерт длился час, может быть, два. Уроки были сорваны: никто не спешил в свой класс, все хотели слушать еще и еще.

Первой на правах хозяйки к пианистке подошла директор школы Мария Николаевна Машкова. Она расспросила незнакомку, кто она, откуда, и узнав, что музыкальная школа — первый дом в Тагиле, куда эта женщина вошла, Мария Николаевна приютила ее, обласкала.

Так в нашем городе появилась знаменитая в прошлом французская пианистка Вера Августовна Лотар-Шевченко.

---

* Впервые опубликовано в альманахе «Тагильский краевед». Нижний Тагил, 1992.

Необычна судьба этой женщины.

Родилась в Париже в семье профессора Сорбонны, энтомолога. Еще в школьные годы вместе с отцом, который брал ее с собой в экспедиции, объездила многие страны Азии и Африки, была в Австралии.

Мать, испанка по происхождению, была пианисткой.

Рано проявила большие способности к музыке и дочь К детским годам относятся ее первые концерты. Игру совсем юной Веры хвалил Ромен Роллан. Она получила блестящее музыкальное образование в консерваториях Парижа и Вены.

Выйдя замуж за инженера-акустика Шевченко, работника советского торгпредства в Париже, Вера Августовна, спустя годы, переехала в Ленинград, не подозревая, какими жестокими испытаниями обернется этот шаг.

Наступил 1937-й... Работа и пребывание во Франции оказались достаточными мотивами, чтобы обвинить инженера. Его арестовали. Жену отправили на десять лет в лагерь на север Свердловской области, а сына — в детский дом, где он умер.

Не знаю, какую работу заставляли Веру Августовну делать в лагере. Сама она никогда об этом не говорила, а спрашивать... Как можно об этом спрашивать? Зачем бередить кровоточащие раны? Да и какая разница, какие каторжные работы она выполняла? Важно, что все вынесла и снова могла жить и творить. Но все же один свидетель мог рассказать о страшных годах — ее руки! Не утонченные длинные пальчики, пальчики пианистки, а грубые, натруженные, красные руки человека, выполнявшего тяжелую физическую работу.

Вере Августовне запрещено было въезжать в столичные города. А так как нигде ни родственников, ни знакомых, она попросилась в любой город, где есть музыкальная школа.

Без друзей и знакомых, без гроша в кармане тяжело человеку. Особенно женщине, да еще плохо говорящей по-русски, особенно с лагерным документом. Мария Николаевна устроила Лотар-Шевченко на полставки в музыкальную школу. Не педагогом (куда там?), а иллюстратором. Вот, мол, дорогие дети, если будете хорошо учиться, достигнете такого же мастерства.

В те годы ставка преподавателя в музыкальной школе была мизерной, а полставки — только на хлеб и тарелочку супа.

Кто-то из новых знакомых посоветовал Вере Августов-

не обратиться в драматический театр. Она туда пришла, села за инструмент, сыграла и... победила: ее приняли концертмейстером. Более того; предоставили небольшую изолированную комнату в квартире, где жила семья артиста.

Именно в это время я узнал о необыкновенной пианистке от главного режиссера Бориса Осиповича Потика, с которым был близко знаком. В театре мне и довелось впервые услышать игру Веры Августовны. Был потрясен, хотя слушатель я рядовой, дилетант.

Готовых клавиров к спектаклям Вера Августовна не имела и своих записей музыки не вела: ей было недосуг писать ноты. Все строилось на импровизации.

Более близко мы познакомились в 1952 году, когда наша семья приобрела пианино, младшего сына в тот год приняли в первый класс музыкальной школы, а к старшему хотелось пригласить учителя. Вера Августовна жила в доме рядом, и, естественно, выбор пал на нее. К тому времени у нее было не только две работы, но и достаточно учеников: слава о ней разнеслась по всему городу.

Хочется сразу сказать, что деньги ее мало интересовали. Она к ним относилась как-то небрежно. Не потому, что их стало много, а потому что, кроме самого минимума, ей ничего было не надо. Частенько она оставалась без обеда: некогда поесть. К тому же обед надо готовить, закупать продукты. Мир музыки был ее родной стихией. Все остальное не трогало, не волновало.

Когда мы договорились об уроках, Вера Августовна задала только один вопрос: «Ваш сын спосрбный?» Она не признавала длительного разучивания гамм. Месяца через два после начала занятий она сделала серьезное замечание своему ученику:

— Как тебе не стыдно. Такой большой, уже тринадцать лет, и ты плохо играешь сонату Бетховена, а он написал ее, когда ему было восемь!

В разговоре Вера Августовна была живой, импульсивной, с характерным французским выговором русских слов. «Она меня не понимает», — жаловалась она на телефонистку.

После уроков Вера Августовна частенько у нас задерживалась, много играла в свое удовольствие. Ее манера напоминала игру Эмиля Гилельса — мощный аккордный удар. Взгляд пианистки устремлялся вдаль, в бесконечность. Только ей ведомо было, куда уносилась она мыслями в эти минуты. Сидящие вокруг как бы переставали

существовать для нее. Не дай бог, если в это время звонил телефон и приходилось брать трубку. Она возвращалась к реальности и больше играть не могла.

Вера Августовна иногда теряла контроль над временем, и тогда при ее рассеянности возникали курьезные ситуации. Как-то от нас она должна была отправиться на концерт во Дворец культуры металлургов. Времени оставалось в обрез. Не успели мы оглянуться, как Вера Августовна, забыв свои туфли и надев боты нашего сына, умчалась на концерт. Благо, перед самым началом она увидела в зрительном зале знакомую и послала к ней гонца, чтобы позаимствовать на время выступления туфли. Ее тянуло к большой концертной деятельности, и в 1954 году Лотар-Шевченко поступает в Свердловскую филармонию. Сольные выступления довольно редки. Чаще всего концерты сборные, в составе инструментальных трио и квартетов. В таком составе она часто приезжала в Тагил и заходила иногда к нам, репетировала.

В один из таких приездов она настояла, чтобы моя больная жена показала хорошему специалисту.

— В нашем подъезде живет хороший профессор-невропатолог. Его жена, с которой я хорошо знакома, устроит консультацию, — заявила Вера Августовна.

И вот мы в маленькой комнатке, которую Лотар-Шевченко снимала в квартире вдовы профессора политехнического института. Кабинетный рояль, старенькая, выдавшая виды, кушетка, стул и, кажется, больше ничего.

В ожидании встречи с невропатологом мы узнали такую историю: Лотар-Шевченко обратилась во французское посольство в Москве, чтобы узнать о судьбе родителей. Через некоторое время к ней явился секретарь посольства и настойчиво предлагал возвращаться в Париж, гарантировал концертную деятельность первый год во Франции, а затем в любой столице мира. Но это заманчивое предложение Вера Августовна категорически отклонила, как будто вся ее жизнь в Союзе была усыпана розами:

— Зачем возвращаться? Мне и здесь хорошо.

Нас поразил ее поступок, отсутствие смертельной обиды, озлобленности после всего, что она пережила за десять лет в лагерях.

В Свердловске концертная деятельность не сложилась так, как ей хотелось, и пианистка перебралась в Барнаул, поступила в Алтайскую краевую филармонию. Связь наша оборвалась, мы потеряли Лотар-Шевченко из вида.

Однажды, кажется, в конце шестидесятых, в «Комсомольской правде» появилась большая статья о Вере Августовне. Корреспондент рассказывал, как в один из зимних дней увидел в барнаульском клубе афишу. Его поразила программа — старинная фортепианная музыка французских композиторов. Такой редкостной программы он и в Москве не встречал. Любопытство взяло верх, хотелось посмотреть и послушать какую-то смелую Лотар-Шевченко. И он рискнул. Почти в пустом холодном зале сидели в пальто десятка два слушателей. Вышла женщина, не очень артистично поклонилась на редкие хлопки, села за рояль и начала играть. Играла неистово, одну вещь за другой, не замечая ни пустого зала, ни холода.

После концерта корреспондент прошел за кулисы, представился и попросил Веру Августовну рассказать о себе. Два часа, затаив дыхание, слушал он печальную повесть о трех периодах ее жизни, чтобы поведать потом миллионам читателей. Через полгода в той же «Комсомольской правде» сообщалось, что Веру Августовну пригласили в Новосибирскую филармонию, дали квартиру, организовали сольные концерты. После этого афиши с ее именем появились в Москве, Ленинграде, крупнейших городах страны. Тысячи и тысячи слушателей оценили выдающийся дар пианистки.

Еще годы спустя она вошла в наш дом, в каждый дом с экрана телевизора. Замечательная французская кинозвезда Анни-Жирардо «прожила» для зрителей жизнь Веры Августовны.

Л. З. ЩЕЛГАЧЕВА

НЕОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ *

Уралвагонзавод, как и многие предприятия Урала, — «детище первых пятилеток», «плод героического труда народа под руководством партии». Так и не иначе характеризовали завод-гигант. Теперь у нас есть цифры, доказывающие, что планы первых пятилеток были во многом

---

* Материал впервые опубликован в газ. «Тагил. рабочий» 1990. 14 дек.

волюнтаристскими, не подкрепленным экономическими расчетами и материально-технической базой.

Музей Уралвагонзавода имеет документальные материалы о том, каким задумывался наш завод, когда началось его строительство в 1931 году, и как воплощались в жизнь эти планы. В проекте завода предусматривалось: выпускать грузовые вагоны количеством 64 800 штук. Из них крытые — 15 120 в год и 42 в сутки; цистерны соответственно — 4320 и 12; хоппера — 15 120 и 42; гондолы — 30 240 и 84. Ритм поточной сборки основных типов вагонов — 32,4 минуты.

Такова очень краткая характеристика будущего Уралвагонзавода. Какого же масштаба личности должны были стать во главе этого дела и какого уровня должна быть организация этих работ, чтобы попытаться осуществить строительство гиганта за два года!

Один из них — автор проекта, проживающий ныне в Москве, — Илья Яковлевич Бельский. Мы получили от него письмо, в котором он сообщал следующее: «Перед началом проектирования был изучен опыт США и Германии. В США строился сборочный цех в одном городе, а все заготовительные, подсобные и первичные цехи — в других городах. В Германии же все цехи (сборочные, литейные, инструментальные и др.) строились под одной крышей. На УВЗ принят новый принцип, который себя блестяще оправдал: генплан был решен в виде трех параллельных производственных улиц с кооперированием одноэтажных цехов с помощью большого подземного транспорта. В качестве внецехового транспорта замечательны тоннели между вспомогательными и сборочными цехами. В проекте было принято много интересных решений, в том числе широчайшее применение сборных железобетонных конструкций. Весь сборочный цех длиной 843 метра, кузнечно-пружинный, литейный и другие цеха были запроектированы в сборных конструкциях».

Без сомнения, Илья Яковлевич — исключительно талантливый инженер. Запомнился он и как энергичный организатор, веселый и коммуникабельный человек. Ксения Дмитриевна Орлова (Тамаркина) в своих воспоминаниях пишет: «Бельский был фигурой необыкновенно колоритной. Высок ростом, худ, движения быстрые и легкие, очень контактен с людьми. Ходить обычным шагом не умел, бегал по стройке. Подойдет, бывало, к группе рабочих, остановится и скажет: «Братишки, а вы проверили марку бетона? Она должна быть сверхпрочной,

поняли? Если сомневаетесь, пробуйте на зуб!» Рабочие смеются, а Илья Яковлевич бежит дальше...»

Таков был руководитель проекта строительства Уралвагонкомбината И. Я. Бельский — образованный человек, жизнелюб, оптимист и романтик. Судьба его уберегла, он остался жив в страшные годы. И все же горестно читать строки из его письма к нам: «При всем желании выполнить вашу просьбу — прислать многочисленные фото и описательные документы тех лет не могу. Вам ведь известно, что УВЗ был в те годы признан вредительским строительством, где много прекрасных людей было репрессировано. По понятным причинам я все это уничтожил...»

Шла огромная стройка, начатая в июне 1931 года и имевшая многие особенности, характерные для строек первых пятилеток. В первую очередь — это отсутствие каких-либо технических средств и механизмов. На болотистую площадку согнали тысячи людей, которые вручную копали землю, возили ее на тачках, руками перекладывали кирпич, возводя стены будущих цехов. Им был дан конкретный срок — построить завод к 1933 году.

Рабочие — в основном раскулаченные переселенцы из многих районов России, Украины, Кавказа. Народ работающий, обремененный многочисленными семьями. Не хватало жилья и самого необходимого. Дела шли катастрофически плохо. Начальник Уралвагонкомбинатстроя П. М. Столбов в своем докладе на конференции ИТР стройки сообщает (газета «Вагоногигант» от 23.02.1993 г.): «Из капиталовложений в 84 миллиона рублей, запланированных на 1932 год, нам удалось освоить 8 миллионов. Главный упор был сделан на жилищное строительство: к июлю 1932 года построена 21 тыс. квадратных метров жилья, к 1 января 1933 года — 48 тыс. квадратных метров». В основном бараки.

Летом 1933 года на строительной площадке, находящейся в критическом положении, появился Лазарь Мионович Марьясин, три года проработавший на Магнитстрое начальником строительства коксохимкомбината. Новый руководитель сразу же внедрил стиль и методы работы Магнитки, ее жесткий ритм, в корне изменив систему управления, ввел децентрализацию строительства. Это освободило от диктата центрального управления службы стройки. Было организовано семь самостоятельных участков: литейстрой, строительство обрабатывающих цехов, цеха колес, энергострой, общезаводской, жилстрой, стандартжилстрой. Возглавили их талантливые инженеры

И. С. Вольфман, М. А. Тамаркин, С. И. Харитонов, В. М. Назаров и другие. По новому методу начали строить цехи, планомерно вводить их в эксплуатацию один за другим, чтобы они начали давать продукцию и ocupar себя еще до пуска завода. Эти мероприятия позволили коллективу совершить стремительный скачок, освоить вместо восьми миллионов рублей в 1932 году — 55 миллионов в 1933 году

В 1933 году началась очередная чистка рядов в партии. Ломались судьбы и жизни сотен и тысяч людей, особенно технической интеллигенции. Многие были сосланы на Урал, в Сибирь. Без конца по «требованию масс» менялись руководители различных подразделений. Газеты, в том числе и местные, нагнетали атмосферу истерии, недоверия друг к другу, доносов и двуличия. Именно в такой страшной обстановке проходила напряженнейшая работа по введению Уралвагонзавода в строй. В декабре 1935 года на совещании строителей в ЦК, где в президиуме сидели члены Политбюро во главе со Сталиным, Марьясин в своем выступлении четко заявил: «У нас есть все основания сказать, что мы можем строить быстро, дешево и доброкачественно». Невзирая на многочисленные реплики Орджоникидзе и Кагановича, прерывающие его выступление, он говорил уверенно и твердо. И на настойчивый вопрос Серго «Когда будут вагоны?» — ответил: «Вагоны начнем выпускать 1 июля. Экспериментальные выпускаем уже в этом году».

С Марьясиным работал другой незаурядный человек — Моисей Александрович Тамаркин. Вместе они прошли Магнитку, вместе приехали на Уралвагонстрой. Тамаркин возглавлял строительство крупнейшего объекта — вагонно-сборочного корпуса протяженностью около километра. Строительное управление под его руководством было передовым в части внедрения новинок строительного производства, поисков и освоения методов его организации, различных новых конструкций.

Сколько радости и энтузиазма в воспоминаниях Ксении Дмитриевны Тамаркиной о годах самозабвенного труда — счастливых моментах жизни на Уралвагонстрое, неожиданно обернувшихся трагической утратой. Тамаркин покончил с собой, бросившись на шины трансформатора, не желая дать показания, порочащие Марьясина. Ему было только 32 года, а сколько он успел сделать!

Передо мной газета «Вагонотигант», где перепечатан доклад Молотова на пленуме ЦК ВКП(б) 28 февраля

1937 года, который он сделал вместо застрелившегося Орджоникидзе. Мы не можем предположить, что сказал бы Серго, а Молотов говорит следующее: «...примером неразоблаченного до конца вредительства можно считать Уралвагонстрой...» Однако специальная комиссия, возглавляемая начальником Главпромстроя Гинзбургом и кандидатом в члены ЦК ВКП(б) Павлуновским, сделала вывод о том, что «вредительская работа Пятакова и Марьясина на стройке не получила большого развития». В связи с этим зловещим предупреждением служат такие слова В. М. Молотова: «Политическая близорукость комиссии совершенно очевидна... Достаточно сказать, что эта комиссия не привела ни одного факта вредительства на стройке. А ведь это дает тон, и плохой тон, другим работникам промышленности».

Происшедшая трагедия — совсем не оптимистическая. Наоборот, передо мной лежат документы, свидетельствующие о масштабах репрессий на Уралвагонстрое и Уралвагонзаводе в 1936—1939 годах, последовавших после ареста руководителей. Это тема отдельного разговора, но не могу не сообщить то, что список репрессированных заводчан содержит уже 1450 человек, хотя документы архива исследованы еще только до буквы «Л». Поэтому приведу лишь слова английского историка Роберта Конквеста, автора фундаментального исследования «Большой террор». В этом добросовестном труде многое можно почерпнуть о процессах, организованных Сталиным над своими идейными противниками.

«Расстреливать лучших организаторов хозяйства с тем, чтобы второразрядные организаторы сделались от страха лучше, чем они были до сих пор, — политика сомнительная. Правда, в конце концов в Советском Союзе нашлись кадры компетентных администраторов, способных работать, под угрозой ликвидации в любой момент». Однако нет сомнения, что руководители, работавшие в таких обстоятельствах, не могли полностью развернуть свои способности, и страна до сих пор лишена талантливых организаторов производства, работающих в полную силу.

БЫЛ УЗНИКОМ СПЕЦКОРПУСА *

В тридцатые годы печальную участь необоснованно репрессированных тагильчан разделил и Александр Николаевич Слозцов. Вокруг имени этого человека десятилетия существовала зона умолчания. Он считался антисоветчиком, изгнанным из музея. И не только изгнанным. Он был еще узником спецкорпуса № 1 при управлении НКВД по Свердловской области, куда определяли «врагов народа». При случае о нем говорили вскользь и скороговоркой. Ничего не знали о семье, родственниках, месте его рождения, детстве и отрочестве. Но вот недавно в архиве отыскалось уголовное дело с пометкой на обложке «Хранить вечно». Оно-то и рассказывает, в какую неприятную историю попал Слозцов в октябре 1934 года, и открывает часть его биографии.

В постановлении об аресте говорится: «Родился в 1885 году в городе Невьянске в семье священника. В 1913 году окончил физико-математический факультет Петербургского университета. В период революции был активным членом Нижнетагильской меньшевистской организации и входил в бюро Уральского комитета. С приходом Колчака переходит на сторону последнего и активно борется против советской власти в составе следственной комиссии. В 1919 году арестовывается как активный контрреволюционер...» А в 1934 году его обвиняют в антисоветской деятельности и нарекают организатором и руководителем враждебной группировки.

Вот такая страшная предопределенность с первых же шагов следствия повисла над Слозцовым, хотя инкриминируемая ему активность требует соответствующих пояснений. Попытаемся их сделать, опираясь на материалы уголовного дела и музейные документы той поры.

Слозцов учился в духовной семинарии, окончил гимназию и университет, любил и изучал астрономию, даже работал в обсерватории. Известный уральский краевед В. П. Бирюков в своих воспоминаниях писал о нем: «Был у нас семинарист Слозцов, хроникерские заметки которого шли за подписью Александр Зуев. Он каким-то образом попал в заведование ученической библиотекой.

---

* Материал впервые опубликован в газ. «Тагил. рабочий». 1992. 11 июня.

Недаром я видел у него в библиотеке нелегальные книжки — «Хитрая механика», «Как мужик у всех в долгу остался» и др. ...Словцова к 1905 году из семинарии выключили...»

Объяснение причин исключения находим в автобиографии, составленной Александром Николаевичем в 1925 году. «За революционную деятельность до Октябрьской революции подвергался репрессиям: обыски, кратковременные аресты, надзор полиции». Исключать было за что — в 1904 году он уже состоял членом РСДРП меньшевиков. После университета работал преподавателем математики в реальном училище Нижнего Тагила (так назывался тогда горно-металлургический техникум).

В январе 1918 года в одном из клубов города Словцов публично отрекается от партии меньшевиков. Искренен ли он в этом поступке? По всей вероятности, делается этот шаг в силу обыкновенной предосторожности, поскольку он видит триумфальное шествие советской власти, укрепление авторитета большевиков, которые, думается, с пониманием отнеслись к его покаянию. Ну, а в следственную комиссию при Колчаке он попадает не по личному желанию, но волею земского собрания, избравшего его в этот карательный орган. Кстати, есть сведения о том, что заседания комиссии Словцов посещал неохотно, зачастую пропуская их, ссылаясь на занятость по работе. И все же после изгнания колчаковцев с Урала он, за «содеянное» мотает срок в концентрационном лагере. Отпускают его оттуда досрочно.

В начале двадцатых годов инициативная группа тагильчан в лице доктора медицины В. А. Ляпустина, С. А. Боташева, техника Ф. К. Францева, сотрудника отдела ОГПУ С. М. Коробицина и других учреждает «Самостоятельное общество изучения местного края», то есть восстанавливает демидовский музей краеведения. При обсуждении вопроса, кому им заведовать, Ляпустин предлагает принять эту должность А. Н. Словцову. Тот соглашается без колебаний. И сразу же с головой уходит в налаживание музейной работы в городах и поселках огромного района, каким был в то время Нижнетагильский административно-территориальный округ. И нет к нему никаких претензий? И не возникла проблема, связанная с его социальным прошлым и службой у Колчака? И не надо было согласовывать с властями его кандидатуру на этот пост? Неужели все было так просто в те годы?

Как бы там ни было, а Словцов руководит музеем в Тагиле, координирует работу в Ивделе, Нижней Салде, Кушве, Надеждинске, Висимошайтанске, Гаринском районе, Сосьве, Кытлыме. Он принимает деятельное участие в поисках ценных экспонатов и при осмотре демидовских кладовых находит «Мадонну» кисти художника эпохи Возрождения, возможно, самого Рафаэля. Из Верхотурья привозит раку с мощами Симеона Праведного, икону Одигдриевской божьей матерю, Евангелие, дарохранильницу и много других церковных вещей. Руководимое им общество краеведения оказывает неоценимую помощь экспедиции Д. Н. Эдингга, занимавшейся археологическими раскопками ныне всемирно известного Горбуновского торфяника.

Словцов, как всегда и во всем, активен, решает многие вопросы музейного дела, занимается организацией и проведением конференций, выставок, читает лекции, выступает, предлагает, спорит и пишет. Вот когда по-настоящему пригодилось умение писать. И он сочиняет очерки и статьи, корректирует написанное краеведами, издает с ними исторические сборники, брошюры, проспекты, другую краеведческую литературу и ведет изучение производительных сил края.

На второй окружной краеведческой конференции в июне 1927 года он предлагает принять программу «для заданий на местах» и считает актуальным провести Тагильскую окружную юбилейную выставку промышленности и строительства за первое десятилетие. Докладывает в окрисполкоме о том, что «пережиты интервенция, гражданская война, разруха и начато промышленное и гражданское строительство, а это значит, что десятилетие должно быть детально изучено». Он намерен провести «смотр всех достижений и недочетов за 10 лет, чтобы дать полное наглядное воспроизведение всех этапов развития промышленности округа за 1917—1927 годы для получения богатого учебного материала».

В программе выставки, открывшейся 6 ноября 1927 года, были отделы промышленно-экономический, кустарной промышленности, сельского и лесного хозяйства, охоты и рыбной ловли, транспорта и связи, торговли и др. Экспозиция имела большой успех. В книге посещений осталось много восторженных отзывов.

Среди них была и запись, сделанная посетившим наш город А. В. Луначарским: «С большим интересом осмотрел эту прекрасно организованную выставку. Жалею, что не

имел возможности подробнее изучить ее». А в статье «Города-заводы» («Уральский рабочий», 27 января 1928 года) о ней же нарком просвещения высказался: «Понятно, что при этих перспективах в Тагиле царит всегда возбужденное, творческое, оптимистическое настроение. С особой яркостью выражается оно в превосходной выставке, характеризующей десятилетие достижений края. Выставка сделана любящей рукой и с большим знанием дела. Здесь отражаются и крупная индустрия, и кустарное дело, и молочное хозяйство, и героические бои в начале революции.»

После проведения выставки Словцов берет за дело, которое ему кажется настолько важным, что он обращается в Главнауку — просит помочь сохранить тот уголок вокруг музея, который называется демидовской усадьбой. Директор музея пишет: «Здесь расположены демидовские здания — квартира заводчика, «гарем», впоследствии библиотека, сейчас музей, тут же кофтора Демидовых, тюрьма для рабочих, неподалеку Входа-Иерусалимский собор... Эту усадьбу крепостника, получившего свои миллионы от пота и крови тех, кто трудился в горе и огненных цехах, важно сохранить в полной совокупности, начиная от тюрьмы, где проводились экзекуции над рабочими, где они штрафовались цепочками на две седмицы «за нерадение к работе», до соборной церкви, где призывались повиноваться господам своим «не только за страх, но и за совесть...»

Словцов хотел сохранить собор как наиболее весомую часть демидовской усадьбы и архитектурный памятник старины. А Выйско-Никольскую церковь он защищал как творение известного архитектора Константина Андреевича Тона (1794—1881), создателя Оружейной палаты и многих других сооружений Москвы и Петербурга.

Со споров о соборе и церкви началась кампания клеветнических нападок на музей. Словцова обвинили в том, что он защищает эти культовые сооружения в интересах церковников и т. п. Особенно усердствовала пресса.

Д. Г. Першин в статье «Против аполитичности и халтуры» («Тагильский рабочий», декабрь 1930 года), обзвав Словцова жуликом, делает вывод: «От меньшевистско-эсеровских установок в вопросах экспозиции, прикрываемых аполитичной якобы работой музейного персонала, к прямому вредительству — вот путь работы А. Н. Словцова...». Тенденциозность першинской публикации получила развитие в статье Н. Юдина «Беспар-

тийный музей» («Тагильский рабочий», 30 июля 1932 года): «Музей во многих местах остается самым отсталым участком борьбы за марксистско-ленинскую идеологию... Загляните в Нижнетагильский музей,— советует Юдин,— и вы увидите, что там производство социалистической промышленности никак не показано, а марксизм в экспозициях не ночевал...»

Публикации эти появляются не случайно, поскольку в то же самое время на страницах печати ведется массированное нагнетание общественного психоза, направленного на необходимость выработки сознания для выявления и ликвидации идеологического вредительства. Статьи и заметки пестрят заголовками: «Вытравить оппортунизм!», «Быстрее ликвидировать последствия вредительства» и т. д.

Пытаясь рассуждать о перестройке в идеологической работе, Першин ссылается на циркулярное письмо В. Куйбышева и П. Сидовича о необходимости монографического изучения фабрик и заводов. Н. Юдин оглядывается на «недавно встряхнувшее всех» письмо генсека о борьбе против «гнилого» либерализма». Негативно оценивая работу музея, оба корреспондента как будто не заметили тех экспозиций, что сделаны «любящей рукой и с большим знанием дела». И как будто не читали отзывы в книге посетителей музея. Хотя бы вот эти:

«Осмотрел и убедился, сколько могут люди, искренне любящие свой край. Профессор Ю. Колосов, Академия наук СССР».

«Музей занимает одно из первых мест, и ему принадлежит будущее... Комвуз, М. Вавилов».

«Приятно было найти свежий, новый музей сейчас, летом 1925 года. Слава энергии его сотрудников, устроивших производственный отдел, где детально представлены сырье, процесс производства и продукция Тагильского завода. А. Углов, сотрудник ЦИК».

Надо понимать, что дело было куда сложнее — все шло по намеченной свыше колее. Словцов как руководитель музея, в прошлом лицо духовного звания, меньшевик, колчаковский служитель, а значит «гнилой либерал», был подходящей кандидатурой для остракизма. И не случайно он был назначен для роли создателя и руководителя антисоветской группировки в музее, что связывалось с упомянутыми директивными письмами.

Вначале арестовали научных сотрудниц музея Т. К. Боташеву, М. А. Зылеву, О. А. Кротову, ее брата А. А. Кро-

това — техника-металлурга. Взяли их в июле 1934 года и повели следствие на первых порах не об антисоветчине, а о вещах более прозаичных. Н. М. Васильева, уполномоченная отдела НКВД, установила, что женщины занимались хищением музейных предметов, которые обязаны были беречь.

Нине Матвеевне они рассказали, что при помощи А. А. Кротова сдавали в торгсин серебряную отделку ряда икон, серебряные венчики от Верхотурского иконостаса. Кротов же помог им отделить серебро от шпиги П. П. Демидова и уничтожить на ней имеющиеся инициалы владыки заводов — ППД. В тех же целях разломали большой похоронный крест, похитили монеты царской чеканки, часть женских украшений вогульской работы, рассыпное золото из экспозиционных пробирок. Пытались воспользоваться даже пуговицами с мундира Демидова, полагая, что они с позолотой.

«Царицей доказательств» по этому поводу являются личные признания обвиняемых, поэтому приходится признать, что истинная картина хищений так и осталась не раскрытой до конца. В уголовном деле есть копия акта комиссии, проверявшей наличие ценностей. В нем отмечается, что «сама система учета предметов доказывает систематические хищения в музее с начала возникновения такового, а бесконтрольный порядок получения вещей от организаций способствовал обоюдному их хищению, главным образом с историческим музеем...» И далее ведется перечисление исчезнувших отсюда неведомо когда и как вот таких экспонатов: дарохранительницы серебряной с позолотой и эмалевыми образками из драгоценных камней, нескольких сосудов серебряных с позолотой и топазами, архимандритского креста, серебряных риз с икон Святого Николая, Одигириевской божьей матери, Козьмы и Демьяна и других. Исчезли дунит с платиной, рассыпное золото, кресты тельные и наперстные серебряные, 10 картин неизвестных художников и т. д. и т. п., всего 42 наименования.

Акт этот примечателен тем, что должен был послужить сигналом для следственных органов в плане усиления оперативно-следственных мероприятий по установлению фактов хищения каждого предмета. Увы, сотрудники НКВД и не собирались вести розыск пропавшего музейного добра, на это в деле нет даже намека.

Получив «признательные» показания о том, что «...Словцов как меньшевик не разоружился» и оказывал

на своих сотрудниц «антисоветское влияние», его тоже арестовали в начале октября 1934 года.

Отныне следствие ведет секретно политический отдел областного управления НКВД. После первого допроса Словцова следователь Маховер оставляет в протоколе запись: «Боташева, Зылева, Кротова и я — это группа лиц, объединенных общими несоветскими установками в антисоветской деятельности, выражавшейся в антисоветском искажении экспозиции музея указанными научными работниками под моим влиянием...»

Маховер требует пояснить, в чем заключалось это влияние, и получает будто бы данный Словцовым ответ: «В процессе всей экспозиционной работы музея, где представлялась возможность протаскивания антисоветских установок, я таковые и проводил...»

При чтении этих записей создается впечатление, что Маховер страдал неясностью мышления, а в лексиконе этого следователя слово «антисоветский» было доминирующим и не подлежало расшифровке. Оставим на совести Маховера умысел и стилистические погрешности в его записях, но ведь под ними стоит четкая подпись А. Н. Словцова, «согласившегося» с написанным. А может быть, не пожелавшего или лишенного возможности высказаться конкретнее о том, какие именно он «антисоветские установки протаскивал»? Маховеру же достаточно было «признаний» Словцова, чтобы сделать вывод о создании им в музее «враждебной группировки».

Но было еще «Заключение» кафедры ВКП(б) ВКСХШ имени Ленина и Свердловского истпарта, критиковавших содержание сборника, изданного музеем: «Никакого строительства социализма в нашей стране авторы статей сборника не видят, речи большевиков о социализме, очевидно, считают ложью и обманом...» Назначавшиеся следствием эксперты из числа сотрудников Свердловского музея краеведения, проверяя работу тагильского музея, нашли содержание экспозиций антисоветским. Маховер торжествовал. На этом он прекратил следствие, а дело передал в спецколлегию Свердловского областного суда.

Суд состоялся 3 января 1935 года в Нижнем Тагиле. На первом заседании Словцов попросил, чтобы ему разрешили сделать конфиденциальное заявление. Спустя два дня состоялось это закрытое заседание, где он сказал буквально следующее:

«Показания мои на предварительном следствии все вынужденные. Допрашивал меня первый следователь Ма-

ховер, который писал то, что я совсем не говорил, прося подписать протокол. Когда я отказался, он ответил, что допрашивать меня совсем не будет, а таких людей, как я, они судили и будут судить, расстреливали и будут расстреливать. И я подписал протокол. Не разрешили дать очные ставки с сотрудниками музея, отказали в вызове врача, в помощи которого я очень нуждался, поскольку страдаю пороком сердца, давшим о себе знать во время допросов. Физической силы не применяли, а вот грозные окрики были».

Заявление это стало единственной возможностью предать гласности методы, применявшиеся при следствии. Он надеялся, что обратит внимание правосудия на чинившееся беззаконие и тем реабилитирует себя. Но суд оставил без внимания эти доводы и осудил его к трем годам лишения свободы. Меньшие сроки наказания получили Кротовы, Зылева и Боташева. Важно отметить, что непричастность Словцова к хищениям была доказана, о них он даже не знал. Однако допустил ошибку в том, что как руководитель учреждения не контролировал материальную ответственность подчиненных ему сотрудниц, которые еще и оговорили его политически.

С тех пор прошло много лет, но не может остаться недосказанной история человека, внесшего немалый вклад в развитие духовной культуры нашего края, но по несправедливости ушедшего в небытие с клеймом «врага народа». Уголовное дело на Словцова как будто никто не брал в руки. В нем нет ни одного документа, датированного после суда, хотя бы просьбы родственников о реабилитации. А ведь они у Александра Николаевича были — жена Параскова Варфаломеевна и дочь Татьяна, учившаяся тогда в седьмом классе. Жили они в Нижнем Тагиле по улице 8 Марта, 58. Но их судьба нам пока неизвестна.

П. А. БЕРГ

ОФИЦЕР, РЕВОЛЮЦИОНЕР, ТАГИЛЛАГОВЕЦ *

Бывший Тагиллаг собирал под своей крышей много талантливых людей, встреча с которыми оставляла в жиз-

* Материал впервые опубликован в газ. «Тагил. рабочий». 1991. 30 сент.

ни большой след. Об одном из них я хочу рассказать.

Станислав Мартынович Андреевский родился в Кракове в 1894 году. По происхождению поляк. Но в то время часть Польши оказалась под властью кайзеровской Германии, и был установлен порядок: находиться на государственной службе могли только лица немецкой национальности. Из-за этого семья считалась немецкой, несмотря на то, что Станислав Мартынович до самых последних дней говорил с довольно сильным польским акцентом.

Окончил он коммерческое училище и начал работать в Познани. В дни первой мировой войны был призван в армию, получив чин офицера, попал на восточный фронт и очень быстро оказался в плену. Здесь встретился с венгерскими революционерами. В результате первым из пленных немецких офицеров добровольно отказался от предоставленных им даже здесь привилегий. Вступил в коммунистическую партию по рекомендации венгерского коммуниста Кароя Лигети. Революция застала его в Омске. С первых дней советской власти работал в революционной комендатуре города. Был свидетелем начала мятежа чехословацкого корпуса, растянувшегося по Транссибирской магистрали.

Непосредственным предлогом мятежа, как он мне рассказывал, послужило следующее событие. На станции Омск стоял чешский эшелон. По договору советская власть дала добро на пропуск корпуса на Дальний Восток без вооружения. В нарушение этого договора чехи сумели в вагонах припрятать легкое оружие — винтовки и пулеметы. Станислав Мартынович во главе отряда революционных венгров нес комендантскую службу на станции. Венгры были одеты в шинели национальных частей австро-венгерской армии. И вот видит, как по перрону на костылях, без шинели, передвигается русский солдат. Было холодно и сыро. Шла вторая половина мая. Чехи, стоявшие около эшелона, начали требовать, чтобы венгры отдали одну из своих шинелей калеке. Патруль воспротивился, началась потасовка. Из вагонов выскочили чехи с винтовками. Патрулю при помощи подоспевшего подкрепления удалось разоружить эшелон. Но это послужило сигналом начала мятежа в направлении как на запад, так и на восток — от Омска до Транссибирской магистрали, мятеж сразу же был поддержан контрреволюционными силами во главе с Колчаком.

Срочно были собраны все революционные силы и отправлены двумя отрядами, один в направлении Челя-

бинска, второй — Новосибирска. Станислав Мартынович с интернациональным отрядом, состоявшим в основном из венгров под командованием Кароя Лигети, выступил в восточном направлении. Операция шла весьма успешно, и чехи вскоре были отброшены далеко за станцию Татарская. Но интернационалистам в тыл ударили превосходящие силы белых, которые перед этим взяли Омск. Была дана команда вооружение уничтожить и разбежаться кто-куда. Но куда могли разбежаться бойцы интернационального отряда Лигети? Было решено оставить железную дорогу и с оружием попробовать пробраться к Тюмени, куда из Омска отступили красные.

Эта дорога была исключительно трудная, через пески и болота. Вскоре отряд обессилел. Тогда Лигети принял решение часть вооружения бросить в озеро, а оставить каждому бойцу по винтовке с комплектом патронов. Большие затруднения возникли с питанием. Разделили отряд надвое. Одним командовал сам Лигети, а его помощником стал Станислав Мартынович. Уже на подходе к Иртышу навстречу попался тарантас с кучером и двумя попами. Через небольшой отрезок времени проехал обратно. Станислав Мартынович предложил задержать его, предполагая, что это разведка. Но Лигети, не желая обострять обстановку, отношения с русской православной церковью, предложение отклонил.

Как только отряд подошел к Иртышу около села Карташево и спустился с крутого берега к воде, из-за поворота появился военный пароход и пулеметным огнем прижал отряд к берегу. Спротивление было бессмысленным, и Лигети приказал сдаться. Самого Лигети увезли, а бойцов интернационального отряда заперли в сарае под вооруженной охраной. На следующий день их на барже отправили в Омск в лагерь военнопленных, где свирепствовали болезни и голод. Многие умирали. О всей этой трагедии более подробно можно прочитать в книге А. Дунаевского «Подлинная история Кароя Лигети» (М.: Воениздат, 1969.).

Станиславу Мартыновичу при помощи врача-поляка удалось бежать из плена и принять активное участие в партизанском движении в Сибири. Был начальником продотряда. По обвинению якобы в превышении власти исключен из партии. Демобилизовался, работал в финансовых органах на Урале. В 1938 году арестован. Сидел в одной камере с директором Невьянского цементного завода, в свое время лично знакомым с Владимиром

Ильичом Лениным. Его жена ездила в Москву к Надежде Константиновне Крупской. Но Надежда Константиновна сказала, что лишена возможности оказать какую-либо помощь, более того, сама день на день ждет ареста. И все-таки Станислав Мартынович считал, что выбрался из тюрьмы благодаря этому директору. Тот наказал Станиславу Мартыновичу, чтобы ни при каких условиях, ни при каких посулах и пытках не смел подписывать клевету на самого себя.

Великая Отечественная застала его в Нижнем Тагиле. Вначале как немца выселили в северные районы области, а потом привезли в стройотряд 18-74 Тагиллага НКВД. Здесь он работал снабженцем, а после победы и до самой пенсии — начальником завода мелких стеновых панелей (блоков) бывшего в то время шлакоцементного комбината треста «Тагилстрой».

Выйдя на пенсию, Станислав Мартынович работал уполномоченным по рационализации и изобретательству на заводах ЖБИ № 1 и 2 почти до конца своей жизни. Умер он в возрасте 95 лет.

КОРОТКО О СУДЬБАХ *

БЕЛИНСКИЙ АНТОН МЕЧИСЛАВОВИЧ

Родился в 1926 году в селе Климентовичи Шепетовского района на Украине. В 1936 году семья была выслана в Казахстан, в село Черниговку Келлеровского района. В 1937 году его отец — М. И. Белинский — арестован НКВД и погиб. 28 мая 1943 года молодежь сел Черниговка, Красная поляна, Глубокое Келлеровского района была мобилизована и отправлена на предприятия Нижнего Тагила в качестве трудармейцев. Антон был определен в коммунальное хозяйство треста «Тагилстрой—Тагиллаг» НКВД учеником электромонтера. Жили сначала в Завязовском поселке в бараках с двухъярусными нарами вместе с узбеками, можно было свободно передвигаться в пределах жилой зоны. В случае побега из поселка — тюрьма. Затем переселили в военный городок, где разместили только поляков (примерно в 20 бараках). В трудармии А. М. Белинский был с 1943 по 1948 год. Затем по ходатайству одного начальника его освободили. Остальные поляки оставались мобилизованными до 1950 года. Последние годы перед демобилизацией жил и работал на Первой площадке Тагилстроя. В 1948 году поступил на НТМЗ сначала на блюминг, а затем был переведен в рельсобалочный цех. Работал электриком. Вышел на пенсию в 1979 году.

БУДОЛЬ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

Родился в 1902 году в Минске. Родители: мать — учительница, отец — служитель православной церкви. Николай Константинович получил незаконченное высшее медицинское образование, жил в Западной Белоруссии,

---

* Раздел подготовлен на основе рукописного варианта «Книги Памяти», составленного Э. П. Дистергефт.

работал учителем. Вступил в КП Западной Белоруссии, состоял в подпольной революционной организации, за что был арестован и отбыл четырехлетний срок. Через МОПР как политэмигрант был направлен в СССР в 1931 году. Начал работать преподавателем общественных дисциплин в вагоностроительном техникуме Нижнего Тагила, а в 1933 году направлен горкомом ВКП(б) на должность начальника отдела кадров завода им. Куйбышева. До ареста работал там же заместителем директора учебного комбината. Арестован в 1937 году и этапирован из Нижнего Тагила с приговором «10 лет без права переписки». Вероятно, был расстрелян в Свердловске. Реабилитирован посмертно 15 сентября 1956 года.

ВОЛЬНЕВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

Родился в 1922 году в Москве в семье бывшего штабс-капитана царской армии (после 1917 года служившего командиром батальона Красной Армии). После окончания школы поступил в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1941 году призван служить на флот. В следующем году тяжело ранен. В 1943 году попал в отряд морского конвоя для охраны снабжения по ленд-лизу, побывал в Сан-Франциско, Окленде, Ванкувере, участвовал в высадке морского десанта в войне с Японией.

После демобилизации из армии работал прорабом на строительстве Кавказской железной дороги. Арестован 11 июня 1950 года в связи с тем, что бывал в Америке и там якобы завербован иностранной разведкой. Обвинение в шпионаже не подтвердилось, и Андрей Сергеевич был осужден по статье 58-10 за антисоветские высказывания. Он не раз критиковал действия властей во время реквизиций продовольствия в грузинских деревнях, где голодали все, кроме секретарей райкомов, председателей колхозов и прочих чиновников.

До 1954 года сидел в Тагиллаге, затем — полностью реабилитирован. Работал в тресте № 88, затем на НТМК, в отделе № 430 УВЗ. Умер в 1991-году.

ГАНИНА ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА

Родилась 28 июня 1917 года в приморском селе Кабардинка Геленджикского района в семье учителей. В 1923 году семья переехала в Новороссийск, где Любовь Ивановна закончила семилетку и педагогический техникум. Затем поступила в Ростовский педагогический институт.

В 1929 году под угрозой конфискации за неуплату непосильного налога семье пришлось продать дом, сад и животных в Кабардинке, обеспечивавших материальный достаток. В голодные 1932—1933 годы в торгсин были сданы почти все ценные вещи, сохранившиеся с дореволюционных времен.

30 апреля 1938 года репрессирован отец — И. П. Румянцев. Начальник спецчасти института пытался заставить Любовь Ганину работать осведомителем, и потому она перешла на заочное отделение и уехала из Ростова. До начала войны работала учителем в средней школе для взрослых. В ноябре 1939 года вышла замуж за преподавателя математики П. М. Ганина.

Во время немецкой оккупации в 1942—1943 годах жила в селе Львовское Северского района с мамой. 18 марта 1943 года была арестована особым отделом Красной Армии и обвинена в измене Родине по статье 58-1а и в антисоветской агитации по статье 58-10, ч. II. Основанием для этого были донос и подпись Л. И. Ганиной под фальшивыми протоколами допросов, проведенных методами морального и физического насилия. Военный трибунал определил наказание в десять лет лишения свободы и пять лет поражения в правах.

Весь срок наказания Л. И. Ганина провела в ИТК Нижнего Тагила (затем УЩ 342/12) в поселке Кокс. Более двух третей заключенных в этом лагере имели обвинение по статьям 58 и 193 (дезертирство), совсем немного было уголовников.

Любовь Ивановна постоянно пыталась опротестовать приговор, и в 1947 году ее дело было пересмотрено с сокращением срока наказания. В декабре 1947 года она вышла из лагеря, отбыв там четыре года шесть месяцев. После освобождения, недолго побыв в Симферополе, осталась в Нижнем Тагиле и трудилась на различных должностях в тресте «Тагилстрой» до выхода на пенсию в 1972 году. В 1957 году Л. И. Ганина полностью реабилитирована. В настоящее время — активный член общества «Мемориал».

ГУБИН НИКОЛАЙ СИДОРОВИЧ

Родился в 1902 году в семье бедных крестьян в Томске. Накануне первой мировой войны семья переехала в Тюмень, где Николай Сидорович освоил рабочие специальности. Служил в Красной Армии, был партизаном, затем чекистом. Арестован в феврале 1938 года в своем рабочем кабинете оперуполномоченного дорожно-транспортного отделения НКВД на станции Нижний Тагил. Ему удалось доказать свою невиновность, но с работы уволили и выгнали из квартиры. С большим трудом устроился на железную дорогу. Последние годы жизни провел в Нижнем Тагиле, был членом совета ветеранов гражданской войны при музее краеведения. Умер в 1982 году.

ДЕРГАЧ ФЕДОР ТИМОФЕЕВИЧ

Родился в селе Лая под Нижним Тагилом в 1900 году. Активный участник гражданской войны: в 1919 году дрался с Колчаком, в 1920-м — с Деникиным. Комсомолец, член РКП(б). Чуть живого, в лихорадке привезли его из Туркестана, где воевал с басмачами. Вскоре Федор Тимофеевич стал председателем единственного в области Лайского общества потребкооперации. По доносу был исключен из партии, но вскоре восстановлен. Переехал в Нижний Тагил и поступил в 1928 году на завод «Механик» молотобойцем. Вскоре стал заместителем начальника цеха и одним из лучших рационализаторов. В июле 1936 года арестован, обвинен в троцкизме и осужден на три года с исключением из партии. Отбывал наказание на шахтах Воркуты. После освобождения до 1957 года работал начальником кузнечного цеха треста «Тагилстрой». В 1957 году реабилитирован, но в партии не восстановлен. Ныне на пенсии, член общества «Мемориал».

ЗУДОВ ЛЕОНИД ФИРСОВИЧ

Родился в 1921 году в деревне Матвеево Петрокамского (теперь Пригородного) района в крестьянской семье. В период нэпа в деревнях организовывались товарищества, которым в рассрочку давали сельхозинвен-

тарь — вплоть до тракторов — с погашением их стоимости зерном. Семья Зудовых приобрела жатку, два плуга, две бороны, косилку, веялку. Их было 11 человек, и они успешно справлялись с обработкой земли, имели достаточно сенокоса, даже надел своего леса. Наемных работников не использовали. Имели три лошади, три коровы, 10—15 овец, десятка три кур. К 1930 году братья были отделены каждый в свой дом, но хозяйство все вели совместно.

В 1930 году семья была выслана в село Кандинок (ныне Октябрьское) близ Оби. Зудовы попали в трудпоселок Большой Камень. Работали на лесозаготовках. От голода и физического истощения скончалась половина жителей Большого Камня.

В 1939 году Л. Ф. Зудов был отпущен на учебу в Тагил. Затем участвовал в Великой Отечественной войне и в 1946 году вернулся в Большой Камень. К этому времени вышел указ о возвращении на родину родителей участников войны. Отец и мать уехали в Матвеево, а сам Л. Ф. Зудов остался в Нижнем Тагиле, где и живет сегодня.

ИВАНОВ БОРИС ПАВЛОВИЧ

Родился в 1915 году на станции Пограничная Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурии в семье рабочего. Закончил девять классов и курсы шоферов и электротехников в Харбине. В 1935 году по визе семья приехала в Сталинград на родину отца (который умер в 1932 году). Борис Павлович работал шофером и поступил в судостроительный техникум. В 1937 году арестован по обвинению в шпионаже. Осужден особым совещанием на десять лет. Брат тоже был арестован. Срок отбывал в Сибири и на Дальнем Востоке. Освобожден в 1947 году. В Нижний Тагил приехал с семьей в 1961 году. Работал слесарем на мелькомбинате и НТМК. Реабилитирован в 1956 году. По результатам работы занесен в Книгу почета НТМК, награжден орденом Трудового Красного Знамени

ИЩЕНКО МИХАИЛ ТРОФИМОВИЧ

Родился в 1920 году на курорте Боровое Казахской ССР в семье скотоводов. Жили зажиточно. Отец воевал

в белой гвардии, погиб на Перекопе. Михаил Трофимович закончил зоотехникум, затем учился на тракториста и комбайнера. В 1941 году был арестован за поддержку программы первого секретаря комсомола Косарева. Осужден по статье 58-10 на десять лет с тремя годами поражения в правах. Отбывал срок в Карагандинской тюрьме-крепости, в Карлаге, с 1942 года — в Тагиллаге. Строил коксовые батареи, домну № 3. Освобожден в 1950 году без права выезда. Реабилитирован в 1957 году.

КЕЛЛЕР АЛЬФРЁД ИВАНОВИЧ

Родился в 1882 году в городе Циттау (Германия), немец по национальности. Военнопленный первой мировой войны, оказавшийся в 1916—1917 годах в Алапаевске. Женился на местной уроженке Мишариной Марии Михайловне. Дважды вместе с женой выезжал из России в Германию: в 1920/21 и в 1924 годах. После второй поездки за границу у них были отобраны партийные билеты Альфред Иванович работал на предприятиях Алапаевска, на Красноуральском асбестовом заводе, а затем приехал с семьей в Нижний Тагил, поступив на Уралвагонстрой. Работал в отделе оборудования инженером по снабжению, занимаясь переводом на русский язык сопроводительной документации иностранного оборудования.

Арестован в 1937 году и содержался в заключении на Красном Камне. В тюрьме он погиб и реабилитирован посмертно в 1959 году.

КОБЕЛЯНСКИЙ ТАДЕУШ АНТОНОВИЧ

Родился в 1921 году в городе Славута Хмельницкой области на Украине. В начале лета 1936 года был выслан с семьей дяди из села Марочивка Славутского района в село Черниговка Келлеровского района в Казахстане. Отец Тадеуша — С. А. Кобелянский — в 1937 году был арестован НКВД и погиб. Только недавно он реабилитирован. В мае 1943 года колхоз «Верный путь» (с. Черниговка) провожал в Нижний Тагил 95% своих трудмобилизованных мужчин. Женщины не трогали. Сначала жили в зоне около бетонного завода, затем на Пер-

вой площадке Тагилстроя и в военном городке. Работали в горкоммунхозе. Тадеуш трудился печником, а затем бухгалтером в конторе горкоммунхоза. Паспорт получил в 1948 году. С тех пор жил в Нижнем Тагиле, умер в 1993 году.

КОЛЕСНИЧЕНКО ВЕРА ГРИГОРЬЕВНА

Родилась в 1908 году в крестьянской семье. После обучения работала учителем начальных классов в городе Сватово Ворошиловской области. В 1943 году Сватово захватили фашисты и заняли квартиру Веры Григорьевны. Находились оккупанты в Сватово шесть месяцев, а затем отступили. Вскоре по доносу Колесниченко была арестована и осуждена по статье 58-10 на пять лет. Семья распалась. Муж умер еще до ареста, пятилетнюю дочь отправили в детдом, сына приютили знакомые, вторая дочь уехала в Лисичанск, мать-инвалид просила милостыню. Освободившись в 1948 году, снова работала в школе. Ныне живет в Нижнем Тагиле, член общества «Мемориал».

КОРОВИНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

Родилась в 1912 году в Нижнем Тагиле в семье железнодорожника. Там же окончила семилетку и поступила в Свердловский кооперативный техникум. Затем работала плановиком вагоноборочного цеха УВЗ. В 1937 году уехала в Полтаву. В 1944 году арестована по доносу. Осуждена по статье 58-10 на десять лет лишения свободы и пять лет поражения в правах. Срок отбывала в лагере Долинка Карагандинской области. Освобождена в 1954 году. После освобождения осталась работать в лагере завхозом республиканской больницы. После смерти мужа переехала в Нижний Тагил. Работала в драмтеатре, на железной дороге, трикотажной фабрике. С 1956 года на пенсии.

КРОНМАН ЕВГЕНИЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ

Родился в 1907 году в Белостоке в семье интеллигентов. С 1920 года жил в Москве, в 1925—1929 годах учился на отделении теории и истории искусств Московского государственного университета. Был оставлен на кафедре западноевропейского искусства в аспирантуре, которую закончил в 1934 году.

В 1930—1935 годах Е. Л. Кронман — старший научный сотрудник Государственного музея новозападного искусства, затем — член редакционной коллегии Большой Советской энциклопедии.

Репрессирован в 1936 году, осужден по статье 58-10 и пять лет пробыл в лагерях Воркуты. В июне 1941 года призван в армию, был тяжело ранен. По выздоровлении направлен в трудармию, работал на шахте в Молотове (ныне Пермь). С 1945 по 1948 год был сотрудником картинной галереи г. Молотова.

С 1949 года и до своей смерти в 1968 году жил в Нижнем Тагиле. Преподавал историю искусств в Уральском художественно-промышленном училище, по совместительству был научным сотрудником музея изобразительных искусств. Евгений Леонтьевич оставил о себе светлую память как знаток и неутомимый пропагандист истории изобразительного искусства, как автор первой научной экспозиции музея изобразительных искусств. (См.: Тагил. рабочий. 1990. 4 апр.)

КУТУЗОВА (ЗАНИНА) АННА ФЕДОРОВНА

Родилась в 1918 году в деревне Занино Краснопольского района Свердловской области. Окончила четыре класса школы и была вынуждена прекратить образование из-за смерти отца. Пришлось работать в колхозе: трактористкой, на сенокосе, на ферме. В 1937 году, когда ей исполнилось 18 лет, арестовали прямо в поле. В доносе одной из Аниных подруг говорилось, что она сорвала комсомольское собрание (хотя Анна и не состояла в комсомоле), а председатель колхоза дал справку о том, что семья ее зажиточная. Осудили на десять лет. Срок отбывала в сельскохозяйственном лагере Орлово-Разово — отделении Сиблага. В 1941 году перевели на швейную фаб-

рику станции Ял. Так прошли десять лет молодости. В 1947 году она приехала в Нижний Тагил, с трудом устроилась приемщицей молока. С 1962 года до пенсии работала в торговле. Реабилитирована в 1962 году, но узнала об этом только в 1990 году. -

ЛЕБЕДЕВ ИГНАТИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Родился в 1894 году в селе Белоярском Уксянского района Курганской области. В 1914 году был призван в армию и направлен на германский фронт. В 1916 году попал в плен и до 1921 года был в Германии. Возвратившись домой, оказался без родительского надзора, поскольку его считали погибшим. Родственники помогли купить лошадь, корову, избу. Будучи от природы сильным духовно и физически, используя приобретенный в Германии опыт, активно занялся сельским хозяйством. Применяя передовую агротехнику, добился высоких урожаев и доходов. В 1927 году купил новый дом с надворными постройками, обзавелся лошадьми и другой живностью, в целях повышения эффективности труда специализировал хозяйство на возделывании зерновых культур. В мае 1930 года все хозяйство сгорело при пожаре. К концу этого же года он построил новый дом, но неурожай 1931 года и набиравшая силу коллективизация лишили надежды на будущее. В конце 1932 года, бросив свое хозяйство, с семьей в пять человек переехал в Нижний Тагил. Освоив профессию слесаря, работал на железнодорожной станции Смычка. 8 февраля 1938 года его вместе с сыном Петром арестовали органы НКВД. Дальнейшая судьба неизвестна.

МАРТИЛОВ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ

Родился в Висимо-Шайтанске в 1897 году. Служил в Красной гвардии, Пермской и Вятской ВЧК. Колчаковцы расстреляли отца, а мать и братьев выпороли плетью. Арестован в 1937 году и проходил по делу «тагильских троцкистов», якобы виновных в убийстве С. М. Кирова. Приговорен к высшей мере социальной защиты и расстрелян 4 мая 1937 года в Свердловске. Его жена Агриппина Андриановна восемь лет провела в Магадане. Мартиловы

реабилитированы в 1957 году (См.: Тагил. рабочий 1991. 20 марта).

ОГИБЕНИН ГРИГОРИЙ АВЕРЬЯНОВИЧ

Родился в 1874 году в Висимо-Шайтанске (ныне поселок в Пригородном районе Екатеринбургской области). В 1920-х годах занимался извозом на лесозаготовках. Заподозрен в контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации. Арестован по постановлению «особой тройки» в 1930 году и осужден на десять лет с конфискацией имущества. В его доме разместилось управление Висимского ОГПУ. Не суждено было хозяину, выдержавшему этапы, тюрьмы, ссылку, вернуться домой. Стал он жить в Нижнем Тагиле с женой и тремя детьми. Работал заведующим конным двором. Скончался Григорий Аверьянович 82 лет от роду в 1956 году (См.: За победу! 1992. 11 февр.).

ПАНТЕЛЕЕВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в 1910 году в городе Александров Владимирской области в семье крестьянина. Закончил семь классов школы, с четырнадцати лет пошел работать на радиозавод. В 1932 году был арестован и осужден на шесть лет по статье 58-10. Отбывал срок около Беломорска, затем под Саратовом, а в 1944 году переведен в Тагиллаг, где работал на коксохимпроизводстве. После освобождения работал в тресте «Тагилстрой» в ЖКО и начальником снабжения, домоуправляющим и дорожным мастером до 1981 года. Умер в 1992 году.

ПАТУТА ПРАСКОВЬЯ ИОСИФОВНА

Родилась в 1922 году в селе Мстышино Луцкого района Волынской области на Украине. До 1939 года эта территория входила в состав Польши и люди жили без колхозов, своим хозяйством. С 15 июня 1941 года по февраль 1944 года Прасковья Иосифовна жила в оккупации.

В марте 1944 года ее арестовали и осудили военным трибуналом по статье 54-1а на пятнадцать лет каторги. Затем, уже во время пребывания в лагерях, состоялся пересуд и срок сократили до десяти лет. Незаслуженное наказание П. И. Патута отбывала в лагерях Колымы. Умела хорошо работать, ее освободили досрочно в 1952 году, но без права выезда. Уехала она с Колымы только в 1956 году. С тех пор живет в Нижнем Тагиле. Реабилитирована 10 февраля 1992 года.

РИКЕРТ (ХАЛЬПЕРН) ПАУЛЬ ЭМИЛЬЕВИЧ

Родился в 1907 году в Берлине. По окончании гимназии поступил в Берлинский университет на химический факультет. В 1928 году вступил в коммунистическую партию Германии.

В 1933 году П. Э. Рикерт вынужден был эмигрировать из нацистской Германии в СССР. Его направили на работу в Свердловск в Уральский филиал АН СССР, где он и работал до 1937 года.

В 1937 году арестован и обвинен в организации взрывов цехов ВИЗа. Рикерт выдержал пытки и не подписал клеветнических наветов, поэтому осужден только на три года и сослан в лагерь Онеглага.

Освободившись в 1940 году из лагеря, работал инженером на хромпиковом заводе в Первоуральске. В июне 1941 года призван в РККА, но по решению Госкомитета обороны снят с эшелона и забронирован как специалист-химик на заводе для «отработки холодного хромирования оружейных стволов».

В октябре 1942 года направлен в спецотряд № 18-74 в Нижнем Тагиле, на кирпичный завод, где и проработал до конца войны. В июне 1946-го назначен начальником асфальтового завода, затем переведен на должность инженера в трест «Тагилстрой». В 1950 году опытного химика, крупного специалиста уволили «за ненужностью», будто бы «из-за отсутствия работы по специальности». Он преподавал в школе рабочей молодежи № 8 химию, немецкий язык, геометрию.

Реабилитирован Пауль Эмильевич в 1954 году. С 1957 года он преподаватель Нижнетагильского пединститута сначала на факультете иностранных языков, а затем на химико-биологическом. Все годы жизни в Тагиле вел активную краеведческую работу.

Пауль Эмильевич Рикерт был энциклопедически образованным человеком, владел глубочайшими познаниями в области химии, кристаллографии, археологии, филологии (им написан учебник немецкого языка). Умер в 1971 году.

СЕНЯВИН ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1883 году в Петербурге в семье из древнего дворянского рода Сенявиных. Основателем рода был Алехна Сенявин, который в 1505 году пришел на службу к Василию III. Начиная с времен царствования Петра I и до правления Николая I Сенявины играли видную роль в создании и победах русского флота. Адмиралы Наум и Иван Сенявины достигли славы при Петре I, адмирал Алексей Сенявин основал Азовский флот при Екатерине Великой, адмирал Дмитрий Сенявин прославился победами над турками и захоронен вместе с Суворовым в соборе Александро-Невской лавры. Юрий Алексеевич закончил юридический факультет Петербургского университета и Археологический институт, до революции работал в департаменте госконтроля. После революции трудился в рабоче-крестьянской инспекции в Москве. Арестован в 1934 году и осужден по статье 58-10 на десять лет ИТЛ. Срок отбывал в печорских лесозаготовительных лагерях. В 1943 году актирован и освобожден по состоянию здоровья. После освобождения приехал к сыну в Нижний Тагил, где и прожил оставшуюся жизнь. Работал в библиотеке и сберкассе. Умер в 1960 году, реабилитирован в 1992-м.

СЕНЯВИН АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ

Родился в 1912 году в Петербурге. Сын Ю. А. Сенявина. В 1935 году репрессирован и осужден по статье 58-10 на три года. Срок отбывал на строительстве Рыбинского гидроузла в Волголаге. По отбытии срока остался работать там же, а в начале войны строил оборонительные рубежи в Заполярье (за что награжден медалью). В дальнейшем работал на строительстве в Нижнем Тагиле, где до 1982 года был главным технологом треста «Тагилстрой». За работу получил ряд наград, медалей и грамот.

Реабилитирован в 1991 году. Алексей Юрьевич — большой любитель книг, сам пишет стихи. Он собрал уже третью в истории семьи библиотеку (первые две пропали в результате революции и репрессий). А. Ю. Сенявин — член общества «Мемориал».

СЛАСТНИКОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1922 году в деревне Большие Ждановки Кировской области в крестьянской семье. В 1927 году семья переехала на прииск Сухой (ныне поселок Уралец). В 1932 году умер отец. Жили в бедности. Младшие дети иногда просили подаяние. Начал работать в четырнадцать лет. Мечтал об учебе в театральном училище. Узнав, что такое есть в Сухуми, поехал туда. Но училище было абхазское. Работал в артели строителей, курьером в Министерстве просвещения Абхазской АССР, личным секретарем наркома просвещения. В 1940 году призван в армию. В июле 1941 года арестован и судим прямо в лесу военным трибуналом по статье 58-10. Приговорен к десяти годам лишения свободы, пяти годам высылки и пяти годам поражения в правах. Репрессия была связана с арестом наркома просвещения Абхазии. Отбывал срок в Башкирии, затем в Тагиллаге. Освободился в 1947 году. С 1955 года живет с семьей в Нижнем Тагиле. Работал доменным мастером. Ныне реабилитирован.

СМЕЛЯНСКИЙ ЕФИМ САВЕЛЬЕВИЧ

Родился в 1925 году. Участник войны с Германией и Японией. С 1952 года — студент УПИ. В беседах с товарищами в связи с предстоящим colloquium по биографиям Ленина и Сталина высказал мнение о Ленине как крупном теоретике марксизма и заметил, что Сталин при жизни среди соратников авторитетом не пользовался и его вообще теоретиком считать нельзя. При этом студент-осведомитель задавал вопросы о «врачах-убийцах» и значении Сталина. Смелянский ответил, что «врачи-убийцы» — это ученые с мировым именем, которые не вмешивались в вопросы политики. В начале 1953 года Е. С. Смелянский был арестован по статье 58-10 за выступление

против вождя нашей партии и восхваление иностранной техники. После двухлетнего заключения его освободили с последующей реабилитацией по ходатайству маршала Г. К. Чичкова, командовавшего тогда УралВО и бывшего депутатом Верховного Совета СССР. В настоящее время Ефим Савельевич — ветеран труда НТМК, почетный член общества «Мемориал», в котором активно работает.

СТРАХОВА ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА

Родилась в 1916 году в крестьянской семье. В 1929 году семья была раскулачена и всё имущество конфисковано. В 1932 году Валентина Васильевна вышла замуж за поляка по национальности — В. А. Сарекаса. Его отчим — Ф. М. Левандовский — работал в Березниках старшим судьей, был членом областного суда, состоял в рядах ВКП(б). Отчима арестовали в июне 1937 года, его жену — в августе, а мужа В. В. Страховой с братом — в октябре 1937 года. Саму Валентину Васильевну взяли в ноябре 1937 года. У нее после ареста мужа умер четырехмесячный сын и парализовало ноги. В момент ареста она едва передвигалась. До июля 1938 года Валентину держали сначала в Соликамске, а затем в свердловской тюрьме. 26 июля 1938 года объявили приговор: ссылка под гласный надзор сроком на три года в Нижний Тагил. Там начала работать в филиале Гипромеза. С разрешения НКВД побывала в Березниках и узнала, что ее муж расстрелян, а квартира ограблена. Более 20 лет на Валентине Васильевне висел ярлык «врага народа».

ХАРЬКАВЫЙ ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ

Родился в 1922 году в Одессе в семье крестьянина. В 1928 году семья переехала в Тбилиси. Затем отец женился снова и переехал в Батуми. Виктор Федорович окончил семь классов школы, работал кузнецом, одновременно учился в музыкальной школе. Поступил в 1941 году в Качинское летное училище и начал войну летчиком. Был ранен. Затем воевал в разведке под Брянском. Был ранен второй раз. После возвращения в часть в 1943 году арестован и осужден по статье 58-10 на десять лет и пять лет поражения в правах. Срок отбывал в Тагиллаге до

1953 года. Затем работал механиком в тресте «Тагил-строй», на котельно-радиаторном заводе. Ныне живет в Нижнем Тагиле.

ШТЭРБА ИОСИФ ИВАНОВИЧ

Родился в 1894 году в Австро-Венгрии, по национальности чех. В годы первой мировой войны был пленен и попал в Сибирь. В 1917 году переведен на Урал, в Егоршино, где работал в угольных шахтах коновозчиком, счетоводом. Здесь встретился с Агнией, преподававшей русский язык у военнопленных. Попаз в 1919 году домой в Чехословакию, Иосиф искал любую возможность вернуться в Россию. В 1921 году он стал русским подданным и приехал в Алапаевск. Потом они с женой переехали в Нижний Тагил и стали работать воспитателями в детском городке. С 1930 года в горно-металлургическом техникуме преподавал немецкий язык. Зимой 1937/38 года его арестовали, обвинив в создании диверсионной группы. Однако через год освободили, он вернулся в Нижний Тагил и до войны работал в школе № 38. В годы войны Иосиф попал в отряд № 18-74, где трудился вместе со своим сыном Зигфридом. После войны преподавал в школе рабочей молодежи № 14. Скончался 4 декабря 1976 года.

Глава 4

СУДЬБА СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ

«В 1976 году я вручал новые паспорта жителям поселка невдалеке от села Николо-Павловское. Это бывший песчаный карьер Тагилстройлага, где работали «трудоармейцы» — заключенные немцы Поволжья. После 1954 года эти люди так и остались жить небольшой немецкой колонией. Я выдавал паспорт пожилому мужчине, говорившему с сильным немецким акцентом, и спросил, знают ли его дети немецкий язык. «Нет», — ответил он. «Почему?» «Что фи, мы ше нафек испуканый люти...», — произнес он шепотом. Навек испуганные люди! Не знающие языка своих отцов, почти не знающие и самих отцов, я уж не говорю о дедах.»

И. П. РИКЕРТ. Пауль Эмильевич Рикерт — мой отец // Тагильский краевед. 1989. № 6. С. 15.

А. А. ШМИДТ

СТРАШНЫЙ ФЕВРАЛЬ СОРОК ВТОРОГО *

Родился в 1923 году в деревне Милорадовка Павлодарской области. В 1941 году учился в девятом классе и поступил на учительские курсы. В январе 1942 года был мобилизован в трудовую армию и направлен в отряд № 18-74, на кирпичный завод в Нижнем Тагиле. Попал в штрафизолятор на Зайгоре, затем работал на заводе, перешел в каменщики. Перевели на заготовку леса сначала в Каменский, а в начале 1950-х годов — в Синегорский леспромхоз. Живет и сегодня в Синегорске. Автор статей о трудовом армейцах. Художник-самоучка

В эту февральскую ночь мне не спалось. Мысли то и дело возвращались к событиям полувековой давности, в памяти возникали картины того, что произошло с моим народом.

Навсегда запомнил 17 февраля 1942 года. Рано утром на товарную станцию Смычка прибыл первый железнодорожный состав с мобилизованными в трудовую армию советскими

---

* Впервые опубликовано в газ. «Тагил. рабочий». 1992. 13 февр.

ми немцами. В товарных вагонах — молодые ребята лет по семнадцать-восемнадцать, мужчины всех возрастов. Поселили нас за колючей проволокой Тагиллага на территории старого кирпичного завода в наскоро сколоченный из сырых неструганных досок сарай. Так появился спецотряд, которому присвоили номер 18-74.

В сарае холод, как на улице, зимний ветер заносит в щели снег. Нары трехэтажные, сплошные, из тех же досок, что и стены, без постельных принадлежностей. Спали одетыми, не умывались. Жили и работали за колючей проволокой, долбили мерзлую землю под фундамент, строили новый кирпичный завод.

На днях я побывал в этих местах, стоял и вспоминал прошлое. Там, где находился сарай, — пустырь. Развалины и стены остались от завода, что мы строили, рядом выросли новые цехи, где применяется современная технология.

Невольно вспомнилось первое письмо, отправленное отсюда маме. Письма проверялись цензурой, поэтому пришлось прибегать к иносказаниям. Я писал: «Приехали в большой город на Урале. Доехали хорошо. Работаю на стройке. Все неплохо, но так хочется хоть раз поспать вместе с Борькой (это поросенок, который жил в теплом сарае), покушать из одной чашки с Васей (огромный пушистый рыжий кот). Город мы еще не видели: не выпускают. А подойдешь к забору, там сидит Тина (у нас была большая злая овчарка, никого близко не подпускала). Будь здорова, мама, обо мне не беспокойся».

Когда пришла весна, стало теплее и я сделал наброски нашего лагеря. Рисовал с натуры. Наброски долго хранил в глубокой тайне, боялся их показывать даже родным. Но прошло столько лет, пусть посмотрят на этот рисунок дети и внуки, чтоб знали, в каких условиях содержались когда-то их отцы и деды.

Самыми страшными были февраль и март 42-го, они казались вечностью. С каждым днем на нарах становилось все больше свободных мест. Каждое утро подбирали мертвых, вывозили за город и хоронили в общей яме. В братских могилах покоится половина тех немцев, которые были тогда в Нижний Тагил. Точное количество, наверное, не знает никто. Тут похоронены мой родной дядя — мамин брат, одноклассник, мой сосед, многие близкие друзья.

На центральном кладбище Нижнего Тагила установлен первый в России памятник погибшим советским немцам.

Здесь проводятся митинги, возлагается множество цветов и венков, собираются немцы, живущие в городе, приезжают родные из других регионов.

Моя родина — Казахстан. Но там прошли только юные и школьные годы. Второй родиной для меня, как и еще для нескольких тысяч немцев, стал Урал — Нижний Тагил. Но какие же мы теперь немцы? Нет у нас родного языка, школ, отняли культуру, обычаи. Много и других проблем, но немцы терпеливо ждут возрождения своей автономии.

И. И. КРОНЕВАЛЬД

НЕЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА

Родился я 11 июня 1919 года в Саратове, когда город обстреливали части генерала Краснова. Мой отец родом из села Шафгаузен, построенного в 1764 году на левом берегу Волги, недалеко от места впадения в нее красивой степной реки Иргиз.

С девяти лет ему как сироте пришлось пройти суровую школу мальчика на побегушках, а затем ученика булочника. В годы первой мировой войны он был солдатом российской армии на Кавказском фронте и участвовал в штурме турецкого города Трапезунд. После февральской революции он был членом солдатского комитета, а демобилизовавшись, принес с собой оружие и в числе других немцев активно боролся за советскую власть на Волге, был одним из первых организаторов советской милиции в немецком Поволжье.

Я был старшим в семье, и отцу очень хотелось, чтобы я получил высшее образование. После окончания школы им. В. И. Ленина в городе Вольске в 1937 году я стал студентом исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Все годы обучения не было даже какого-либо намека на притеснения на национальной почве. Наоборот, к нам, нерусским, было особое внимание, а порой и почтительное отношение. В числе лучших я с отличием в 1941 году закончил университет и 18 июня этого же года уже получил научную командировку для работы в архивах Ленинграда. К научной работе меня привлекла академик А. М. Панкратова.

22 июня, как и для миллионов граждан Союза, стало рубежом в моей жизни. Напрасно я обивал пороги военкомата: каждый раз, проходя успешно медицинскую комиссию, я оставался не призванным. В перерывах между явками в военкомат я работал грузчиком на цементном заводе «Большевик» в Вольске, куда был направлен на работу после окончания университета учителем истории в средней школе заводского поселка.

29 августа 1941 года по Вольску уже ходили сотрудники НКВД и скрупулезно брали всех немцев на учет. Через день сообщили Указ Верховного Совета СССР от 28 августа об огульных обвинениях всех поволжских немцев в пособничестве врагу и их высылке в пределы Сибири и Казахстана.

В невероятно тяжелых условиях и под конвоем работников НКВД с минимумом вещей и продуктов стар и млад были через неделю погружены в телячьи вагоны. Через восемь дней наш эшелон прибыл в бескрайние степи Казахстана в Павлодарскую область. Нас расселили по колхозам, и уже на следующий день все включились в уборку урожая. Немцам разрешалось выполнять только самую неквалифицированную работу. Мне и жене, русской Г. А. Бгашевой, удалось из-за острой нехватки учителей устроиться в школу села Александровское.

20 января я получил, как и другие немцы мужчины, повестку явиться в военкомат. Мы обрадовались, думая, что призываемся для отправки на фронт. На станции Щербакты прошли медкомиссию, и на сей раз почему-то все, кроме явных больных и калек, были признаны годными. Как только погрузились в эшелон, сразу же выяснилось, что нас сопровождают сотрудники НКВД, но мы не придали этому какого-либо особого значения. Заволновались, когда эшелон повернул от Челябинска на север, но куда нас везут, все еще не знали.

17 февраля 1942 года эшелон, насчитывающий не одну тысячу человек, прибыл на рассвете на станцию Смычка в Нижнем Тагиле. В этот же день нас водворили в наскоро сколоченный лагерь при кирпичном заводе, поставили охрану и старший лейтенант НКВД Носиков объяснил нам, куда мы попали. Так вместо армии, в составе которой готовы были защищать нашу Родину, мы оказались в Тагиллаге НКВД СССР в качестве заключенных без суда и следствия. И пришлось нам всем пробыть в этом лагере целых пять лет. Большинству приходилось работать на общих работах.

Моральные муки, тяжелые условия труда, нехватка продовольствия и одежды в первые два года свели в могилу почти каждого третьего, а в некоторых лагучастках — от половины до двух третей списочного состава. Лагерное начальство не уставало нам вдалбливать, что мы враги и должны честным трудом искупить свою вину.

Надо признать, что многие из вольнонаемных, с которыми нам приходилось работать, и большинство местного населения не только относились к нам доброжелательно, но помогали часто, делясь куском хлеба и картошкой. Многие начальники заводов истроек охотно брали к себе рабочих и специалистов из нашего лагеря 18-74, так как им выгодно было представить нашу работу как свое умение управлять, за которое они постоянно поощрялись. Иногда кое-что перепало и нам в виде пищи и одежды. Выжить хотели все.

Не могу не сказать о двух имевших тогда место явлениях в отношении к немцам. Во-первых, всех, кто хоть раз замолвил за нас слово или помог в чем-либо, обязательно вызывали в парткомы, органы НКВД и там втолковывали, что они не патриоты своей родины, так как связываются с врагами. Особенно преследовали в обществе женщин и мужчин любой национальности, если они вступали в брак с немцем или немкой. Для таких движение по служебной и общественной лестнице было закрыто. И все же множилось число семей, в которых один из супругов был немкой или немцем. Во-вторых, что особенно переживали родители немецких и смешанных семей, — это отношение со стороны партии и государственных чиновников к их детям. Детей автоматически ставили на учет в комендатуре НКВД, а по достижении шестнадцати лет они сами обязаны были ходить на отметку как ссыльные поселенцы. Перспективы поступить после окончания школы в техникум или институт были минимальны. В таких условиях дети из смешанных семей при получении паспорта (за редким исключением) в графе «национальность» просили записать «русский» или указать любую другую национальность, кроме немецкой. Сегодня таким детям, ставшим взрослыми, германские власти отказывают в принадлежности к немецкому этносу. Итак, в России мы все немцы, в Германии — все русские.

День Победы мы встречали с радостью. Каждому казалось, что теперь с нами разберутся и все мы поедem домой не только к семьям, но и в родные края, откуда нас выслали в 1941 году. Но нас постиг новый тяжелый

удар. С 1946 до начала 1956 года только за национальное происхождение нам пришлось пробыть в ссылке, которая, к счастью, длилась «всего» десять лет. Но и этого было вполне достаточно, чтобы испытать новое унижение, почувствовать неравноправие буквально во всех областях жизни. Стала обычной практикой запрета на профессии. Дальше исполнителей низшего ранга нас старались не пускать. Исключения делались очень редко. До 1948 года я работал учителем и завучем в школе рабочей молодежи № 11 Нижнего Тагила. Стоило мне на выпускных экзаменах указать заведующему району на ее ошибку, как оказалось, что я освобожден от работы. Еще раз должен сказать, что и в такие тяжелые времена были мужественные люди. Так, после увольнения я обратился к инспектору облоно Б. Н. Князеву, фронтовику. Он разобрался, и меня назначили завучем школы рабочей молодежи № 5, из которой после 1956 года я перешел на работу в институт, где мог преподавать только немецкий язык.

29 августа 1964 года вышел Указ Верховного Совета СССР, отменявший обвинение в пособничестве врагу, но возвратиться на родину, в Саратов, я по-прежнему не мог. Только через 24 года после окончания университета я получил возможность работать по специальности. Через пять лет, преодолев многие трудности, я защитил диссертацию и был утвержден ВАКом в звании доцента. Однако и после этого, уже в 1972 году, мне не разрешили поездку в ФРГ, хотя обе Германии представляли для меня научный интерес. Протестовать и жаловаться было совершенно бесполезно, всегда находились отговорки. Специалисты из института не раз командировались в страны социализма, в том числе и ГДР, а меня, имеющего два высших образования, ученую степень и звание, знающего немецкий язык, никому не приходило в голову послать в заграничную командировку.

Как-то, готовя статью о немцах — депутатах райсоветов и горсовета в Нижнем Тагиле, я обнаружил, что все они проходят по учету в графе «прочие». На мой вопрос, как это понимать, один не очень умный, но верный инструкциям работник сказал: «А ты разве не знаешь, что мы их зажимаем?» А ведь это было начало 50-х годов.

С 1965 года и до сих пор мне приходится активно участвовать в движении за восстановление прав советских немцев и их автономии в Поволжье. Много раз в самых высоких инстанциях обещали разобраться, рассмотреть вопрос, изучить положение, но через некоторое время вы-

яснялось, что это очередной обман народа, преследуемого с 1941 года.

Самые последние (апреля 1991 года) решения Верховного Совета РСФСР и Президента России Б. Н. Ельцина о реабилитации репрессированных народов, в том числе и немцев, тоже обманули наши ожидания. Всем немцам стало ясно, что их республика на Волге так и не будет восстановлена, даже несмотря на готовность Германии взять львиную долю расходов на себя. Вот тебе и национальная политика первого Президента СССР М. С. Горбачева и Президента России Б. Н. Ельцина!

Те частности в виде восстановления в России двух немецких национальных районов, отдельные преобразования в области национально-культурной автономии, которые сейчас проводятся, нас никак не могут устроить. Решение отдельных проблем немцев в местах компактного проживания (читай — в местах ссылки) не устраняет причин ассимиляции, дошедшей до грани исчезновения народа, занимавшего когда-то в СССР тринадцатое место по численности населения. Не удивительно, что только за последние несколько лет более 500 тысяч российских немцев уехало в Германию (их теперь там больше, чем было в 1941 году в автономной республике на Волге). В Кельне, где обрабатывают документы на въезд в Германию, находится еще более 700 тысяч заявлений от российских немцев.

Прошел 51 год с того черного дня в истории советских (российских) немцев, а права их так до конца и не восстановлены. Не заживают у немецкого народа России раны, нанесенные ему в 1941 году. Не заживают душевные раны и у тех, кто после 1945 года достиг определенного благополучия и положения в обществе, получил, как и автор этих строк, ордена и медали, грамоты и иные поощрения за успехи в труде. Они вместе со своим народом ждут торжества справедливости. Дождемся ли мы ее?

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ *

Я родился в 1924 году в селе Брабандер Автономной республики немцев Поволжья в семье крестьянина. Наши предки пришли сюда из Бюртемберга, Люксембурга и Франции в 1776 году. Первоначально поселилось 176 человек. Однако село располагалось на пути набегов кочевников, и потому поселенцы все время находились под угрозой уничтожения. В конце концов остались самые смелые и боевые.

После Октябрьской революции наше хозяйство считалось середняцким. Мой отец, тоже Иван Иванович, 1886 года рождения в первую мировую войну служил в армии санитаром и воевал на Кавказском фронте, под Эрзерумом. После возвращения с войны всю жизнь занимался тяжелым крестьянским трудом.

В 1931 году наша семья вступила в колхоз. В то время репрессированных по статье 58 в семье еще не было. В 1933 году всех, кто ранее не вступил в колхоз, загнали туда насильно. Я был свидетелем раскулачивания крестьян-«кулаков» и поиска у них спрятанного зерна. Раскулаченных из Брабандера увезли.

В 1937 году многие жители села были репрессированы. В Брабандере жило около 4 тысяч человек, по моим подсчетам, не менее 10 % из них арестовали. Забрали всех учителей. Хорошо помню одного из них — директора школы Гербера. После окончания гражданской войны он служил в разведке на Дальнем Востоке. Гербер знал несколько языков, за службу был награжден саблей, наганом и собакой. Он приехал в Брабандер и, будучи уже пенсионером, в 1935—1936 годах возглавил школу. Помню, как он собирал нас, уже взрослых ребят, долго беседовал и предупреждал о наступлении тяжелых времен.

Я пошел в школу в шесть лет. После ее окончания поехал учиться в музыкальный техникум в город Энгельс. Это был 1939 год. В городе жили голодно. После захвата Чехословакии к нам в техникум приехало пятеро чехов во главе с Клементом Готвальдом, рассказывали,

---

* Записано со слов И. И. Брауна В. М. Кирилловым 6 декабря 1992 года.

как тяжело им было покинуть родную землю. Вскоре началась финская, а затем Отечественная война.

Летом 1941 года мы в селе собрали урожай, а в августе вышел указ о переселении советских немцев. Первый эшелон с выселяемыми пошел в Павлодарскую область, а второй — на станцию Татарка Алтайского края. Я попал в первый эшелон. Везли под охраной. В вагоне было так тесно, что я всю дорогу простоял у дверей. В пути многие умерли.

Прибыли в село Любимовка Щербактинского района Павлодарской области. Там жили раскулаченные из Польши, Западной Украины. Нас приняли хорошо. Жили мы в семье колхозников, и хозяева нам помогали. Мы приехали на место в сентябре и помогли собрать урожай. Главой колхоза был дед Макар. Он запомнился мне как хороший человек, сочувствующий переселенцам. Жители села советской власти, можно сказать, не знали. Они занимались овцеводством и утаивали от сдачи овец, а потому хорошо ели. Через некоторое время деда Макара заменил Седлецкий, приехавший из Западной Украины. Он издевался над людьми, но не долго — удрал из Любимовки

20 января 1942 года меня мобилизовали в трудармию. 17 февраля 1942 года я прибыл в Нижний Тагил, в спецотряд № 18-74. С собой не было ни куска хлеба, поэтому посадили на пайку и я быстро оголодал.

В 1943 году я попал в команду дистрофиков, совсем умирал. Выручил начальник Тагиллага М. Царевский. Он делал обход и заглянул в барак, где умирали дистрофики. Нас было 37 человек. Когда он узнал, что все мы малолетки (а выглядели стариками), велел давать по килограмму хлеба в день и поставить на ноги. Начальником нашего отделения назначили бывшего военного Костю (фамилию не помню). Он был очень добрым, заботливым человеком и стал нам настоящим отцом. Через месяц пришел Царевский, посмотрел и дал нам еще месяц на оздоровление. Весной 1943 года наше 17-е отделение второй колонны отряда 18-74 направили на работу. Мы занимались переборкой кирпичей для обжиговых печей. Осенью отделение расформировали и раскидали нас в разные места. Так как мы плохо знали русский язык, было вдвойне трудно, и вскоре нас снова поставили на колени. Я работал в печах на кирпичном заводе.

Осенью 1944 года я заболел и попал в больницу. Вышел оттуда очень слабым. Работал истопником в конторе и не мог даже полведра угля принести. Директор

кирпичного завода Феофилактов Дмитрий Федорович дал мне другую работу — обслуживать военных. Это были немцы, тоже высланные в Нижний Тагил из действующей армии, но положение их было несколько лучше. Военные меня подкормили и одели. Я носил им еду с кухни и скоро стал на ноги, окреп. Потом попал на работу в забой — грузить глину. С работой я справился, и на другой день мне дали полную пайку. Бригадиром был Пер. Тут же я увидел земляка из Саратова — лейтенанта Лампрехта. Вскоре бригаду разделили, и я очутился на Зайгоре, где жил в одной комнате с капитаном Штайнле Александром Федоровичем. Военные из немцев все были при должностях и присматривали за нами. Они считали нас предателями, так же думали о немцах Поволжья и немцы, живущие в Казахстане.

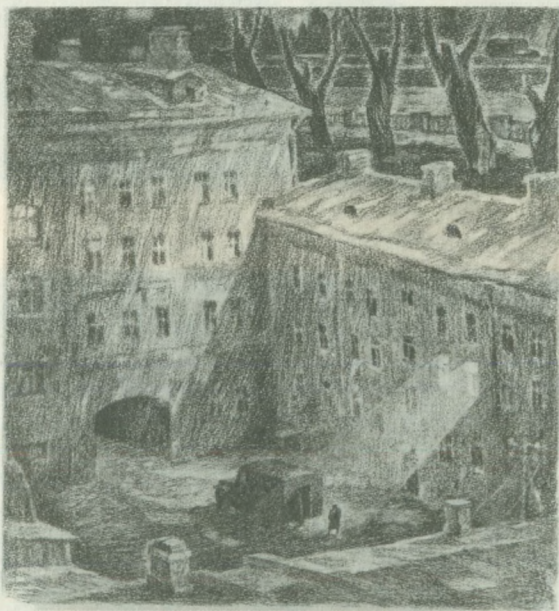
А. Ф. Штайнле спас меня от забоя, и до 1945 года я жил у него. Работал на грузовой лебедке, затем экспедитором в снабжении, бригадиром на дробильно-сортировочной фабрике, машинистом экскаватора. Мне разрешили после войны учиться заочно на девятимесячных курсах в Свердловске, после которых выдали удостоверение мастера горных и взрывных работ. На этих курсах я был единственным беспартийным. Затем я учился в Свердловске на механика, продолжил обучение в Челябинске. Одно время работал и. о. директора карьера при дробильной фабрике, а потом главным механиком трех карьеров (песчаного в Монзино, Алапаевске, щебеночного на Зайгоре и Валегином бору, известкового на Зайгоре). На пенсию ушел в 1984 году с поста главного механика. У меня сын и две дочери от первой жены — Широковой Лидии, с которой мы поженились в Нижнем Тагиле, но не зарегистрировались, опасаясь ссылки. Мне не позволили считать своих детей родными, ссылаясь на отсутствие свидетельства о браке, и после смерти жены в 1966 году дали только право опекуна. В 1967 году я женился на немке Шмидт.

В движении советских немцев я начал участвовать после 1955 года — подписывал воззвания о восстановлении прав советских немцев. Эта работа велась нелегально, и обычно подписывающие воззвания не знали ничего друг о друге. Потом пошли открытые письма, появились журналы. Журналы и газеты попадали ко мне, я раздавал другим. Так же было и с книгами.

19 октября 1989 года И. И. Кроневальд открыл в Нижнем Тагиле собрание советских немцев по созданию

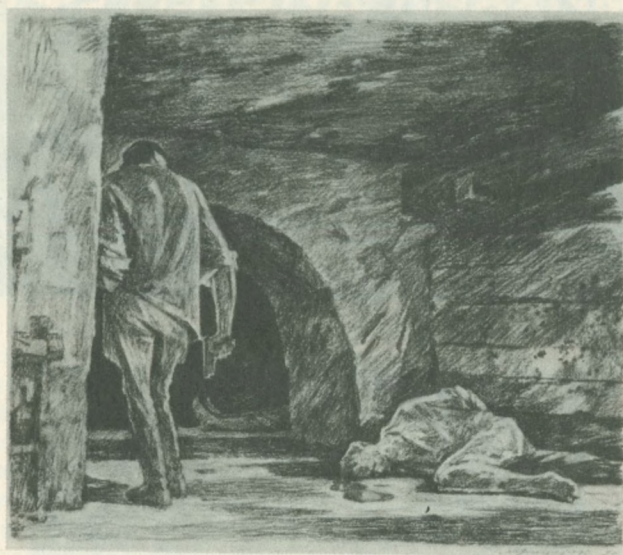
МИХАИЛ ДИСТЕРГЕФТ

ИЗ СЕРИИ
« В ТЕ ГОДЫ »

Ноктюрн, 1937 (триптих, центральная часть)

Белая ленинградская ночь...Эти черные «воронки», увозившие людей в неизвестность, были характерным дополнением городского пейзажа.

Без права переписки (триптих, левая часть)

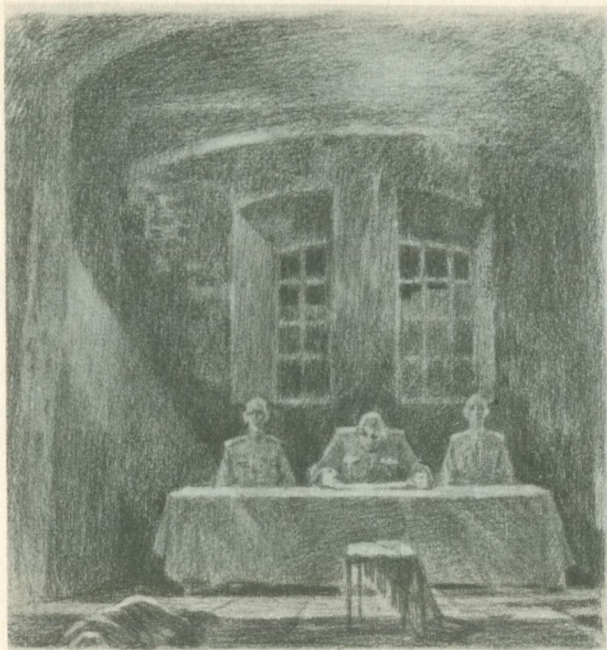
Так официально «органы» отвечали родным расстрелянных, чтобы они не ждали писем и... чтобы скрыть истину.

Враги народа (триптих, правая часть)

В надежде хоть что-то узнать о судьбе близких у тюрем стояли огромные очереди. Впечатления моего детства ожили, когда я читал «Реквием» А. Ахматовой.

Тройка. Особое совещание

Зло, доведенное до абсурда! В лагере шутили: «На нет и суда нет, а есть ОСО». А. И. Солженицын пишет, что оно не выносило приговор, а лишь (!) накладывало административное взыскание... от 10—25 лет лишения свободы до расстрела.

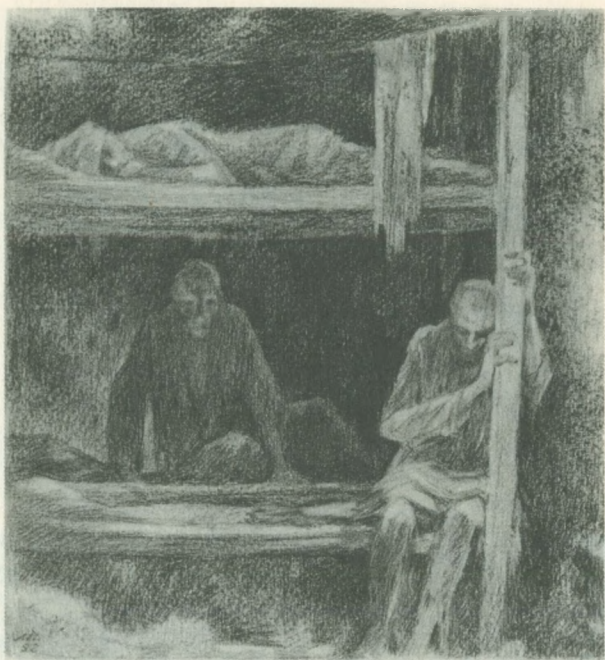

Изгнание

Состав прибыл. Дальше дороги нет. Насильственно депортированные люди обречены как-то обустроиваться, жить и работать в глуши среди снегов на пустом месте. Масштабы этой акции чудовищны! Ведь выселение производилось целыми селами, городами, районами, республиками!

В этом рисунке я использую художественный прием, который можно назвать «реплика». Второй сюжет в одном листе, где действие развивается во времени, пространстве или по ассоциации.

Истощение

Отдел профилактической помощи — ОПП, привычная аббревиатура тех лет. Слабая надежда восстановить здоровье и утраченные силы. Я часто задумывался: почему в зоне было так много дистрофиков — «доходяг»? В Ленинградской блокаде, которую пережили мои родные, люди, получая 125 мизерных граммов, все-таки выживали. Они были сильнее духом, у них была надежда.

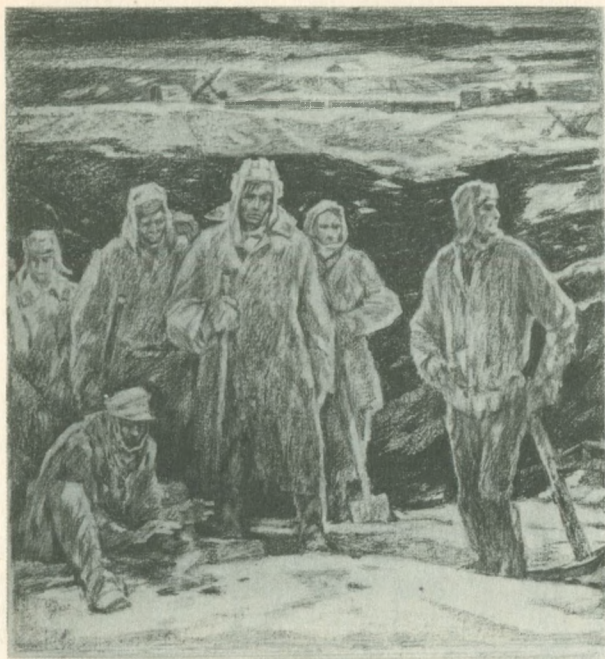

Шаг влево — шаг вправо...

Считается как попытка к бегству. И значит — «законная» пуля в спину... «Вертухай» перегоняет небольшую группу через заснеженное поле.

В трудармии

Бригада в глубь угольных копей. В центре лейтенант-танкист... Много армейских командиров-фронтовиков работали там разно-рабочими. Мерзли, спасаясь у костров. Справа — свободолюбиво смотрит вдаль мой товарищ Владимир Леонгардт, заведующий литературной частью Большого театра СССР. Умный, острый на язык, с «веселым чертиком в глазах». „Чертик“ этот его и погубил. В 1946 г. его забрали... За одно слово правды! И он исчез навсегда.

В бараке

Трехъярусные нары на 18 человек в комнате-камере в 18 метров (счастливое совпадение). Почти доверху засыпанное опилками окно, оставляющее лишь узкую полоску неба. Печь топится углем, и в спертый воздух примешивается характерный запах, от которого тошнит или болит голова.

Этот лист я сделал по сохранившемуся натурному рисунку.

Спецконтингент

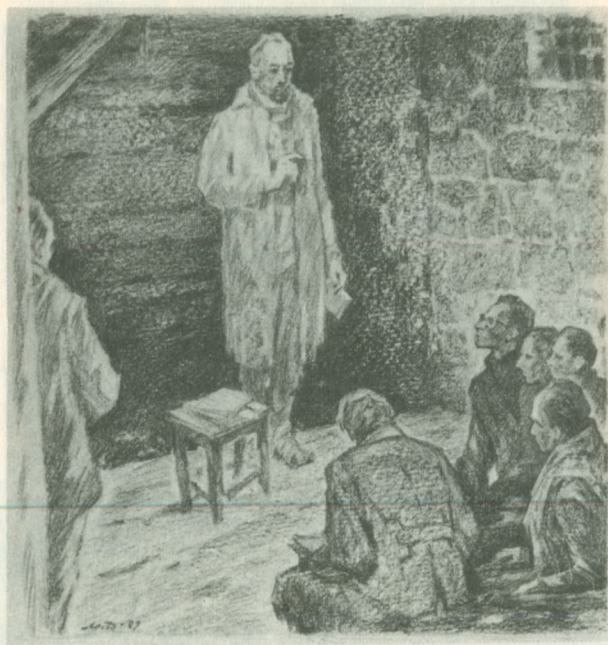
Страшная картина людского горя. Репрессированные «в административном порядке», то есть без суда и следствия. По каким-то признакам им определялась группа СОЭ (социально опасный элемент) или ПОЭ (политически опасный элемент). Дешевые кадры для принудительного труда, которые «решают все».

Несущие уголь

На работу — под конвоем в строю. Обрато в барак — кто как может, но обязательно с куском угля за спиной (топливо в барак). 4 километра в один конец! Многие оставались лежать на этой длинной дороге...

Кафедра профессора О. Бадера

Сюжет этого рисунка возник после бесед с тагильскими заключенными стройотряда № 18-74. П. Э. Рикертом, Б. В. Раушенбахом, И. И. Кроневадьдом. В лагерной среде эти интеллигентные люди имели мужество образовать «малую академию», где по очереди читали лекции по своей специальности. С археологом Бадером я познакомился в 1976 г. Он очень хотел иметь альбом моих гравюр.

Победа за колючей проволокой

И в зоне было соцсоревнование. Создавались фронтовые бригады и являли чудеса трудового героизма. Получали телеграммы с благодарностью от „отца народов“, собирали средства на строительство самолетов... Люди жаждали Победы и связывали с ней свое освобождение.

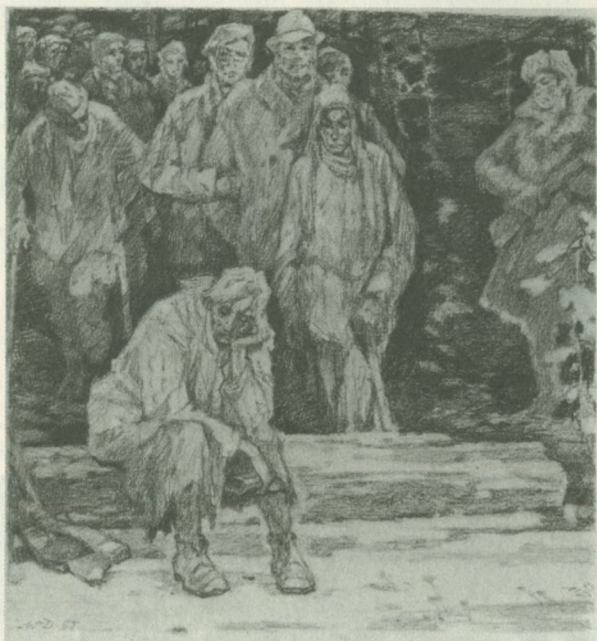

Все на выборы

Первые послевоенные выборы 1946 г.

То, что я изобразил, было нелепо по своей сути: лишенные всех прав и свободы люди не были лишены прав избирательных (видимо, так дешево они ценились), и вот так шли они на избирательные участки. Нелепо и то, что голосовали за Берия, но это — ирония судьбы.

В сюжете справа — фрагмент зонского пейзажа с большими ларями, куда зимой складывали тела тех, кто не дожил до выборов.

Политэмигранты

В Карпинской зоне оказалось много политэмигрантов. Немецкие коммунисты-антифашисты, приехавшие в СССР в разгар гитлеровского всевластия. Советское правительство предоставило им надежное убежище в... ГУЛАГе.

Когда я рисовал усталую женщину на переднем плане, я вспоминал француженку-пианистку В. А. Лотар-Шевченко. Она вдохновенно играла нам, но не любила вспоминать свою десятилетнюю гулаговскую эпопею.

На вечное поселение

Черный день 28 ноября 1948 года. Читают указ Верховного Совета СССР о вечном поселении всех депортированных народов. В зале стояла гробовая тишина, изредка оглашаемая сдавленными рыданиями женщин. Плакать открыто боялись. Мужчины с непроглотимым комом в горле стояли бледные в молчании...

Мало того, что этот указ ломал навсегда судьбы миллионов людей, он узаконил и оправдал насилие и геноцид. Спецпереселенцы вызывали теперь в народе законную неприязнь, недоверие, подозрительность, даже ненависть.

Слева рисунок, где изображена застреленная охранником женщина, которая развешивала на проволоке «предзонника» белье. У нее в г. Серове осталось трое детей.

союза «Возрождение». До этого действовал комитет читателей «Нойес Лебен». Меня избрали в комитет «Возрождения» Нижнего Тагила, вскоре я стал его председателем, каковым и являюсь по сей день. В Москве меня избрали членом Совета «Возрождения». Однако в движении произошёл раскол, и я, осудив его, отказался от участия в политике. При помощи Вормсбехера (писатель, работает в Министерстве национальностей РФ) — одного из лидеров «Возрождения» — мне удалось достать оборудование из ФРГ и создать в Тагиле культурный центр советских немцев. По нашей инициативе на Рогожинском кладбище поставлен памятник немцам из стройотряда № 18-74 — жертвам Тагиллага. Эта работа требует постоянных больших усилий, но приносит в конце концов удовлетворение. Я считаю, что, возрождая немецкую культуру и религиозную веру, мы сможем возродить и души людей. А только такие люди смогут перестроить нашу жизнь в лучшую сторону.

М. В. ДИСТЕРГЕФТ

ВСПОМИНАЯ ТЕ ГОДЫ

Мои родители и их предки родом из Волынской губернии. В начале первой мировой войны отец сражался в русской армии. Мать с ребенком на руках стала беженкой и оказалась в глубине России. Служба для отца закончилась на Китайско-Восточной железной дороге в 1920 году. Через 40 лет я повторил его судьбу, только мне выпал Урал и на целые 50 (!) лет.

Я родился в селе Савелово Тверской губернии в 1921 году. Учился в Ленинграде, сначала в студии профессора А. Р. Эберлинга, затем у профессора А. Д. Зайцева в Академии художеств.

Весной 1941 года был призван по спецнабору в ряды РККА на действительную службу. С начала Великой Отечественной войны — в действующей армии. Артиллерист-зенитчик: По приказу командования в числе подобных по национальности был отозван в тыл, впрочем, как и многие другие, — поляки, финны, жители Прибалтики и русские, родители которых были осуждены по статье 58.

В конце октября оказался в стройбате. Сначала в Горьком, затем на строительстве Уральского алюминиевого завода в Каменске-Уральском. Батальон № 687 состоял в основном из узбеков, таджиков и небольшой части советских немцев. Использовались на погрузо-разгрузочных и других неквалифицированных работах. После ликвидации стройбата осенью 1942 года по повестке военкомата был мобилизован в угольную промышленность «до конца войны» (так было обозначено в повестке).

...Ночью в грязных телячьих вагонах под конвоем привезли в город Карпинск на Богословские угольные копи. Здесь была зона со всеми ее атрибутами: колючей проволокой, бараками, вышками с «попками» наверху, проходными со свирепой «вохрой» и всеми «прелестями» тюремно-лагерного быта. Все это было неожиданно и непонятно.

Наутро можно было оценить то новое, что я увидел. И северный Урал... Многообразие форм и цвета, в пейзаже — широкий размах пространства, мощь и сила манящих горных далей. Но вскоре все красоты величественной гордой природы через колючую проволоку зоны стали восприниматься почти враждебно. Сложившиеся условия бытия — тяжелый труд с дальней дорогой на копи и обратно в лагерь, насилие, унижение, чувство несправедливости, нужда и болезни — все отнимало последние силы. Жесточайшая уральская зима 1942/43 года в горных условиях с ветрами довершала общую печальную картину.

Но надо было жить, а значит бороться! Немногие были способны к такой борьбе. Заболел и я. Но называться больным — значит попасть в лагерную больницу и быть ...доходягой. Я упросил начальство дать мне возможность не возвращаться в зону, а остаться на разрезе. Ночевал я в «тепляке» (домик, сколоченный из щитов) и постепенно устроил в нем для себя угол, где можно было отдыхать. Потом, когда я стал как-то приходить в себя, начал заниматься рисованием. Без любимого дела я не представлял себе жизни, а уже два года не держал карандаш в руке!

Я начал рисовать с натуры кадровых рабочих — экскаваторщиков, машинистов. Они охотно позировали и снабжали меня материалами. Вскоре образовалась серия рисунков и я сделал на площадке перед управлением выставку. Начальство не препятствовало, сделанное мной стали называть «Доской почета». Помню, там был еще

пейзаж — панорама Богословских копей, широкая картина открытых разработок каменноугольных пластов, которая привела в трепет и волнение маркшейдеров. Они стали хлопотать, чтобы меня перевели на работу к ним в отдел.

В моей судьбе наметились перемены, но я мобилизованный и должен быть только на «прямых» работах.

Шло время. Я продолжал работать слесарем, пожарником, выборщиком породы — куда поставят. А вечером занимался творчеством уже с ведома начальства, так сказать, официально. Однажды на разрезе появился журналист, спецкор газеты «Уральский рабочий», и, увидев результаты моего труда, «разразился» огромной статьёй, занимавшей «подвал». В статье были воспроизведены мои рисунки (портреты), карикатуры, плакаты, стихи. Она была восторженно-хвалебная, превозносились заслуги всех руководителей («треугольника») с упоминанием их имен и фамилий. Не было только ни слова обо мне. (Впрочем, я до сих пор не питаю никакой обиды, тем более что автор со мной и не встречался. То же повторится еще не раз. Спустя десять лет спецкор «Тагильского рабочего» напишет добрую статью о творчестве студийцев Дворца культуры, «забыв» совсем о руководителе студии. Я давал ему материал, потерял много времени на интервью, помог с иллюстрациями и т. п. Здесь моя обида законна. Но в одном ли авторе здесь дело? Есть еще редактор и кто-то над ним... Система!)

Ночью следующего после выхода «Уральского рабочего» дня начальник зоны проводил меня к самому управляющему трестом «Богословуголь» для знакомства и беседы по его вызову. Управляющий встретил с улыбкой и даже протянул руку. Он сразу увлек меня интересными идеями и дал надежду заниматься, наконец, своим делом. Я знал, что будет трудно, временами непосильно. Но это была уже моя работа! И горы вдаль стали казаться красивее и ближе. Эта встреча и беседа помнятся мне всю мою жизнь.

А в зоне все шло своим чередом, сменялись волны ужесточения или послабления режима в зависимости от положения на фронте. Пришла, наконец, долгожданная победа! Ликовала и зона в ожидании скорых перемен. Но проходили месяцы и годы... Ничего не менялось! Лишь к концу 1948 года, как гром среди бела дня, прогремел Указ Верховного Совета СССР о вечном поселении с угрозой двадцати лет каторги за побег. Указ подписал Шверник.

Открыли зону. Начался новый режим содержания и учета трудармейцев, ставших теперь спецпереселенцами. Каждый был приписан к своей комендатуре и два раза в месяц обязан был являться на отметку. Такое состояние продолжалось до 1956—1957 годов.

И все же в те трудные годы мы с другом художником А. Н. Матером собрали и устроили выставку своих произведений в Свердловске. Экспозиция разместилась в выставочном зале Горного института и называлась «Богословские копии в дни войны». Благодаря ходатайству треста «Богословуголь», комбината «Свердловуголь» перед областным управлением МВД нам милостиво разрешили поездку в Свердловск без легального проживания в городе. Помню, как нас укрывали в институте от милиции, применяя разные хитрости.

Карпинский период (зона плюс поселение) закончился в 1951 году, когда мне удалось добиться перевода на спецучет в Нижний Тагил. Здесь я был принят на пятый курс художественного училища и через год с дипломом художника-педагога начал работать в ДК НТМК (тогда НТМЗ). В 1960 году перешел в профессиональную организацию — мастерские Художественного фонда РСФСР при Союзе художников. По итогам творческой деятельности в 1967 году меня приняли в Союз художников СССР. Участвовал во многих крупных выставках в Москве, Ленинграде, за рубежом, а также в Свердловске и Нижнем Тагиле. Имел две персональные выставки в зале Союза художников и Нижнетагильском музее. Мои произведения экспонируются и хранятся во многих галереях страны и за границей. Они публиковались в центральных и зарубежных изданиях.

Моя графическая серия — отзвук трагического времени, памятный знак неушедшей беды — называется «В те годы». Она включает в себя 25 больших рисунков. Этот цикл имел широкую публикацию и получил премию в 1989 году. Вся работа приобретена областным управлением культуры для Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела.

Думая сегодня о пережитом, нужно признать, что те пятьдесят репрессивных лет, которые выпали на мою долю, были наполнены усилиями, а временами и борьбой за сохранение человеческого достоинства, преодоление страха, недоверия и подозрительности, укоренившихся в народе в те годы. Но народ не однолик, как нас пытались убедить новоявленные идеологи («новая социальная общ-

ность — советский народ!»). Он состоит из людей — так просто! А люди все разные.

Не в тиши университетских и академических аудиторий постигал я законы бытия общества и человека, а также глубины искусства. Суровая мачеха-жизнь образовывала меня по своим неписаным законам. И слава Богу, что были всегда со мной хорошие люди. В самые трудные, казалось бы, безвыходные моменты будто возникали они на моем пути. В армии — капитан А. Г. Мартиросян. В стройбате — интендант К. И. Гель, с которым мы вели долгие душевительные беседы ночами. В трудармии управляющий трестом «Богословуголь», крупный горный инженер, человек большого ума и высокой культуры А. С. Чернегов. В зоне — театральный художник А. Н. Матер. До нашего знакомства он красил номера на паровозах. После известной статьи в «Уральском рабочем» мы стали работать вместе. У нас много было общего. Его отец совсем не немец — у меня мама не совсем... Мы много шутили по этому поводу. Анатолий Никитич был старше меня на десять лет и опытнее. Я многому у него научился. В тагильской ссылке меня хорошо встретили искусствовед Е. Л. Кронман и директор художественного училища А. Н. Кравченко. Они тепло приняли мои работы на выставке, убедили поучиться год и получить диплом. Никогда не забуду Н. Г. Бозову — профессионального партийного работника, тогда директора нового Дворца культуры, поверившую в меня, никому не известного художника. Она приняла меня на работу, предоставив широкое поле деятельности. Здесь же я познакомился с очень интересными людьми: К. Н. Бобровой, В. М. Иоффе, известным сейчас кинорежиссером В. Я. Мотылем. Дорожу дружбой, которую дарили мне такие люди, как П. Э. Рикерт, З. М. Корабельников, семья Гуськовых, И. А. Дергачев, М. И. Паверман, и дарят сейчас — И. И. Кронвальд, Л. П. Вейберт, Н. Г. Панкова, семья Р. Л. Соловьева — А. Э. Дортман. С благодарностью вспоминаю всех, кому обязан многим, а кому-то и самым дорогим — жизнью. Особое слово признательности — жене, которая прошла со мной через все тяготы зоны и ссылки. Почти 30 лет отдала она Нижнетагильскому музею, преданно служа искусству как экскурсовод, главный хранитель, реставратор и директор.

В 1992 году мы с трудом получили реабилитацию по Указу Верховного Совета Российской Федерации от 18 октября 1991 года. В результате многолетних хлопот

удалось посмертно реабилитировать наших ни в чем не повинных отцов, репрессированных в те страшные годы.

Э. П. ДИСТЕРГЕФТ (ГРОНВАЛЬД)

ВСПОМИНАЯ ПЕРЕЖИТОЕ *

Дистергефт Элеонора Павловна родилась в 1923 году в городе Рыльске. Отец, Павел Генрихович Гронвальд — потомственный пивовар, мать — Элла Викентьевна по образованию учитель. С 1928 года семья жила в Ирбите, в 1937-м переехала в Пермь. В 1937 году отец арестован и расстрелян, в 1938 году арестован его брат. Осенью 1942 года Элеонора Павловна с матерью репрессированы вместе со всем немецким народом.

В начале 1937 года отцу предложили повышение — перевод на Пермский завод на должность старшего пивовара. Он, думая о том, что детям нужно скоро будет продолжить образование в высших учебных заведениях, с удовольствием откликнулся на это предложение. Пермь — большой областной город с университетом, медицинским и педагогическими институтами, оперой, драматическим театром...

В середине лета, после окончания восьмого класса, неохотно распрощавшись со школьными друзьями, я с мамой и братом перебралась к папе в Пермь.

Трехкомнатная квартира при заводе в самом центре города, школа — рядом; брат поступил в авиастроительный техникум. Устроились. Уютно обставили небольшую квартиру. Все казалось так хорошо, что лучше не надо. Но вдруг перед ноябрьскими праздниками брат пришел из техникума заплаканным. Что случилось? Оказывается, его вызвали в спецотдел техникума и предупредили, что он отчисляется, так как допуска на завод ему не оформили (на авиазаводе ему пришлось бы проходить практику), потому что его родители по происхождению немцы. Предложили перейти в другой техникум. Он был очень расстроен, так как заветной мечте — стать авиаконструк-

---

* Отрывки из публикации в рукописном журнале «Тагильский краевед». 1992. № 3.

тором — не суждено было сбыться. Все мы утешали его, как могли, но на душе у всех «кошки скребли».

12 декабря 1937 года — торжественный день, первые выборы в Верховный Совет. Отец не был членом партии, но всегда считал себя «беспартийным коммунистом». Тщательно принарядившись, они с мамой пошли голосовать, я с нетерпением ждала их возвращения. Когда они вернулись, у папы был такой расстроенный и разочарованный вид, что я невольно спросила: «Что случилось?» Он ответил: «Разве же это выборы? Там одна-единственная кандидатура». И мне, девочке, было жаль его...

23 декабря 1937 года. Весь день мы с мамой убрали, мыли, чистили нашу квартиру, ожидая гостей, приглашенных на новоселье. Все было готово. Мы с папой решили порепетировать музыкальные номера, которыми собирались развлекать наших гостей.

Я села к роялю, папа взял скрипку. Я поставила на пюпитр ноты — танго из кинофильма «Петер», популярного тогда. Пройграла интродукцию, вступила скрипка: «Танцуй танго, мне так легко, Позволь поверить...»

Вдруг пронзительный, совершенно особенный дверной звонок оборвал музыку...

Мама открыла дверь. Вошли, нет, ворвались двое в формах и понятой с виноватым лицом. Предъявили ордер на арест, начался бесконечный унижающий своей бесцеремонностью обыск. Где только они ни искали! В доме было перевернуто все вверх дном. Обыск продолжался до глубокой ночи... А гости все приходили, вначале каждому я открывала, они, видя, что происходит, спешили извиниться и уйти.

Помню свое смятение, безумную жалость к отцу, какую-то непонятную надежду, что это страшное наваждение должно рассеяться, что все, что происходит, — неправда, что происходит это не с нами...

Люди в форме забрали все ценное, что было в доме: столовое серебро, папины золотые часы с цепочкой, мамины кольцо, браслет и цепочку.

И вот — конец. Отца уводят. Взять с собой ничего не разрешили. «Не нужно. Там все есть...»

Последние объятия, поцелуи и фразы: «Не волнуйтесь. Это недоразумение. Через пару дней вернусь. Я ни в чем не виноват...»

А потом страшная пустота... Депрессия... Хождение мамы к тюрьме, стояние в очередях. Наконец, одна-един-

ственная передача самых необходимых бытовых вещей и перевод по почте 50 рублей.

И сохраненный на всю жизнь — крохотный клочок бумаги со словами благодарности и последнего привета отца.

Вспоминаю, как приходила в дом группа человек из восьми-десяти рабочих. Они очень хорошо отзывались об отце и предлагали написать коллективное письмо в его защиту. Только мама, к тому времени уже видевшая у тюрьмы тысячные очереди, отговорила их писать, боясь, что и их постигнет та же участь.

В эти дни мы могли еще раз убедиться, каким добрым, отзывчивым и щедрым был отец, потому что ежедневно приходили в дом рабочие и приносили взятые в долг у отца деньги: 50—100—200 рублей. А, может быть, это была своеобразная помощь оставшейся без кормильца семье? Не знаю.

Квартиру необходимо было освободить в течение десяти дней. Куда деться, где жить? Обсудив все, решили возвратиться в Ирбит. В Ирбите приютила нас семья дяди, папиного брата, оставшегося на заводе работать вместо него. Но, оказалось, это ненадолго. Через два месяца, 23 февраля 1938 года, мне снова пришлось пережить весь ужас ареста, обыска и конфискации ценностей при аресте дяди — Генриха Германовича Гронвальда. Господи, да как же это страшно! Каким тяжким грузом до сих пор лежит эта жизненная трагедия на душе! И никогда не забывается, не отпускает...

Перенесу читателя на многие годы вперед. Сколько раз писала я в НКВД, спрашивала о судьбе отца! Наконец, перед войной получен ответ: «Сослан в дальние лагеря на десять лет без права переписки» (тогда мы еще не могли знать, что означали эти страшные слова). Двадцать лет не было дня, чтобы я не думала об отце, не считала годы, не ждала встречи с ним! И только в 1958 году, когда получила по моему запросу справку о полной реабилитации и свидетельство о смерти, где черным по белому значится: «Умер 23 декабря 1943 года от рака печени», — я перестала надеяться и ждать, хоть и не верила ни одному слову «свидетельства»: ни дате, ни диагнозу, ни месту смерти.

В ноябре 1989 года я снова запросила УКГБ о судьбе отца. Ответ поступил из пермского УКГБ в тагильское, где мне вежливо сообщили, что отец мой, Гронвальд Павел Германович, рождения 1893 года, арестованный 23.12.1937 года в Перми, приговорен 15.01.1938 года

к высшей мере наказания, и 31.01.1938 года приговор приведен в исполнение. Обвинялся в шпионаже в пользу Германии, реабилитирован за неимением состава преступления. За давностью лет, прошедших с тех пор, и отсутствием документов мне не могут сообщить ни города, ни места, где он похоронен.

Я думаю, что расстрелян он в Перми. Только как найти ту землю, на которую мне так хочется положить цветы и поставить зажженную свечу?

Весь 1938 год я была тяжело больна. Ничего не могла делать, не могла говорить, только плакала, плакала. Об учебе не могло быть речи. В девятом классе, как и все ребята, подала заявление с просьбой принять меня в комсомол. Через пару дней вызвала меня к себе в кабинет директор школы и попросила забрать заявление. Она очень мягко, боясь причинить мне боль, объяснила, что школьная ячейка меня примет, а райком комсомола не утвердит. Разве могут быть комсомольцами дети «врагов народа?» Так и не была я никогда членом ВЛКСМ.

В Ирбитском детском доме жили дети многих «врагов народа», собранные туда со всех концов России-матушки. Говорили, что дочь Тухачевского одно время училась в нашей школе, только под другой фамилией.

В нашем классе были две девочки — Нина Шестова и Вера Зорина, у одной из них отец до ареста был командующим Московским военным округом. Мамы их тоже арестованы или сосланы в тьмутаракань. Многие никогда больше с ними не встретились.

Очень благодарна я учителям, директору, ребятам нашей школы: они никогда не напоминали нам, детям, что мы изгои, отверженные, «не такие», как все.

Окончив десятилетку в 1940 году, я подала заявление в Уральский политехнический институт на металлургический факультет. Конкурс был большой — тринадцать человек на одно место. Я выдержала его и была зачислена на первый курс. Проучилась год. Началась война. Я снова заболела. Пришлось взять академический отпуск.

Осенью 1942 года многие жители Ирбита немецкой национальности получили повестки из военкомата, в которых было сказано, что нас мобилизуют на время войны на работу в угольную промышленность. Я, мама, ее сестра, моя тетя, тоже получили такие повестки. В военкомате нам объявили, что на сборы дается три дня, с собой можно взять только самое необходимое, что можно уместить в рюкзак, и ничего больше...

12 ноября в снежный, холодный день всех нас погрузили в товарный вагон с нарами в два этажа. «Женщины — налево, мужчины — направо» с «буржуйкой» посередине; на станциях — не выходить, дверь — не открывать. Поезд охраняет конвой. По пути следования в состав добавляются все новые и новые вагоны с мобилизованными.

Женщин много, на нарах лежат плотно друг к другу, только на боку. Поворачиваться на другой бок можно только всем вместе. Ночью холод, днем «буржуйка» раскалена докрасна, духота от дыма махорки, которую непрерывно курят мужчины. Ноги и спины, как во льду.

Целую неделю везли нас из Ирбита в Богословск (г. Карпинск). Прибыли 18 ноября 1942 года. Глубокий снег, мороз минус 30 градусов. Выстроили — и под конвоем в каркасно-засыпные бараки. Шестнадцать барачков, в каждом двадцать пять комнат, комната 14—16 квадратных метров, в комнате нары в три этажа на восемнадцать человек. Нары заполняют весь объем комнаты. Только узкий проход к одинарному окну, покрытому толстым слоем инея. От окна несет полярным холодом. Тепло только у самой плиты.

На нарах матрацы и подушки, набитые сырыми стружками, которые мы долго высушивали теплом собственных тел. Тонкие одеяла...

Сколько из нас тогда слегло в больницу с воспалением легких!

Через неделю, выходя утром на работу, увидели, что наши бараки обнесены колючей проволокой, у ворот проходная будка, по углам четыре вышки с вооруженными охранниками — «попками».

Вот так более семи тысяч советских немцев, ничем не запятнавших своей чести, мобилизованных на работу в угольной промышленности, превратились за одну ночь в заключенных, «зонцев», лишенных всех гражданских прав, свободы, человеческого достоинства, общения с родными.

Среди нас были люди самых разных возрастов — от 14 до 65 лет, были женщины с малыми детьми и немолдые (моей маме был 51 год). Многие мужчины были по приказу Сталина демобилизованы с фронта, с орденами, медалями, ученые из Ленинграда, Москвы, врачи, немецкие коммунисты-интернационалисты, много пожилых, казавшихся нам, молодым, стариками.

Всех нас угнетала обстановка, постоянные окрики

охранников, гауптвахта, издевательства начальства. Начальник зоны Петраков — злой, тупой, циничный. Ему доставляло удовольствие видеть нас униженными, духовно растоптанными. Люди очень тяжело переживали разлуку с близкими, с семьями. Мне кажется, что главное изверство всей системы «зон» как раз и состояло в том, чтобы ни в коем случае не поселить вместе, в одной зоне мужа и жену, мать и детей и т. п.

Все мы должны были работать только на самых тяжелых работах, какими бы болезнями ни страдали. Никаких «поблажек», никаких медкомиссий, никаких бюллетеней нам не полагалось! А ведь среди нас было столько сердечников, язвеников, ревматиков... Все без исключения — только на «прямые» работы! Вскрыша угольных разрезов, ручная добыча угля, расштыбовка (очистка моторов транспортерных лент от угольной крошки), выборка породы с транспортерных лент... Работа тяжелая на открытом месте, а температура в ту зиму нередко опускалась до 50—53 градусов холода.

Но ни тяжелая работа (всем тяжело было в то страшное время и на фронте, и в тылу), ни дальняя ходьба до разрезов — пять-восемь километров в один конец, ни 12—14-часовой рабочий день на морозе, ни безобразное питание (в столовых нас обирадовали без зазрения совести, на руки продукты по карточкам не выдавали) — ничто так не угнетало, как отсутствие чувства единения, братства со всеми советскими людьми, с Родиной. Мы были одни, каждый наедине с собой...

Мы знали о блокадном Ленинграде, знали, что блокадникам сочувствует и живет с ними одними заботами, одной болью вся страна, что за ними напряженно следит Большая Земля, о них помнят, их любят... Блокадники, даже тогда, когда норма уменьшилась до 125 граммов хлеба в день, работали, хотели выжить, боролись за жизнь. А в зоне при сравнительно больших нормах питания жить не хотели! Не хотели! Оклеветанные, измученные недоверием, несли на себе клеймо «фрицев», «фашистов», «врагов». Хотели — сужу по себе — забиться в угол, спрятаться, умереть...

Как смотрели на нас богословцы! Страшно вспомнить тяжелые, ненавидящие взгляды местных жителей. Как буравы, они сверлили наши сердца. В нас они видели убийц своих мужей, сыновей, погибших на фронте. Ведь мы же не были с ними рядом, хотя бок о бок работали вместе. Мы были там, за колючей проволокой; в нас стре-

ляли без предупреждения охранники, если мы неосторожно подходили к нейтральной полосе (на моих глазах умерла смертельно раненная охранником женщина, мать троих малолетних детей, оставшихся в Серове). Мы были враги! Рабочий скот, который имел право только работать и умирать.

Ведь до осени 1988 года никто не хотел сказать правды о нас, целом народе численностью более двух миллионов человек, репрессированном и развешанном по всему Советскому Союзу! Как же нам все эти годы нужна была Правда! Работали-то мы там, в зоне, не за страх (хотя и страху натерпелись досыта), не за деньги, а за совесть.

Мы знали, что уголь Богословска ждут Уралвагонзавод Нижнего Тагила, Базстрой Краснотурьинска, тракторный Челябинска и многие другие заводы и предприятия страны. Сознание своей необходимости многим из нас, и мне в том числе, помогло выжить и остаться людьми. Мне довелось вручную, кайлом и лопатой добывать уголь, а потом на носилках таскать его к транспортерной ленте; была я и выборщицей породы, и расштыбовщицей, и мотористкой, и счетоводом-расчетчиком II разряда в бухгалтерии... Перевод в бухгалтерию — избавление от непосильной работы, но ведь это и сокращение продуктов питания больше чем вдвое. Не выдержал организм. Заболела какой-то странной болезнью, протекавшей по типу тропической лихорадки: вечером температура 40—40,5, а утром — 35 градусов. Упадок сил. Едва ходила, больше лежала.

Жили мы с мамой в ту пору в камере хранения, маленькой комнатушке, заполненной вещами жителей барака. В жилых комнатах держать ничего не разрешалось. Мама отвечала за сохранность этого нехитрого имущества.

Однажды, постучав в дверь, в комнату вошел молодой высокий худощавый, почти незнакомый человек, извинился за неожиданный визит, представился — Михаил Дистергефт. Он, узнав о моей болезни, решил спросить, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь. Я скромно ответила, что мне ничего не нужно.

— Может быть, нужны книги?

Я просияла. Книг не видела уже два года! В то время Михаил работал художником в клубе угольщиков и имел постоянный пропуск на вход и выход в зону, поэтому мог пользоваться услугами богословской библиотеки. Теперь он стал частым гостем нашего жилища, каждый раз

принося новую книгу. Часто приходил с домрой. Музыка, книги... разве можно было мечтать об этом? Как я радовалась его приходу! Скоро мы стали друзьями.

После болезни дали справку о необходимости предоставления мне работы, не связанной с ходьбой. Вот тогда перешла на работу калькулятором в больницу «зоны».

Закрываю глаза и, как кадры кинохроники, проходят эпизоды, связанные с работой в больнице. Аскетические белые больничные палаты, заполненные койками с дистрофиками, задыхающимися астматиками и сердечниками, туберкулезными мальчиками первой палаты — все они обречены. Доктор, наш мудрый, интеллигентный кандидат медицинских наук москвич Отто Эдуардович Бауэр, ничем не может им помочь: нет лекарств и самое главное — сколько-нибудь нормального питания... Доктор очень хорошо относится ко мне, как к дочери (у него в Москве жена русская и дочь моего возраста), учит меня быть аккуратной, систематичной в работе, по-отечески журит за ошибки, но совершенно непреклонно требует, чтобы я по утрам раздавала больным юношам из туберкулезной палаты желтые витаминные шарики — единственное лекарство.

Как было тяжело видеть их прозрачные лица, хотелось кричать и плакать от жалости, зная, что завтра умрет вот тот, что лежит под окном справа, а через два-три дня — этот блондин с огромными глазами... Но я сжимала руки так, что почти впивались в ладони ногти, и шла к ним с шутками и улыбкой, чтобы хоть как-то скрасить их последние минуты. Персонал больницы — врачи, сестры, няни — старались изо всех сил, делали что могли для спасения погибающих, но они все-таки умирали, умирали, умирали...

За больницей, у забора, был дощатый сарай-морг, который в течение дня наполнялся умершими. Ночью грузовая машина увозила их на богословское кладбище, где «груз» сваливали в огромные ямы — братские могилы. Трупы присыпали снегом, а потом заполненные почти доверху ямы засыпали землей и ровняли. Возможно, и ставили какие-то колья с обозначением количества погребенных и времени захоронения, но, думаю, вряд ли они сохранились. Кто знает имена этих тружеников, отдавших жизни за общую победу над фашизмом? «Никто не забыт, ничто не забыто?»

Однажды, уже в 60-х годах, мы с мужем навестили

Карпинск. Решили заодно восстановить не внесенные в трудовые книжки записи о работе на угольных разрезах. Но куда бы мы ни обращались, всюду нам отвечали, что документы о нашей работе не сохранились. И только один сотрудник горисполкома, старый наш знакомый, по секрету поведал нам, что документами зоны в 50-х годах три дня топили городскую баню...

Мама с самого начала была назначена старшей техничкой барака, в котором жило около 450 человек. Она отвечала за постельное белье, должна была ежедневно пересчитывать все, отдавать в стирку и т. д. Короче говоря, была материально ответственна. Возможности уследить за всем просто не было. Люди были в постоянном движении: одних переводили на другую работу, а значит и в другой барак, кого-то клали в больницу, кто-то умирал... Их простыни, полотенца оставшиеся сейчас же пускали на портянки...

Мама и сама долго лежала в больнице, перенесла брюшной тиф и пеллагру. После больницы ее «комиссовали», она могла уехать из Карпинска, но ревизия обнаружила недостачу белья в бараке на три тысячи рублей. Трест «Богословуголь» предъявил ей иск на тридцать тысяч рублей (взыскание в десятикратном размере). Где взять такие деньги? Значит — тюрьма, минимум три года. Больная мама не выдержала бы и трех месяцев.

Пришлось идти с заявлением к заместителю управляющего трестом т. Нагорному с просьбой разрешить возместить недостачу в три тысячи. Но он был неумолим. Как я просила его! В конце концов, рыдая, я опустилась перед ним на колени и уговаривала пощадить больную несчастную мать... Наконец каменное сердце дрогнуло. Царственным жестом он (не поднял, нет!) приказал подняться и, глядя на меня с надменным презрением, подписал заявление.

Как мне было стыдно и унижительно сознавать свое ничтожество и абсолютное бесправие! И все-таки я благодарила этого человека за спасение матери. Всю дорогу до зоны слезы заливали глаза и я почти ничего не видела, шла, натываясь на заборы и столбы.

Еще в 1940 году нам кое-что возвратили из конфискованного во время ареста отца. Эти вещи сохранила нам добрая Е. И. Артамонова, переехавшая в Нижний Тагил из Ирбита. Мама уехала к брату в Нижний Тагил. Она получила наши вещи и отнесла в ювелирный мага-

зин золотую цепочку от папиных часов. Ее оценили в три тысячи рублей. Она немедленно переслала деньги в Карпинск, и я рассчиталась с долгом. Мама рассказала потом, что через два дня после сдачи цепочки видела ее на витрине с продажной ценой девять тысяч.

Дружба моя с Мишей Дистергефтом перешла в глубокую привязанность и любовь. 30 сентября 1944 года мы поженились. Брак наш был зарегистрирован в Карпинском ЗАГСе по моему паспорту, который выдали мне в штабе зоны для регистрации, и справке, заменяющей паспорт у Михаила. После регистрации получили брачное свидетельство на красивом довоенном бланке.

Торжественно зона отметила победу 9 мая 1945 года. Все обнимались, поздравляли друг друга с окончанием долгой и тяжелой войны. Думалось, что с окончанием войны и наше положение будет другим, «и на нашей улице будет праздник». Ведь все мы, советские немцы, трудились из последних сил, «...приближая День победы, как могли...»

Мы с мужем ожидали ребенка, и нам в виде исключения разрешили жить на частной квартире. Однако зона до осени 1947 года, до дня выборов в Верховный Совет, сидела за проволокой без паспортов.

13 сентября 1945 года у нас родился сын, назвали его Игорем. Радость же наша вскоре была омрачена. Когда счастливый отец пошел регистрировать малыша, он не только не получил свидетельства о рождении ребенка, а на его глазах регистратор разорвала в мелкие клочья наше свидетельство о браке, объявив, что мы зарегистрированы незаконно и что ребенка она может записать только на девичью фамилию матери и отчество у Игоря будет не Михайлович, а по имени деда — Павлович.

Нужно было долго и нудно писать в разные инстанции, и наконец, набравшись сил и смелости, обратиться к самому высокому начальству — в НКВД, где я, доведенная до отчаяния, вела себя не только смело, но, кажется, даже агрессивно, рассмешила мрачного начальника, и он в резолюции написал: «Выдать дубликат брачного свидетельства, ребенка зарегистрировать».

Оказывается, все так просто!

Только в 1947 году (повторюсь) перед первыми послевоенными выборами была ликвидирована «зона», то есть убраны колючая проволока и охрана, а также выданы людям немецкой национальности паспорта.

Кажется, можно было вздохнуть полегче, но не тут-то было.

В 1948 году, когда нашему сынишке исполнилось три года, всех нас собрали в большую столовую пёрвой зоны, находившуюся в одном из барачков, и зачитали правительственный указ, подписанный Шверником, по которому мы объявлялись на вечные времена спецпоселенцами, и любой самовольный отъезд (даже за грибами за три километра) будет расцениваться как побег и повлечет за собой осуждение на двадцать лет каторжных работ!

Впервые тогда мы узнали о существовании в Советском Союзе каторжных работ. И это было для всех нас катастрофой. Не осталось никаких надежд...

По-разному сложились судьбы людей, наших товарищей по зоне, но все мы еще долгие-долгие годы, вплоть до 1956, считались спецпоселенцами и дважды в месяц ходили на унижительную отметку в спецкомендатуру, где грубый невежественный комендант, говоривший всем подряд «ты», любого из нас мог безнаказанно обидеть и унижить.

Только в ноябре 1989 года Верховным Советом СССР была принята «Декларация о реабилитации народов, незаконно репрессированных во время Великой Отечественной войны». До этого времени мы с мужем, как и два миллиона советских немцев, не чувствовали себя полноправными гражданами нашей страны. Как дамоклов меч висело над нами сталинское проклятие.

Однажды в 1949 году прихожу на отметку, комендант, тупой и жестокий Швецов, посмотрев паспорт, перечеркнул его жирной косою чертой и написал на нем: «Сменить паспорт. Национальность — немка». А надо сказать, что в 1939 году, когда получала первый паспорт, в графе бланка «национальность» я написала «русская», каковой себя считала с детства, потому что в доме была только русская речь, ни обычаев, ни нравов, кроме русских, не знала, училась в русской школе, читала только русские книги.

Вышла из комендатуры потрясенная, тем более, что пережив все то, что выпало на нашу долю, я не хотела того же своему маленькому сыну.

Что делать?

Послушав добрый совет своей знакомой, «потеряла» паспорт. Уплатив штраф за «утерю», получила новый паспорт с русской национальностью.

И еще раз подобный случай произошел в 1954 году в Тагиле. В спецкомендатуре за Горбатым мостом службист опять предложил мне сменить национальность в паспорте. Но я, оставив паспорт в комендатуре, не брала его, говорила, что он мне не нужен. Если необходимо сменить — смените сами. Так и лежал в столе у коменданта мой паспорт, наверное, год. Надоел ему, и он мне его возвратил.

Весной 1951 года по вызову брата Георгия Павловича Гронвальда (тоже спецпоселенца, работавшего в то время на НТМЗ) и по разрешению, испрошенному нами в областном НКВД, мы переехали на поселение в Нижний Тагил. Делался этот переезд в первую очередь для того, чтобы муж получил возможность закончить художественное образование, начатое в Ленинграде. В ту весну он держал экстерном экзамен на пятый курс Уральского художественно-промышленного училища. Выдержав, был зачислен, а весной 1952 года с отличием закончил его. Я долго не могла найти работу, отказывали везде, как только узнавали, что я спецпоселенка.

Так дожили до глубокой осени. В семье четверо. В магазинах разнообразие продуктов: мясо любое, колбаса, сосиски, даже икра, а нам едва на хлеб и картошку хватало...

И, наконец, наш новый друг искусствовед Евгений Леонтьевич Кронман, человек тоже с очень сложной, изломанной судьбой, рекомендовал меня на работу в Государственный музей изобразительных искусств пока на должность билетного кассира, так как других вакансий не было. Через полгода я уже работала экскурсоводом, а с 1954 года — главным хранителем. Последние шесть лет перед пенсией была директором музея.

Постоянное общение с моим другом и наставником Евгением Леонтьевичем, курс его лекций по истории и теории изобразительного искусства в объеме художественного училища, который мне удалось прослушать в самые первые годы работы в музее, курсы главных хранителей, оконченные в 1957 году при Государственных центральных художественно-реставрационных мастерских, частые командировки и стажировки в Третьяковской галерее, в Государственном Русском музее, стажирование в ГЦХРМ по реставрации станковой живописи и постоянное стремление к самосовершенствованию дали мне знания и моральное право заниматься любимым делом, занимать эти должности в музее. Я очень любила

свою работу и, как мне кажется, сделала немало добрых дел в музее.

Моя работа отмечена многочисленными грамотами, дипломами, подарками, я награждена знаком «Отличный работник Министерства культуры СССР», «Ветеран труда», знаком «Отличник культурного шефства над Вооруженными силами СССР».

В феврале 1980 года я ушла на пенсию. Некоторое время не работала. Пока внуки были малы, жизнь казалась заполненной заботами о них. Но... стоило им подрасти, и жизнь лишилась смысла...

Я приняла предложение музыкальной школы № 1 наладить работу школьной библиотеки. И вот уже семь лет занимаюсь этим делом.

Активная жизнь, которую по мере сил стараюсь сохранить, не оставляет равнодушной к деятельности общества «Мемориал». Принимаю участие в создании «Альбома памяти», посвященного невинно репрессированным и погибшим в сталинских лагерях тагильчанам и родственникам ныне живущих в городе. Работа над «Альбомом» и эти «Воспоминания» воскресили в памяти пережитое и как-то осветили, словно лучом, самое большое. Вдруг поняла, что с 1937 до конца 1989 года я, вернее, мы с мужем никогда не чувствовали себя полноправными гражданами нашей страны. Как дамочков меч висело над нами сталинское проклятие — несправедливые репрессии сначала наших отцов, потом всего немецкого народа, насчитывающего более двух миллионов человек.

Б. Д. БРОЦМАН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Я родился 15 августа 1921 года в селе Дунаевка Минералводского района Ставропольского края. Родители мои были крестьянами. Отец в период коллективизации одним из первых вступил в колхоз и работал сначала бригадиром, а потом председателем колхоза. В связи с тем, что в 1931—1932 годах не был своевременно убран урожай, не хватило кормов для скота и начался его падеж, ему предъявили обвинение и приговорили к

расстрелу. После подачи кассационной жалобы в Верховный суд приговор заменили на десять лет лагерей и сослали в ИТК «Беломорканал». Мать, сестра и я в 1932—1933 годах испытали страшный голод из-за того, что у нас как членов семьи «врага народа» отобрали хлеб, корову и дом. Нам пришлось уехать в другой район. Отец был лишен права на переписку с нами, и поэтому мы считали, что его нет в живых. Но, к великому счастью, он остался жив и вернулся к нам через четыре года.

В 1937 году я закончил торговый техникум во Владикавказе, а в 1939 году поступил в военное училище и в мае 1941 года в звании лейтенанта был направлен в Закавказский военный округ для прохождения службы командиром взвода. В первых числах сентября 1941 года я был приглашен в штаб 77-й дивизии, где мне зачитали указ от 28 августа 1941 года и объявили, что я по национальным признакам с фронта отчисляюсь. Затем мне вручили предписание в УралВО отправиться в Нижний Тагил. Нижнетагильский горвоенкомат направил меня в должности командира роты в стройбатальон № 390 на строительство Уралвагонзавода, а в мае 1942 года вызвали в военкомат и определили в отряд 18-74 Тагилстроя — Тагиллага НКВД. Меня лишили воинского звания и сняли с учета в связи с «сокращением штатов».

Отряд 18-74 находился на кирпичном заводе № 1. Нас поместили в зону лагеря как заключенных, сняли отпечатки пальцев. В бараках — нары, зона обнесена колючей проволокой, по углам вышки с часowymi, на работу и с работы только строем, под конвоем с собаками. Такое унижение и мучение длилось четыре года. После окончания войны нас всех, оставшихся в живых, пригласили в клуб Тагилстроя и зачитали указ, в котором было сказано, что мы, немцы, с 1946 года переданы на спецпоселение в органы НКВД навечно и за самовольный выезд за пределы города нас будут карать по закону на 20 лет каторги.

На спецпоселении мы находились десять лет — до 1956 года, ходили два раза в месяц отмечаться в спецкомендатуру НКВД. Иногда к нам приходили с проверкой на дом. Таким образом, я и моя семья не имели гражданских прав.

После снятия ограничений я закончил строительный техникум. В 1963 году был принят в члены КПСС. Я получил военный билет и был восстановлен в воинском звании старшего лейтенанта. Начиная с мая 1942 года

до ухода на пенсию в 1981 году я работал на стройках Нижнего Тагила и Свердловской области в должности мастера и закончил работу начальником строительного управления «Уралсибэкскавация» (ныне управление № 12).

Моя жена — Никонова Надежда Николаевна, 1924 года рождения, прошла рядом со мной весь мой тяжелый путь с 1942 года. Дочь Галина Борисовна, 1943 года рождения, закончила Уральский политехнический институт. Сын Сергей Борисович, 1956 года рождения, закончил Нижнетагильский пединститут. В данный момент мы с женой, прошедшие через унижения и оскорбления, выпавшие на долю всех советских немцев, находимся на заслуженном отдыхе*.

Л. БЕЛОУСОВА

О БЛАГОРОДНОМ ДОКТОРЕ РУНГЕ, ИНТЕЛЛИГЕНТЕ И ЛИЧНОСТИ **

Впервые в жизни я слышала о нем будучи еще маленькой девочкой. Мы жили тогда в эвакуации в маленькой сибирской деревушке. Однажды к моей тетушке, работавшей там учительницей, пришла худая изможденная женщина. Помню ее фамилию — Шнайдер. Со слезами на глазах она рассказывала, что спас ее и многих других репрессированных немцев В. Э. Рунг, который сумел в обстановке невероятных трудностей отправить их из Тагиллага и тем самым спас от верной голодной смерти.

Сам Вольдемар Эдуардович по национальности немец — из тех, которые осели на Руси 200 лет назад, прибыл в Тагиллаг в 1943 году в числе врачей, работавших до этого в Волголаге (строили стратегическую железную

---

* Однако Борис Данилович не сидит сложа руки. Он является председателем Нижнетагильского общества «Мемориал», членом городской комиссии по оказанию помощи реабилитированным гражданам и проводит большую работу по социальной помощи жертвам репрессий.

** Материал впервые опубликован в газ. «Тагил. рабочий». 1992. 31 дек.

дорогу Казань — Ульяновск). Это были Г. Я. Гейнрихсдорф, В. Р. Зоммер (впоследствии к нему приехала жена О. В. Михельсон, известный врач-невропатолог), Г. А. Новброд, Т. А. Грасмик — интеллигентные, образованные люди, прекрасные специалисты. Сами лагерники, они лечили «мобилизованных» немцев, то есть тех, кто был насильственно согнан со своих мест и упрятан за колючую проволоку, а также «кулаков», спецпереселенцев, да и местных жителей тоже, так как с врачами в Нижнем Тагиле тогда было очень трудно.

Вслед за мужем, доктором Рунгом, в Нижний Тагил приехала Анастасия Сергеевна Лобанова, тоже по специальности врач, которой суждено было стать в нашем городе пионером-организатором психиатрической службы. До нас, представителей значительно более молодого поколения тагильских медиков, дошли разговоры о том, что Анастасию Сергеевну (по национальности она русская) «вызывали не однажды в известные органы и вели с нею соответствующие беседы. Но эта молодая, энергичная женщина, с виду такая хрупкая, незаметная, оказалась очень сильным и смелым человеком. «Все ваши генералы и капитаны, — сказала она, — не запретят мне любить человека, который стал моим мужем». Если забегать вперед, то можно сказать, что с тех пор они прожили вместе 45 лет. Анастасия Сергеевна умерла три года назад.

А доктор Рунг жив. Недавно ему исполнилось 80 лет. Этот человек живет тихо и скромно. Но как много интересного он мог бы рассказать людям! Вольдемар Эдуардович всегда был очень деятельным, в высшей степени трудолюбивым человеком. Это проявлялось в самых трудных обстоятельствах, в которые он попадал. Кстати, приехав в Нижний Тагил летом 1943 года, он обнаружил здесь наличие мощных научных сил. Сюда были сосланы такие светила, как профессор палеонтолог Отто Бадер, известный специалист по химии и минералогии Пауль Рикерт, профессор А. Г. Стромберг, работавший мастером сушильного цеха на кирпичном заводе. Все эти люди выполняли какую-либо черную работу, их огромный интеллектуальный потенциал не был востребован. Например, жена профессора Бадера — кандидат наук, ученый-палеонтолог — работала рядовым поваром в рабочей столовой. А будущий академик Борис Раушенбах выполнял какие-то незначительные обязанности в ОТК кирпичного завода.

Что сделал доктор Рунг? Он не позволил многим опуститься до уровня простых обывателей, борющихся только за свое существование. Прекрасная мысль пришла в голову Вольдемару Эдуардовичу — организовать маленькую тагильскую академию, что он с блеском и сделал. И как же все увлеклись этим: с энтузиазмом готовили доклады — каждый по своей специальности и отрасли знаний, спорили, обсуждали новейшие научные работы, многие сами принялись за любимое привычное, но прерванное творчество.

Доступ в маленькую академию был свободен всем и каждому, кто проявлял интерес к ней. Затаяв дыхание, забыв о холоде и голоде, слушали Отто Николаевича Бадера, умевшего с поэтическим вдохновением рассказывать о палеонтологических раскопках. Борис Викторович Раушенбах (впоследствии он работал со знаменитым С. П. Королевым) готовил великолепные сообщения — эссе по астрономии, математике, космологии. Пауль Эмильевич Рикерт знакомил присутствующих с проблемами химии, минералогии. Кстати, скажу то, о чем забыли буквально все: доктор Рикерт открыл сапропель — лечебную грязь Горбуновского торфяника.

Душой академии был, однако, подвижный, худощавый, приветливый человек — доктор Рунг. Ему же принадлежала идея создать кружок художественной самодеятельности, чтобы по праздникам устраивать концерты. Об этом вспоминали Н. И. Браун, Войлишгер и другие. Огромным успехом пользовалось сольное пение В. Б. Ротэрмель. Все вместе пели хором «Синенький скромный платочек...». Так несчастные люди, вырванные с корнем из родной почвы, оставившие навсегда дома, хозяйство, все накопленное и передаваемое из поколения в поколение, пытались в невероятно трудных условиях оставаться людьми.

Вскоре после окончания войны отряд расформировали, а членов его оставили как спецпереселенцев. Доктор Рунг обратился к одному из видных людей управляющему трестом «Тагилстрой» Николаю Григорьевичу Кротенко с предложением выделить какое-либо помещение, где можно организовать лечебно-профилактическую службу. Кротенко не был бюрократом, он тотчас выделил два дома в Завязовском поселке: один — под медсанчасть треста «Тагилстрой», а второй — для детской консультации, которой, помнится, заведовала прекрасный врач Елена Васильевна Пугалова.

А Вольдемар Эдуардович стал начальником медсанчасти и с энтузиазмом и тщанием, ему присущими, взялся за организацию медицинской службы строителей. Именно при нем появились здравпункты, а медики относились к своим обязанностям как к священному делу и очень быстро сумели снизить травматизм и трудовые потери. В поликлинике сразу же появились такие специализированные приемы, как хирургический, лор, глазной, венерологический, лаборатория. В соседнем здании разместили грязелечебницу, в которой широко использовались сапропели Горбуновского торфяника, открытые Паулем Рикертом.

Доктор Рунг умел заразить своим отношением к делу и других. Рядом с ним прекрасно работали терапевт Зинаида Игнатьевна Савельева, венеролог Михаил Салихьянович Салахов, фельдшер Отто Христианович Вайнгардт и другие. В медсанчасти была чудесная атмосфера, спокойная и доброжелательная. Никаких склок, интриг, личных амбиций. Принцип у всех был один: превыше всего — интересы больного. Когда-нибудь в истории тагильской медицины помянут добрым словом доктора Рунга.

Не прерывая практики, он писал свои замечательные научные работы: «Лечение остеохондроза грудного отдела позвоночника при наличии стенокардического синдрома», «Гипертония как следствие остеохондроза шейного отдела позвоночника», «Лечение подростков с заболеваниями сердца».

В 60-е годы Вольдемар Эдуардович работал начмедом в санатории «Руш» (до своего выхода на пенсию в 1971 году). И там он оставил о себе добрую память. При нем расширили площадь грязелечебницы, построили корпус на берегу пруда, склад для хранения продуктов. Доктора Рунга помят и в фельдшерской школе (ныне — медицинское училище), где он читал два курса: «Физиологию» и «Внутренние болезни».

Интересный, с богатым жизненным опытом живет среди нас человек. На склоне лет он испытал великую радость, прочитав Указ российского Президента о полной реабилитации некогда репрессированных немцев. Все-таки правда и справедливость восторжествовали! А общаться с ним до сих пор очень поучительно. Наблюдая сегодняшнюю неблагополучную жизнь, Вольдемар Эдуардович мудро сохраняет спокойствие. Он убежден: все наладится, придут к людям довольство, благополу-

чие и счастье. Надо только достойно вынести экзамен на мужество, как это сделал он сам.

Э. П. ДИСТЕРГЕФТ, С. И. РУБИНШТЕЙН

ВОЛЬДЕМАР ГЕНРИХОВИЧ ВОЛЬФ

«Всегда считал и считаю свою работу святым делом, а рабочее место — святым местом. Правда, честный и добросовестный труд не всегда должным образом оценивается. Это подтверждает мой огромный жизненный опыт. Но, несмотря на это, и вы; дети мои, должны трудиться честно и добросовестно».

Памятная записка В. Г. Вольфа дочерям

Вольдемар Генрихович Вольф родился во Владивостоке 22 декабря 1908 года. В 1925 году закончил среднюю школу, в 1927 году поступил в горно-металлургический техникум в Нижнем Тагиле, по окончании которого в 1931 году — в Уральский политехнический институт на металлургический факультет по специальности «газопечная теплотехника».

Вот что, между прочим, вспоминает о нем его сокурсник К. Ф. Ляпцев: «Вольдемар учился ровно, но вот при выполнении чертежных работ равных ему не было. Позже, уже в 50—60 годах, я нередко встречался с ним по служебным делам в тресте «Тагилстрой». Специалистом он был высококвалифицированным, исполнительным, очень добросовестным, удивительно скромный, доброжелательный к окружающим его товарищам по работе человек».

Время было трудное. Учебу приходилось совмещать с работой, тем более что уже была семья: жена Галина Николаевна и маленькая дочь. С 1934 года Вольдемар Генрихович работал конструктором в тресте «Союзтеплострой».

По окончании института в 1935 году получил назна-

чение на Верх-Исетский металлургический завод на должность инженера-теплотехника. Кажалось, все складывалось благополучно у молодого инженера: семья, любимая работа, квартира. Но в одну февральскую ночь 1938 года все разом рухнуло. В дом среди ночи ворвались двое в форме и понятой, начался долгий унижительный обыск, а потом Вольдемара Генриховича увели, оторвали от девятимесячной малышки Терезы, в то время как жена и четырехлетняя Инга лежали в больнице только что прооперированные.

Долгих девять месяцев просидел он в следственной тюрьме Свердловска, в строгой изоляции, без передач и писем.

Семье тоже досталась лихая доля: выписавшуюся из больницы Галину Николаевну никуда не брали на работу как жену врага народа. И не выжить бы им, бедным, кабы не бабушки, одна в Уфе, другая в Свердловске, помогавшие, чем могли, пережить лихолетье.

Только в октябре 1938-го вышел из тюрьмы Вольдемар Генрихович со справкой: «Освобожден за отсутствием состава преступления». Устроился в Союзтепlostрое, получил жилье и вернул семью из Уфы в Свердловск.

Начало Великой Отечественной войны обернулось новой бедой для молодой семьи: сначала — ночным обыском, затем — выселением с обжитого места в ссылку. За три дня нужно было собраться, уложить в два рюкзака только самое необходимое: одежду, детские вещи, немного еды. Старшей дочке — восемь, младшая — на руках, ей четыре годика. Администрация Союзтепlostроя просила оставить Вольфа в Свердловске как ведущего специалиста, автора ценных расчетов, работающего вместе с коллективом на оборону, однако постановление НКВД отменено не было.

Страшный путь в неведомое начался в поезде Свердловск — Тавда, в переполненном до отказа вагоне, дальше — на подводах в декабрьскую стужу до затерявшегося в тайге поселка Озерки Таборинского района. Ехали на подводах, останавливались ночами в глухих деревеньках, просились в избы к добрым людям, перекусить и главное — отогреть на печках детишек.

В Озерках их поселили в промерзшей черной избушке с окошечками в одно стекло, забитыми для тепла досками до верха. Оказалось, в Озерках множество немецких семей из разных городов Советского Союза.

Вольдемар Генрихович в числе других мужчин работал в тайге на лесоповале, по колено в снегу, без валенок, в лаптях или «чунях» с мокрыми насквозь ногами. Заболел воспалением легких, чудом выжил в этих нечеловеческих условиях. А в марте 1942 года все мужское население поселка было вывезено в неизвестном семьям направлении на подводах. Долго стояли бедные женщины и дети на околице поселка, пока не скрылись подводы за поворотом в тайге.

И опять семья Вольфа была брошена на произвол судьбы, без средств к существованию, без медицинской помощи. С огромным трудом добрались они, умиравшие от голода, до Уфы, под крыло любимой бабушки.

Спустя много месяцев семье стало известно, что Вольдемар Генрихович находится в Нижнем Тагиле, в стройотряде 18-74 Тагиллага НКВД, за колючей проволокой, в бараке, охраняемом «вохрой» и собаками. Работает на кирпичном заводе старшим мастером сушильного цеха.

Только в 1945 году семья перебралась в Тагил. Жили сначала на частной квартире, в каморке со старушкой-хозяйкой, потом в барачной комнате на бетонном заводе уже вместе с отцом.

Вот как вспоминает это время слесарь автобазы № 6 А. К. Штрек.

«В годы войны я был в стройотряде и жил в бараке с Вольфом, Раушенбахом, Риккертом в зоне кирпичного завода. Вольдемар Генрихович был человеком предельной ответственности по отношению к любому порученному ему делу. Главный механик Г. М. Пазухин говорил о нем, что такого специалиста, как Вольф, он никогда не встречал. Все знали, что, если работа сделана Вольфом, то ее качество будет таким, что «комар носу не подточит». И при этом Вольдемар Генрихович был необыкновенно скромным, деликатным человеком.»

К этому же времени относятся воспоминания человека другой специальности — врача В. Э. Рунга.

«Помню Вольдемара добросовестным, безукоризненно честным человеком, очень мягким и сострадательным. Я не раз видел, как он помогал «доходягам» вытаскивать тяжелые вагонетки. Молча подойдет и поможет докатить до места, деликатный и очень застенчивый.»

А вот любопытная деталь из воспоминаний главного механика Г. Т. Пазухина.

«...Вспоминается один эпизод в зоне стройотряда,

которому я был свидетелем. Шли как-то в столовую три немца: Вольф, Раушенбах и Рикерт, разговаривая на английском языке. Не популярен тогда был немецкий. Время было такое...»

После расформирования стройотряда с ноября 1945 года по июнь 1946-го Вольдемар Генрихович работал в отделении Свердловского проектно-пускового управления начальником группы нормализации, затем переведен в строительно-монтажное управление № 7 Сталинской конструкции начальником монтажного участка № 1. С октября 1946 года он работал в проектной службе треста «Тагилстрой» инженером-конструктором, став вскоре руководителем отдела.

Это были десятилетия наиболее плодотворной работы выдающегося специалиста, отдававшего все силы своего недюжинного ума техническому творчеству, бывшему смыслом его жизни.

Немало хорошего написали о В. Г. Вольфе люди, работавшие с ним в эти годы.

Вспоминает инженер-конструктор П. А. Берг.

«Вольдемар Генрихович работал в проектной службе треста главным и единственным по теплотехнике и сантехнике. Человек беспредельной доброжелательности, как непосредственно к подчиненным, так и ко всем окружающим. Для него не существовало неразрешимых проблем. Этому способствовали большие, глубокие и универсальные знания. Под его непосредственным руководством, а чаще всего по его личному исполнению в течение нескольких десятилетий были выполнены все теплотехнические и сантехнические проекты по всем без исключения производственным предприятиям треста и компактным новостройкам жилого фонда. Практически под его руководством в этих организациях воспиталось два — три поколения сантехников-теплотехников. В начале семидесятых годов мне довелось некоторое время работать в Промстройинпроекте, когда Вольдемара Генриховича там уже не было, но в отделе сантехников все еще чувствовалось его присутствие, а его авторитет был абсолютно неоспорим. К Вольфу до самых его последних дней обращались весьма часто за консультацией по бесчисленным трассам и сетям теплоснабжения по его проектам. И никому он не отказывал. В. Г. Вольф был фигурой сугубо творческой.»

А вот как оценивает его Л. В. Полуев — заместитель главного инженера треста «Тагилстрой».

«В. Г. Вольф — очень хороший инженер-конструктор. Его стихия — теплосети, котлы, котельные. Многие объекты производственной базы и коммунального хозяйства треста «Тагилстрой» в Нижнем Тагиле и за его пределами выполнены по его проектам. Это котельная на деревообделочном комбинате, кислородная станция, первая котельная на Новой Кушве, воплощение в жизнь идеи главного инженера треста Бениаминовича — создание проекта строительства пропарочных камер на полигонах по изготовлению сборных железобетонных конструкций и многое, многое другое. Все проекты В. Г. Вольфа отмечены оригинальностью конструкторской мысли, творческим трудом, талантом автора.»

Хорошо знал его Ю. Н. Смирнов — кандидат технических наук, главный инженер лаборатории испытания материалов треста «Тагилстрой».

«В. Г. Вольф как специалист строитель-проектировщик высокого класса известен всем, кто сталкивался с ним по этим вопросам. Вольф был «ходячей энциклопедией» и справочником по всем сооружениям, возведенным во все годы строительства. А ведь сколько было изменений, отклонений при строительстве — и он все это помнил и выручал нас всех в тяжелых ситуациях. Приятно вспомнить о всех делах, которые приходилось с ним решать. И мне хотелось бы отметить другую черту, редко встречающуюся в наше бездуховное время, — это кротость и какое-то смирение. Никто никогда не видел его раздраженным, пускающим зло по кругу. Думаю, сколько ему пришлось испытать обид за незаслуженные репрессии, и тем не менее это не вызвало у него гнева, злобы и мстительности. Мне всегда казалось, что он сожалел о жестокости людей, вольно или невольно обижавших его. При встречах он всегда как бы продолжал ранее начатый разговор, интересуясь твоими делами не ради приличия, а от души и сердца. Про таких, как он, сказано в Нагорной проповеди: «Блаженны кроткие, потому что они наследуют землю».

После ухода на пенсию Вольдемар Генрихович продолжал трудиться на автобазе № 6 еще почти двадцать лет. В это время с ним познакомился инженер-конструктор НТМК С. И. Рубинштейн, который так рассказал о нем:

«Мне пришлось встретиться с В. Г. Вольфом в 1984 году, когда я пришел к нему на автобазу № 6, где он тогда работал, за консультацией по переделке труб Вен-

тури. Поговорив с ним и увидев на его столе и чертежной доске материалы, касающиеся достаточно разнообразных технических проблем, я понял что передо мной не просто высококвалифицированный, знающий специалист, а инженер от Бога.»

За годы работы на автобазе Вольдемар Генрихович проектировал строительную часть новых объектов, консультировал строительство, которое велось по его проектам. Много труда вложил он в развитие объединения грузового автотранспорта, результаты его труда осуществлены, их можно видеть.

В. Г. Вольф относился к труду с бесспорным, глубоким и безоговорочным почтением. Это красной нитью проходит через весь его нелегкий, а порой трагический жизненный путь.

10 сентября 1987 года Вольдемара Генриховича Вольфа не стало. Светлая ему память.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И. В. ВОЛЬФ-МОРГУНОВОЙ

Началась война. И однажды — это было в августе, в пять часов утра — к нам пришли с обыском. Это я помню уже хорошо. Мне только что в августе исполнилось восемь лет. Я спала на диване. Меня подняли и осмотрели весь диван. Спящую сестренку папа взял на руки, и ее кроватку тоже всю перерыли. Ничего не найдя, уехали. Но с этого дня покой в нашей семье исчез навсегда. Черная туча беды висела над нами, и мы не знали, что ждет нас всех на этот раз. А на этот раз нас ожидало выселение из Свердловска в Таборинский район. Нам дали срок, по истечении которого мы обязаны были явиться на отправочный пункт с вещами. И вот я помню — мы в Туринске, в каком-то доме, забитом людьми с детьми и стариками. Все бегают, ищут кипяток, кормят своих детей тем, что удалось взять с собой, и запивают кипятком. Ни о каких обедах не было и речи. Каждый метр пола был занят спящими людьми с детьми вповалку. Все ждали своей очереди отправки, но куда — никто не знал. Наконец и нас посадили на подводу, закутали одеялом и сеном и в декабре повезли в Таборинский район в поселок Озерки. Мы ехали очень долго, ночами останавливались в деревушках, в какой-нибудь избе. Просились переночевать, чтобы поесть и отогреться

у печки. Видно, были добрые люди, потому что нас обычно пускали и грели нам чай. Многие даже жалели нас, особенно маленькую сестренку, которой было четыре года.

И вот, наконец, ночью мы приехали в этот поселок Озерки. Люди в военной форме с собаками привели нас в одну избу. Мы вошли туда... Я запомнила эту ужасную картину на всю жизнь. Совершенно черная, закопченная изба с двумя маленькими окнами в одну раму, больше чем наполовину забитыми досками (как нам потом сказали, для тепла). Посреди стояла печка-буржуйка, она топилась, от нее зажигали лучину, которую отщипывали тут же от полена. Свет от лучины не доходил до темных углов, но я разглядела в одном углу нары с набросанной на них соломой. «Вот здесь будете жить», — сказал, военный, приказав отцу утром явиться в комендатуру. Солдаты с собаками ушли. В соломе на нарах шуршали и пищали мыши. Мама горько плакала. А отец прижимал нас к себе, согревая у себя под пальто, и молчал. А я от всего этого ужаса даже плакать не могла. Как мы провели эту первую ночь в этой страшной избе, я, слава богу, не помню.

В. В. ЧЕВАРДИН

А ДУША ОСТАЛАСЬ ДОБРОЙ *

Есть непреложная библейская заповедь: «Возлюби ближнего своего». В наш беспокойный XX век, полный ожесточения и озлобления, просто необходимо пронести ее через всю жизнь, как и дух добра, ибо зло порождает только зло. Поколения советских людей прожили свои жизни, радуясь, свирепствуя и мучаясь, а из проклинаемого прошлого напрашивается вывод: для успешного осуществления великого социального эксперимента нам не хватило искренности, доброты и милосердия...

Моросил осенний надоедливый дождь, когда я, приехав в Черноисточинск, спешил к незнакомому пока мне человеку. В маленьких селениях не утруждают свою

---

* Материал впервые опубликован в газ. «За победу!» 1990. 29 нояб.

память запоминанием номеров домов. Обычно объясняют так:

— Пойдешь прямо, потом налево — в переулок и упрешься в тот дом.

Но на этот раз сказали точнее:

— Дойдешь до дома № 60, а там спросишь у любого...

И вот я, кажется, у нужного дома. Чутье меня не подвело на этот раз, и на мой вопрос о хозяине простая русская женщина ответила:

— Леонид Богданович дома, проходите!

Отложив газеты, ко мне поднялся грузный, широкоплечий мужчина, которого я узнал по фотографии, помещенной в Черноисточинском сельсовете в одном из альбомов, посвященном истории черновлян. Он — лишь один из двухмиллионного народа немцев, разбросанного по необъятным просторам бывшего СССР. Десятки тысяч советских немцев, не признав реальной возможности изменения жизни в нашей стране, перебрались в объединенную Германию, надеясь найти свою Родину там, коль уж они не нашли ее у нас.

— Я не немец Поволжья, — так начал свой рассказ Леонард Готлибович Рейзлер (таково его подлинное имя), — я с Украины, уроженец немецкой колонии села Красная Речка Володарского района Житомирской области. Родился в 1920 году и был первенцем в семье Готлиба Августовича и Ольги Теодоровны Рейзлер. Советская власть дала отцу семь гектаров земли, потом обзавелись коровами, двумя лошадьми. У отца были крепкие крестьянские руки и, может быть, кулаки тоже, вот и признали его, как и миллионы граждан нашей страны, классовым врагом — кулаком. В 1934 году, осенью, люди в форме НКВД забрали отца, отправив его сначала в Володарскую, а затем в Житомирскую тюрьму.

Так раскулачили семью Рейзлеров. Ольге Теодоровне было приказано в трехдневный срок подготовиться к высылке в далекий северный край. Сначала она была отправлена в райцентр, где в клубе были сконцентрированы спецпереселенцы немецкой, украинской, молдавской национальностей, затем, посадив на подводы, их сопроводили до станции Турченко, где они встретились с отцом, выпущенным из Житомирской тюрьмы. Ольга Теодоровна, еще не оправившаяся от потрясений, связанных со смертью младшего сына Владимира и описанными выше событиями, мало что из вещей смогла взять с собой, главное для нее — дети, а их было четверо...

За одиннадцать суток поездки в вагонах-телятниках по железным дорогам страны в начинающиеся холода и неизвестность много чего пережито. Мытарства дороги сменились остановкой в тупике станции Качкома Мурманской области. Сначала жили в вагонах, а затем были переведены в бараки с трехъярусными нарами. Где же те, кто жил в них раньше?

Нарубили они дров для растопки, обогрелись, и вновь команда: мужчинам отделиться от «высланных», у них особое задание — строительство домов для спецпереселенцев в Медвежегорске (станция Пинджи), а также строительство барж и работа на лесоповале.

И вновь от семьи оторвали кормильца и увезли. Встретились родные уже через год. Стали жить в Медвежегорске, в двухкомнатном домике, построенном руками отца. А рядом боролись за жизнь восемь тысяч спецпереселенцев, обживавших северный край, получавших за свой труд 800 граммов хлеба и лишь много позднее — деньги. Лесная Карелия помнит эти поселения, оцепленные охраной из спецкомендатуры НКВД.

Леонид Богданович (так его называют в Чернисточинске) задумчиво смотрит в окно в сторону соседнего огорода. Проследив за его взглядом, я увидел сарай с позеленевшей от мха крышей, к тому же с подгнившими досками. Возможно, стоят там перемерзшие домашние животные. А дождь все идет...

— Меня призвали в Красную Армию 5 апреля 1941 года, — продолжает он свой рассказ, — строить военный аэродром в местечке Рапла (Эстония), затем, когда началась война, — оборонительные укрепления. В сентябре 1941 года в связи с известным указом в отношении лиц немецкой национальности, я был отозван из прифронтовой полосы и вместе с другими солдатами-немцами из России посажен в теплушку, якобы для передислокации. Из вагонов нас выгрузили в Свердловске...

Там, на площадке № 1 в районе Пышминского тракта, расположили целый «интернационал» из немцев, поляков, евреев, которые прокладывали дороги, рубили лес. Тысячи безвинных узников-трудармейцев.

В начале 1942 года его перевели в отряд 18-74, расположенный в Нижнем Тагиле. Работал Л. Рейзлер на кирпичном заводе. Здесь, на самом верху печи для обжига кирпича, устроил он свое жилье, как и тысячи других трудармейцев. Леонид Богданович помнит и маленькую часовенку на кирпичном заводе, прозванную

русскими «Расстани». По легенде, в 1860 году до этой часоуенки провожали рекрутов, отправлявшихся в Верхотурье на воинскую службу. Обнесенная колючей проволокой часоуенка, разделенная коридором с тремя камерами под названием «Тамара», в 1942—1945 годах служила карцером для трудармейцев. Ее лет 30 назад, по свидетельству старожилон, снесли за ненадобностью. Название «Тамара» часоуенка получила потому, что трудармеец, который первым сидел в камере, отлучился на свидание с русской девушкой Тамарой и за это был водворен в карцер.

— Многие, очень многие не пережили зимы 1942/43 года, и лишь следующий год принес облегчение. Начальником Тагилстроя был назначен генерал-майор Царевский, который спас от голода и истощения уцелевших. Советские немцы с благодарностью отзываются о нем, подчеркивают его требовательность и гуманность. Он похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

— В Тагиле я работал,— продолжает Леонид Богданович,— на Первой площадке Нижнетагильского металлургического завода, затем в подсобном хозяйстве, а в 1944—1945 годах — заместителем диспетчера цементного завода. Потом перевели меня в Черноисточинск на строительство новой плотинь, которую, кстати, строили военнопленные немцы в те годы.

Там он встретился со своей будущей женой. От этого брака родились две дочери: Эльвира Леонардовна — ныне инспектор Нижнетагильского ГУНО — и Валентина Леонардовна — историк Черноисточинской средней школы.

— А как же родители?— спрашиваю я.

— В 1941 году отца мобилизовали, отправили в Челябинск или в Челябинский район. В январе или в феврале 1942 года он умер от голода. Маму и пятерых младших переместили в Коми АССР, видимо, в село Жашард, где она работала на лесоповале. Последний кусок хлеба отдавала детям, пытаясь спасти их. Еще при ее жизни пропала сестра Лилия, 1927 года рождения, вызванная в спецкомендатуру НКВД. До сих пор о ней ничего не известно. В 1943 году умерла от голода мама. Сейчас нас осталось пятеро: я, Зельма, Арнольд, Райнгольд и Эрвин. Кстати, Эрвин с 1957 года живет в Черноисточинске, приехал из Рубцовска.

Поработал немало Леонид Богданович в ставшем родным для него поселке: в детском доме, в психоболь-

нице, заведующим в поселковом пищеторге. Сейчас — пенсионер. Проживший многотрудную жизнь, не сломлен, открыт, не озлоблен. Здесь, на улице Куйбышева, стоит дом, построенный его руками. Сохранилась мебель, изготовленная им же, а в душе — доброта, которую, несмотря на страдания, донес он до современников.

КОРОТКО О СУДЬБАХ *

БАДЕР ОТТО НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1901 году в Москве. По окончании исторического факультета МГУ закончил аспирантуру и защитил сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертацию по палеонтологии, стал профессором МГУ. Как и все советские немцы, в 1941 году был выселен в Зауралье, а в феврале 1942-го мобилизован военкоматом и направлен в стройотряд № 18-74 Тагиллага НКВД. В стройотряде числился в 4-й колонне, работал секретарем-статистиком в медицинском стационаре кирпичного завода. В свободное от работы время Отто Николаевич проводил раскопки Горбуновского торфяника, обнаружил стоянки древнего человека времен палеолита и фактически стал одним из основоположников уральской археологии. После расформирования отряда 18-74 был отозван в Москву на прежнюю работу. Умер в 1980 году.

БЕРГ ПЕТР АБРАМОВИЧ

Родился в 1917 году в крестьянской семье на хуторе Никановский Петропавловского района Днепропетровской области. Отец — Берг А. В.— умер от туберкулеза за месяц до рождения Петра. В дальнейшем жил в семье отчима и опекуна. В 1928 году семья переехала в деревню Беззаботовка Александровского района Донецкой области. В 1931 году Петр Абрамович поступил в школу, с 1934 года учился в ФЗУ Краматорска, после окончания которого работал токарем. В 1937 году арестовали старшего брата. Петр поступил на дневное отделение машиностроительного техникума Краматорска. В марте

---

* Раздел подготовлен на основе рукописного варианта «Книги Памяти», составленного Э. П. Дистергефт.

1940 года был призван в Красную Армию, в войне участвовал с первого дня. В августе 1941 года по указу о советских немцах отозван с фронта и переведен в Нижний Тагил на строительство танкового завода. В мае попал в стройотряд № 18-74 Тагиллага, где и проработал до лета 1946 года токарем кирпичного завода. С 1946 года — работа конструктором треста «Тагилстрой». В 1954 году закончил вечернее отделение УПИ им. С. М. Кирова и работал на различных инженерных должностях на стройках Нижнего Тагила. Петр Абрамович опубликовал более 20 научных и технических статей, имеет авторское свидетельство на изобретение. С 1978 года на пенсии, однако еще шесть лет работал в строительных организациях города. Автор ряда газетных публикаций по истории стройотряда № 18-74.

ВЕЙМЕР АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ

Родился 12 августа 1916 года в хуторе Немецко-Потаповск Калмыцкого района Ростовской области в крестьянской семье. Отец служил в Красной Армии и в 1921 году скончался в госпитале (еще в 1918 году он вступил в РКП(б), был делегатом VI Чрезвычайного съезда Советов). Александр Георгиевич после окончания школы (с 1932 по 1937 год) работал в Сальском племсовхозе Ростовской области счетоводом. В 1937 году начал учебу на рабфаке в Орехово-Зуево. 18 марта 1938 года арестован и осужден по статье 58-10 (антисоветская агитация). В августе 1939 года оправдан, освобожден из-под стражи и реабилитирован. В 1940 году начал службу в армии, в артиллерии, окончил дивизионную партшколу. В октябре 1941 года из действующей армии отправлен в стройбат на Свердловский завод Уралэлектротяжмаш. В июле 1942 года попал в Нижний Тагил в отряд № 18-74. Работал в тресте «Тагилстрой» на счетной работе, с 1965 по 1970 год — на НТМК. Окончил вечернюю бухгалтерскую школу. С 1970 по 1979 год (до пенсии) был главным бухгалтером НТМУ треста «Союзшахтоспецмонтаж». Имеет правительственные награды за войну и труд. Живет в Нижнем Тагиле. Член общества «Мемориал».

ГАРТУНГ ВЕНИАМИН ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в 1910 году в Саратове в семье служащего. После окончания Саратовского пединститута с 1935 по 1941 год преподавал математику и военное дело в техникуме и средней школе. Депортирован из АССР НП в Сибирь. В январе 1942 года попал в трудармию и работал в лагере под Краснотурьинском. С 1945 по 1948 год — художник театрального ансамбля. Переведен на спецпоселение в Алапаевск, а в марте 1949 года — в Нижний Тагил. С этого времени по 1970 год Вениамин Владимирович — главный художник драматического театра им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Многие его работы отмечены почетными грамотами, дипломами и творческими командировками. Лучшие годы напряженной творческой работы художника связаны с расцветом театра в 50—60-е годы. Умер в 1986 году.

ГЕЙНРИХСДОРФ ГЕОРГИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Родился в 1898 году. Врач-рентгенолог, кандидат медицинских наук, работал в Ростове-на-Дону и в Кисловодске заведующим отделением, научным сотрудником, старшим рентгенологом эвакогоспиталя, автор 30 научных статей. В 1941 году переселен на Урал, мобилизован для работы на стройках НКВД в лагерях. В 1942—1944 годах работал в системе Тагиллага, в том числе на кирпичном заводе в Нижнем Тагиле в отряде № 18-74. С 1944 по 1965 год был зав. отделением в лагерном лазарете, в больнице Ново-Тагильского металлургического завода, читал тагильским врачам лекции по рентгенологии, был председателем секции Нижнетагильского медицинского общества и исполнял обязанности главного рентгенолога города. Умер в 1965 году.

ГЕРДТ ЭММАНУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ

Родился в 1913 году в селе Розенберг Саратовской области в семье крестьянина. В 1930 году семью раскулачили, и в 1931 году она переехала на Кавказ в хутор Самойлов. В 1935 году Эммануил Яковлевич пошел слу-

жить в армию. В 1937 году осужден как враг народа по статье 58-10 на пять лет. Сидел в тюрьме Армавира, а затем на Колыме. Осенью 1946 года освобожден. На Колыме работал на золотых приисках «Ягодное», в угольной шахте рудника «Лазо» Симчанского района. Выезд после освобождения был запрещен, и потому работал по найму еще семь лет (на Колыме). В шахте заработал силикоз и стал инвалидом 3-й группы. В 1953 году приехал с семьей к матери в Нижний Тагил (куда она была выслана с Кавказа). Работал шофером и зав. складом в Бакатинских гаражах. Реабилитирован в 1958 году.

МАУЛЬ САМУИЛ ЕГОРОВИЧ

Родился в селе Ново-Скатовка Вязовского района Саратовской области в 1922 году. Беспартийный. Его отца, Мауля Е. В., репрессировали в 1933 году, и он умер в Саратовской тюрьме. Брат — Иван Егорович также подвергся репрессиям и был осужден по 58-й статье. Самого Самуила Егоровича, работавшего комбайнером Кукаловской МТС, арестовали в 1942 году. Приговором Тамбовского областного суда он был осужден по статье 58-10 на десять лет лагерей с поражением в правах еще на пять лет. Отбывал наказание в Нижнем Тагиле до 1951 года. Реабилитирован 16 июля 1958 года. Сейчас живет в Нижнем Тагиле. Член общества «Мемориал».

МЕЦГЕР ЭДВИН ХРИСТИАНОВИЧ

Родился в селе Романовка Санельниковского района Днепропетровской области в 1906 году. К 1923 году закончил школу и Симферопольский общеобразовательный техникум. Работал строгальщиком и прессовщиком на деревообрабатывающей фабрике, зав. клубом национальных меньшинств Запада, в 1926—1929 годах служил в армии. В 1934 году окончил Московский энергетический институт и стал работать в Свердловске на заводе электромашин старшим инженером-конструктором. В 1938 году арестован по статье 58-6 за шпионаж.

Однако через десять месяцев освобожден с прекращением дела против него. В октябре 1941 года с семьей выслан в Ивдель. В марте 1942 года попал в стройотряд № 18-74 в Нижнем Тагиле, где до 1952 года работал начальником производства, зам. начальника завода, главным инженером кирпичного завода. Затем продолжил работу в тресте «Тагилстрой» и в 1978 году вышел на пенсию. Общий стаж работы — 53 года, из них 11 месяцев тюрьмы, три месяца ссылки, четыре года в стройотряде, 11 лет на учете без выезда. Эдвин Христианович с момента основания — активный член Нижнетагильского общества «Мемориал».

РАУШЕНБАХ БОРИС ВИКТОРОВИЧ

Родился в 1915 году в Таллинне, образование получил в Московском университете, где и защитил кандидатскую диссертацию. До войны работал в Москве в области ракетной техники. В 1941 году выслен в Зауралье. В феврале 1942 года направлен в стройотряд № 18-74 Тагиллага. Работал мастером ОТК на кирпичном заводе. Вскоре он был зачислен инженером Московского авиастроительного завода № 293. Живя за колючей проволокой и числясь бойцом стройотряда, Б. В. Раушенбах занимался разработкой ракетной техники. В 1946 году Борис Викторович был отозван в Москву и продолжил работу над созданием космических ракет. Вскоре он защитил докторскую диссертацию и был избран членом-корреспондентом Академии наук. Б. В. Раушенбах — ученый с мировым именем. В 1991 году с опозданием на 50 лет ему присвоено звание «Героя Социалистического труда».

СТРОМБЕРГ АРМИН ГЕНРИХОВИЧ

Уроженец г. Бреславля (родился в 1910 году). Среднее образование получил в Свердловске, там же в 1930 году, после окончания УПИ им. С. М. Кирова — диплом инженера-электрохимика. Работал в НИИ химпрома (1930—1938 годы), а с 1938 по 1942 год — в УФАНе, разрабатывал методики получения редких металлов из

расплавленных солей электролизом. В 1938 году защитил кандидатскую диссертацию. В апреле 1942 года попал в стройотряд № 18-74 Тагиллага. Был мастером ОТК кирпичного завода. В 1943 году был отозван в Свердловск для работы по специальности — старшим научным сотрудником УФАНа. В 1950 году защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора по кафедре физической химии. С 1956 по 1985 год заведовал кафедрой физико-коллоидной химии в Томском политехническом институте. Сейчас — консультант кафедры. Армин Генрихович опубликовал более 300 научных статей, написал два учебника, которые переведены и на иностранные языки, подготовил 80 кандидатов и пять докторов наук.

ФРИДРИХСЕН КАРЛ ГЕРМАНОВИЧ

Родился в 1915 году в Крымско-Евпаторийском районе. Окончил университет в Орджоникидзе. Преподавал физику в средней школе. В сентябре 1941 года выслен в Казахстан, а 20 декабря направлен в стройотряд № 18-74. Работал мастером ОТК кирпичного завода Тагилстроя — Тагиллага. С 1948 года получил «милостивое» разрешение работать по специальности — учителем в школе № 5, где и трудился четверть века, из них 17 лет был директором школы.

Глава 5

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ

В. К. КУЗНЕЦОВ

С ВЕРОЙ В БУДУЩЕЕ *

Высоко на горе стоит Петро-Павловская церковь (названная так в честь апостолов Петра и Павла). Издалека, из любой точки Черноисточинска, ее хорошо видно. И внешне она выделяется на сером фоне нашей «архитектуры». Весной там, у церкви, чище и в прямом, и в переносном смысле. Мутные потоки стекают с горы, земля у церкви подсыхает быстрее, чем внизу, оживает природа, словно готовясь вместе с людьми к главному христианскому празднику — Пасхе.

Накануне ее я встретился с настоятелем Петро-Павловской церкви отцом Владиславом (в светской жизни Владиславом Сергеевичем Виноградовым) в церковном доме: обычном, крестьянском — со скромной мебелью, без какого-либо намека на роскошь. И цыплята, пленка для теплиц только усиливали это представление.

— Вот так и живем, — сказал отец Владислав, — без своего хозяйства нынче трудно. Я и пчеловодством занимаюсь. Удивляетесь?

— Немного. Ведь нам с детства навязывали мысль о священнике как о человеке, который паразитирует, живет за счет трудящихся. И еще одно. А как же со стремлением к душевному совершенствованию? Остается ли на это время?

— Это главное в моей жизни. Но, конечно, раньше, когда я был молодым, для совершенствования времени было больше.

— Так расскажите, отец Владислав, об этих годах.

---

* Материал впервые опубликован в газ. «За победу!» 1992. 25 апр

— Хорошо. Мой отец приехал из Москвы в Екатеринбург в тридцатые годы. В 1939 году был репрессирован, выслан. От него мама не получила ни одного письма. Ей пришлось одной растить детей. Тяжело нам было. Ведь детство пришлось на годы Великой Отечественной войны. Рано начал работать: пилил дрова, разгружал вагоны, старался как-то помочь матери. После окончания семилетки работал на военном заводе в Екатеринбурге. Видел пьянство, грязь, разврат. Все это у меня вызывало отвращение. Тянуло к церкви. Там была другая жизнь: возвышенная и светлая. Но о том, что меня видели в церкви, «настучали», когда я работал в типографии Свердловска. Тогда и начались гонения: меня старались поставить в ночную смену, выжить с работы. Но от этого вера только укрепилась. С 17 лет я был иподьяконом, чтецом на церковном клиросе, подумывал о монашестве. Духовная семинария представлялась мне уделом людей постарше, умудренных опытом. Но от знакомого семинариста узнал о том, что в учебном заведении много молодежи. Решил поступать. Сдал экзамены, был зачислен. Прочился до третьего курса — призвали в армию. В том далеком 1960 году для священника была одна дорога — стройбат. И здоровье у многих семинаристов было не блестящее, и оружие «классово чуждым» давать было опасно. Через полгода меня, как и многих других, комиссовали. Приехал домой, а навстречу настоятель церкви с валенками под мышкой.

— Не ходи туда, Владислав,— говорит,— закрыли церковь. Все забрали, только валенки удалось унести.

— А как мне быть?

— Уезжай.

И я уехал подальше, поступил в Ставропольский пединститут. Прочился три года на историческом факультете. Снова узнали о том, что я посещаю церковь. Выгнали, не дали учиться на очном отделении. Работал в сельской школе Ставрополя учителем, заканчивал истфак заочно. Приходилось прятать иконы от глаз людей. Но вера всегда оставалась со мной.

Инспектор предложил стать директором школы. Но для этого надо было стать членом КПСС. Этого, естественно, я сделать не мог. Отказавшись от светской карьеры, учился в Московской духовной семинарии, а позже — в духовной академии. Защитил кандидатскую работу по западному вероисповеданию. В 1988 году был награжден за церковные заслуги орденом Святого Владимира.

— Далеко не каждый священник имеет такой орден
— Да, не каждый. Получают его за особые церковные заслуги.

— Но ваш путь, как я знаю, не был усыпан розами

— С прихожанами, высшим духовным руководством отношения у меня были нормальные. Иначе я бы не получил церковный орден. А вот с уполномоченными по делам религии отношения не сложились. Были гонения, мне не давали возможность работать священником. Я могу только догадываться, почему. Во времена тоталитаризма мы все были под колпаком КГБ. Процветала система «стукачества». А эта «всемогущая» организация не хотела иметь идейных противников, прошедших обучение в высших учебных заведениях. Вооруженные знаниями по марксизму-ленинизму, научному коммунизму и другим предметам, преподаваемым в вузах, мы становились опасными вдвойне. И это не какая-то подозрительность. Меня вызывали, приглашали сотрудничать. Я отказался. Мне сказали о том, что моя жизнь будет трудной. И действительно, были провокации, стремление как-то скомпрометировать. Вот один из дешевых приемов. В купе подсаживают женщину. Вагон переполнен, а к нам никого не пускают. Согрешишь — тут же станет известно, выгонят из церкви. Я знаю несколько случаев, когда людей, абсолютно психически здоровых, но имевших высшее образование, отправляли в психушку. Решалось это просто: с помощью телефонного звонка «сверху».

Насаждалось «стукачество». С помощью его убивали двух зайцев: во-первых, знали о каждом шаге священника, во-вторых, сеяли подозрительность среди верующих. На любом церковном празднике были представители власти, которые прислушивались к проповедям, смотрели, кто ходит в церковь. Естественно, им не нравилось, если в церковь ходит молодежь. Не сомневаюсь, что у таких молодых людей, как и у меня когда-то, были неприятности.

— О вас теперь в нашу редакцию пишут письма прихожане, отзываются по-доброму.

— Все изменилось года четыре назад, когда не стало уполномоченных по делам религии. Гонения прекратились. Не стало обвинений в неуживчивости. Не понимая, я даже спрашиваю: а я ли это? Может, совсем не тот отец Владислав, а кто-то другой?

Да нет. Я тот же самый. Изменилась только наша жизнь. Мы стали наконец свободными. И это великое благо. Рабы не смогут построить развитое государство

— Но пока мы не стали жить лучше материально. У вас, в Черноисточинске, например, дают по 350 граммов хлеба на человека. Люди сравнивают сегодняшнюю жизнь с военным лихолетьем.

— Да, это так. Но надо перетерпеть, как-то пережить это смутное время. Уверен, в будущем жизнь будет лучше. Об этом, кстати, я говорю в своих проповедях. Людей стараюсь сделать чище, нравственнее. И это, согласитесь, немало. Ведь нравственность — это основа духовного существования семьи, общества, государства. Без высокой нравственности невозможно что-либо изменить в сегодняшней экологии, искусстве, живописи, литературе. Причина ухудшения криминогенной обстановки — тоже в отсутствии нравственности. Даже экономика — и так тесно переплетена с нравственностью. Судите сами: нашему «честному коммунистическому» на Западе не верили, отказывали в кредитах. Надеюсь, что теперь положение изменится.

— Отец Владислав, я знаю, что ваша деятельность не ограничивается церковью. Вы пытались создать в Черноисточинске воскресную школу. Хотели позаботиться о нравственности детей?

— Хотел. Я с особой болью вижу бездуховность молодежи. Многие пьянствуют, смакуют насилие и порнографию на экранах видеоточек. Растет наркомания, проституция. Поэтому, когда меня попросили прочитать несколько лекций в школе, я не отказался. Но для создания воскресной школы нужны определенная база, преподаватель пения и учебники. Если бы все это было, то я смог бы приобщить детей к искусству, к иконописи, церковному пению. Уверен, что после таких занятий дети были бы духовно чище. А с лекцией на тему «Миротворчество русской православной церкви» я выступал перед студентами Нижнетагильского пединститута.

— И действительно этот вклад весом?

— Конечно. Я имею несколько грамот за вклад в дело мира. Около 20 процентов прибыли мы вносили в Фонд мира. Церковь грабили, а взамен давали вот эти грамоты. Между тем такие церкви, как наша, где небольшой приход, очень бедны. Из нескольких тысяч, которые мы имеем, большая часть уходит на отопление, в пенсионный фонд. Высок подоходный налог. Хорошо, что успели отремонтировать церковь до повышения цен. Теперь это сделать было бы очень трудно. Хотели вместо печи для отопления поставить электрокотел, но будет ли это дешевле

после повышения цен на энергоносители? Какое будет финансовое положение церкви в будущем?

— И все-таки, отец Владислав, вы, конечно, надеетесь на лучшее. Тем более что приближается Пасха — главный христианский праздник.

— Да, с Пасхой соединяется у нас не только воскресение всех умерших, но и возвращение к христианским канонам. С 19 по 26 апреля — страстная седмица. В эту неделю вспоминаются страсти Христовы. В субботу обнесение плащаницы вокруг Храма. В 12 часов ночи вокруг церкви — шествие с хоругвями, колокольным звоном. В воскресенье — торжественная служба, песнопение о воскресении Господа.

СПИСОК РЕПРЕССИРОВАННЫХ СЛУЖИТЕЛЕЙ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА ПО НИЖНЕМУ ТАГИЛУ И ПРИЛЕГАЮЩИМ РАЙОНАМ

1. Аксенов Иван Прокопьевич (родился в 1899 году). За религиозные убеждения трижды арестовывался и сидел в тюрьмах: в 1931 году (4 месяца), с 1945 по 1952 год и с 1962 по 1967 год. С 1952 по 1956 год был в ссылке. Провел в тюрьмах, лагерях и ссылке около 17 лет и остался верен своим убеждениям. Занимается активной религиозной деятельностью и сегодня является пресвитером церкви евангелистов-пятидесятников Нижнего Тагила и Тавды.

2. Арбузов Иван Григорьевич. В 1960-х годах — пресвитер евангелических христиан-баптистов. До прибытия в Нижний Тагил отбыл восемь лет тюремного заключения за свои убеждения. Во время судебного антирелигиозного процесса в 1967 году в Нижнем Тагиле был обвинен в том, что имел печатный станок для печатания книг религиозного содержания. Приговорен, согласно статье 227 УК РСФСР, к четырем годам лишения свободы.

3. Булавина Антонина Степановна. Уроженка села Покровское. Лишена избирательных прав в 1930—1936 годах как бывшая монашка Скорбященского монастыря в Нижнем Тагиле. Фактически же временно работала при монастырском кирпичном заводе. Затем была сторожем и звонарем Покровской церкви.

4. Быстров Александр Игнатьевич. Уроженец деревни М. Галашки. Вместе с женой лишен избирательных прав в 1934 году как служитель религиозного культа (кержаки). В 1933 году конфисковано имущество, произведено индивидуальное обложение грабительским налогом. В 1935 году восстановлен в избирательных правах.

5. Васильев Варфоломей Иванович (родился в 1866 году). Церковный староста в течение двух лет. Раскулачен и выслан в 1931 году, лишен избирательного права. Умер в ссылке в том же году.

6. Васильева Анна Терентьевна (родилась в 1883 го-

ду). До 1920 года — монахиня Скорбященского монастыря. Лишена избирательных прав по материалам НКВД с 1934 по 1936 год.

7. Вахрушев Анатолий Тимофеевич (родился в 1849 году). Уроженец деревни Балакино, Старший певчий на клиросе с апреля по июль 1931 года. Под давлением властей отказался от церкви. Лишен избирательных прав и отправлен на лесозаготовки. Восстановлен в правах в 1932 году.

8. Клюкина Таисья Андреевна (родилась в 1872 году) Монашка Скорбященского монастыря с 1915 по 1920 год. Лишена избирательных прав в 1930—1931 годах.

9. Калеватова Прасковья Даниловна (родилась в 1878 году). Уроженка села Меркушино Верхотурского района. Была монашкой, пасла скот в Скорбященском монастыре, а в 1924 году — при Александро-Невской церкви. Лишена избирательских прав в 1930—1932 годах.

10. Комаров Савва Потапович (родился в 1873 году) Уроженец деревни Б. Галашки Висимского района. Инвалид второй группы, середняк. Обвинен в руководстве сектантской группой кержаков с целью антисоветской агитации. Церковный староста до 1930 года. Судим по статье 61, часть 3, за неуплату налога. Оправдан как середняк. В 1934 году судим вторично и приговорен к пяти годам высылки как кулак.

11. Крузе Феосфа Константиновна (родилась в 1867 году). Уроженка Перми. Монашка Скорбященского монастыря в 1885—1920 годах. Больна с 1920 года. Лишена избирательных прав в 1930—1936 годах.

12. Оранский Михаил Иванович. Священник Александро-Невской церкви в 1920-х годах. В 1930-е годы репрессирован органами НКВД. Его семья из семи человек лишалась избирательных прав и дважды была выслана из Нижнего Тагила: первый раз — в 1930-х годах на Туринские рудники Серовского района, второй раз — в 1941 году как неблагонадежные и «члены семьи служителя религиозного культа».

13. Орлов Исидор Исаакович (родился в 1862 году) В 1930 году по его просьбе епископ Павел Кержинский снял с него сан священника. Это было вызвано массивным давлением на служителей религиозного культа в ходе антирелигиозной кампании, развернувшейся в Нижнем Тагиле. Инвалид (парализован). Лишен избирательных прав в 1930—1936 годах. Был священником Александро-Невской церкви. Его дочь — Орлову Н. И.—

заставили отказаться от отца и только тогда восстановили в избирательных правах.

14. Подкорытова Евгения Васильевна (родилась в 1891 году). Уроженка деревни Толмачево Алапаевского района. Чернорабочая монастыря на Малой Кушве (Скорбященского) в 1912—1920 годах. Инвалид третьей группы. Лишена избирательных прав в 1930—1931 годах.

15. Паникаровская Анастасия Федоровна. Дочь мастерового, работала на Высокогорском заводе с 1916 года. Имела свой заработок. По законам того времени таких людей не лишали избирательных прав. Тем не менее с 1929 по 1936 год была лишена гражданских прав как жена дьякона-псаломщика Паникаровского Валентина Дмитриевича.

16. Прохоров Борис Иванович. Музыкант-баянист, перекладывал на музыку нелегальную религиозную литературу. Осужден по судебному процессу 1967 года в Нижнем Тагиле на три года лишения свободы.

17. Симонов Павел Иванович (родился в 1869 году). Уроженец Черноисточинска. Церковный староста. Вел борьбу за существование церкви, в проповедях говорил, что «без борьбы с советской властью не отстоим религию и церкви». Кустарь пимокатной мастерской. Лишен избирательных прав по материалам НКВД в 1934—1936 годах.

18. Сисин Григорий Кузьмич (родился в 1874 году). Уроженец Черноисточинска. С 1927 года облагался грабительским индивидуальным налогом, в результате чего «самораскулачился». Лишен избирательных прав в 1928—1936 годах. Руководитель религиозной секты до 1932 года. Обвинен в связи с проживавшими в лесу старцами и снабжении их продуктами.

19. Скворцов Николай Иванович. С 1931 по 1933 год отбывал срок за религиозные убеждения. Евангелист. Проходил по судебному антирелигиозному процессу 1967 года в Нижнем Тагиле и осужден на три года.

20. Соболев Александр Михайлович. Священник Александро-Невской церкви. Обложен индивидуальным налогом, лишен избирательных прав в 1930—1936 годах.

21. Салтанов Денис Иванович (родился в 1890 году). Уроженец деревни Башкарка Невьянского района. Церковный староста. Обвинялся НКВД в настроениях против советской власти. Открыто выступал против коллективизации: 1 мая 1932 года призывал протестовать против плана посева, в Пасху — не выходить на работу.

В 1932 году выселен с семьей и раскулачен. Лишен избирательных прав в 1934—1936 годах.

22. Рысев Яким Алексеевич (родился в 1883 году). Проживал в Черноисточинске, был священником с дореволюционных времён до 1929 года. Административно выслан за контрреволюционную деятельность органами ОГПУ. Лишен избирательных прав по материалам НКВД до 1936 года.

23. Телегины Анна Максимовна и Ксения Максимовна (родились в 1872 году). Монашки Скорбященского монастыря. Лишены избирательных прав в 1930—1931 годах.

24. Чельшев Савва Гаврилович (родился в 1881 году). Уроженец села Балакино. До 1930 года был священником, затем службу оставил. С 1930 по 1933 год работал на предприятиях Нижнего Тагила. В 1933 году уволен с работы как «классово чуждый элемент». Лишен избирательных прав, в которых его не восстановили и в 1936 году.

25. Шоль Адольф Яковлевич. В 1937 году арестован за антисоветскую агитацию на Северо-Донецкой железной дороге. Лишен свободы на пять лет и в результате оказался в Нижнем Тагиле. Евангелист. В 1967 году проходил по антирелигиозному процессу в Нижнем Тагиле. Осужден за изготовление на гектографе церковной литературы, за создание подпольной типографии. Срок наказания — три года лишения свободы.*

---

* Как видно из этого списка, материалы о священнослужителях очень скупы и ограничены. В некоторых случаях мы даже не знаем года рождения того или иного человека, не говоря уже о других подробностях его биографии. Причин этому много, но главная из них — совершенная неразработанность темы как в масштабах страны, так и в масштабах нашего города. Поэтому данный материал помещен в книге главным образом для активизации краеведческой работы в этом важном направлении. Мы основывались на материалах фонда 70 НТФ ГАСО и антирелигиозной книжки А. Воробьева и Ю. Золотухина «К разуму и сердцу» (Свердловск, 1979).

Глава 6

СУДЬБЫ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ 1950—1980-х ГОДОВ

Е КИРЕЕВА

ИНАКОМЫСЛИЕ *

1. ПОДНЯТЬСЯ ВЫШЕ СТРАХА

Валерьян Федорович Морозов жил в большом доме, вверху, над гастрономом. Там и сейчас обитают его родственники: мать, жена, семья младшей дочери. Внизу кипят страсти, снуют под окнами, по главной улице города, в вечных продуктовых поисках люди. Интересно, знает ли кто-нибудь из них, что вот здесь, где все так обычно (вход со двора, желто-шершавые ящики у подъезда, грузчики в грязных халатах, грохоча по тротуару, затаскивают нечто в чрево магазина), знает ли кто-нибудь, что тут жил ученый-диссидент?

Дело № 2-169

Копию этого документа родственникам удалось достать только после смерти Морозова. В этом году. Наконец-то они точно узнали, за что В. Ф. упрятали в психиатрическую больницу в 1982 году и продержали там в заключении все последующие годы перестройки. Считаю необходимым привести этот прелюбопытнейший документ почти полностью, лишь с незначительными сокращениями.

---

* Материал впервые опубликован в газ. «Тагил. металлург» 1989. 7 дек.

«Определение

Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда в составе: председательствующего члена суда В. М. Ежикова и народных заседателей А. С. Ткаченко, В. И. Шумихина при секретаре В. М. Шмелевой с участием прокурора Г. И. Шведова, адвоката А. И. Николаева, рассмотрев в судебном заседании в г. Свердловске 17 августа 1982 года дело о применении медицинских мер принудительного характера к Морозову В. Ф., установила: Морозов В. Ф., проживая и работая в Тагиле, с 1973 по 1982 год занимался антисоветской агитацией и пропагандой... сравнивал КПСС с мафией, приписывал ей оппортунистические позиции... клеветал на местные органы власти... на органы прокуратуры, милиции и КГБ. За все это предусматривается уголовная ответственность. Однако Морозов нести ее не может, поскольку заключением стационарной судебно-психиатрической экспертизы он признан невменяемым, так как страдает хроническим психическим заболеванием в форме сутяжно-паранойального бредового развития психопатической личности.

Так как Морозов представляет повышенную общественную опасность, поэтому к нему необходимо применение принудительных мер медицинского характера, помещение его в психиатрическую больницу специального типа.»

...Август 1982 года. Кажется, это было так давно — еще «при Брежневе». Автор этих строк (простите за нескромную параллель) держит вступительные экзамены в университет. Краснеет, бледнеет, но тем не менее довольно бойко пересказывает по учебнику историю КПСС, излагает якобы свои мысли на якобы свободную тему о человеке, влюбленном в Родину, жизнь, труд и т. д. А тем временем где-то, вернее, не где-то, а в этом же самом душном, летнем, привычном машинно-бензиновом Свердловске составляется определение «политического» дела № 2-169. Это совпадение в пространстве и времени никакого таинственного смысла в себе не несет. Кроме, пожалуй, одного: символизирует собой время. Кстати, недавнее. Совсем-совсем недавнее...

Судебно-психиатрическое освидетельствование произвела судебно-психиатрическая экспертная комиссия в составе психиатров-экспертов Г. К. Мишариной (председателя), К. А. Лесниковой, В. П. Попова. При предъявлении обвинения в антисоветской агитации и пропаганде 20.05.82. Морозов не признал себя виновным и подчеркнул, что «он поставил себе целью раскрыть глаза руководителям партийных и советских учреждений... если КПСС не изменит положения и пойдет на компромиссы, то в стране могут возникнуть революция, гражданская война, как это, к сожалению, произошло в Польше...» В конце допроса Морозов заявил, что «в содеянном он не раскаивается и гордится тем, что нашел мужество хотя бы в старости подняться выше страха за свою собственную шкуру и назвать вещи и явления своими собственными именами».

Как это водится в толстых романах, в повествование о жизни героя непременно включается рассказ о его родителях... Ибо без корней нет человека.

Вот что Морозов пишет о своем отце: «Отец был честным и принципиальным человеком, не скрывал своих взглядов. Еще в сороковых годах он резко осуждал методы коллективизации и индустриализации, осуждал тотальное планирование и гигантоманию; утверждал, что без конкуренции мы пропадаем и многое другое, что для всех теперь становится очевидным. Сколько я помню, он всегда осуждал культ личности не только Сталина, но и Ленина, Маркса. Всю жизнь он был «под колпаком» КГБ (МГБ — НКВД—ЧК—ГПУ). Я до сих пор удивляюсь, как его не арестовали в сталинские времена. Тем более, что два его зятя — видные инженеры Александр Тихонович Ефимов и Петр Павлович Чичканов — были арестованы и бесследно исчезли в 1937 году (по делу Промпартии). А обе сестры — закончившая Бестужевские курсы в Петрограде Валентина и инженер Елена — натерпелись как жены «врагов народа», хлебнули лиха полной мерой.

На меня отец оказал огромное влияние, хотя, пока он был жив, я его не понимал и как «истинный большевик» (еще и будучи беспартийным) с ним не соглашался, пытался его опровергать усвоенными еще с октябрьских лет «аксиомами». Прозрел я уже после его смерти, но и после того еще много лет «храбро помалкивал», боясь оставить детей сиротами».

«Храбро помалкивал»... Никак не забываются эти сло-

ва Морозова. Какая самоирония по отношению к себе давнишнему, все понимающему, но помалкивающему. Самоирония и к себе, и ко всей этой кухонной политике, пропахшей борщом и водкой, не выползающей за пределы дома.

— Ты что, сумасшедший,— говорили ему друзья.— Разве можно о таком вслух!

Из личного дела № 54

В период предварительного следствия на допросах Морозов заявил: «Глубоко убежден, что только сам народ в стране должен прозреть и своими собственными руками покончить с любыми безобразиями. Убежден, что какая-то народная сила у нас в стране должна проснуться, которая будет бороться за свои права и не даст выродиться нашему обществу до конца».

«Виновным в предъявленном мне обвинении я себя не признаю полностью. Я являюсь не врагом, а активным сторонником советской власти. Мой лозунг: «Вся власть Советам!». Вся моя деятельность была направлена на укрепление и защиту советской власти. В настоящее время, как я считаю, советской власти нет, как ее не было, по моему мнению, в период с 1937 по 1952 год, который я считаю сталинским террором».

«Вся власть в настоящее время, как и в то время, сосредоточена в руках партийно-хозяйственной олигархии, то есть у нас создалась абсолютная монархия, которая, по моему мнению, является смертью любой демократии и советской власти».

Цитирую жалобу адвоката прокурору РСФСР С. А. Емельянову: «В материалах дела нет подлинника или копии работы «Труд. Экономическая политика коммунистов» ученого-экономиста В. Ф. Морозова. По определению судебной коллегии вещественные доказательства уничтожены. Взамен этой работы в деле подшито заключение трех докторов экономических и философских наук, в котором записано: «Полагаем, что произведение В. Ф. Морозова является антимарксистским, приложение к нему — антисоветизмом, а сам В. Ф. Морозов — злым антисоветчиком». По понятным причинам в настоящее время трудно определить, сказалось ли на заключении общее направление наук, по большому счету облуживающих большой застой, но в деле есть и другие доказательства об этой работе».

Адвокат имеет в виду показания свидетеля А. П. Додора, члена центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС: «В ходе разговора со мной Морозов утверждал, что наше государство и КПСС идут не по правильному пути, что власть в стране принадлежит не народу, а отдельным личностям. Говорил, что необходимо создать еще одну партию, чтобы она контролировала другую. По мнению Морозова, наличие одной партии в стране не дает возможности внутренней борьбы. Настойчиво уверял меня, что вторая партия нужна и он будет стремиться к ее созданию. Утверждал также, что в партии власть захватили карьеристы, в партию вступают только для того, чтобы «делать деньги». Заявил, что если в СССР его труды не будут изданы, то он будет стремиться послать их за границу. На мое мнение, что тогда им займутся соответствующие органы, сказал: «Не считаю свои действия преступными».

Кстати сказать, никогда Морозов об этом серьезно не думал, о том, чтобы действительно отослать свои труды за границу. Это было, скорее, некоторой бравадой. Стремление дать понять ИМ, что бороться будет до конца. Буквально недели за две до смерти зашел у него об этом разговор с младшей дочерью. Ответил Жене: «Почему не отослал? Вообще такой мысли на допускал». В справедливость Морозов верил до конца.

«Тебе, наверное, жить надоело», — говорили Морозову те, кто был лояльно настроен к нему, а другие пугали «компетентными органами». Да нет — жить ему не надоело. Любил жизнь во всех ее проявлениях. Увлекался фотографией, вылазками на природу. По выходным отправлялся на Чусовую: не просто так, брал пробы воды и грунта. Делал анализ и хватался за голову: сами себя убиваем, загрязняем источники жизни.

Везде, где бы он ни трудился — мастером в мартовском цехе № 1, старшим конструктором в КБ, преподавателем на кафедре политэкономии — работал с жадностью, что называется, за двоих. Писал кандидатскую диссертацию — тонул в работе с головой, переводил с английского «Капитал» Маркса, штудировал горы книг. Представить его лежащим на диване даже в выходной было просто невозможно. Для внуков — незаменимый дед. Любое их желание тут же подхватывалось: походы в цирк, катание на лодках. Нет, жить ему определенно нравилось.

Но прекрасно понимал, на что идет (помните: помал-

кивал, боясь оставить детей сиротами). И все-таки... Говорил вслух везде. Не просто так, с оглядкой, а громко. Чтобы услышали. Как позже сам объяснит судебно-психиатрической комиссии: «преследовал цель пробудить в народе стремление к переустройству существующего советского строя». Заявлял вместе с тем, что он «самый верный сторонник советской власти, но в современный период Советы не имеют действительной власти».

..Когда человек умирает, ставят вторую дату — ту, что через черточку после года рождения. Всё — жизнь очерчена рамкой. Становится видно, чем кончилось то, что когда-то так блестяще (или не блестяще) начиналось...

А как все-таки это у него началось? Когда похоронил Морозов в себе эпоху «храбропомалкивания»? Может, все началось с той самой статейки в одной из центральных газет. Автор ее, новосибирский ученый, добросовестно ругал экономику буржуазного мира за ее кризисы, загнивание и инфляцию, адресуя свой благородный гнев видному американскому политэконому. Первое чувство, охватившее Валерьяна Федоровича после прочтения, было стыдом, стыдом за советскую науку. Тут же бросился к столу и написал ответ известному американцу. Дал понять ему, что позицию автора хулильной статьи разделяют далеко не все советские политэкономы. Например, он, Морозов (в это время В. Ф. уже защитил кандидатскую диссертацию по политэкономии), думает совсем иначе. Письмо, естественно, «потерялось». И «терялось» еще два или три раза — ровно столько раз, сколько пытался автор его отослать. За пределы Тагила оно не выходило.

Может, и не это было началом. Сейчас трудно выяснить, что именно послужило толчком. В данном случае следствие гораздо важнее причины. А следствие было.

...Опальный академик Сахаров в ссылке. Антисахаровская газетная кампания-травля. Морозов, движимый огромным уважением к этому человеку, едет в Горький. Во что бы то ни стало увидеться. Пожать руку. Поговорить (так много общего во взглядах!). Разобраться, в чем правда. Приехал. Высотный дом напротив здания городского УВД. Два милиционера около подъезда. Вход по закодированной системе.

Юстоял. Походил вокруг. Подошел к суровой страже и задал вопрос: «Как можно встретиться с академиком?» Тут же оказался в ближайшем отделении милиции, где у него взяли отпечатки пальцев. С пристрастием рас-

спросили, кто, откуда, зачем, и отправили домой. В Тагил Морозов возвращался уже без паспорта, паспорт ему вручили только в отделе Тагильского КГБ. Естественно, после долгой беседы и строгого указания «чтоб впредь не повторялось».

...1973 год. Исключен из рядов КПСС «за антипартийное поведение и антипартийные политические взгляды». На партийное судилище не явился и партбилет не отдал. Партийный документ был изъят у Морозова только при обыске в 1982 году. После исключения высказывал свое несогласие с решением Ленинского райкома КПСС Нижнего Тагила: «Не перестаю себя считать коммунистом. Я коммунист, но теперешнюю КПСС я не считаю коммунистической партией, а считаю ее оппортунистической»

2. «ЖЕЛАЮ ГРАЖДАНСКОГО МУЖЕСТВА»

Страшное место — казанская психбольница. Страшные опыты над человеческим организмом. Из рассказа дочери Морозова Жени: «Боже мой, мы не узнавали папу, когда приезжали на эти редкие и короткие свидания. Не могли узнать из-за многочисленных следов пыток. Пыток под видом лечения».

Почему после «лечебных процедур» его трясло, как в лихорадке? Выходил на свидание с родными, обхватывал себя руками, чтобы как-то унять дрожь, которая била тело. Впрочем, это мало помогало. Почему после нескольких лет «лечения» в казанской больнице он ослеп на один глаз?

Валерьян Федорович так описывал последствия пребывания в специальной (тюремной) психиатрической больнице Казани: «За семь лет «лечения» меня превратили из совершенно здорового психически и физически, трудоспособного и жизнерадостного человека в совершенного инвалида». И далее о том, что по ночам во сне сильно клацает зубами, нарушая сон всей палаты, о том, что опухает лицо.

Из рассказа Жени: «Приедем на свидание, хочется много-много говорить. А папа силится унять сотрясающую его дрожь, еле-еле раздвигает рот, с трудом напрягает мышцы на лице, язык не слушается. Если письма пишет в те периоды, когда его «колют», почерк расползается по листу. Но более всего поражало то, что, превра-

тив его внешне в совершенного инвалида, на мозг лечение не повлияло».

Больше всего Морозова угнетало не то, что телесная оболочка заперта, а то, что идее положен конец. Он бездействует, его начинают забывать, все дальше расходятся круги от брошенного в воду камня. Все дальше, и... исчезают. И он начинает массированный обстрел письмами. В них — коротко изложенная история «дела», тезисы научных работ. В каждом письме — надежда быть услышанным. Морозов прекрасно понимал, что письма не дойдут к адресатам. А если и дойдут чудом — напечатают ли их?

«К сожалению, уверен, что моих писем не напечатает сегодня даже смелый «Огонек» при всей нашей сегодняшней «гласности», «открытости», при том, что нет, якобы, сегодня зон, закрытых для критики. Вы — молодцы только против овец, только когда обличаете прошлое. Кто же поможет мне и таким, как я? Неужели так же ждать десятилетия посмертной реабилитации?». Это выдержка из письма Морозова в журнал «Огонек».

Конечно же, они не дошли, иначе я не держала бы сейчас в руках эти пухлые письма-тетради из домашнего архива, исписанные крупным, широким почерком. А неизменная подпись: Морозов В. Ф., убежденный коммунист, ученый-диссидент, современный политзаключенный.

...Время от времени в казанской психтюрьме устраивали врачебно-контрольные комиссии, призванные констатировать выздоровление тех или иных больных. Наезжали специалисты из Московского института имени Сербского, и начиналось «обследование». На каждого человека отпускалось по 5—10 минут. Людской конвейер быстро проходил через руки столичных психиатров. На Морозова тратили и того меньше — 2—3 минуты. «Заходил и сразу говорил, что о них, врачах-психиатрах, думаю, о том, что они — палачи в белых халатах, прислужники, полицаи», — эти слова Морозова есть и в его письмах, это он говорил и родным.

Естественно, его снова признавали сумасшедшим... Приезжала следующая врачебно-контрольная комиссия, и все повторялось. Морозову никогда не приходила в голову мысль просто промолчать на этом нелепом обследовании... В письмах к домашним он делал одну маленькую приписочку: «Желаю гражданского мужества». У него оно было.

...Узнали о переводе неожиданно. Приехали на очередное свидание с отцом. Все шло как обычно. Ненавистное

здание, лязг металлических запоров и тяжелых дверных клеток. Оконце для передач. Причем с вещами к этому заветному оконцу посетителей не пускали. Никакого гардероба, естественно, не было. Приехал не один — хорошо. Пальто, шапку, сумку оставь спутнику. Если один — оставляй где хочешь, на каком-нибудь одиноком стуле в коридоре. Охранник в вертушке узкого прохода строго следил, чтобы никаких лишних вещей, кроме пакета передач, не было. Не дай бог, письмо тайно передадут, не прочитанное цензурой.

Итак, все шло как обычно. Но офицер «на передачах» сказал им: «Чего это вы приехали? Ведь вашего отца переводят отсюда в черноисточинскую». Сначала не верилось, слишком долго этого ждали и добивались, столько раз получали отказы. И вдруг... Но оказалось — правда. Отца действительно переводят «домой», в черноисточинскую «психушку» под Тарьялом.

Главврач казанской психбольницы сказал сестрам в напутствие: «Во все времена были люди, которые во имя идеи шли на костер. Ваш отец относится к ним». Женя тогда чуть не задохнулась от возмущения: «Лицемер! Не ты ли подкидываешь дрова в этот костер?» Но она промолчала, то ли слезы, готовые вот-вот предательски просочиться, помешали сказать, то ли страх, что «свобода» отца висит на волоске, который в любую минуту может порваться...

Из рассказа Жени: «Мы тогда очень удивились: просили-просили, обивали пороги у начальства, чтобы его перевели поближе к дому. Но, как вы понимаете, у них не допросишься. И вдруг — когда мы уже просить устали — сами, добровольно: перевод в Черноисточинск. Долго не могли понять, почему ОНИ тогда «переиграли» ситуацию, недавно нас только осенило, стукнуло как будто в голову. Вскоре после перевода из Казани звонок из Москвы от знакомых: группа американских психиатров проводит обследование «политических» в России. Совершенно точно, что и в казанскую «психушку» заглянут

Так вот оно что: сроки приезда иностранцев не были известны в Казани и поэтому на всякий случай решили всех «политических» заблаговременно раскидать от греха подальше. У нас вот такое предположение сразу возникло. Об отце там, за кордоном, знали. Сделали такие выводы вот почему. Однажды Эй-Би-Си о нем передавало, что есть в России ученый-диссидент, узник совести, проповедует такие-то и такие-то взгляды».

...Свою тюремную сущность черноисточинская «психушка» показала сразу. Начались бесчисленные уколы.

«Перестаньте, прекратите делать ему инъекции!» На это требование (или мольбу) родственников врача не возмутимо отвечала: «Что вы возмущаетесь? Мы просто вводим ему витаминчики». От «витаминчиков» был эффект, как от казанских «процедур».

Из рассказов Жени: «Некоторые послушно кивают, когда им рассказываешь: да, мол, и абсолютно здоровых людей могут упрятать в психбольницу. А у самих где-то в потайных уголках сознания малодушно гнездится: «Здоровый-то здоровый, а какие-то отклонения все-таки есть. Я-то ведь не там». Помню, как-то дядя впервые навестил отца в Черноисточинске. Вернулся потрясенный: «Но он же здоров, совершенно здоров. Что же они с ним делают!» Да, впрочем, все так говорили, приезжая после свидания с ним. Будто не было шести лет пыток. Не могли все-таки сломить его дух...»

Сам Морозов называл свое положение не иначе как арестом. «Положение арестованного кажется мне каким-то кошмарным сном, кажется, что стоит встряхнуться, и он исчезнет, но... оказывается, это страшная действительность... до чего мы дожили! Ничему не научил нас тридцать седьмой год».

Читал Валерьян Федорович в ту пору жадно, много. Все, что привозили ему родственники, — газеты, журналы (благо ездить было совсем недалеко). Писал по-прежнему тоже много. Разум, не поддающийся «лечебным воздействиям», остался ясным и чистым.

«Пап, давай мы тебя отсюда украдем», — полушутя-полусерьезно предлагали ему дочери. Сердился: «Но сейчас не дореволюционные времена. Почему я, убежденный сторонник советской власти, должен скрываться от нее, как революционер при царском режиме?» Вопреки всему он до конца верил в справедливость.

Пример из казанской жизни Морозова. Кандидат наук клеит коробочки, тайно вкладывая между серыми картонками заранее приготовленные листочки с текстом: он, кандидат наук Морозов, незаконно упрятан в «психушку», за правое дело, помогите, знайте об этом, расскажите всем. (Кстати, Валерьян Федорович попался на этом опасном деле и, как скупое сообщил родным, был наказан.)

...Совсем недавно (30 октября 1989 года) В. Ф. Морозов умер в черноисточинской психбольнице от инфаркта. Первый инфаркт он перенес в 1958 году, последу-

ющие — спустя более двух десятков лет: в казанской закрытой психбольнице (об этом тогда не сочли нужным уведомить родственников) и последний — в Черноисточинске. Сколько было микроинфарктов за последние семь лет жизни, сейчас уже невозможно выяснить. Смерть от инфаркта, а инфаркт от... Впрочем, это и так ясно.

О. ФИЛАРЕТОВА

БЫЛА Б ДРУГОЮ РОДИНА, ДРУГОЙ БЫЛА Б СУДЬБА

«5. Национальность... Вот пятый пункт. Такой простой, незначущий в довоенные времена, и какой-то чуть-чуть особенный сейчас.

Штрум, нажимая на перо, решительными буквами написал «еврей». Он не знал, что будет значить для сотен тысяч людей ответить на пятый пункт анкеты: калмык, балкарец, чеченец, крымский татарин, еврей.. Он не знал, что год от года будут сгущаться вокруг этого пятого пункта мрачные страсти, что страх, злоба, отчаяние, безвыходность, кровь будут перебираться, перекочевывать в него из соседнего, шестого пункта «социальное происхождение»...»

В. ГРОССМАН. Жизнь и судьба

Он очень любил Ленинград. Проведя там детство и эвакуировавшись с родителями перед блокадой, он всю жизнь вспоминал его и видел во сне. А жил — среди нас, в Нижнем Тагиле, и многие в пединституте еще помнят высокого сутуловатого человека в сильных очках, с крупными чертами аристократического лица... Помнят студенты-историки первых четырех выпусков его изысканную интеллигентность, строгость и застенчивость, которые, что скрывать, вызвали даже насмешки у нашей неизбалованной публики.

Но внимательному взгляду приоткрывалась тяжелая, мучительно прожитая жизнь — у такого человека она

не могла быть иной. И вот сейчас, много лет спустя, читаю краткие строки личного дела. Корабельников Зиновий Моисеевич, родился 2 февраля 1929 года. МГУ. Диплом с отличием. Владение языками: немецкий, английский, французский, латынь, древнегреческий. Родился в городе Бобруйске. С 1933 по 1941 год — Ленинград, 1941—1943 — Томск, 1943—1952 — Москва, потом, до самой смерти, — Нижний Тагил.

Что за строчками? Даже поверхностно знающему нашу историю человеку даты эти скажут все и о жизни, и о судьбе...

Вернемся в 1951 год, когда юноша Зиновий Корабельников заканчивает с отличием МГУ. Он специализируется на античности, имеет все данные ученого-исследователя, казалось бы — прямая дорога в большую науку, но... На дворе 1951 год. На судьбу падает тень большой желтой звезды. В аспирантуре места не нашлось, как не нашлось и в Ереванском госархиве, куда он был направлен по распределению. В министерстве сумели предложить лишь должность преподавателя в Нижнетагильском горном техникуме, и он поехал. Ну что же, жизнь продолжалась. Все-таки это была работа, место в общежитии, новые друзья, и он был еще так молод...

«Ошибаются все, даже Бог, — помнится, говорил Бенья Крик, — иначе он не поселил бы евреев в России, чтобы они мучились, как в аду».

Раскручивающийся маховик антисемитской кампании зацепил его и здесь. Непременно понадобилось истребить двух-трех евреев. Среди молодых преподавателей горного техникума Зиновий Моисеевич и его друг Г. отлично подходили в качестве дичи. В «Тагильском рабочем» появилась статья под названием «Циники». Может быть, ее автор жив. Может быть, тепло ему на свете.

Оставшись без средств к существованию, Корабельников пошел работать учеником крепильщика на шахту. Тонкий и чистый, легко краснеющий от любой грубости молодой ученый с уже ослабевшим зрением и развивающейся болезнью сердца. В кармане он тогда носил яд, потому что в Бога не верил, да и в счастливую случайность — тоже.

Сейчас, обдумывая и сопоставляя все вехи этой посвоему трагичной судьбы, понимаю, что все беды этого человека не заключаются только в его еврейском проис-

хождении, хотя, кажется, не было человека, прожившего те годы с «неблагополучным» пятым пунктом и оставшегося не задетым. Дело еще и в свойствах личности этого российского интеллигента. Он не был борцом. Но ведь этого нельзя требовать от всех. Не был жизне-радостным нахалом. Он был беспомощен в быту и напроочь лишен «деловых» качеств. Он был один — слабый, болезненный, ранимый, страдающий человек. Глубоко чувствующий, рано прозревший всю мерзость советской жизни, противоречия и ложь «основоположников» — он не боролся. Он носил с собой яд.

Не так давно молодая женщина, талантливый режиссер музыкального театра, уезжая с мужем-композитором из страны, сказала мне: «Понимаешь, мы здесь никому не нужны...» Они уехали и нашли себя.

Зиновий Моисеевич, судя по воспоминаниям близких людей, никогда не думал об эмиграции. Он нежно любил Россию, был плоть от плоти ее лучших корней, мог внести немалый вклад в ее науку... Но не был нужен.

Судьба все же послала ему светлый лучик... Пришла любовь. Ольга Ильинична была добра и умна, красивая особой благородной статью, любила мужа и стала ему единственной поддержкой. Наконец он вошел в семью, получил заботу, понимание, помощь. Как-то устроили на работу в школу рабочей молодежи. Одна ШРМ, другая, третья... С 1953 по 1957 год. О чем он думал, как ощущал свою невостребованность? Представить себе такое — задача для романиста... Никогда не расставался с мечтой о научной работе. Каждый свой отпуск, от первого до последнего дня, он проводил в Ленинской библиотеке, собирая материалы для диссертации «Римская провинция Норик в I—III веках нашей эры». И кандидатские сданы были полностью на «отлично», но... «Куда я ни приду, мне, не выслушав, говорят: нет». Эти слова Зиновия Моисеевича хорошо помнят его друзья.

В 1976 году в Нижнетагильском пединституте образовался исторический факультет. И если с преподавателями истории КПСС и ничем от нее не отличающейся истории СССР особых проблем не было (тут все знали, что и как говорить), то в античности и средних веках зияла пропасть. Где же взять в Тагиле специалиста? Да вот же он — берите! Но нет. И зовут его Зиновий Моисеевич, и в прошлом какие-то дурацкие «Циники», и беспартийный. Ненадежная фигура, подозрительная, может подорвать идейную непоколебимость советского

студента. Потребовался год, чтобы благодаря усилиям друзей — Леонида Абрамовича Марголина, Татьяны Константиновны Гуськовой, уговорам, хлопотам он занял место на кафедре истории вашего пединститута.

Он и здесь долго был чужеродной фигурой. Общее мнение — «тайный диссидент». Однако аккуратный, дисциплинированный, скрупулезно исполнительный. Строгий преподаватель. Лекции захватывающе интересны, семинары заполнены редким материалом. На экзамене он мог увлечься, разговориться, заспорить со студентом. Так, со мной он однажды долго обсуждал образ булгаковского Га-Ноцри во время ответа на вопрос «Источники по истории раннего христианства».

И, может быть, что-нибудь наладилось бы у Зиновия Моисеевича. Все-таки у преподавателя института больше возможностей заниматься научной работой, материально стало легче, в семье — покой и любовь, вот только детей не было, и возраст — едва за пятьдесят. Но — не судьба.

Неожиданно тяжело заболела и в конце 1983 года умерла Ольга Ильинична. И он остался один в большой квартире, заполненной книгами, сам тяжело больной. Друзья помогали, чем могли, но жизнь уже рухнула.

В феврале 1984 года вдруг потребовалось послать кого-нибудь в Новую Лялю, на мероприятие по профориентации. Каторгу таких поручений все тогда по очереди отбывали, в тот раз поехать никто другой почему-то не мог, и ехать велели Корабельникову. Конечно, он едет, со свойственными ему исполнительностью и чувством ответственности. И там, в Ляле, умирает.

Вскоре на совещании ректор института абсолютно серьезно заявил, что Нижнетагильский пединститут так ответственно относится к профориентационной работе, что вот — даже преподаватель умер в такой командировке...

...В институте остались книги Корабельникова — они послужат еще не одному поколению студентов-историков. Книжки, многие из которых большая редкость, отмечены экслибрисами работы давнего друга Зиновия Моисеевича — художника-графика Михаила Васильевича Дистергефта. Библиотека была представлена на выставке, открытой на истфаке к десятилетию факультета. Бывшие студенты до сих пор щеголяют латинскими пословицами Корабельникова. Но на одинокой могиле редко кто бывает.

Не одна судьба уничтожена за прошедшие десятилетия — десятки миллионов. А Зиновий Моисеевич не был в гетто, не рассыпался «лагерной пылью», не голодал, не сидел в «психушке». Любил и был любим. Не забыт напрочь. Но наша действительность умела хорошо обходиться и без этих «крайностей». Может быть, мы хоть сейчас научимся внимательнее смотреть на ближних и дальних? Научимся любить и по достоинству ценить человека? Откажемся от тупого и злобного равнодушия? Навсегда запретим себе людоедство? Так хочется надеяться...

Прошло столько лет, а на наших глазах еще бурлит свистопляска национализма и организации типа «Памяти» (интересно, о чем?) свободно выпускают свои грязные листки. Тем временем страна лишается лучших ученых, артистов, предпринимателей. А мы — опять молчим, забывая, что Добро и Зло, Ум и Глупость, Бог и Дьявол внациональны, живут во всяком народе и всегда будут жить. И в нашей власти — ослепнуть насовсем или прозреть.

В. М. КИРИЛЛОВ

ГАВРИЛОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Н. И. Гаврилов родился в 1937 году в селе Николо-Павловское в семье лесника. Среднее образование получил в Нижнем Тагиле. В 1960 году окончил химико-технологический факультет УПИ им. С. М. Кирова. После окончания института работал на коксохимическом производстве НТМК слесарем, мастером, механиком цеха.

С 1965 по 1985 год работал на Нижнетагильском заводе пластмасс государственным инспектором-химиком и заместителем главного инженера по охране труда. В 1975 году вступил в ряды КПСС. В 1983 году подвергся незаконному уголовному наказанию по вине горкома КПСС.

1—2 декабря 1983 года на Нижнетагильском ПО «Уралхимпласт» была совершена кража ядовитого метанола работниками строительной организации ПСМО «Тагилстрой» (начальником этого объединения в то вре-

мя был В. И. Алейников, бывший председатель горисполкома). В результате распространения яда произошло отравление 25 человек, семеро из них погибли. Метанол украли ранее судимые лица из действующей насосной с закрытой на замок дверь. Правила хранения, перевозки и использования метанола в ПО «Уралхимпласт» не были нарушены. Однако, пренебрегая выводами экспертизы и комиссии, расследовавшей случай массового отравления, Нижнетагильский горком КПСС в поисках виновных пошел по заведомо ложному пути, ориентируясь прежде всего на то, что начальник ПСМО «Тагилстрой» Алейников и первый секретарь Нижнетагильского ГК КПСС Сушилов — родственники. Главным ответчиком «назначили» Н. И. Гаврилова, работавшего в то время начальником отдела техники безопасности Нижнетагильского ПО «Уралхимпласт». На заседании бюро ГК КПСС прокурору города Н. И. Крылову первый секретарь приказал: «Вот виновник — им и занимайся!» Для начала Гаврилову объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. 15 декабря 1983 г. генеральный директор ПО «Уралхимпласт» Ю. А. Смирнов снял Гаврилова с занимаемой должности и на один год перевел на нижеоплачиваемую. Он же путем оговора помог прокуратуре города возбудить против Гаврилова уголовное дело и осудить его на год исправительных работ с удержанием 20% зарплаты.

Только благодаря активной жизненной позиции и немалому личному мужеству Н. И. Гаврилову удалось снять с себя незаконное обвинение и получить денежную компенсацию. Однако вопрос о полной реабилитации Гаврилова не был решен, а виновники в издевательствах над ним не понесли никакого наказания.

В настоящее время Николай Иванович работает инспектором Госпроматомнадзора на КХП НТМК, за добросовестный труд награжден медалями, грамотами, дипломом ВДНХ СССР. Он явился одним из инициаторов создания общества «Мемориал» в Нижнем Тагиле.

ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

«...Свердловск. В 1969 году здесь возникла молодежная организация «Свободная РОССИЯ»... Ровно через год после суда над ее членами — в ноябре 1971 года в Свердловске состоялся суд над семьей молодыми рабочими — членами другой организации, назвавшей себя Революционная партия интеллектуалистов Советского Союза. Главой этой организации был 27-летний слесарь из Нижнего Тагила, бывший член КПСС Георгий Давиденко, называвший себя социал-демократом. Организация существовала с 1970 года. Члены ее регулярно проводили совещания, создали печатную базу и распространяли литературу — в основном статьи своего идеолога — 25-летнего выпускника философского отделения Донецкого университета Василия Спиненко.

По его идее, справедливое общество способна создать лишь инженерно-техническая интеллигенция, она и должна получить доступ к управлению. Одна из статей В. Спиненко называется «Рождение новых классов и борьба при социализме». Член группы Семилетов после службы в армии пошел в школу МВД — учиться конспирации.

Следствие по этому делу велось не только в Свердловске, но и в Красноярске, Хабаровске, Горьком и, возможно, в других городах. Давиденко и его товарищи получили по четыре года лагерей. Спиненко был отправлен в спецпсихбольницу...»

---

* Отрывок из книги: Алексеева Л. История инакомыслия в СССР Новейший период. Вильнюс; Москва. Весть, 1992. С. 226—227

ПРАВООЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ

Золотухин Михаил Валентинович — один из активистов общественно-политического движения Нижнего Тагила. После первого экологического митинга, проведенного в городе 13 февраля 1988 года, стал одним из основателей экологического клуба «Очищение». Осенью того же года участвовал в создании независимого комитета «Возрождение», где возглавил правозащитную секцию. С момента создания (в 1989 году) историко-просветительского общества «Мемориал» в Нижнем Тагиле — член его Совета. С 1990 года — член правозащитной организации «Международная амнистия», после создания группы МА в Нижнем Тагиле (начало 1994 года) — ее координатор.

В числе первых, кто узнал о преследованиях в 1980-е годы властями и органами госбезопасности тагильского коммуниста-диссидента Валерьяна Морозова, довел это до широкой общественности, были члены Добровольного гражданского фонда имени А. И. Солженицына (ДГФ), созданного в 1976 году на Урале. Один из его основателей — тагильский диссидент Георгий Давиденко.

Основными задачами созданной организации были просвещение граждан в духе Всемирной декларации прав человека, изучение подлинной истории России, помощь политическим заключенным. На первые же взносы фондовцы приобрели печатные машинки, фотолабораторию, магнитофон, радиоприемники, а также литературу для создания своей независимой библиотеки. С 1985 года стала поступать безвозмездная помощь в виде книг и журналов из-за рубежа, и сегодня Уральская независимая общественная библиотека имеет филиалы в ряде городов Свердловской области. В ее фондах собраны тысячи экземпляров книг по правам человека, истории России, философии и другим направлениям.

До 1985 года члены ДГФ могли действовать преимущественно в подполье. С началом перестройки они открыто заявляют о себе. Осенью 1988 года фондовцы создали в Нижнем Тагиле и Екатеринбурге местные комитеты независимого общественно-политического объединения «Возрождение», куда перенесли идеи демократического движения конца 60-х — начала 80-х годов. Самое активное участие в работе сначала Добровольного граждан-

ского фонда, а затем «Возрождения» принимают тагильчане Юрий Масленников, Вера Давиденко, Сергей Огарков, Евгений Румянцев, Андрей Политов.

С первых дней существования Тагильского комитета «Возрождение» в нем действует правозащитная секция, возглавляет которую автор этих строк. Мы обращались к властям - бывшего Союза по делам Михаила Козачкова и Бориса Южина, осужденных к различным срокам заключения по политическим мотивам. В 1991 году, когда Б. Южина помещают в Нижнетагильское УИ-349/13, была сделана попытка связаться с ним, а 30 октября, в День политзаключенного, мы рассказали о нем по местному телевидению и в газетах. Вскоре его перевели в лагерь Пермь-35 и в 1992 году выпустили на свободу.

В сентябре 1991 года в газете «Дума» я опубликовал открытое письмо, обращенное к Президенту СССР М. Горбачеву и Комитету по правам человека РСФСР. В нем говорится: «Сегодня... освобождение всех узников совести... является делом чести и совести руководства страны, каждого советского человека. В этой связи обращаюсь к Вам как гражданин своего государства с настоятельной просьбой, а точнее, с требованием: незамедлительно принять меры к пересмотру «дел» всех политзаключенных СССР и к их освобождению... Они не должны повторить участи Михаила Козачкова, который был арестован в 1975 году за намерение эмигрировать и был отпущен только в конце прошлого года за несколько дней до окончания срока, отсидев 15 лет... Призываю Вас сделать все возможное для восстановления прав граждан СССР. Политзаключенные — это показатель нашей совести, это наша боль и стыд. И пусть потом никто не скажет, что он ничего не знал».

Менее чем через месяц приходит ответ из российской прокуратуры, затем большинство из названных в открытом письме лиц освобождает по амнистии Президента России.

Кроме того, мы занимались делами нескольких военнослужащих российской армии, сбежавших из нее по различным причинам, я встречался с их родными и представителями военного трибунала, подписывал обращение в поддержку находившегося в заключении известного певца Александра Новикова, писал в Литву, отстаивая права национальных меньшинств.

В 1990 году я становлюсь членом правозащитной организации «Международная амнистия» и Транснациональ-

ной радикальной партии. Мне довелось обращаться к правительствам Кубы, Китая, Вьетнама и других стран, защищая права инакомыслящих, выступать по проблемам прав человека в средствах массовой информации. Как народный депутат в рамках Всемирной кампании парламентариев я подписывал обращения в ООН с предложением о введении во всех странах трехгодичного моратория на смертную казнь, о создании Международного трибунала по бывшей Югославии.

В начале 1994 года в Нижнем Тагиле создана инициативная группа «Международной амнистии». Она участвует в кампании «Новогодняя детская открытка-94», цель которой — поддержка узников совести во всем мире. В феврале того же года членами тагильской группы МА была направлена в адрес Президента РФ телеграмма с требованием соблюдать Конституцию, принять справедливое решение в отношении находящегося в заключении ученого, доктора химических наук Вила Мирзоянова.

Сегодня секция по правам человека НОПО «Возрождение» и члены групп МА в Нижнем Тагиле и Екатеринбурге совместно занимаются созданием Уральского центра демократии и прав человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реабилитация жертв репрессий и общество «Мемориал»

По подсчетам историка Роя Медведева, число жертв репрессивной политики сталинской диктатуры с конца 1920-х до начала 1950-х годов достигло не укладывающейся в сознании нормального человека цифры — 40 млн человек.

Процесс реабилитации незаконно осужденных начался с 1953 года и был фактически свернут к 1962 году. За это время реабилитировано 737182 человека. А между тем возникла новая форма подавления инакомыслия — психиатрические лечебницы-тюрьмы и появились новые сотни жертв. Реабилитация шла только в «самиздатовской» литературе, а в партии прекратилась борьба против наследия сталищины и стал раздуваться новый культ. Борьбу за демократические принципы вели только одиночки, исключительно честные люди, презрительно заклеенные властями словечком «диссидент».

Январский 1987 года Пленум ЦК КПСС дал новый официальный толчок процессу реабилитации. Летом 1987 года формировались первые инициативные группы движения «За увековечивание памяти о жертвах репрессий». Еще задолго до этого отдельные активисты будущего движения — Д. Юрасов (Москва), В. Ростальный (Чернигов), Ф. Перченко (Ленинград), Д. Кушнер (Куйбышев) и др. собрали данные более чем о 200 тыс. жертв террора.

28 сентября 1987 года по решению ЦК КПСС была создана комиссия Политбюро ЦК по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30—40-х и 50-х годов. Работа по реабилитации комиссией Политбюро начата весьма активно, в результате восстановлено честное имя многих тысяч людей. Однако процесс реабилитации на местах идет медленно. Совершенно очевидно, что без активного влияния общественности и

ее непосредственной помощи официальные органы даже при большом желании завершить процесс реабилитации не смогут.

В 1989 году движение «Мемориал» охватило более 180 городов СССР. 29 января 1989 года в Москве было создано Всесоюзное историко-просветительское общество «Мемориал». Процесс этот коснулся и Урала. 23 марта 1989 года прошла учредительная конференция Нижнетагильского городского общества «Мемориал», а 29 сентября того же года оно зарегистрировано исполкомом городского Совета народных депутатов. Инициаторами создания общества были А. Б. Волошин, С. И. Рубинштейн, Е. И. Лебедев, Н. И. Гаврилов и др. В члены общества вступило более 100 человек, в его составе сформирована ассоциация репрессированных.

К этому времени работа по реабилитации граждан СССР заметно продвинулась вперед. С 1987 по 1990 год восстановлена справедливость в отношении 1043750 человек. Закон России (а также Украины и Белоруссии) «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года, последующие нормативные акты о порядке выплаты денежной компенсации и предоставлении льгот невинно осужденным, рассекречивании инструкций и приказов, послуживших основанием для массовых репрессий, поставили вопрос о восстановлении прав человека на качественно новый уровень. Теперь все подобные дела с 1917 по 1990 год будут пересмотрены.

Роль «мемориальского» движения в процессе реабилитации возросла. Работа парламентской комиссии по реабилитации жертв политических репрессий возглавляется активистами «Мемориала». Свою лепту в общее праведное дело вносит и Нижнетагильское общество «Мемориал». За прошедшие с момента его основания годы сделано немало.

Согласно своему уставу, Нижнетагильское общество «Мемориал» является добровольной историко-просветительской организацией. В его составе с 1989 года действует историко-поисковая группа, основная задача которой — изучение тоталитаризма как явления и его воздействия на общественную жизнь Нижнего Тагила. К настоящему времени собран материал более чем о двух тысячах тагильчан — жертв репрессий с 1917 по 1980-е годы. Организована общегородская выставка, посвященная репрессированным тагильчанам. Благодаря кропотливой работе Э. П. Дистергефт положено начало руко-

писному варианту «Книги Памяти». В ней уже рассказано о судьбах 80 репрессированных тагильчан. Членами общества начата работа по обновлению экспозиции музея ПО «Уралвагонзавод». Подвижническим, упорным трудом историка-краеведа В. В. Чевардина разработан крупный фонд архивных документов (более 1800 дел) по делам тагильчан, лишенных избирательных прав в 1920—1930-е годы. Максимально результативной стала работа Д. Кирилова: им начато глубокое исследование материалов о спецпереселенцах, найдены уникальные сведения о Тагиллаге, собраны многочисленные устные и письменные воспоминания репрессированных. Благодаря подвижнической деятельности Д. Кирилова, В. В. Чевардина и фотографа, сотрудника драматического театра М. Мустакимова, создан документальный фильм «Тагильский вариант», посвященный Тагиллагу. На основе архивных материалов воссоздана карта Тагиллага. Проведены три крупные поисковые экспедиции по местам лагерей и захоронений Тагиллага. Одна из этих экспедиций стала международной. В помощь учителям-историкам разработана лекция «Тагильчане — жертвы репрессий», появились десятки публикаций в городских газетах, состоялось несколько выступлений членов общества по областному и городскому радио и телевидению. Подготовлен материал для «Книги Памяти», которую вы читаете сейчас. Начата работа по созданию «Энциклопедии жертв репрессий», в которую войдут данные о всех известных нам репрессированных жителей Нижнего Тагила и района.

Важнейшим направлением деятельности «Мемориала» является консультативная и материальная помощь жертвам репрессий. Еженедельно под руководством председателя Ассоциации репрессированных, сопредседателя «Мемориала» В. Д. Броцмана проводится прием пострадавших от репрессий, систематически оказывается благотворительная помощь наименее обеспеченным из них. Для нас стало традицией ежегодно 30 октября отмечать Международный день политзаключенного.

Общество «Мемориал» активно содействует процессу реабилитации граждан города и Пригородного района. При содействии «мемориальцев» реабилитирован В. Ф. Морозов и десятки других тагильчан. Перед администрацией города поставлен вопрос о создании мемориального парка-комплекса «Памяти жертв коммунистического режима 1917—1980-х годов». Разрабатывается проект этого парка, начинается работа по его постройке.

В декабре 1993 года наше общество зарегистрировано на областном уровне и по новому уставу является историко-просветительским, благотворительным, правозащитным. Оно активно занимается культурно-просветительской, политической и благотворительной деятельностью, рассматривая их как неразрывное целое. Только на основе полной правды и активных гражданских действий можно восстановить народную память, вытравить из себя рабское тоталитарное сознание и начать созидание гуманного общества.

УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

- Аганичев А. Н. 69
 Адамович В. Г. 138
 Аксенов И. П. 99, 302
 Александров Сергей Н. 12, 28, 103
 Александров Семен Н. 105, 106, 107, 108
 Андреевский С. М. 229
 Андрошук М. Е. 72
 Арбузов И. Г. 302
 Бадер О. Н. 12, 96, 277, 278, 291
 Бакланова В. А. 100
 Бауэр А. 97
 Белинский А. М. 232
 Бер А. М. 72
 Берг П. А. 291
 Борисенко Т. А. 47
 Браун И. И. 6, 98, 254
 Брочман Б. Д. 274, 324
 Будоль Н. К. 232
 Булавина А. С. 302
 Буряк М. К. 45
 Быстров А. И. 302
 Васильева А. В. 72, 302
 Васильев В. И. 302
 Вахрушев А. Т. 303
 Веймер А. Г. 292
 Виноградов В. С. 297
 Виттих М. В. 202
 Власов А. А. 202
 Вольнев А. С. 233
 Вольф В. Г. 280
 Ворона А. П. 99, 100
 Гаврилов Н. И. 100, 320, 323
 Галеан В. М. 91
 Ганина Л. И. 234
 Гартунг В. В. 293
 Гейнрихсдорф Г. Я. 96, 293
 Гердт Э. Я. 293
 Горохолинский Ю. В. 202
 Грасмик Т. А. 12, 96, 97
 Грачев Л. И. 30
 Гринберг А. А. 202
 Гронвальд Г. П. 273
 Гронвальд П. Г. 262
 Губин Н. С. 235
 Давиденко Г. М. 100, 321-Р
 Давыдов А. А. 64, 65, 69
 Дергач Ф. Т. 235
 Дистергефт М. В. 257, 271, 280
 Дистергефт Э. П. 6, 262, 232, 323
 Дубок И. 205
 Евстратов С. В. 69
 Ермилов П. М. 69
 Зоммер В. Р. 96
 Зудов Л. Ф. 235
 Иванов Б. П. 236
 Ищенко М. Т. 236
 Калеватова П. Д. 303
 Келлер А. И. 237
 Ключкина Т. А. 303
 Кобелянский Т. А. 237

* В указатель включены фамилии лишенных избирательных прав, прошедших через лагерь и спецсылку Нижнетагильского региона

- Коверда И. Т. 47
 Козин В. М. 202
 Козловский И. Д. 202
 Колесниченко В. Г. 238
 Комаров С. П. 303
 Корабельников З. М. 99, 261, 317
 Коровина О. Н. 238
 Красновский М. 202
 Кроневальд И. И. 6, 91, 97, 98, 249, 256, 261
 Кронмаң Е. Л. 239, 261, 273
 Крузе Ф. К. 303
 Крючков Н. М. 110
 Кудинов Ю. П. 184
 Кузнецов А. Т. 29
 Кутузова А. Ф. 239
 Лавров П. 143
 Лебедев И. С. 240
 Лотар-Шевченко В. А. 212
 Мальцев Л. В. 178
 Мартилов И. И. 69
 Мартилов К. И. 240
 Марьясин Л. М. 65, 68, 69, 218, 219, 220
 Мауль С. Е. 294
 Мецгер Э. Х. 294
 Митропольский Б. А. 202
 Михельсон О. В. 96
 Морозов В. Ф. 12, 100, 306, 324
 Новрод Г. А. 277
 Носов В. Р. 69
 Огибенин Г. А. 241
 Окуджава Ш. 68, 69
 Оранский М. И. 303
 Орлов И. И. 303
 Павлоцкий Г. З. 65, 70
 Паникаровская А. Ф. 304
 Пантелеев Н. В. 241
 Парбафенков-Грабаренко А. Н. 202
 Патута П. И.
 Пашков А. Б. 198
 Пестов П. О. 66, 67
 Петраков И. 40
 Пилецкий Г. С. 29
 Поваров В. Г. 193
 Погребняков С. С. 168
 Подкорытова Е. В. 304
 Прохоров Б. И. 304
 Раушенбах Б. В. 12, 277, 278, 283, 295
 Рейзлер М. Б. 287
 Рикерт П. Э. 96, 242, 247, 261, 277, 278, 283
 Родин А. В. 134
 Родин Ф. А. 134
 Родина В. И. 134
 Ротэрмель В. Б. 278
 Рубинштейн С. И. 187, 280, 323
 Рунг В. Э. 96, 276
 Рысев Я. А. 305
 Савин Н. В. 166
 Салтанов Д. И. 304
 Самборский И. В. 202
 Самойлов П. А. 69
 Семенов И. Н. 144
 Сенявин А. Ю. 243
 Сенявин Ю. А. 243
 Семин С. К. 56
 Симонов П. И. 304
 Сняговский И. С.
 Сняговский П. И. 141
 Сисин Г. К. 304
 Скакун В. М. 205
 Скакун Е. И. 204
 Скакун П. Т. 69
 Скворцов Н. И. 304
 Сладников Н. А. 244
 Слипченко В. Т. 118
 Словцов А. Н. 19, 65, 66, 221
 Смелянский Е. С. 244
 Соболев А. М. 304
 Страхова В. В. 245
 Стромберг А. Г. 96, 277, 295

Тамаркин М. А. 70, 218,
219
Телегина А. М. 305
Телегина К. М. 305
Трофимова З. П. 133
Турок И. Д. 69
Уткин В. К. 70
Фомичев Г. Н. 29, 114, 117
Францев В. К. 70
Фридрихсен К. Г. 296
Харькавый В. Ф. 245
Хлопотов И. К. 70, 208
Царегородцев П. 205
Цирков А. 152
Цирков И. С. 152

Цирков Л. А. 152
Цирков С. Л. 152
Чегоровский А. Х. 85
Чельшев С. Г. 305
Черепанов В. 59
Черепанов Л. 59
Шевяков А. В. 190
Шешин А. Д. 172
Шмидт А. А. 247
Шоль А. Я. 305
Шостак Ф. Т. 202
Штэрба И. И. 70, 246
Шурделин П. Д. 156
Яшин А. И. 148
Яшин И. Н. 148

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
ЧАСТЬ I. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕПРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ	
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕПРЕССИЙ	15
§ 1. Террор в Нижнем Тагиле в годы гражданской войны (<i>И. В. Злобина, А. Х. Фахретденова</i>)	15
§ 2. История концлагеря на Малой Кушве (<i>И. В. Злобина, В. М. Кириллов</i>)	20
§ 3. Лишение гражданских прав (<i>В. В. Чевардин, В. М. Кириллов</i>)	24
ГЛАВА 2. АПОФЕОЗ ТЕРРОРА	32
§ 1. Раскулачивание и использование труда спецпереселенцев на Урале (<i>Д. Н. Кирилов, И. Т. Коверда, В. В. Чевардин, В. М. Кириллов</i>)	32
§ 2. Церковь и советский атеизм (<i>И. Т. Коверда, В. В. Чевардин, В. М. Кириллов</i>)	51
§ 3. Массовые репрессии 1930-х годов в Нижнем Тагиле (<i>В. М. Кириллов</i>)	63
§ 4. Тагиллаг — лагеря смерти (1941—1953 годы) (<i>Д. Н. Кирилов, В. М. Кириллов</i>)	72
§ 5. Советские немцы и спецотряд № 18-74 (<i>В. М. Кириллов, Н. В. Климова</i>)	87
ГЛАВА 3. ПОСТСТАЛИНСКАЯ «ДЕМОКРАТИЯ» (<i>В. М. Кириллов</i>)	99
ЧАСТЬ II. СУДЬБЫ ЖЕРТВ РЕПРЕССИЙ	101
ГЛАВА I. ЛИШЕННЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ	103
Чевардин В. В. Четыре жизни	103
Чевардин В. В. Меня осудила тройка НКВД	110
Чевардин В. В. Ни белым, ни красным не угодил Герасим	114
ГЛАВА 2. СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ	118
Слипченко В. Т. Картинки детства	118
Родин Ф. А. Из воспоминаний	134
Синяговский П. И. Я должен рассказать	141
	333

Марков В. Правда пробивается к свету	144
Чевардин В. В. Какие они кулаки?	148
Чевардин В. В. Из истории семьи Цирковъж	152
ГЛАВА 3. ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ 1930—1940-х ГОДОВ	156
Шурделин П. Д. Годы и дни моей жизни	156
Савин Н. В. И все это построили мы	166
Погребняков С. С. Из воспоминаний	168
Шешин А. Д. Из воспоминаний	172
Мальцев Л. В. В жерновах ГУЛАГа: сошествие в ад	178
Кудинов Ю. П. Заговорщики	189
Рубинштейн С. И. Из воспоминаний	187
Чевардин В. В. Без веры и надежды	189
Чевардин В. В. Такой судьбе не позавидуешь	193
Чевардин В. В. Гулаговский рай	198
Чевардин В. В. Несколько фактов из истории села Шайтанка	204
Егорова А. Семья	206
Фискинд Э. Ю. За роялем — Лотар-Шевченко	212
Щелгачева Л. З. Неоптимистическая трагедия	216
Ганьжа С. Был узником спецкорпуса	221
Берг П. А. Офицер, революционер, тагиллаговец	228
Коротко о судьбах	232
ГЛАВА 4. СУДЬБА СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ	247
Шмидт А. А. Страшный февраль сорок второго	247
Кроневальд И. И. Незаживающая рана	249
Браун И. И. Из воспоминаний	254
Дистергефт М. В. Вспоминая те годы	257
Дистергефт Э. П. Вспоминая пережитое	262
Броцман Б. Д. Из воспоминаний	274
Белюсова Л. О благородном докторе Рунге, интеллигенте и личности	276
Дистергефт Э. П., Рубинштейн С. И. Вольдемар Генрихович Вольф	280
Чевардин В. В. А душа осталась доброй	286
Коротко о судьбах	291
ГЛАВА 5. СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ	297
Кузнецов В. К. С верой в будущее	297
Список репрессированных служителей религиозного культа по Нижнему Тагилу и прилегающим районам (сост. В. В. Чевардин)	302
ГЛАВА 6. СУДЬБЫ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ 1950—1980-х ГОДОВ	306
Киреева Е. Инакомыслие	306
Филаретова О. Была б другою Родина — другой была б судьба	316
Кириллов В. М. Гаврилов Николай Иванович	320
Алексеева Л. М. Движение за права человека	322
Золотухин М. В. Правозащитное движение в Нижнем Тагиле	323

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (*В. М. Кириллов*) 326

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. Указатель фамилий репрессированных . 335

2. Копии документальных материалов (*Сост И Т Коверда,
Д. Н. Кирилов, В. М. Кириллов*) 337

КНИГА ПАМЯТИ

**(посвящается тагильчанам —
жертвам репрессий 1917—1980-х годов)**

Редактор А. И. Пономарева
Художник М. Н. Гарипов
Технический редактор Е. М. Бородулина
Корректоры Н. В. Каткова, Г. Н. Старкова

ЛР № 020293 от 27.11.91 Сдано в набор 27.01.94.
Подписано в печать 29.04.94. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 22,7 Уч.-изд. л. 26,5.
Усл. кр.-отт. 23,1. Тираж 30 000. Заказ № 529.

Уральская издательская фирма «Наука»
Екатеринбург, ул. Первомайская, 91

Издательско-полиграфическое предприятие «Ураль-
ский рабочий» 620219, Екатеринбург, ул. Тургене-
ва, 13.

**КОПИИ
ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ
МАТЕРИАЛОВ**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ № 710
«О КРАСНОМ ТЕРРОРЕ»*

Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой Комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры.

Подписали: Народный Комиссар Юстиции *Д. Курский*, Народный Комиссар по Внутренним Делам *Г. Петровский*, Управляющий Делами Советов Народных Комиссаров *Вл. Бонч-Бруевич*.

5 сентября 1918 года

«ЗВЕРСТВА БОЛЬШЕВИКОВ»**

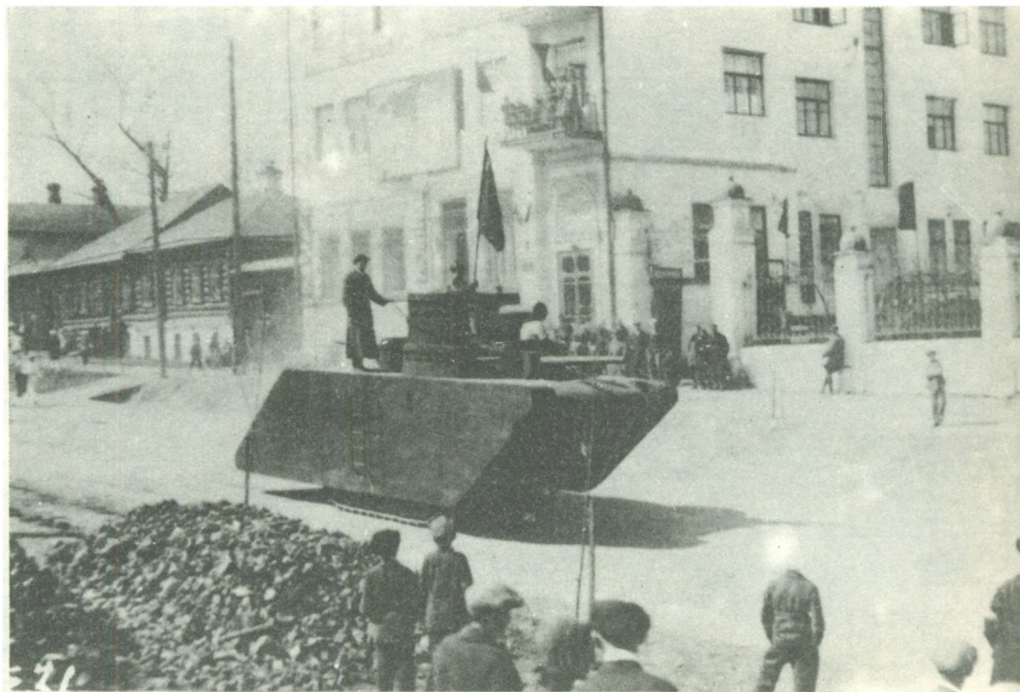
«...По сообщению газеты «Ураль», заводы Баранчинский, Кушвинский и Турьинские остановлены. Технический персонал частью истреблен, частью увезен. Разстреляны техник М. П. Чижиков (был товарищем председателя на мартовском съезде союза), техник И. А. Агнецев и ряд других лиц. Вся трудовая интеллигенция вырезана, а частью увезена в качестве заложников или консультантов».

---

* Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1918. 10 сент. Здесь и далее в текстах сохранены орфография и пунктуация подлинников, выделения сделаны составителями.

** Журн. Уральский техник (орган Технического союза Урала). 1918, ноябрь. С. 13.

**Здание в Нижнем Тагиле, где в годы гражданской войны размещалась ЧК красных и белых.
Парад 1 Мая 1936 г.**

ТЕЛЕГРАММА

Начальнику Губернской Милиции.

ПРИКАЗ

по Милиции Республики

№ 90 с

17 мая 1921 года, г. Москва.

ВСЕМ КОМАНДВОЙСК ОКРУГОВ (Кроме Харьковского и Киевского),
ФРОНТА И ПОМГЛАВКОМУ ПО СИБИРИ.

Москва, 8 мая 1921 года. Для охраны концентрационных лагерей и ковопроинна содержащихся в них средствами милиции ПРИКАЗЫВАЮ из состава стрелковых частей распоряжением фронтов и округов передать пополнение Главмилиции, через местных Начгубмилиции, целыми строевыми единицами соответствующим комсоставом на следующих основаниях: 1) передачу произвести фронтам, округам из общего расчета на Московский округ 3.320 человек, Заволжский — 1.200 ч., Беломорский — 540 ч., Орловский — 1.120 ч., Приуральский — 1.030 ч., Приволжский — 550 ч., Петроградский — 1.240 ч., Запфронт — 340 ч., Турвфронт — 300 ч., Кавфронт — 470 ч., Сибири — 2.390 ч. Эти цифры комсостав не входят; 2) при расчете выделяемых строевых единиц на каждый отдельный лагерь руководствоваться следующим: а) выделение на лагерь до 30 человек, команда выделяется как строевое отделение; б) выделение на лагерь свыше 30 до 100 ч. выделяется команда комсоставом по строевому расчету завода; в) выделение на лагерь свыше 100 и до 400 ч. выделять строевой ротой всем командным и хозяйственным составом кроме помкомрот; г) все указанные части выделять без пулеметов; 3) состав передаваемых частей должен входить красноармейцы, родившиеся только в 1896 и 1897 годах. Примечание: Командвойск разрешается немедленная передача милиции в составе строевых единиц и младших сроков службы при обязательном условии замены их месячный срок родившимися в 1896 и 1897 годах; 4) красноармейцы должны передаваться в том обмундировании, в котором они находятся фактически момент передачи; 5) оружием, ружейными принадлежностями выделяемые части снабжать распоряжением местных ОКАРТУ, преимущественно из числа несвоенных образцов; 6) выделяемые части комсостав назначать по возможности исключительно из числа не могущих служить в строю; 7) для передачи, приема указанных воинских частей милиции, местах передачи распоряжением командвойск образовывать комиссии в составе представителей: Командвойск, Начгубмилиции, РКИ, Отдела Управления Губисполкома; 8) передачу частей органам милиции закончить в двухнедельный срок после чего все воинские наряды охраны лагерей ковопровоинанию заключенных снять; 9) выделяемый состав исключается из списков своих частей и пополнению не подлежит; 10) передача, указанием срока рода частей, численности их и комсостава немедленно довести Штаресп.

Главком: КАМЕНЕВ.

Штаресп: ЛЕБЕДЕВ.

Военком: ДАНИЛОВ.

114 126.

ыми соединениями (Отделения, взводы, роты) с полным штатом надежного состава (кроме помкомрот), обращая особое внимание на личные качества красноармейцев, знание ими своих обязанностей, их вооружение и снаряжение.

б) Закончить прием охраны лагерей в возможно кратчайший срок, не нарушая правильного функционирования лагерей.

в) Иметь постоянное наблюдение за степенью добросовестности несения охраны лагерей, принятыми от Военного Ведомства частями.

Об исполнении донести.

Приказ ввести в действие по телеграфу.

Начальник милиции Республики КОРНЕВ

Начальник Отдела милиции ДЕЖКИН

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРИКАЗУ № 90/с

СПИСОК

Проектируемых к открытию концентрационных лагерей с указанием необходимого числа охраны для каждого.

№ п/п по порядку.	НАЗВАНИЕ ГУБЕРНИИ.	НАЗВАНИЕ ГОРОДОВ.	Число лагерей.	Число охраны.
1.	Витебская	Полоцк	1	50
2.	Владимирская	Муром	1	100
3.	Вятская	Котельнич	1	100
4.	Калужская	Козельск	1	60
5.	Иваново-Вознесенская	Юрьевец	1	60
6.	Иркутская	Нижнеудинск	1	60
7.	Костромская	Буй	1	50
8.	Белорусская	Речица	1	50
9.	Московская	Можайск	2	100
10.	Олонецкая	Пудож	1	60
11.	Орловская	Мало-Арханг.	1	50
12.	Пензенская	Кузнецк	2	100
13.		Мокшаны	1	50
14.	Псковская	Порохов	1	50
15.	Рязанская	Зарайск	1	100
16.	Самарская	Бугуруслан	1	100
17.		Бугульма	1	100
18.	Тверская	Кимры	1	100
19.	Тульская	Венев	1	50
20.	Царицинская	Ленинск-Царев	1	60
21.	Вятская	Сарапуль	1	50

Начальник Адм — Стр. П/Отдела С. ПЕРОВ.

С подл. верно: Начал. Отделен. Укомплектован. Б. СОХРАНСКИЙ,

№ № по
порядку

НАЗВАНИЕ ГУБЕРНИЙ.

НАЗВАНИЕ ГОРЬДОВ.

Число
горьд.Число
раинь.

№ № по порядку	НАЗВАНИЕ ГУБЕРНИЙ.	НАЗВАНИЕ ГОРЬДОВ.	Число горьд.	Число раинь.
1.	Московская	Москва	14	1250
2.	Астраханская	Астрахань	4	500
3.	Архангельская	Архангельск	5	400
4.	Брянская	Брянск	2	150
5.	Витебская	Витебск	1	50
6.	Владимирская	Владимир	1	50
7.	Вологодская	Вологда	1	80
8.	Воронежская	Воронеж	3	800
9.	Вятская	Вятка	1	100
10.	Гомельская	Гомель	1	60
11.	Екатеринбургская	Екатеринбург	3	300
12.		~~Н-Тагиль~~	~~1~~	~~60~~
13.	Иван-Вознесенская	Ивано-Вознесенск	3	200
14.	Иркутская	Иркутск	1	500
15.	Казанская	Казань	1	60
16.	Калужская	Калуга	1	70
17.	Костромская	Кострома	1	100
18.	Енисейская	Красноярск	3	160
19.	Курская	Курск	1	60
20.	Н.-Новгородская	Н.-Новгород	2	200
21.	Новгородская	Новгород	2	100
22.	Олоньская	Петрогазодск	2	80
23.	Омская	Омск	2	150
24.		Петропавловск	1	60
25.	Орловская	Орел	4	250
26.	Оренбургская	Оренбург	1	140
27.	Пензенская	Пенза	1	60
28.	Пермская	Пермь	2	140
29.	Петроградская	Петроград	4	800
30.	Псковская	Псков	1	50
31.	Рязанская	Рязань	1	120
32.		Рязск	1	80
33.	Самарская	Самара	1	60
34.	Саратовская	Саратов	1	60
35.	Северо-Двинская	Сев.-Двинск	1	60
36.	Симбирская	Симбирск	2	160
37.	Сибирская	Сиоленск	2	120
38.	Ташкентская	Ташкент	5	300
39.	Тамбовская	Тамбов	4	230
40.	Тверская	Тверь	1	50
41.	Донецкая	Таганрог	1	60
42.	Тобольская	Тобольск	1	300
43.	Томская	Томск	2	400
44.	Тульская	Тула	4	600
45.	Уральская	Уральск	2	60
46.	Царицкая	Царицин	1	80
47.	Челябинская	Челябинск	4	200
48.	Череповецкая	Череповец	2	100
49.	Ярославская	Ярославль	5	250
50.	Уфимская	Уфа	2	80
51.	Алтайская	Барнаул	3	500
52.	"	Бийск	1	200
53.	Кубано-Черноморская	Краснодар	1	60
54.	Донская	Ростов-Н-Д	1	60
55.	Семипалатинская	Семипалатинск	1	70
56.	Ставропольская	Ставрополь	1	60
57.	Коммуна Немцев Поволожья	Маркштадт	1	40
58.	Якутская	Якутск	1	30
59.	Дагестанская-область	Темир-Хан-Шура	2	160
60.	Терская-область	Владикавказ	1	70
61.	Маринская-область	Краснококшайск	1	60
62.	Чувашская-область	Чебоксары	1	60

Скорбященский монастырь у р. Малая Кушва — место, где в 1920—1922 годах располагался концлагерь № 2

Именной список лиц, лишенных избирательного права по городу И.-Тагилу Уральской области на 1928

№ № по порядку	Фамилия, имя и отчество	Причина лишения избирательного права	№ № по порядку	Фамилия, имя и отчество	Причина лишения избирательного права
	Служители культа в религиозных домах.				
207	Арамский Михаил	Священ.	6281	Шелева Анисья Петровна	Торгов.
208	Арамский Елизавета	Иждивен. св.	6471	Шарошостова С.	"
209	Алькин Лука Захарович	Священ.	6622	Шубина Зоян Кир	"
210	Алькина Мария Романовна	На ижд. муж.	6623	Шайкудинова Жанван	"
211	Альбина Авдра Лук.	На ижд. отца	6311	Шалагин Ник. Дмитриевич	"
212	Богомолов збор Иванов	Священ.	6455	Шубина Анна Вас.	"
213	Бессонов Дмитрий Андреев.	Псаломщик	6396	Шубина Мария	Пр. впаив тр.
214	Галкин Мих. Алексеевич	Протоиер.	6577	Шестова Анна Андреевна	"
215	Дроздин Николай	Псаломщик	6484	Ширков Антон Вас.	"
216	Кудкин Виктор	Священ.	6289	Шевцов Иван Павлович	"
217	Кудкина Ольга	Ижд. свещ.	6483	Шелочкина Серафима Ник.	"
218	Кущкина Александра Андр.	"	6411	Шербинова Н. Т.	Торгов.
219	Мартюшев Коном. Кондр.	Священ.	6122	Шевкина Мария Федоровна	"
220	Мартюшева Елизавета	Ижд. свещ.	6435	Шубина Александра Вас.	"
221	Нагая Вас. Вас.	Священ.	6444	Шелкин Петр Ефимович	"
222	Нагая Павла	Ижд. свещ.	6155	Шелков Зинаида Григорьевна	"
223	Орванский Мих. Иванович	Священ.	6166	Шуаев Николай Александр.	"
224	Орванская Елизавета Павловна.	Ижд. свещ.	6177	Ширякин Григорий Иванович	"
225	Орванская Галина Мих.	Ижд. свещ.	6484	Шуаев Иван Павлович	"
226	Орлов Иван Александр.	Священ.	6189	Шамкова Анна Алексеевна	"
227	Орлова Мария Ивановна	Ижд. свещ.	6340	Шамкова Анна Алексеевна	"
228	Орлова Надежда Ивановна	"	6311	Эризон Мих. Аронович	"
229	Перевалов Павел Павлович	Сын священ.	6562	Эберастин Ольга Мих.	"
230	Панинкоросский Валек. Дя.	Дьякон	6562	Эризон Дора Ароновна	1 Воев
231	Панинкороская Анаст. Фед.	Ижд. дьякон	6111	Ямуров Музаид	"
232	Сухан Бит. Алек.	Протод.	6335	Якимов Иван Мих.	6. торгов.
233	Сухан Христина Ивановна	Ижд. прот.	6095	Яковлев Иван Иванович	Торгов.
234	Сухан Иван Павлович	Дьякон	6317	Яковлев Иван Иванович	"
235	Сабинина Алек. Мих.	Священ.		~~Лишенные избирательного права по суду~~	
236	Уваров Сергей	Ижд. свещ.	6777	Акудинов Павел Ник.	Лиш. по суду
237	Уварова Павла Ивановна	"	6281	Алексеев Григорий Ин.	"
238	Уварова Иван	Священ.	6290	Баранов Иван	"
239	Уварова Ольга Серг.	"	6281	Баранов Алексей	"
240	Федосев Иван	"	6282	Белкин Ал. Алек.	"
241	Чернышукот Николай Анис.	Свещ. прот.	6623	Винов Василий Ник.	"
242	Чернышукот Нс. Мих.	Мулла	6623	Винов Василий Н. К.	"
243	Юносович Абдула Эрф.	Ижд. мулла	6624	Винов Яков Михайлов.	"
244	Юносович Гафара	"	6625	Григорьев Иван Иванович	"
245	Юносович Гафара	"	6626		"
	Высшие офицеры.				
246	Александров Сер. Ник.	Быв. офиц.			

Вправе

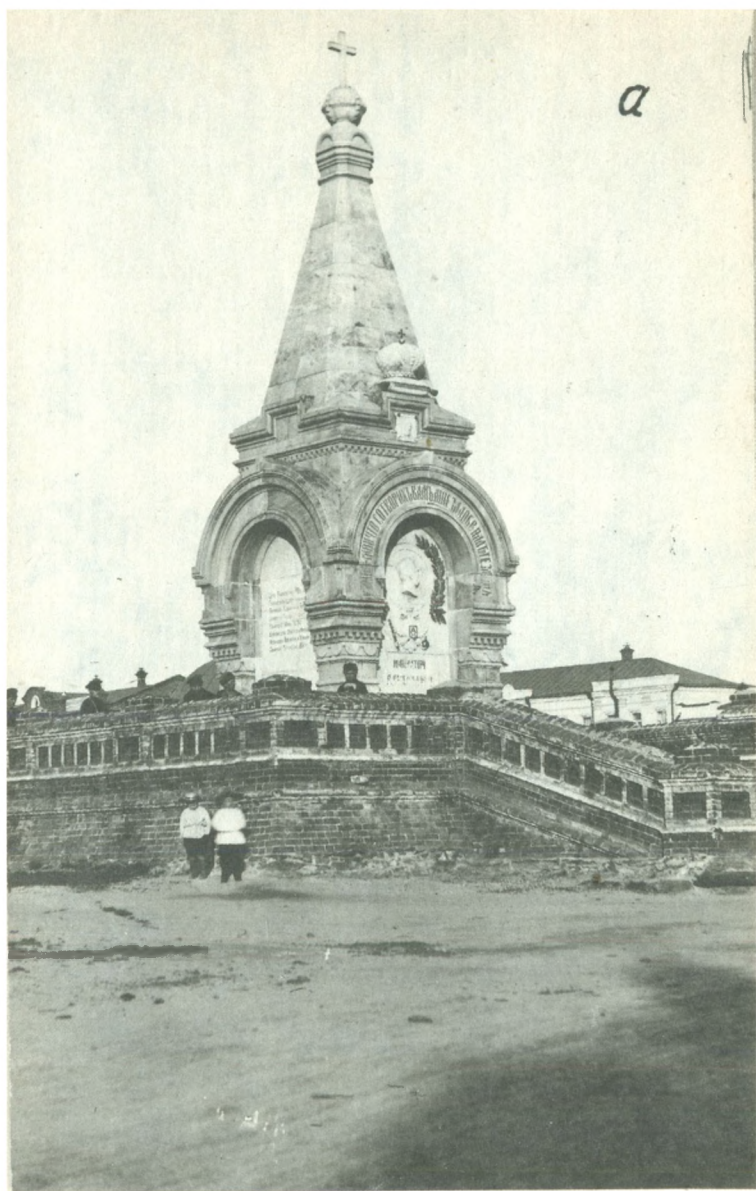
Табитский
 ивский совет
 збор Крестьян
 и колхозников
 и рабочих
 1935 году

Дана з-ну Градеву Леониду
 т-му Уварову в том,
 т-му таковой же
 Ж-м С. Шайтманки
 там же - р-на Верхней
 по с-у - поименно Средней

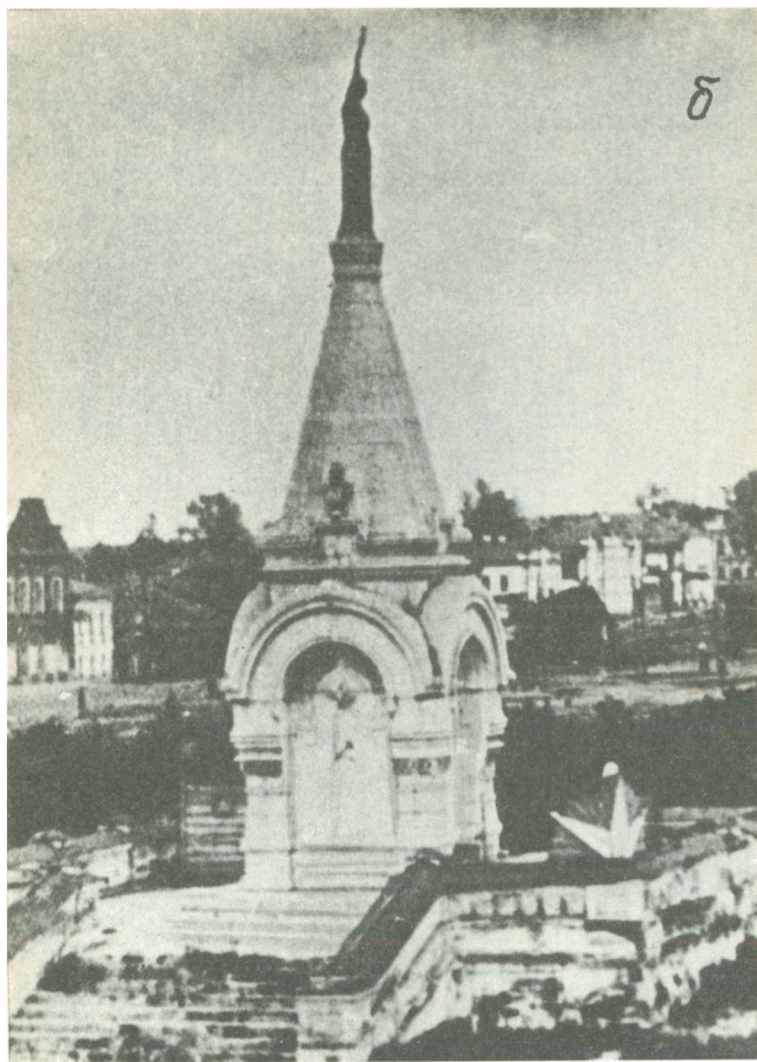
Граде Леонид пишет т-му и т-му
 удостоверение з-м с. /подпись/

Подпись /подпись/

Сек. на об-те

Памятники-символы: а) Александру II,

б) «Павшим за свободу» (на месте памятника Александру II после 1917 г.),

в) Сталину (сменивший памятник «Павшим за свободу» в 1930-е годы)

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИЗДАНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЕ

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС

Р. С. Ф. С. Р.

редакции 1926 года

С ИЗМЕНЕНИЯМИ ДО 1 АВГУСТА
1929 ГОДА

141—240 ТЫСЯЧА

МОСКВА
ОРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ РСФСР
1929

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Преступления государственные ¹⁾.

1. Контрреволюционные преступления.

58¹. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, Рабоче-Крестьянских Правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49, ст. 330).

58². Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях, и в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры, влекут за собой

---

¹⁾ Глава первая вводится в действие со времени вступления в силу Положения о преступлениях государственных, принятого 3 сессией Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 25 февраля 1927 г. (Собр. Зак. 1927 г. № 12 ст. 123).

высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г., № 49, ст. 330).

58³. Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, влекут за собой

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49 ст. 330).

58⁴. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности, влечет за собой

лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР.

навсегда, с конфискацией имущества. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49, ст. 330).

58³. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действием, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т. п., влечет за собой

меры социальной защиты, указанные в ст. 58³ настоящего Кодекса. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49 ст. 330).

58⁶. Шпионаж, т.-е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собою

лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов Союза ССР, — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества.

Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за

вознаграждение или безвозмездно, организациям и лицам, указанным выше, влекут за собою

лишение свободы на срок до трех лет. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49, ст. 330).

Примечание 1. Специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, утверждаемом Советом Народных Комиссаров Союза ССР по согласованию с советами народных комиссаров союзных республик и опубликовываемом во всеобщее сведение. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49, ст. 330).

Примечание 2. В отношении шпионажа лиц, упомянутых в ст. 193¹ настоящего Кодекса, сохраняет силу ст. 193^{2а} того же Кодекса. 6 июня 1927 года (С. У. 1927 г. № 49 ст. 330), 9 января 1928 г. (С. У. 1928 г. № 12 ст. 108).

58⁷. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собою

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49 ст. 330).

58⁸. Совершение террористических актов направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой

меры социальной защиты, указанные в ст. 58⁹ настоящего Кодекса. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49 ст. 330).

58⁹. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества, влечет за собою

меры социальной защиты, указанные в ст. 58⁹ настоящего Кодекса. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49 ст. 330).

58¹⁰. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58² — 58⁹ настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания, влекут за собой

лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою

меры социальной защиты, указанные в ст. 58⁹ настоящего Кодекса. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49 ст. 330).

58¹¹. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою

меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49 ст. 330).

58¹². Недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении, влечет за собою

лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49, ст. 330).

58¹³. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, влекут за собою

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49 ст. 330).

58¹⁴. Контрреволюционный саботаж, т.-е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти Правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собой

лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела с конфискацией имущества. 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 49 ст. 330).

2. Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления.

59¹. Преступлением против порядка управления признается всякое действие, которое, не будучи направлено непосредственно к свержению Советской власти и Рабоче-Крестьянского Правительства, тем не менее приводит к нарушению правильной деятельности органов управления или народного хозяйства и сопря-

ПРОТОКОЛ № 38/с

закрытого заседания при облисполкоме 25 января 1930 года* Председательствует тов. Ошвинцев

Присутствуют: т. т. Советников, Нетсом, Успенский

Слушали: о расселении кулаков в северные районы /докладчик тов. Успенский/

Постановили: 1. Уральская область в связи с мероприятиями Правительства по практической ликвидации кулачества, как класса, должна принять на себя и провести ряд мероприятий по населению значительного кадра кулачества в северных маложитных районах. Переселение кулаков внутри области также должно коснуться значительной их части. Все это требует сосредоточения кулацкой ссылки в таких районах, в которых она не могла бы явиться влияющей силой на местное население и не могла бы материально обраться. Необходимо всю кулацкую ссылку поставить в такие материальные условия, при которых она была бы в полной зависимости от государственных промышленных организаций, дающих ей заработок и устранить всякие возможности для создания ссыльными кулаками собственных хозяйств, могущих существовать самостоятельно и развиваться. Расселение кулаков не должно идти по принципам размещения адмссылных, живущих временно, а этот кадр должен размещаться в порядке колонизации с расчетом концентрирования, — трудоспособные элементы которого превратятся в постоянные кадры лесных рабочих. Президиум Облисполкома ПОСТАНОВЛЯЕТ: 1) Расселить в первую очередь 15 тысяч** кулаков в лесозаготовительных районах Урала в следующем порядке: а) районы Горинского и Косинского леспромхозов Волгокаспийского леса (Коми-Пермяцкий округ) — три тысячи семей; б) район Чердынского леспромхоза. Волгокаспийлеса (Верхне-Камский округ) — четыре тысячи семей; в) районы Гаринского, Налымского, Н.-Ивдельского лесничества Камураллеса (Тагильский округ) — 2500 семей; г) районы Сухогорского леспромхоза Камураллеса (Тагильский округ) — 500 семей; д) районы лесозаготовок Надеждинского комбината Уралмета (Тагильский округ) — 5000 семей...

С момента приступа к работам ссыльных, снабжение продовольствием должно иметь место лишь по выполнении ими производственных заданий по рубке...

п. п. Председатель — *Ошвинцев*
За секретаря — *А. Б.*
Верно (подпись)

* НТФ ГАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 3—3-об.

** В подлиннике пропущено «семей».

В окончательной редакции.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
БЮРО УРАЛОБКОМА ВКП/б/
О ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЦКИХ ХОЗЯЙСТВ
В СВЯЗИ С МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЕЙ ***

1. Ликвидация кулацких хозяйств находится в органической связи с массовым развитием коллективизации бедноты и середняков и является НЕРАЗРЫВНОЙ СОСТАВНОЙ ЧАСТЬЮ ПРОЦЕССА СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ.

Контрреволюционные попытки кулачества противодействовать колхозному движению вызывают необходимость и срочность мероприятий по ликвидации кулацких хозяйств с расчетом окончания этой работы до начала весенней сельско-хозяйственной кампании.

Мероприятия по ликвидации кулачества **В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДОЛЖНЫ** проводиться **В РАЙОНАХ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ** с охватом дальнейших районов по мере массового развертывания в них коллективизации крестьянских хозяйств...

...В целях решительного устранения влияния кулачества на отдельные прослойки бедняцко-середняцких хозяйств и подавления всяких попыток контрреволюционного противодействия со стороны кулаков мероприятиям проводимым Советской властью и колхозам, принять в отношении кулаков следующие меры:

а) (1-я категория) контрреволюционный кулацкий актив, участники контрреволюционных повстанческих организаций, подлежат немедленному аресту с последующим срочным оформлением их дел во внесудебном порядке по линии органов ОГПУ.

б) (2-я категория) наиболее зажиточные и влиятельные кулаки и полупомещики подлежат выселке в порядке принудительной колонизации в малонаселенные районы северных округов области.

в) (3-я категория) остальные кулаки расселяются в пределах района или данного округа на худших окраинных землях, вне колхозных земельных участков...

...Установить количество ликвидируемых по всей области хозяйств **ПО ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ ДО 5000...**

...Выселить из округов Урала **ПО ВТОРОЙ КАТЕГОРИИ ДО 15000 КУЛАЦКИХ ХОЗЯЙСТВ.**

---

* НТФ ГАСО, Ф. 21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 19—21.

По округам это выселение распределить:

Челябинский округ	2250	Тюменский	1500
Троицкий	2250	Шадринский	1300
Курганский	1800	Сарапульский	1100
Ишимский	1700	Пермский	900
Свердловский	700	Ирбитский	800
Тагильский	300	Златоустовский	200...

...Размеры внутрирайонного и окружного переселения кулаков (ТРЕТЬЯ КАТЕГОРИЯ) УСТАНОВЛИВАЮТСЯ ОКРИСПОЛКОМАМИ: причем вся ответственность за целесообразность и организованность проведения этой меры возлагается на окружные организации...

Председателю Тагильского Окрисполкома тов. Кабакову.

Сообщаю Вам для сведения, что на 10-е сего марта принято для вселения в Северные районы Тагильского округа 10 эшелонов кулаков с Северного Кавказа и Курганского Округа. Расселено около 4000 семейств или 20 с лишком тысяч душ.

Расселение происходит пока нормально, без заторов. Особых происшествий нет. Подводы подаются своевременно. Вследствие перегруженности узкоколейки и снежных заносов 4 эшелона пришлось разгрузить на ст. Верхотурье и отправить гужем по тракту Верхотурье — Сосьва.

Вчера получил распоряжение принять 2 эшелона сверхутвержденного (7800 семей) плана: 1 эшелон в составе 50 семейств и второй 260 семейств.

Занаряженное лесным организациям продовольствие для снабжения переселенцев до сего времени в Надеждинский узел не поступало.

Нач. Окр. Отд. ОГПУ (подпись) Руднев

Телефонограмма от 10.03.1930 г. **

**НАИМЕНОВАНИЕ
железнодорожных станций для разгрузки эшелонов
с переселенцами ***

п/п.	Наименование станций	Кол-во семей	Примечание
1.	Новая Ляля Пермск. ж. д.	620	
2.	Верхотурье »	320	
3.	Лобва »	185	
4.	Ст. Вагранская »	400	
5.	Ст. Надеждинск »	495	
6.	Старая Ляля Николо-Павдинской ж. д.	890	С перегрузкой на ст. Выя Пермской ж. д. на узкоколейную Николо-Павдинскую.
7.	Ст. Андриановичи Самск. ж. д.	305	
8.	Самский рудник Самской ж. д.	533	Ширококолейная Надеждинского комбината
9.	Ст. Сосьва Богословско-Сосьвинской ж. д.	5878	
10.	Ст. Пасынок Богословско-Сосьвинской ж. д.	972	С перегрузкой на ст. Надеждинск на узкоколейную Богословско-Сосьвинскую ж. д.
11.	Ст. Вагран »	1531	То же
12.	Ст. Волчанская »	185	То же
13.	Разъезд Пинькино »	327	То же
14.	Поспелково »	768	С перегрузкой в Надеждинске
15.	Богословский завод »	660	С перегрузкой в Надеждинске
16.	Ст. Шахта »	1490	
		15559	

* НТФ ГАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 79.

Р.С.Ф.С.Р.
Уральская область
Н. ТАГИЛЬСКИЙ
Окружной Исполнитель-
ный Комитет
Совета
Раб. и Кр. депутатов
1.04.1930 г.

Секретно

Срочно

Председателю Уральского областного
Исполнительного Комитета *

К настоящему моменту в Тагиль-
ском Округе находится высленцев:
В Надеждинском районе 31.795 чел.
» Гаринском » 10.161 »
» Сосьвинском » 4.360 »
» Ивдельском » 5.102 »
» Кытлымском 3.116 »

№ — 103

г. Н. Тагил

Всего: 54 537 »

Письмом Облзу от 7/IV — за № 61/4 — было предложено всех этих высленцев землеустроить с расчетом, чтоб они могли иметь возможность участвовать в проведении весеннего сева и выполнить площадь /вместе с огородом/ в 5000 га.

Наличие пахотных угодий по расчету на едока сельского населения... и разбросанность этих угодий по посевным участкам свидетельствует о том, что план Облзу по выполнению высленцами определенных заданий по посеву является в высшей степени нереальным. Об этом тов. Чеманову было сообщено лично по телефону нашим Зав. Окрузу Безносенко и как будто бы была достигнута договоренность, что в текущем году могут быть выполнены лишь некоторые работы по огородничеству, поскольку разработка может быть проведена лишь вручную и в лесных площадях, о разработке с. хоз. угодий без предварительной раскорчевки говорить совершенно нельзя.

Последнее письмо Облзу от 8/IV—за № 174/с., опять говорит о том, что планом предположено забросить на север плугов 7800 шт., борон 7800 шт., телег — 7800 шт., лошадей — 7800, лопат — 23400, кос — 15600 и серпов 31200. Эту заброску без учета реальной обстановки: (совершенное отсутствие необходимости, бездорожье, отсутствие удобных площадей и пр.) мы в текущем году считаем совершенно ненужной, о чем и доводим до Вашего сведения, чтоб вовремя предотвратить все ненужные расходы...

Председатель
Н. Тагильского Окрик"а (подпись) Кабаков

* НТФ ГАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 122. (Следует заметить, что план посева все же не был отменен и весь ненужный сельскохозяйственный инвентарь был завезен и пропал.)

ИНФО ПП ОГПУ ПО УРАЛУ *

гор. Свердловск

ПЯТИДНЕВКА

**О политнастроении крестьянства и рабочих Тагильского округа
в связи с кампанией раскулачивания.**

Составлена на 15.03.1930 года.

При выселении кулачества в целом ряде районов Тагильского округа со стороны некоторых работников Сельсоветов допущен целый ряд ненормальностей, которые безусловно отразились на настроении масс и вызвали среди последних некоторое недовольство. Это недовольство, подогреваемое бешено развернутой антисоветской агитацией со стороны кулачества и церковников, наблюдается даже со стороны бедняcko-середняцкой массы.

Перегибы, допущенные во время проведения кампании и вызвавшие отрицательное настроение масс, иллюстрируются следующими фактами:...

Н.—САЛДИНСКИЙ РАЙОН

В Гаевском Сельсовете при закрытии местной церкви Сельсовет решил раскулачить местного попа. По распоряжению Сельсовета у попа взяли лошадь, корову, а остальное имущество распродали с торгов на сумму 500 рублей. Попа оставили в одном подрыснике не дав ему даже белья. Отобранную корову Сельсовет отдал двум беднякам, последние продержав у себя корову 10 дней поссорились между собой в результате ни тот ни другой не хотели кормить и ухаживать за коровой и передали последнюю обратно в Сельсовет. Сельсовет передал корову в школу поручив уход за ней сторожике.

ВЕРХОТУРСКИЙ РАЙОН

Проживающая в с. Верхотурье БОДРОВА Елена Александровна провожая выселяемых кулаков среди собравшихся провожающих говорила: «Что-же это такое всех арестуют, отправляют неизвестно куда. Вот этих несчастных тоже везут куда-то, может быть на смерть. Отправляли бы взрослых, а то вместе с ними отправляют и детей, хотя-бы их

---

* НТФ ГАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1219. Л. 57, 61—64, 70.

пожалели, ведь они замрут с голоду и замерзнут дорогой. Да скоро ли все это кончится, скоро-ли все коммунисты здохнут, тогда бы и народ перестал мучиться».

АЛАПАЕВСКИЙ ЗАВОД

Житель гор. Алапаевска КАЛИНИН Александр Никанорович имеющий свой хутор и назначенный к выселению говорил: «Жизнь крестьянину стала невозможна, в деревне творится незнаю что. Меня назначают к высылке, а какой же я кулак, когда я на производстве работал больше 10 лет. Сейчас имею только 1 лошадь, нет никаких сельскохозяйственных машин и вообще никакого богатства у меня нет, но какой-то враг подкапывается под меня и наговаривает на меня разную ерунду. В прошлом я служил в Красной армии, а в настоящее время первый старался организовать колхозы».

Рабочий электроцеха ИВАНОВ Александр Николаевич в связи с раскулачиванием говорил среди рабочих: «Вы посмотрите, что делается в деревне, нагонят в школу крестьян и держат их там как арестантов. Среди их можно встретить 70 летних стариков, которые тоже назначены к высылке. Ну скажите, зачем их беспокоят, когда они и сами вот, вот умрут. Среди выселенцев много середняков. Все это делается неправильно, много напрасно страдает людей».

ИВАНОВА поддерживал рабочий механического цеха УСАТОВ: «Коммунисты незнают, что делают, благодаря ихнему головоотяпству и неправомерности проводимой ликвидации мы можем провалиться и погубить все наше сельское хозяйство. Каждый крестьянин середняк старался поднимать свое хозяйство, а сейчас боясь что у него все отберут, а самого вышлют вместе с кулаками, старается уменьшить свое хозяйство, резать скот и т. п.»

Рабочий электроцеха ШАНЬГИН Иван местный житель гор. Алапаевска придя на смену в цех говорил среди собравшихся рабочих: «Ну и дела в городе творятся, нагнали сейчас крестьян человек около 500 и охраняют их как преступников. Крестьяне все одеты ничего, а вот охранники походят на бандитов у кого пимы оборванные, у кого пальтишко все в заплатках. Рожи у всех охранников зверские, кто с оброзом, кто с чем и видно по его роже что он не пощадит. А что за преступление крестьяне сделали, за что их арестовали, за что их выселяют — за то что они не были лодырями, за то что честно работали, неленились. Нет это что-то неладно делается, ведь никто не говорит что Советская власть нехороша, но делается властью что-то нехорошее. Плохая жизнь пошла».

Аналогичные разговоры наблюдаются и среди обывателей.

Н. ТАГИЛЬСКИЙ ЗАВОД

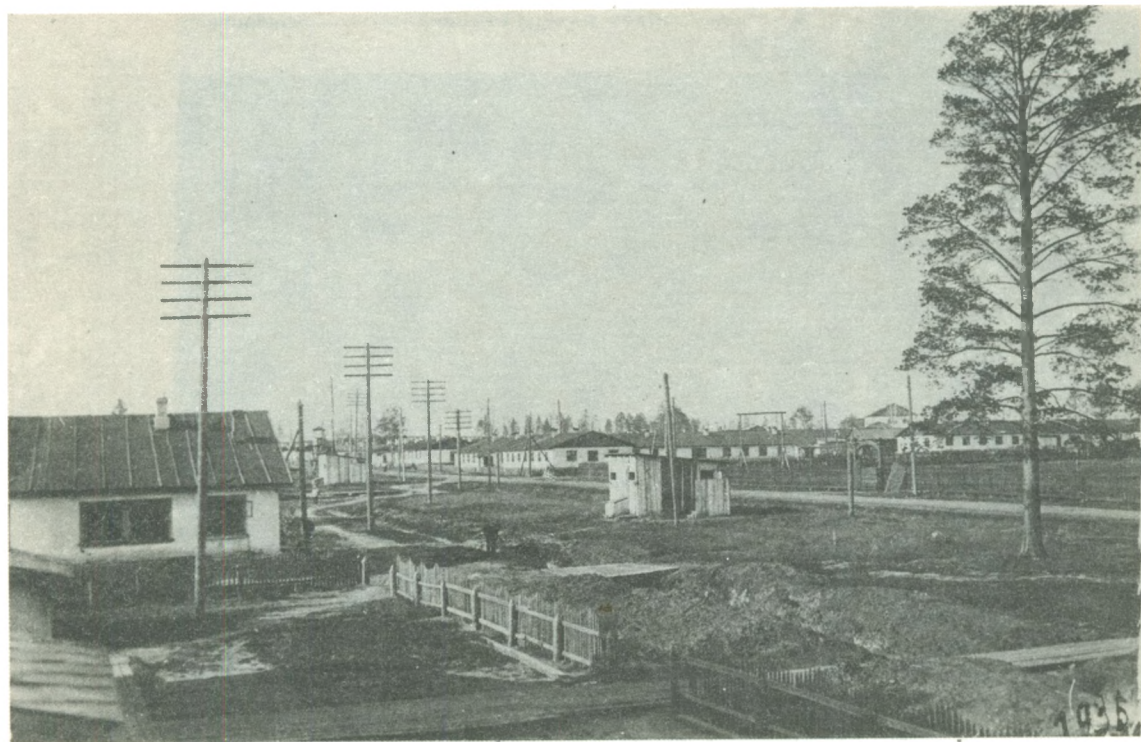
Рабочий Сорто-Прокатного цеха ОНОСОВ придя на работу рассказывал среди рабочих: «В д. Северной в 7 верстах от В.-Салдинского завода в связи с раскулачиванием было вооруженное восстание крестьян. Приехавшие на подавление восстания коммунисты в числе около 20 человек были закрыты в здании Сельсовета и восставшие хотели поджечь здание с арестованными коммунистами. Арестованные оказали вооруженное сопротивление, вырвались из здания Сельсовета и вскочив на лошадей угнали обратно. Только с помощью прибывшего подкрепления и военных действий восстание удалось ликвидировать. Дело доходило до стрельбы с обеих сторон. В результате арестованы 120 человек крестьян.»

Его поддержал рабочий ПЛЕЙКО Владимир Иванович: «Это вполне возможно, т. к. коммунисты довели народ до белого каления. Да, товарищи, это начало конца и месть будет нестрашна, а сладка»...

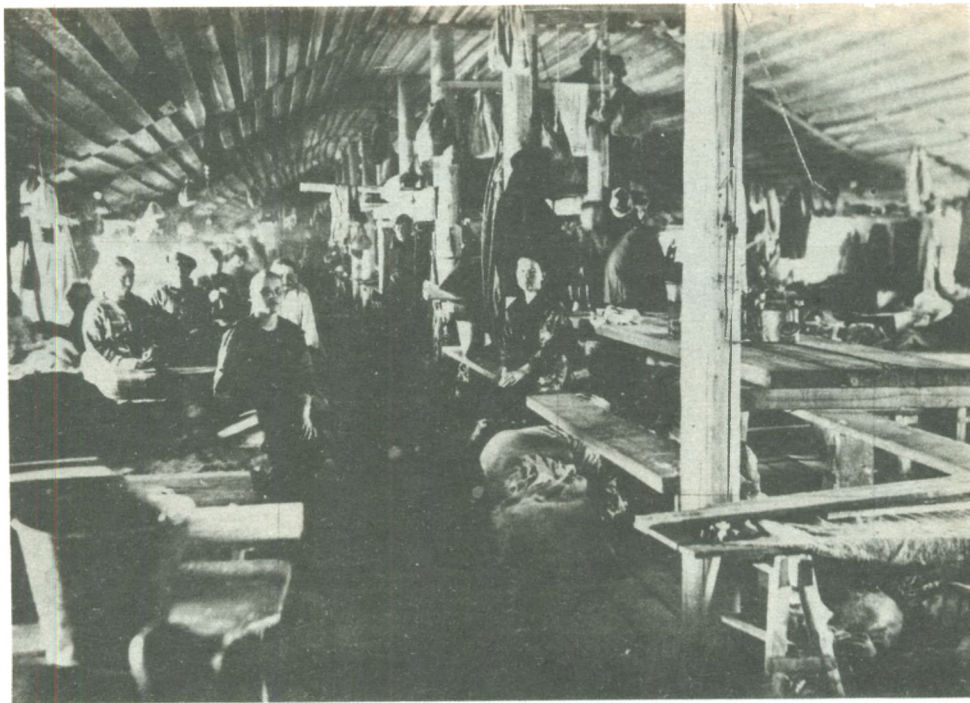
...Высланный кулак Кубанской области КЛИМЕНКО Филат Семенович говорил среди высланных и заключенных: «Нам необходимо организовать с заключенными из колонии, нас здесь 25000 чел., да заключенных около этого, а поэтому мы сумеем совместно выступить против СССР и через такую организацию мы безусловно кой что сделаем»...

НАЧАЛЬНИК ТАГИЛЬСКОГО ОКРОТДЕЛА ОГПУ —

НАЧАЛЬНИК ИНФАГО (подпись) *Руднев*

Спецпоселок на Второй площадке Тагилстроя. 1935.

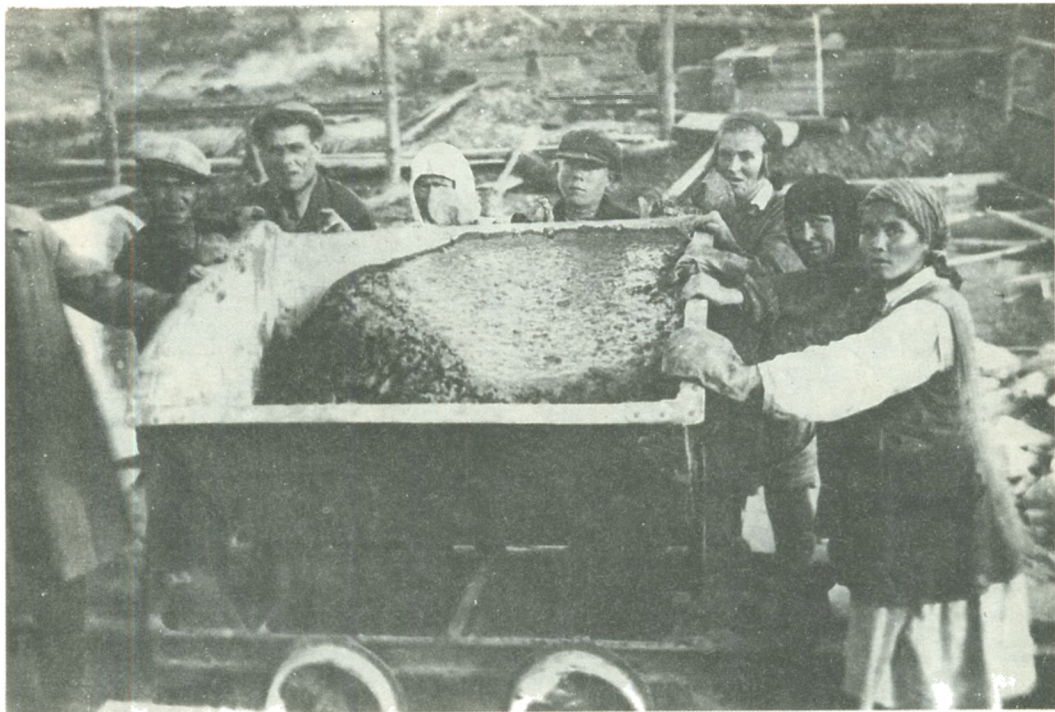

Спецпереселенцы — строители НТМЗ в бараке. 1934 г.

Спецпереселенцы — строители УВЗ. 1930-е годы

Спецпереселенцы на строительстве НТМЗ. 1930-е годы

Баранчинские колокола пошли в переплавку

В металл остро нуждается наша социалистическая стройка. Заводы и фабрики и непрерывно идут новые машины, тракторы и комбайны. Ни одной тонны, ни одного килограмма железа, стали, чугуна, меди не должно попасть в мусорный ящик.

Их отослали в рай. Но у промышленного был лишний, разработали план своих «спасительных» дверей экспортными путями.

Только после того, как был выполнен последний этап и колокола привезли через три дня в металлургический завод, что работало по плану, колокола были отлиты.

Через некоторое время в ушах слышишь колокола. — Эх! надо бы хорошо, — дождь сейчас решался — дождь отпустил старый чиб-звончик.

Два часа работы в полеку спешим. Промышленность по округу 10 тонн первоосновой стали.

Делать время еще точнее! на площади. Вокруг здания — жителями — организовано собрание.

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ — ПРИМИРЕНЧЕСТВО

ВЕТЕМ ПАУТИНУ ЛЖИ ПОПОВ И СЕКТАНТОВ

Икону «Чудотворца Николая» Союза бездомников

Взывают к дружбе с кудакой, Проконья, Веркогур, отставка, живая ачава, уществующий здесь, а также отсюда, М. П., объединяются называют «гневом». Они агитацию среди ребятам, Интернационалы переделали так: «Против переболевший и не работающий работ и не работающий. Спорт»

Церкви — очаги дурмана — превратим в очаги культуры

На общезаводском митинге рабочих Тагильского завода, состоявшемся 9 февраля, 700 человек приняли решение:

Мы, комсомольцы, объявляем новую беспощадную борьбу со всеми религиозными группировками. Под боевым лозунгом: «Выше знамя ленинизма. В атаку на бога!»

Церкви под культурно-бытовые учреждения

Трудящиеся г. Тагила уже неоднократно выступали с решительным протестом против церковно-калергического требования городского совета закрыть церкви и их помещения под культурно-бытовые учреждения.

Отказываются от служения от религиозным обрядам

Президиум городского совета постановил: все эти церкви использовать: все эти строения Строителей ЦИТ, а Александровский детский сад и детский сад № 1.

Выйско-Никольская церковь до разрушения

НКВД — СССР
ТАГИЛСТРОЙ — ТАГИЛЛАГ

ПРОПУСК

Выдан *1 января* 1944 г.

Действител. по *31/хII* 1944 г.

Продлен по _____ 194 г.

Нач. секр-та

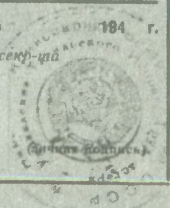
Продлен по _____ 194 г.

Нач. секр-та

Место

для

фото

НКВД — СССР

ТАГИЛСТРОЙ — ТАГИЛЛАГ

Пропуск № *1049*

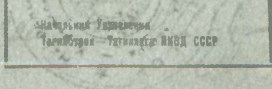
Гов. *Ааршор*

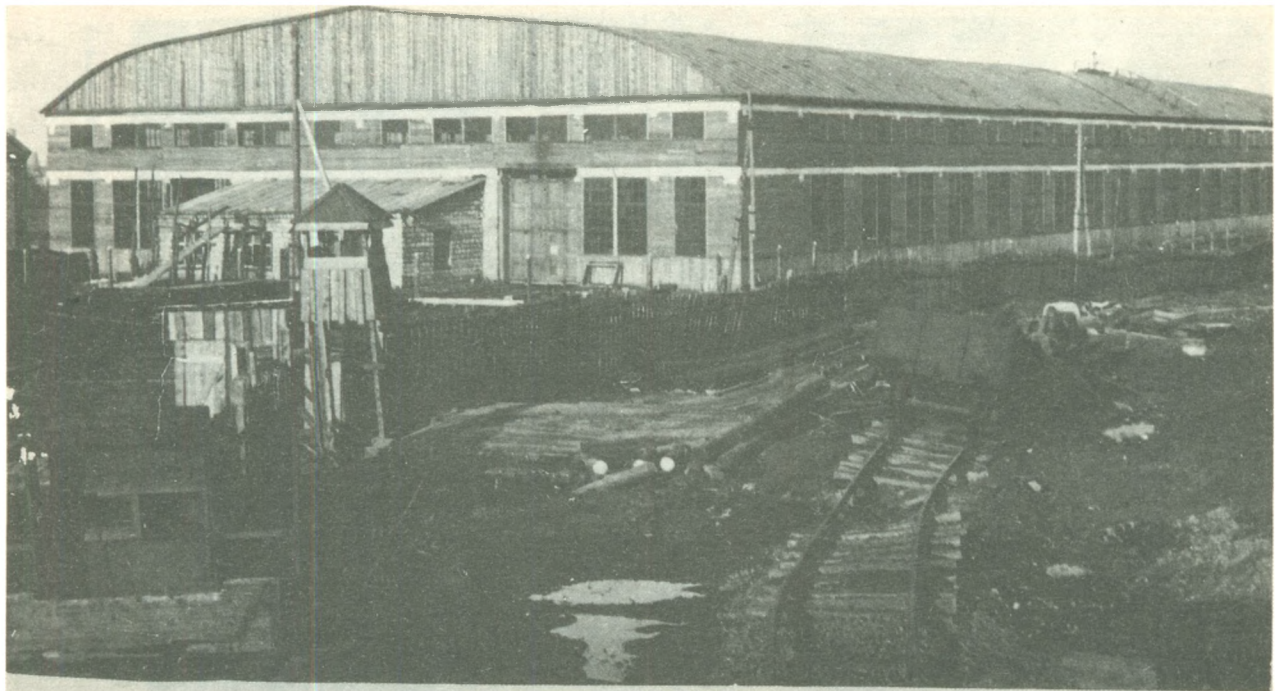
Мария Григорьевна

состоит в должности *Ст*

Экономист С.З.О.

Секретная Удостоверение
Тагилстрой — Тагиллаг НКВД СССР

Стройка Тагиллага — ЗМК-2 (главный корпус), 1942 г.

Офицеры Тагиллага. 1949 г. Слева-направо:

1-й ряд — Акимов, Спиркин, Лавров, Софронов; 2-й ряд — Бутурлакин Самарин, Парикишко, Герасик;
3-й ряд — Кубоцин, Журавлев, Грецкий, Буньков, ?, Полоков, Рильцев; 4-й ряд — Лавров М., Кузнецов

Статья 70. Антисоветская агитация и пропаганда *

Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания —

наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные с использованием денежных средств или иных материальных ценностей, полученных от иностранных организаций или лиц, действующих в интересах этих организаций, либо лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки (в редакции Закона РСФСР от 25 июля 1962 г. и Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1984 г.— Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1962, № 29, ст. 449; 1984, № 5, ст. 168).

Статья 190¹. Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй **

Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до трехсот рублей (введена Указом Президиума ВС РСФСР от 16.09.1966 г.; в ред. Указа Президиума ВС РСФСР от 3.12.1982 г.— Ведомости ВС РСФСР, 1966, № 38, ст. 1038; 1982, № 49, ст. 1821).

---

* УК РСФСР: С постатейными материалами. М.: Юрид. лит., 1987. С. 59.

** Там же, С. 104.

АРХИВНАЯ ВЫПИСКА

из протокола XIII пленума Свердловского обкома КПСС
от 5 июля 1983 г. *

В наших учебных заведениях встречаются еще преподаватели, читающие лекции по пожелтевшим от времени конспектам, избегающие острых проблем жизни. Более того, у нас есть отдельные факты духовной всеядности, отсутствия принципиальной классовой позиции у некоторых лиц, призванных формировать мировоззрение трудящихся.

Примером этому может служить появившаяся в последние годы тенденция увлечения некоторой части интеллигенции религиозной мистикой. На почве увлечения йогой, восточной философией, интереса к парапсихологии, «таинственным» явлениям человеческой психики группа свердловчан — люди с высшим образованием, некоторые из них кандидаты наук, преподаватели вузов (университета, политехнического и горного институтов, консерватории) стали собираться на молитвенные сборища, проповедовать среди окружения религиозные идеи.

А есть пример и еще похлеще. Научный работник, кандидат экономических наук В. Ф. Морозов (г. Нижний Тагил) написал пухлый ревизионистский труд — «Экономическая политика коммунистов», пытался направить его за рубеж, предпринимал попытки личной встречи с небезызвестным антисоветчиком Сахаровым.

Мы должны решительно разоблачать современных двуликих янусов, не допускать их до самого ценного нашего капитала — молодежи.

Выписка верна:

Директор Центра документации
общественных организаций

(подпись) С. Алексеев

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза
ЛЕНИНСКИЙ РК КПСС г. Н. ТАГИЛА.

Исх. № 40 «12»Х. 1973 г.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 72

заседания бюро Ленинского РК КПСС г. Н. Тагила

от 13 июля 1973 г. *

Постановление первичной партийной организации Нижне-Тагильского отделения проектного института «Свердловскгражданпроект» об исключении из членов КПСС Морозова В. Ф.

(Овчинникова)

Морозов Валерьян Федорович, 1926 года рождения, русский, служащий, образование высшее, член КПСС с 1946 года, партийный билет № 02215695, партийных взысканий не имеет, старший научный сотрудник проектно-конструкторского бюро автоматизированных систем управления.

В письме Морозова В. Ф. председателю Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС от 23 сентября 1972 года и рукописной работе «Морозов В. Ф. Труд. Экономическая политика коммунистов» содержатся выводы, противоречащие положениям марксистско-ленинской науки о классовом подходе к оценке общественных явлений, решениям XXIV съезда КПСС и Уставу КПСС. Допущены оскорбительные высказывания в адрес партийных и государственных органов. На стр. 29 Морозов утверждает: «Мы хотели бы предостеречь читателя от злоупотребления классовыми позициями в поисках истины. Мы и так дошли до того, что в живых людях видим только социальную функцию и делим мир на «красных» и «беляков». На стр. 309 дается антинаучное определение психологии пролетариата, формирующегося как класс якобы на биологической, наследственной основе: «Совершенно уместно и отнюдь не зазорно для пролетариата провести аналогию между путями формирования психологии его представителей и представителей собачьего рода». На стр. 3 письма содержится вульгарная, оскорбительная оценка ученых в области политической экономии: «Абсолютное большинство их — профессионалы-политиканы (бывшие штатные партийные, штатские и военные работники) или школьные историки, однобоко воспитанные на старых ошибках и в холуйском верноподданничестве... Большинство из них идет на партийные кафедры уже законченными выродками с прямым намерением prostituirовать на благодатной ниве политической экономии».

Исходя из подобных оценок, Морозов доходит до клеветниче-

---

* ЦДОО. Ф. 4. Оп. 106. Д. 8.

ского утверждения: «Мы 50 лет обманываем советских людей и зарубежных друзей» (стр. 233).

Политические взгляды Морозова несовместимы с членством в КПСС. Морозов продолжает отстаивать свои ошибочные идейные позиции, пуская в ход при этом в качестве «аргументов» грубость, оскорбления, угрозы.

Постановлением первичной партийной организации Нижнетагильского отделения проектного института «Свердловскгражданпроект» от 18 апреля 1973 года тов. Морозов В. Ф. из членов КПСС исключен.

Тов. Морозов В. Ф. на заседании бюро РК КПСС присутствует. В грубой форме отмечает предъявленные к нему как члену КПСС требования. Допустил оскорбительные выпады и угрозы в адрес секретаря партбюро Нижнетагильского отделения проектного института «Свердловскгражданпроект» тов. Оняновой В. П.

Постановление первичной партийной организации Нижнетагильского отделения проектного института «Свердловскгражданпроект» от 18 апреля 1973 года утвердить.

За неправильные политические взгляды, противоречащие генеральной линии партии в строительстве коммунизма, нарушение УСТАВА КПСС и непартийное поведение т. Морозова Валерьяна Федоровича из членов КПСС исключить.

Секретарь Ленинского РК КПСС
гор. Нижнего Тагила (подпись) *А. Волохин*

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

620019, Свердловск, В-19
Малышева, 2-6

СПРАВКА

25.11.91 № 13/110-88

На № _____ от _____

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 7 сентября 1989 года определение Свердловского областного суда от 17 августа 1982 года в отношении МОРОЗОВА Валерьяна Федоровича, 1926 года рождения, до ареста работавшего ведущим конструктором Нижнетагильского отделения ПКБ АСУ, отменено, производство по делу прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Морозов В.Ф., репрессированный по политическим мотивам, реабилитирован полностью.

Старший помощник прокурора области
Светлана Сидорова

В.А.Волков

622008, Свердловская область,
гор. Н-Тагил, ул. Носова, 31
Антону Аркадию Фридриховичу

КОМИТЕТ
государственной безопасности СССР

УПРАВЛЕНИЕ
ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
620022, ул. Вайнера, 4

01.92г. № 16/А-130, А-166

г. Свердловск

Уважаемый Аркадий Фридрихович!

Как видно из наших архивных материалов, -

А Н Т О Н Анатолий Фридрихович, 1915 года рождения (дата рождения не указана), ур. гор. Николаева, из рабочих, немец, беспартийный, с 8-и классным образованием, не судим, слесарь оцепоковочного цеха Уралвагонзавода в гор. Н-Тагиле,

был арестован органами НКВД 31 декабря 1937 года и необоснованно обвинен в том, что он: "...являлся участником контрреволюционной шпионско-диверсионной организации". По постановлению Тройки при УНКВД Свердловской области от 8 октября 1938 года он был расстрелян в гор. Свердловске 10 октября 1938 года. Индивидуальные места захоронений в то время не фиксировались. Место массовых захоронений жертв репрессий находится на 12-м километре автодороги Свердловск-Первоуральск (с правой стороны по ходу движения из Свердловска), где верующими установлен крест. Свидетельство о смерти Вам будет выслано отделом ЗАГСа Н-Тагильского горисполкома. Определением № 303 от 25 февраля 1958 года Военного трибунала Уральского военного округа Анатолий Фридрихович посмертно реабилитирован, справка о реабилитации выдана его матери - Розе Ивановне.

Бывшие работники органов НКВД КОТКОВ, ГЛИНСИИ, ВАРШАВСКИЙ, участвовавшие в расследовании этих дел, а также члены Тройки УНКВД Плоткин, Берман и Грачев за грубейшие нарушения законности осуждены военными трибуналами в 1939-41г.г. (Варшавский к длительному сроку лишения свободы, остальные - к расстрелу).

Понимая всю глубину трагедии, постигшей Вас и Ваших близких в связи с тяжкими необоснованными репрессиями родственников и их гибелью, просим принять искренние соболезнования. Работу по восстановлению справедливости в отношении других жертв сталинского произвола продолжаем.

С уважением

Начальник подразделения

Л.А. Плотников

Ответ подготовил В.А. Киеня

Приложение: удостоверение шофера третьего класса

Комплект типичных документов, выдаваемых при реабилитации

РСФСР.

КОПИЯ.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ.
1-ЭН № 106016

Гр. Антон Анатолий Фридрихович
умер 12 января 1946 года. Тысяча девятьсот сорок
шестого года.
возраст 31 год.

Причина смерти: Туберкулез легких
о чем в книге записей актов гражданского состояния
о смерти 1938 года апреля месяца 11 числа произведен
соответствующая запись за № 27.
Место регистрации см. г. Н-Тагил Свердловской области.
Место регистрации: г. Н-Тагил Гор. З.А Г С

Дата выдачи: 11 апреля 1958 года

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин (ка) Антон

Анатолий Фридрихович

умер (ла) 10 октября 1938 г.

тысяча девятисот
тридцать восьмого года

в возрасте 31 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
1938 года января месяца 12 числа
произведена запись за № 6/6

Причина смерти Скарлатина

Место смерти: город, селение Свердловск

РСФСР
ТАГАНСКИЙ
ГОРОВОЙ СОВЕТ
Рабочих, Крестьянских и Красноармейских
Депутатов
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

4 15 1935 г.
№ 642
г. Н. Тагил, Ленин, 6

Справка не действительна служить не может,
при утере дубликат не выдается

СПРАВКА

Выше трудосельца АНТОН АНАТОЛИЙ ФРИДРИХОВИЧ
рождения 1916 года, проживающего
на Одесской обл. г. Николаев, УССР

в том, что он за время нахождения
в спецлагере Н. Тагильского района.
Свердловской области, проявил себя откажником, производитель-
ность труда 369%, участвует в массовой работе,
за хорошую работу был премирован хозорганизацией

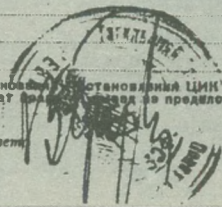
Из учета этих моментов АНТОН АНАТОЛИЙ ФРИДРИХОВИЧ согласно
установления Президиума Н. Тагильского Горсовета (протокол № 51 от 3/15 1935 г.) восстано-
влен в гражданских избирательных правах.

Вместе с ним восстановлены члены его семьи

Паспорт В. И. С.

Примечание: На основании постановления ЦИК СССР от 28 января 1935 г. восстановление в гражданских правах
не дает права выезда за пределы района по месту отбывания ссылки.

Что и удостоверяется.
Председатель горсовета

Секретарь президиума Усеев
Зак. № 4994.

080011

СПРАВКА

**ВОЕННЫЙ
Т Р И Б У Н А Л
УРАЛЬСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА**

26 февраля 1958 г.

№ 303

г. Свердловск

Дело по обвинению АНТОН Анатолия Фридрихо-
вича, 1915г.р., до ареста (31 декабря 1937г.)
работавшего слесарем Уралвагонзавода в
г. П. Тагиле,

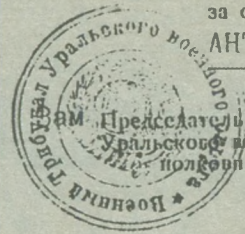
пересмотрено Военным Трибуналом Уральского военного ок-

руга 25 февраля 1958 г.

Постановление от 8 октября

1938 г. в отношении гр. Антон А.Ф.

отменено и дело прекращено
за отсутствием в его действиях состава преступления.
АНТОН А.Ф. реабилитирован посмертно.

М. Председатель Военного Трибунала
Уральского военного округа
полковник юстиции

М. Гербовик
(М. Гербовик)

11 0400

У истоков создания «Мемориала». Заседание Общества молодых историков. Нижний Тагил, 1989 г.

ПИСЬМО В «ОБЩЕСТВО МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ» *

Товарищи! Возмущена вашими действиями! Кучка историков (преподавателей и студентов) — приспособленчески настроенных, имеющих тенденциозные взгляды на нашу историю (в свете решений сегодняшнего дня), решила создать общество в защиту «врагов народа» — «Мемориал». Создали у себя в институте и действуете в его рамках. Зачем же вылезать из этих рамок? Зачем объявлять, что в Тагиле создано такое общество? Что, все четыреста тысяч — члены его? Интересно знать, кто вступил? Разве, что «униженные и оскорбленные». Такие, естественно были, есть и будут еще долго.

Вы — историки. Сначала попробуйте капитально поработать с местными архивными документами и доказать, что к примеру, Окуджава и иже с ним — не враги социализма. Уверена, что из этого ничего не получится. Во-первых, сами архивные документы говорят против них. Во-вторых, в архиве тоже есть конъюнктурщики, и они выдадут вам только то, что «разрешено» выдать «сверху», остальное (самое главное!) упрятано у них за семью замками.

Если затронуть вопрос о родственниках, свидетелях тех лет, об очевидцах событий, то и это не даст полной гарантии в правоте «вашего дела». Поскольку никто из родственников вам не скажет, да, мой отец (моя мать) состояли в контрреволюционной организации, да, их осудили правильно. Ведь так? А свидетели — очевидцы могут осветить события тех далеких лет в той плоскости, в которой хотелось бы знать именно вам.

Если судить по сегодняшним меркам, то не было тогда ни шпионов, ни диверсантов, ни убийц, ни поджигателей. Все сегодня правы, все чистенькие, невинные, один Сталин виноват. Бред больных умов! Поддерживаю чью-то мысль: очень жаль, что не всех врагов он уничтожил! Если бы уничтожил, не повылезли бы сейчас из своих щелей все эти обиженные, прося льготы и привилегии...

Категорически против созданного «общества памяти» врагам народа! Лично для меня, враг он и есть враг! Каким он был, таким остался.

Алыпova Ф. Ф.

49 лет, русская, б/п., ветеран труда,
ул. Гвардейская, 67—23

17 апреля 1989 г.

---

* Архив Нижнетагильского общества «Мемориал».

А У НАС СПРОСИЛИ?? *

Полностью поддерживаем мнение И. Кузьмина по поводу установки памятника жертвам репрессий в городе Нижнем Тагиле, напечатанное в «Тагильском рабочем» 7 декабря прошлого года.

Складывается впечатление, что комсомол потерял свои ориентиры и шарахается то в коммерческую деятельность, то в пропаганду псевдоискусства художников «модных» направлений, то в конъюнктурное сейчас смакование репрессий «сталинизма», настоящего содержания которого он не понимает, так как знает его поверхностно лишь по журнальным статьям.

Прав И. Кузьмин: уж если действительно быть на позициях демократии, то следовало бы спросить о целесообразности установки подобного памятника нас, старшее поколение, которое не по журнальным и газетным статьям знает эпоху становления социализма, а строило его и защищало в годы Великой Отечественной войны...

И. Семенов, директор музея-заповедника

Л. Раскатова, ветеран партии, член КПСС с 1942 г., персональный пенсионер республиканского значения

П. Губин, член КПСС с 1947 г., персональный пенсионер республиканского значения

И ПО НОВОМУ ПОВОДУ **

В газете за 31 марта написано, что в городе создано историко-просветительское общество «Мемориал». Кому оно нужно? Кучка авантюристов, конъюнктурщики и приспособленцы организовали его в Москве, им долго не разрешали, но милостью М. С. Горбачева его все-таки разрешили. В Тагиле-то оно зачем? В городе живет более 400 тысяч людей, а за организацию тагильского «Мемориала» было всего 50—60 человек. Они же не отражают интересы нашего города! Кто им позволил его создавать?

Где гарантия, что собранные деньги пойдут на помощь репрессированной невинно семье, а не бывшему бандиту-кулаку, расстреливавшему из обреза коммуниста и рабкора, как в свое время был убит в Тагиле рабкор Быков?

Я выражаю «Мемориалу» свой решительный протест!

С. Андреев, житель улицы Ломоносова.

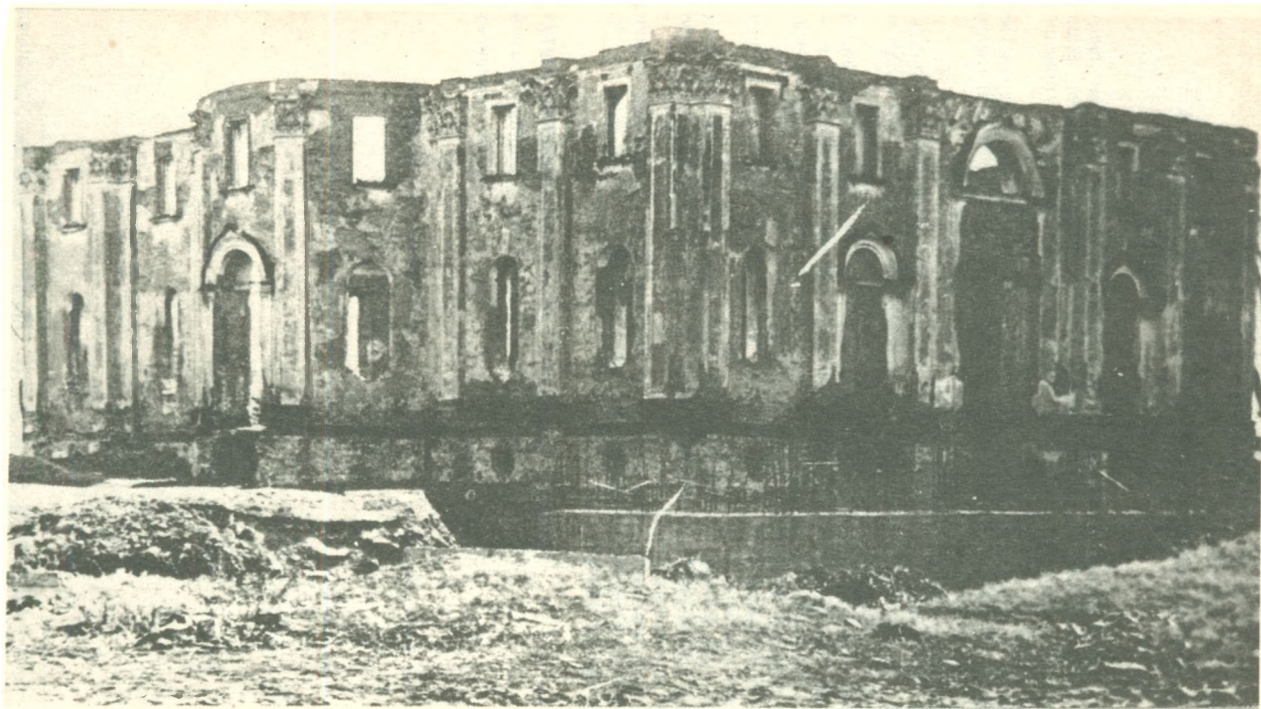
* Газ. «Тагил. рабочий». 1989. 15 февр.

** Газ. «Тагил. рабочий». 1989. 15 апр.

Международный день политзаключенного в Нижнем Тагиле. 31 октября 1992 г.

Выско-Никольская церковь в 1960-е годы

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА *

К проекту переоборудования Выйской церкви под школу.—

Ввиду недостатка школьных помещений в городе, церковь предполагается приспособить под школу. Проект предусматривает лишь незначительное переоборудование дающее возможность быстро приспособить здание к эксплуатации.

Более капитальное переустройство как снятие куполов и устройство 2-го этажа ГОМХ предполагает в дальнейшем. Согласно прилагаемого эскизного проекта будут произведены следующие работы:

1. Сняты все колокола и кресты.
2. Выломаны оконные решетки и увеличена световая площадь.
3. Сложены дополнительно две голландские печи, т. к. от существующих калориферов теплоты будет поступать недостаточно.
4. Сделаны филанчатые перегородки, покрашенные масляной краской для разбивки церкви на классы, высота переборок 5 м.—
5. Разобран чугунный пол и взамен его настлан деревянный.
6. Убраны иконостас, иконы и люстры.
7. Разобрана паперть и боковые чугунные лестницы, а взамен сделаны деревянные крыльца.

Всего будет сделано 5 классов, раздевальная и учительская. Из всех классов выход предполагается в общий зал, расположенный в середине церкви и освещенный из среднего купола.

Отношение световой площади см. чертеж. Общая площадь церкви примерно 625 кв. мтр. следовательно по норме школ 1-й ступени можно одновременно обучать 125 чел.

Зав. Горместхозом (подпись) *Пунтус*
Зав. Строительством (подпись) *Ефимов*
Техник (подпись)

---

* НТФ ГАСО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 116. (Проект так и не был претворен в жизнь — церковь разрушена, школа не построена.)

Гр.-нину Секретарю Культурной Комиссии Гор. Н.-Тагила
Прихожанина Гольяновского Прихода
Александро-Невской церкви

ЗАЯВЛЕНИЕ *

Доношу Вам Гр.-нин Секретарь, надо произвести ревизию Александро-Невской церкви, с 1937 года по настоящее время, выяснить куда расходуются народные деньги, отчет произвести за церковный счет, тем более в настоящее время нет ревизионной комиссии, а состоит тройка, никем избранная и неоптирована во главе этой тройки Лазарев Михаил Федорович, он сторож и председатель тройки. Лазарев бывший кулак, был раскулачен и выслан на Урал, был церковным старостом 5 лет, у него в Ноябре месяце были орисованы два сына и высланы, а тройка состоит вместе с Лазаревым Тихоновцы, а Священ. который вновь назначенный он от отчета кассовой книги отказывается, Священ. если бы был порядочный гражданин он бы кассовую книгу должен предъявить гражданской власти, а для него это неинтересно потому, что за него платят налога 50% а поэтому он скрывает и поощряет.

Прошу я Вас Гр.-нин Секретарь выяснить истинную правду, и ликвидировать это гнездо.

Прихожанин Гольянского Прихода

V.—1938 года

Гор. Н.-Тагил.

История Нижне-Ташлинского городского
Секретариат
Протокола № 8 Свердловской области заседания от 6 июля 1940 г.

ПРЕЗИДИУМА

Городского Совета Российской Советской Федеративной Социалистической
Республики

ОБЪЕКТ: О закрытии церкви в городе Нижнем Тагиле
Свердловской области.

Д.№ 659/137

ПОСТАНОВИЛИ: Решение исполнительного комитета Свердловского
областного Совета депутатов трудящихся от 10 марта
1940 года о закрытии Александро-Невской церкви в
городе Нижнем Тагиле утвердить.

Церковь передать Исполнительному комитету
Нижнетагильского городского Совета депутатов тру-
дящихся для переоборудования под кино-театр.

Председатель Президиума
Городского Совета РСФСР - А.Бадаев

Секретарь Президиума
Городского Совета РСФСР - П.Бахмутов

Парад частей НКВД в Нижнем Тагиле. 1935 г.

Демонстрация в Нижнем Тагиле. 1934 или 1935 г.

У К А З

Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» *

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям никто не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, случится кровопролитие, и Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены избыточные пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей и Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Оборона предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселенцев-немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР подпись *М. Калинин*

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР подпись *А. Горкин*

№ 21—160

28 августа 1941 г.

---

* Газ. Нойес Лебен. 1991. 11 авг.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

**Об уголовной ответственности за побег из мест
обязательного и постоянного поселения лиц,
выселенных в отдаленные районы Советского Союза
в период Отечественной войны ***

В целях укрепления режима поселения для высланных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд /побег/ из мест обязательного поселения этих высланных виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ.

Дела в отношении побегов высланных рассматриваются в Особом Совещании при Министерстве внутренних дел СССР.

Лиц, виновных в укрывательстве высланных, бежавших из мест обязательного поселения, или способствовавших их побегу, лиц, виновных в выдаче разрешения высланным на возврат их в места их прежнего жительства, и лиц, оказывающих им помощь в устройстве их в местах прежнего жительства, привлекать к уголовной ответственности. Определить меру наказания за эти преступления — лишение свободы на срок 5 лет.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР (подпись) *Н. Шверник*

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР (подпись) *А. Горкин.*

Москва, Кремль

26 ноября 1948 г.

д. № 111/45

---

* Газ. Нойес Лебен. 1991. 11 авг.

ПРИКАЗ № 45
ПО УПРАВЛЕНИЮ СТРОИТЕЛЬСТВА ТАГИЛСТРОЙ НКВД *

г. Н. Тагил

11 февраля 1942 г.

В связи с усиленным прибытием этапов заключенных для срочного их размещения:

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. По мере прибытия последующих этапов з.к. в количестве 1200 чел., направить их на лагпункт Высокая гора, с предварительной санобработкой на 1 лагпункте, с дальнейшим сохранением карантина.

2. На весь прибывший состав з.к. из Волголага НКВД, тюрьм и колоний наложить карантин, расселение прибывших людей по баракам производить поэтапно, запретив хождение з.к. из барака в барак.

3. К 15/02 перевести до 2000 чел. з.к. на лагучасток Пионерплощадка, в первую очередь людей занятых на производственных объектах, тяготеющих к Пионерплощадке.

4. На пионерплощадке в течение 5 дней построить суховоздушную камеру (вошебойку) и баню-временку, одновременно приступить к постройке стационарной бани и кухни.

5. К 20/02-с. г. перевести 2500 чел. в лагпункт Кокострой.

6. В связи с переселением з.к. к месту работы организовать вывоз з.к. полдник пищу на производство.

7. Нач. ООС * тов. Кимбаровскому создать запасы продовольствия и обмундирования для прибывших этапов.

8. Нач. ОТС * обеспечить к 14/02 лагерное подразделение топливом на месте не менее 5-ти суточного запаса.

9. Нач. КВО тов. Зорину к 13/02-с.г. освободить жилье для охраны на пионерплощадке.

10. Проверку и контроль за выполнением настоящего приказа возлагаю на и. о. нач. инспекции тов. Ильина.

п. п. И. о. нач. Тагилстроя НКВД (подпись) *Вишневский*

ТС № 171 Тир. 60 экз.

---

* НТФ ГАСО. Ф. 229. Оп. 1. Д. 338. Л. 252. (ООС — отдел общего снабжения, ОТС — отдел технического снабжения.)

ПРИКАЗ № 56 *

Начальника Тагилстроя и Тагиллага НКВД СССР

г. Н. Тагил

14 февраля 1942 г.

Содержание: По личному составу.

Сего числа вступил в должность Начальника Тагилстроя и Тагиллага НКВД СССР.

Основание: Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел СССР за № 00211 от 27 января 1942 г.

п. п. Начальник Тагилстроя и Тагиллага НКВД
ст. Майор Госбезопасности (подпись) *Рапопорт*

№ 201 60 экз.

ВЫПИСКА **

из приказа Народного Комиссара Внутренних Дел СССР Л. Берии от 27 января 1942 года № 00211.

§ 3. Первым заместителем и главным инженером Тагилстроя и Вагонстроя НКВД СССР назначить майора государственной безопасности тов. Журина В. Д.

Заместителем начальника Тагилстроя НКВД назначить капитана государственной безопасности тов. Уралец А. К.

---

* НТФ ГАСО. Ф. 229. Оп. 1. Д. 338. Л. 244.

** НТФ ГАСО. Ф. 229. Оп. 1. Д. 338. Л. 245.

Начальники Тагилстроя — Тагиллага НКВД. Я. Д. Рапопорт (1942—1943) (слева), М. М. Царевский (1943—1946)

П Р И К А З

НАЧАЛЬНИКА ТАГИЛСТРОЯ — ТАГИЛЛАГА НКВД СССР

Н. Тагил

№ 313

14 мая 1942 г.

ОДЕРЖАНИЕ: О расформировании 8-го района и организации 8-го
отд. лагер. участка

В связи с тем, что гражданское строительство в соответствии с
им приказом № 01—7/42 г. передано 8-м району и 6-му району, —

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Расформировать 8-й район. Создать на его базе отдельный
лагерный участок.

2. Организовать в составе 8-го отдельного участка следующие
лагпункты:

- а) лагпункт № 1 на 3000 чел. з-к з-к—(центральная зона);
- б) лагпункт № 2 (ОПП) на 2.500 чел. з-к з-к;
- в) лагпункт № 3 (женская зона) на 800 чел. з-к з-к;
- г) лагпункт № 4 (Петрокаменский совхоз)—на 700—800 чел.

3. Назначить: Начальником 8-го отдельного участка тов.
Тимонина.

Заместителем — тов. Федотова.

Начальником лагпункта № 1 он же зам. нач. участка т. Сущенко.

Начальником лагпункта № 2 тов. Матвеева.

Начальником лагпункта № 3 тов. Липягова.

Начальником лагпункта № 4 тов. Авдеева.

4. Начальнику участка т. Тимонину в двухдневный срок
представить моему помощнику полковнику госбезопасности тов.
Цумскому проект штатов на вновь организуемые лагпункты, а
также штатное расписание аппарата начальника работ отдельного
участка.

5. Освобождаемых лагерных работников в связи с расформиро-
ванием района обратить на укомплектование вновь создаваемых от-
дельного участка и лагпунктов.

6. Начальника 8-го района капитана госбезопасности тов. Клей-
ман М. И. — назначить начальником 1-го района.

Начальник ТАГИЛСТРОЯ — ТАГИЛЛАГА НКВД СССР

Ст. Майор Госбезопасности

РАПОПОРТ.

Утверждаю:

Сов. секретно

Начальник Тагилстроя —
Тагиллага НКВД СССР
ст. майор госбезопасности
подпись (Рапопорт)

ПЛАН ОБОРОНЫ ТАГИЛЛАГА
НКВД
при беспорядках в лагере и внеш-
нем нападении на лагерь *

5.07.42 г.

1. Местность, дороги и территория лагеря.

а) Тагильский ИТЛ расположен на окраинах гор. Н. Тагил на резко пересеченной местности, местами заросшей кустарником и мелким лесом.

Районы строительства расположены на территории крупных населенных пунктов, в которых проживает большой процент населения из бывших раскулаченных (труд. и спецпереселенцы). Объекты работ строительства расположены на территории НТМЗ, на многих объектах заключенные работают вместе с рабочими.

Ко всем районам строительства от штаба В/охраны, управления строительства и гор. Н. Тагил имеются шоссейные и проселочные дороги, а к 1, 2, 5 и 6 районам трамвайные линии.

б) Н. Тагильский ИТЛ состоит из лагерей:

1-й район строительства — лагерь расположен на территории военного городка в 7 км. юго-восточнее штаба В/охраны, охраняется 1-м отдельным отрядом, связь телефон № 7.

2-й район строительства — лагерь расположен в 1/2 км. от 1-го района — охраняет второй отдельный дивизион.

3-й район строительства — лагерь расположен в 5 км, юго-восточнее штаба В/охраны и 1 1/2 км. северо-восточнее лагеря 1-го района. Охраняет 3-й отдельный дивизион.

4-й участок строительства — лагерь расположен на территории шмотного завода в 4-х км. восточнее штаба В/охраны. Охраняется 4-м дивизионом.

5-й район строительства — расположен на территории пионерской площадки в 5 км. восточнее штаба В/охраны и 1/2 км. от 6-го района (правее). Охраняется 5-м дивизионом. Связь телефон 4-90.

6-й район строительства — лагерь расположен на территории пионерской площадки в 5,5 км. восточнее штаба В/охраны. Охраняется 6-м отдельным дивизионом. Связь — телефон 4-42.

7-й район строительства — лагерь расположен на территории ВЖР в 7 км. западнее штаба В/охраны. Охраняется 7-м отдельным дивизионом. Связь — телефон.

8-й участок строительства — лагерь расположен на территории поселка «Красные камни» рядом со штабом В/охраны.

9-й отдельный лагучасток «Винновка» — лагерь расположен в 40 км. на северо-восток от управления строительства и штаба В/охраны. Охраняется 5-м отдельным взводом В/охраны. Связь со штабом В/охраны — телефон, конные и пешие посыльные.

10-й отдельный лагучасток ст. Лобва — лагерь расположен в 190 км. на север от управления строительства и штаба В/охраны, 146 км. ж. д. им. Кагановича. Охраняется 1-м отдельным взводом В/охраны. Связь — посыльные и телеграф.

* НТФ ГАСО. Ф. 229. Оп. 1. Д. 343. Л. 22—23.

11-й отдельный лагучасток ОПП — Черноисточинский лагерь расположен в 30 км. на юго-восток от штаба В/охраны и управления строительства. Связь — конные и пешие посыльные.

12-й строительный район. Лагерь расположен в 2-х км. на север от управления строительства (ДОК), охраняется составом 8-го отдельного дивизиона. Связь — телефон.

Отдельный лагучасток «Кирпзавод». Лагнаселение — мобилизованные немцы, расположены в 3-х км. от штаба В/охраны и управления строительства на запад. Связь — телефон.

Отдельный лагучасток Каменка. Лагнаселение — мобилизованные немцы. Расположен в 30 км. на север от управления строительства и штаба В/охраны. Связь — конные и пешие посыльные.

Отдельный лагучасток Петрокаменский совхоз — лагерь расположен в 80 км. на юго-восток от управления строительства. Охраняется отдельным взводом 8-го дивизиона. Связь — телефон.

Дислоцирование лагеря: По состоянию на 15 мая 1943 г. в Тагиллаге имеются следующие лагерные подразделения:

1-й район — в составе 2-х лагерных участков, расположенных в черте г. Н. Тагила.

2-й район — в составе 2-х лагерных участков, расположенных в г. Н. Тагиле.

3-й район — то же.

6-й район — в составе 3-х лагерных участков, расположенных в г. Н. Тагиле.

7-й район — то же.

8-й район — расположенный в г. Н. Тагиле.

9-й район — в составе 2-х лагерных участков, расположенных в лесной даче Каменка Н. Тагильского района.

10-й отдельный участок — расположенный на ст. Лобва ж. д. им. Кагановича (Ново-Лялинский район, Свердлов. обл.).

11-й с/хоз. район — в составе одного участка, находящегося в с. Петрокаменск Петрокаменского района Свердлов. обл.

12-й район — в составе одного участка, находящегося в г. Н. Тагил.

13-й отдельный штрафной участок — расположенный в лесной даче Винновка Н. Тагильского района.

15-й район — г. Тула.

Отдельный участок ОЖДТ — расположенный в г. Н. Тагил и с. Черноисточинск, Черноисточинского района.

Лагпункт Томакуль — организуется в с/х. Томакуль.

Кроме того, Тагиллаг имеет 2 отряда трудмобилизованных немцев — 1 в г. Н. Тагиле и 2-й в лесной даче Каменка и одна подкомандировка в Башкирской АССР.

Списочный состав на 15.05.1943 года

Списочный состав лагеря характеризуется следующим:

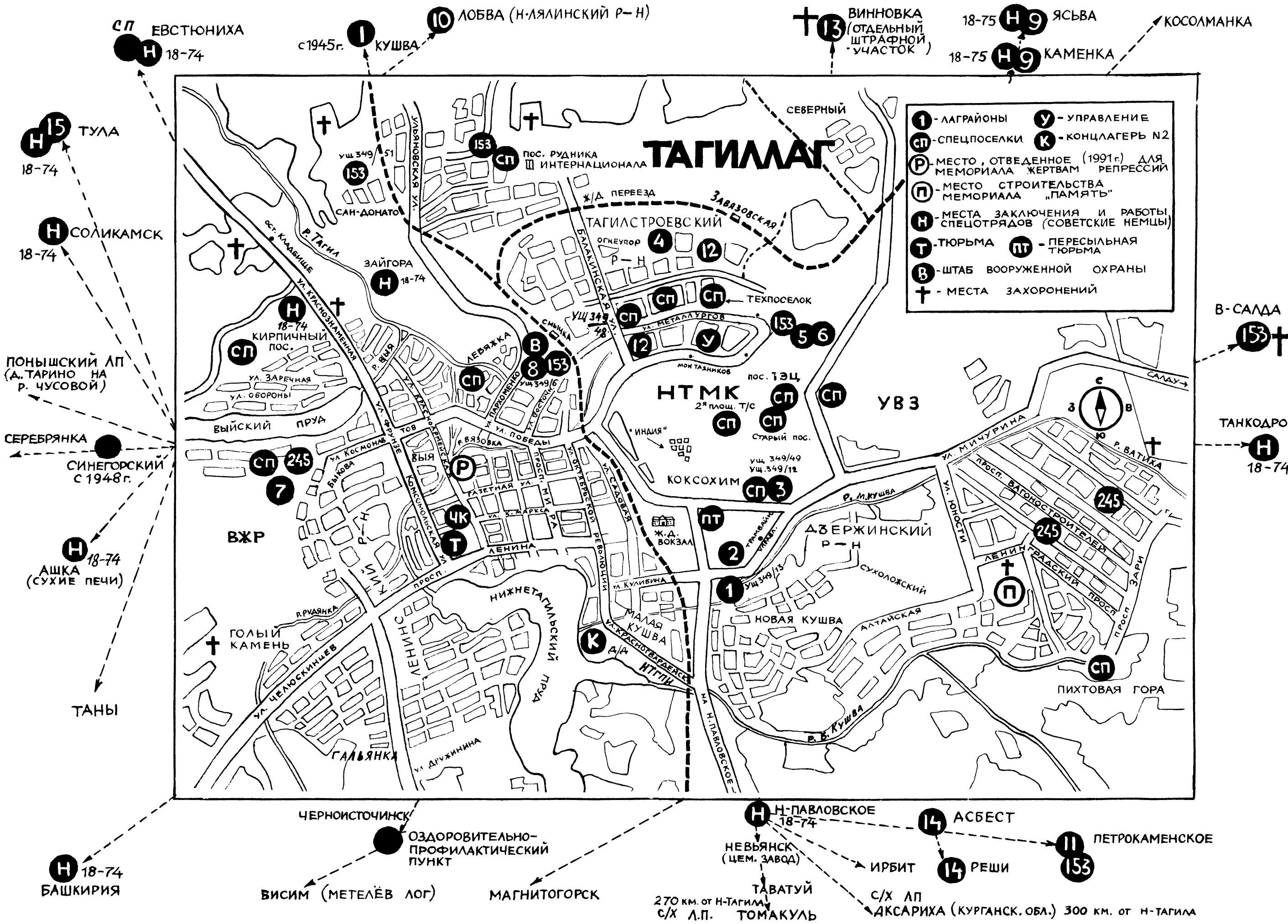
Наименование подразделений	Списочный состав	Группа «А»	% к списочному составу	Инвалиды и ОПП
1-й район	4.232	2.330	66,8	741
2-й район	2.425	1.367	72	533
3-й район	2.178	1.713	75,9	461
6-й район	5.284	2.438	77,8	2.148
7-й район	3.214	952	74,0	1.928
8-й участок	3.822	1.367	55,2	1.347
9-й район	1.401	889	75,4	222
10-й участок	1.098	612	69,8	221

* НТФ ГАСО. Ф. 229. Оп. 1. Д. 338.

11-й район	1.875	1.419	85,5	214
13-й участок	895	329	60,3	349
Отд. участок ОЖДТ	472	354	85,7	59
Лагпункт Томакуль	94	—	—	94
Черноисточинский район	1.447	284	57,6	953
Итого:	30.424	15.144	71,6	9.388
Кроме того, трудмобили-				
зованные немцы:				
Отряд № 18-74	2.681	2.048	—	5
Отряд № 18-75	301	258	—	—
Сенокосение (подкомандировка):	330	278	—	—
Итого:	3.312	2.584	—	5

Лагерные кадры — руководящими кадрами лагерь обеспечен полностью. Работники в основном своему назначению соответствуют.

- 1 - ЛАГРАЙОНЫ
- 2 - СПЕЦПОСЕЛКИ
- 3 - МЕСТО, ОТВЕДЕННОЕ (1991г.) ДЛЯ МЕМОРИАЛА ЖЕРТВАМ РЕПРЕССИЙ
- 4 - МЕСТО СТРОИТЕЛЬСТВА МЕМОРИАЛА "ПАМЯТЬ"
- 5 - МЕСТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ И РАБОТЫ СПЕЦОТЯДОВ (СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ)
- 6 - ТЮРЬМА
- 7 - ШТАБ ВООРУЖЕННОЙ ОХРАНЫ
- 8 - МЕСТА ЗАХОРОНЕНИЙ
- 9 - УПРАВЛЕНИЕ
- 10 - КОНЦЛАГЕРЬ N2
- 11 - ПЕРЕСЫЛЬНАЯ ТЮРЬМА

СП ЕВСТЮНИХА
18-74

с 1945г. 1 КУШВА
10 ЛОБВА (Н-ЛЯЛИНСКИЙ Р-Н)

13 ВИННОВКА
(ОТДЕЛЬНЫЙ ШТРАФНОЙ УЧАСТОК)

18-75 9 ЯСЬВА
18-75 9 КАМЕНКА
КОСОЛМАНКА

15 ТУЛА
18-74

СОЛИКАМСК
18-74

ПОНЫШСКИЙ ЛП
(А. ТАРИНО НА Р. ЧУСОВОЙ)

СЕРЕБРЯНКА
СИНЕГОРСКИЙ
с 1948г.

18-74
АШКА
(СУХИЕ ПЕЧИ)

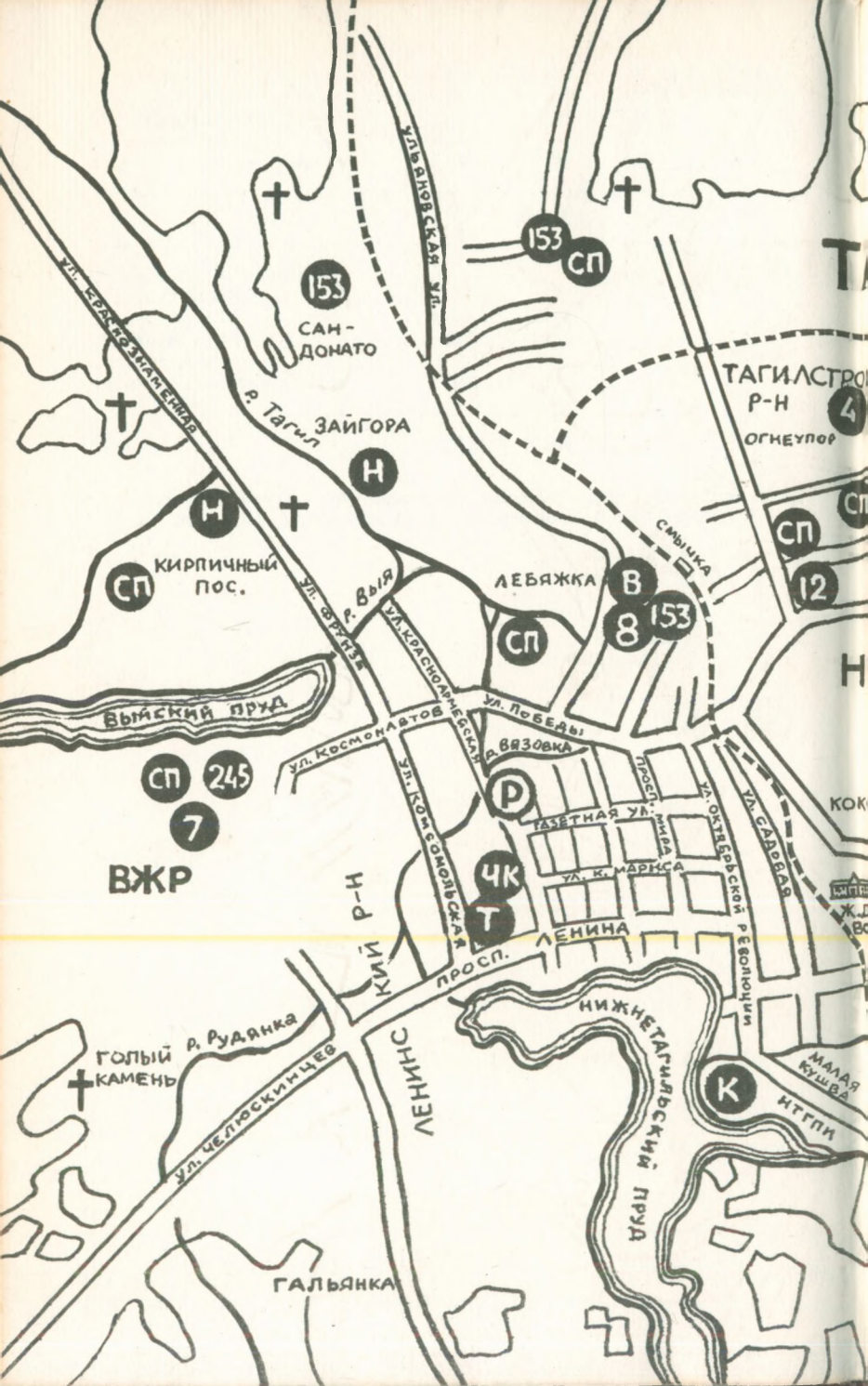
ТАНЫ

18-74
БАШКИРИЯ

ЧЕРНОИСТОЧИНСК
ОЗДОРОВИТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ ПУНКТ
ВИСИМ (МЕТЕЛЁВ ЛОГ)
МАГНИТОГОРСК

Н-ПАВЛОВСКОЕ
18-74
НЕВЬЯНСК (ЦЕМ. ЗАВОД)
ТАВАТУЙ
270 км. от Н-ТАГИЛА
С/Х ЛП. ТОМАКУЛЬ

14 АСБЕСТ
ИРБИТ
14 РЕШИ
С/Х ЛП АКСАРИХА (КУРГАНСК. ОБЛ.) 300 км. от Н-ТАГИЛА
11 ПЕТРОКАМЕНСКОЕ
153

153

САН-ДОМАТО

ЗАЙГОРА

р. Тарга

УЛЬЯНОВСКАЯ УЛ.

153

СП

СП

КИРПИЧНЫЙ ПОС.

Н

УЛ. БУРЖУА

Н

ЛЕБЯЖКА

СП

В

8

ТАГИЛСТРОИ

Р-Н ОГНЕУПОР

4

СП

12

Вьянский пруд

СП

245

7

ВЖР

УЛ. КОСМОНАВТОВ

УЛ. КРАСНОМАЙСКОГО

УЛ. ПОБЕДЫ

ВЯЗОВКА

П

ГАЗЕТНАЯ УЛ.

УЛ. К. МАРКСА

ЧК

Т

ЛЕНИНА

УЛ. КОМОМЕНСКОГО

ЛЕНИНС

ПРОСП.

НИЖНЕТАГИЛЬСКИЙ ПРУД

К

УЛ. ОКТЯБРСКОЙ Р. ВОЛКОВИЧИ

УЛ. САВВАЯ

КОК

Ж.Д. ВО

МАЛАЯ КУШВА

ИТГИИ

ГОЛЫЙ КАМЕНЬ

р. Рудаянка

УЛ. ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

ГАЛьянка

СЕВЕРНЫЙ

ТАГИЛЛАГ

ЗАВЯЗОВСКАЯ

РОСОВСКИЙ

4

12

СП СП ТЕХПОСЕЛОК

У

153

5

6

пос. ТЭЦ

НТМК

СП

СП

УВЗ

С

З

Ю

В

р. Ватиха

ОКСОХИМ

СП 3

р. МАЛАЯ КУШВА

УЛ. МИЧУРИНА

ПРОСП. ВАГОНОСТРОИТЕЛЕЙ

245

ПТ
Ж.Д.
ВОКЗАЛ

2

АЗЕРЖИНСКИЙ
Р-Н

УЛ. КОРОСТОВА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПРОСП.

245

+

П

ПРОСП. ЗАРЯ

НОВАЯ КУШВА

АЛТАЙСКАЯ

СП

ПИХТОВАЯ ГОРА

р. БОЛЬШАЯ КУШВА

